

«Чем свободнее, чем искреннее верующий разум в своих естественных движениях, тем полнее и правильнее стремится он к божественной истине».

И. Киреевский

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ 7/2018

Новомученики
и исповедники
Церкви Русской

100-летие Голгофы
Дома Романовых

Христианская
культурология

Русская
религиозная
философия

Православная
педагогика

Поэтическая
страница

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ 7/2018

*Журнал Отдела
религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской
епархии*

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации,
Исполнительный директор Центра
подготовки церковных специалистов при СПбДА
«Епархиальные курсы религиозного образования и катехизации
имени св. прав. Иоанна Кронштадтского»
иерей Илия МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

иерей Игорь ИВАНОВ – научный консультант

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович – редактор-составитель,
научный консультант

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович – художественный редактор

МЕЖОВ Игорь Дмитриевич – консультант

ГОТОВСКАЯ Ольга Францевна – выпускающий редактор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

*Журнал издается при поддержке
Союза православных предпринимателей
(Санкт-Петербурге)*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ	
В. П. Филимонов «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе». К 100-летию мученической кончины протоиерея Философа Орнатского	5
О. Б. Сокурова Патриарший Местоблюститель. Митрополит Крутицкий Петр (Полянский) на фоне русской церковной истории XX века	26
100-ЛЕТИЕ ГОЛГОФЫ ДОМА РОМАНОВЫХ	
О. В. Чернова Святой страстотерпец врач Евгений Боткин	66
А. Н. Боханов Великий князь Сергей Александрович	85
Л. В. Куликова Великая княгиня Елисавета Феодоровна – покровительница духовного просвещения, образования и благотворительности.	132
Г. И. Гриб Царская семья на ниве милосердия	148
Монахиня Евстафия (Морозова) Подвиг верных царских слуг. Малоизвестные документы и новые источники	159
А. В. Барановский Князь Владимир Палей – поэт из рода Романовых	180
ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Священник Игорь Иванов «Я написал вам, юноши, потому что вы сильны...»	192
З. Н. Лемякина «А душа моя – Божья стезя». О духовном пути монахини Марии (Скобцовой).	199
А. С. Белоненко, О. Б. Сокурова Сыновья гармонии. Размышления о «Пушкинском венке» Георгия Свиридова	219

<i>Л. Н. Болтовская</i>	
Христианство в художественном мире Новалиса	239
<i>С. Ф. Тухленков</i>	
Русская музыкальная культура и православная духовность . . .	256
<i>С. В. Алексеев</i>	
Библия глазами соцреалиста	274
<i>В. О. Гусакова</i>	
«Памятник русской культуры» – Феодоровский городок в Царском Селе	281
РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>И. Б. Гаврилов</i>	
«Патриотический подвиг» Михаила Никифоровича Каткова. К 200-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя	301
ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА	
<i>А. Н. Удалов</i>	
Письменное наследие святителя Игнатия (Брянчанинова) с точки зрения воспитания христианина (православной педагогики)	344
ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА	
Царская семья в русской поэзии (<i>Н. С. Гумилев, С. А. Есенин, С. С. Бехтеев и др.</i>)	359
<i>Д. В. Кузнецов</i>	369
<i>О. А. Шульчева-Джарман</i>	374
<i>Я. Г. Батищева</i>	378
<i>А. Г. Иванов</i>	381
<i>Священник Игорь Иванов</i>	384
НАШИ АВТОРЫ	388

От редакции

Очередной выпуск журнала «Верующий разум» посвящен столетию Русской Голгофы и памяти новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в самом начале Гражданской войны.

В 2018 году исполнилось 150 лет со дня рождения и 100 лет с момента мученической кончины Императора Николая II и потому особое внимание уделяется Царской семье, а также людям, близким к ней – по родству, по убеждениям, по общей судьбе.

В номере отмечается и 200-летний юбилей М. Н. Каткова, выдающегося общественного и культурного деятеля, просветителя, охранителя традиционных начал русской жизни.

Ряд статей рассматривает вопросы современной педагогики, культурологии и искусствоведения в их связи с церковными культурой и наукой. Гармонический союз истины, красоты, добра и нравственного благородства всегда был свойственен русскому духовному аристократизму. Именно этими ценностями жили и за них же умирали лучшие представители нашей национальной культуры. Сможем ли мы понять и передать драгоценные, утвержденные великими трудами и подвигами идеалы далее по эстафете поколений? Это, наверное, одна из самых важных задач для верующего разума.

Традиционно представленная в журнале поэтическая подборка свидетельствует о том, как эти идеи отражаются в творчестве авторов двух веков – минувшего и настоящего.

В. П. Филимонов

«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»¹

К 100-летию мученической кончины протоиерея Философа Орнатского

Непостижимые духовные подвиги священномученика протоиерея Философа Николаевича Орнатского наши современники по сей день еще не оценили во всей полноте. Осмыслить и понять все их величие невозможно в отрыве от главных исторических и общественно-политических событий, которые происходили в России и Русской Православной Церкви в исследуемый период времени.

Служение отца Философа пришлось на один из самых сложных этапов истории Государства Российского – отступление значительной части народа от веры отцов и расшатывание основ самодержавия в конце XIX – начале XX века, русско-японская война, первая русская революция 1905–1907 годов, революционный терроризм 1901–1911 годов, Первая мировая война, февральский и октябрьский перевороты 1917 года и начало открытых гонений на Русскую Православную Церковь. Особой духовной мудрости и необыкновенного мужества требовало тогда многотрудное служение отца Философа.

*Священномученик протоиерей
Философ Орнатский. Фото 1915 г.*

Кому-то может показаться невероятным огромное количество благих деяний этого дивного пастыря. Выдающийся просветитель, в течение двадцати шести лет возглавлявший Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви; известный благотворитель и храмоздатель; богослов-молитвенник и духовный писатель; издатель, редактор и цензор семи духовных журналов и множества душеполезных книг; депутат Санкт-Петербургской Городской Думы от духовного ведомства и член ряда Синодальных и Правительствен-

¹ Флп. 4, 13.

ных комиссий в течение двадцати пяти лет; опытный духовный наставник и всероссийский оратор, которого по праву называли Златоустом своего времени.

Вся жизнь отца Философа – это непрерывный подвиг во славу Божию.

Под духовным окормлением батюшки находились тысячи людей, ищущих спасения, в том числе студенты Санкт-Петербургской духовной академии, впоследствии прославленные во святых, а также выдающиеся архиереи Русской Православной Церкви.

Отец Философ Орнатский был первым духовным наставником священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского; святителя Серафима (Соболева), архиепископа Богучарского; священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского; священномученика Амвросия (Гудко), епископа Сарапульского; священномученика Иоанна Кочурова, пресвитера Царскосельского; митрополитов: экзарха Русской Православной Церкви в США Вениамина (Федченкова); Японского Сергия (Тихомирова); Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича); Ленинградского Григория (Чукова); архиепископов: Полтавского и Переяславского Феофана (Быстрова); Казанского и Свияжского Венедикта (Плотникова) и других известных церковных деятелей, которые многому научились от отца Философа. Он воистину был одним из тех духовных вождей народа, которых Господь наш Иисус Христос называет солью земли и светом мира (Мф. 5, 13–14).

Протоиерей Философ Николаевич Орнатский родился 21 мая/3 июня 1860 года в Троицкую родительскую субботу и день празднования Владимирской иконы Пресвятой Богородицы на погосте Новая Ёрга (Поповка) Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье сельского священника Николая Платоновича Орнатского. Во Святом Крещении младенец получил имя в честь святого мученика Философа Александрийского (память 31 мая/13 июня), пострадавшего в III веке при римском императоре Декии.

Первые уроки самоотверженного служения Господу и ближним Философ Орнатский получил в родительском доме – для многих жителей окрестных сел и деревень погост Новая Ёрга был духовно-просветительным и благотворительным центром. В нем находились храм в честь Богоявления Господня, часовня, церковно-приходская школа и церковно-приходское попечительство. Родом занятий жителей погоста было церковное служение, пространство просвещения и помощь всем страждущим.

С детских лет Философ помогал старшим в храме, школе и участвовал в деле призрения немощных и неимущих. Так определился его жизненный путь: после окончания Белозерского духовного училища (1874) и Санкт-Петербургской духовной семинарии (1881) Философ Орнатский поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую блестяще окончил в 1885 году со степенью кандидата богословия, с правом, при соискании степени магистра богословия, не держать нового устного испытания.

По окончании Академии в числе лучших студентов Философ Николаевич был оставлен в Санкт-Петербурге и 21 июня 1885 года определен на вакансию священника и законоучителя в церкви в честь иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали» при детском приюте Принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

17 июля 1885 года Философ Николаевич вступил в законный брак с Еленой Николаевной Заозерской – дочерью Николая Михайловича Заозерского, иподиакона митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского Исидора (Никольского). Вскоре Философ Николаевич был рукоположен епископом Аксайским Серафимом (Жемчужниковым) во диакона – 26 июля, во пресвитера – 28 июля 1885 года и приступил к трудам на ниве Божией.

От Господа был дан отцу Философу дар живого слова, дар проповеди народу вечных истин Христова Евангелия. Воспринял от Бога молодой пастырь и другой талант – незаурядные организаторские способности. Развивая и приумножая год от года дары Божии, он быстро привлек к себе особое внимание верующего народа и начальствующих – церковных и светских властей. Его слова достигали людских сердец, помогали спасению многих заблудших и отчаявшихся. Он становится во граде святого апостола Петра одним из самых известных проповедников, к которому устремлялись верующие из разных концов столицы.

*Философ Орнатский
до принятия сана*

В 1885 году молодой священник вступает в Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви (в дальнейшем – Общество) и в 1890 году становится членом его Совета, а 4 мая 1892 года тайным голосованием отец Философ был избран председателем Общества, которое возглавлял в течение двадцати шести лет. На момент избрания ему было всего 32 года!

Под его руководством Общество превратилось в мощную духовно-просветительскую и благотворительную организацию, имевшую свои храмы, школы, библиотеки, типографии, книжные склады и магазины, учреждения общественного призрения, предприятия общественного питания, доходные дома и многое другое.

Еще в 1891 году по инициативе отца Философа на углу улиц Николаевской (ныне Марата) и Стремянной был заложен и в 1893 году освящен первый каменный храм Общества на 1500 человек в честь Пресвятой и Живоначальной Троицы и в память о чудесном спасении Царской семьи в Борках.

Настоятелем был избран один из ближайших сподвижников отца Философа Орнатского священник Павел Николаевич Лахостский.

Так было положено начало созданию первого духовно-просветительского центра Общества. В 1894–1895 годах было построено примыкавшее к храму здание с залом для духовных бесед и собраний Общества на 1500 человек. В дальнейшем в этом зале происходили многие важнейшие события в церковно-общественной жизни России и Санкт-Петербурга. В том же здании размещались также помещения для Совета Общества и различных его подразделений. Со временем на Стремянной улице в доме № 20 был выстроен дом Общества, где разместились бесплатная духовная библиотека с читальным залом, воскресная и церковно-приходская школы, центральный книжный склад Общества и магазин.

26 августа 1892 года священник Философ был назначен настоятелем построенного при его непосредственном участии великолепного храма во имя преподобномученика Андрея Критского при Экспедиции Заготовления Государственных Бумаж (ныне АО «Гознак»). В этом храме батюшка служил более двадцати лет.

Все шире становился круг различных общественных обязанностей отца Философа, которые он воспринимал с истинным смирением и кротостью как послушание Самому Господу нашему Иисусу Христу. 22 апреля 1893 года священника Орнатского избирают гласным (*депутат с правом решающего голоса*) от духовного ведомства в Санкт-Петербургскую Городскую Думу. И на этом поприще столичного общественного управления неутомимый пастырь подвизался с полной отдачей сил в течение четверти века. И первым же начинанием, с которым выступил отец Философ в столичной Думе, было письменное ходатайство от имени Совета Общества религиозно-нравственного просвещения о необходимости праздничного отдыха для торговых людей. В документе говорилось, что вопрос о праздничном отдыхе есть вопрос об исполнении людьми заповеди Божией о покое и посвящении Богу седьмого дня (Исх. 20, 8–10) и касается он не одного какого-либо сословия, а всего народа.

Выдающиеся пастырские и педагогические способности отца Философа определили еще одно направление его деятельности. В январе 1894 года он избирается членом городской Комиссии по народному образованию и председателем аналогичной комиссии по Нарвской части Санкт-Петербурга.

В Нарвской части столицы, где располагались многие крупные предприятия и проживало много рабочих, нуждавшихся в духовном окормлении, желавших духовного совета и душеполезного слова, было всего два крупных приходских храма. Понимая насущную необходимость создания духовного центра Общества в Нарвской части, отец Философ выносит этот вопрос на заседание Городской Думы. Официальный текст решения Думы гласит: «*По ходатайству Председателя Общества распространения религиозно-нравственного просвещения священника Ф. Н. Орнатского в заседании от 20 мая*

1894 года Санкт-Петербургская Городская Дума согласилась предоставить Обществу 1000 квадратных сажен городской земли, состоящей в 1-м участке Нарвской части Санкт-Петербурга по набережной Обводного канала, 116, для построения на сем месте каменной церкви на 5000 человек, зала при ней для ведения духовных бесед и бесплатной библиотеки с читальным залом при оной. К этому участку по ходатайству о. Иоанна Кронштадтского пред Министром Путей Сообщения г. Кривошеиным также безвозмездно присоединен смежный участок из земель железной дороги под постройку церковного дома».

На место закладки Общество перенесло временный деревянный храм со Стремянной улицы, который был собран за короткое время и 27 ноября 1894 года освящен в честь Воскресения Христова митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Палладием (Раевым) при участии отца Иоанна Кронштадтского. Так было ознаменовано начало создания второго проповеднического центра Общества.

Уже к 1897 году при храме был построен прекрасный трехэтажный каменный дом, где разместились церковно-приходская и воскресная школы, бесплатная библиотека с читальным залом, миссионерские курсы, обширный зал для духовных бесед. При храме был создан многочисленный церковный народный хор, состоявший более чем из ста человек. Подобный же хор появился и при Троицком храме Общества на Стремянной улице.

Неуклонно расширяется сеть проповеднических пунктов Общества, причем организуются они не только при храмах, но и при заводах, фабриках, ночлежных домах и богадельнях на рабочих окраинах Петербурга – на Выборгской стороне, на Охте, за Нарвской и Невской заставами, а также в пригородах столицы.

В 1894 году существовало уже около пятидесяти проповеднических пунктов Общества, в каждом из которых собиралось на духовные беседы от 300 до 600 слушателей. Всего за год было проведено почти 3500 бесед, на которых побывало 1 582 000 слушателей.

В 1894 году в жизни Общества и его Председателя произошло еще одно знаменательное событие – по благословию митрополита Палладия (Раева) было начато издание первого собственного еженедельного журнала «Санкт-Петербургский Духовный Вестник» с известиями по Санкт-Петербургской епархии. Редактором нового журнала 30 ноября 1894 года был избран священник Философ Орнатский.

Кроме этого журнала, под непосредственным руководством отца Философа Орнатского в течение двух десятилетий в Петербурге выходило в разное время еще шесть православных журналов: «Церковный голос», «Православно-русское слово», «Воскресный благовест», «Отдых христианина», «Трезвая жизнь» и «Кронштадтский пастырь» объемом до 2000 страниц в год каждый (!)

По милости Божией с первых дней своего служения в Петербурге проиерей Философ стал одним из ближайших учеников святого праведного

*Отец Философ Орнатский
с батюшкой Иоанном Кронштадтским*

молитвой. Постоянно вносил отец Иоанн в дела Общества свою лепту и как щедрый благотворитель.

Отец Иоанн доверил отцу Философу свою в высшей степени важную переписку с Вышенским затворником, епископом Феофаном (Гворовым). Переписка касалась самого возвышенного вопроса богословия – учения о Пресвятой и Живоначальной Троице. При этом один из сих мужей находился в самом живом русле церковно-общественной и народной жизни, а другой был истинным аскетом-отшельником. Несомненно, что такое послушание отца Философа Орнатского свидетельствует о высочайшей его духовности и исключительной степени доверия к нему отца Иоанна Кронштадтского.

Благодатное общение с батюшкой Иоанном, вне всякого сомнения, служило для отца Философа источником сил и вдохновения. Ведь какой энергией должен был обладать молодой священник, чтобы совмещать многогранное общественное служение с исполнением пастырских обязанностей и преподавательской деятельностью! Порою остается только удивляться, как у него на все хватало времени... А ведь были еще заботы и попечения семейные, житейские. К 1895 году в семье Орнатских было уже пятеро детей: Николай, Борис, Владимир, Вера и Лидия. А в последующие тринадцать лет родилось еще пятеро: Мария, Сергей, Елена, Александр и Константин. Материальное положение семьи было весьма непростое. Однако отец Философ и Елена Николаевна с молодых лет привыкли вести весьма скромный образ жизни, довольствуясь самым необходимым. Для

Иоанна Кронштадтского и пользовался особой его любовью. Кронштадтский пастырь очень часто служил в храме отца Философа, бывал у него в доме.

С батюшкой Иоанном отец Философ был связан еще и узами родства. Младший брат отца Философа, священник Иоанн Орнатский, был женат на племяннице великого кронштадтского праведника Анне Малкиной. Братья Орнатские, глубоко почитавшие отца Иоанна, имели в его лице несравненного духовного наставника и дивный пример для подражания.

Как почетный член Общества религиозно-нравственного просвещения, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев принимал самое живое участие во всех важнейших начинаниях Общества. Все они освящались его благословением и

детей своих они всегда были живым примером исполнения заповедей Евангелия.

Батюшка очень любил свою семью. Она была для него понятием святым. По воспоминаниям дочери, Веры Философовны Орнатской, отец Философ всю свою жизнь очень нежно относился к детям, всегда был с ними ласков. В то же время он разговаривал с детьми как с равными, помогал им, вникал в их проблемы.

Множество общественных званий и должностей известного пастыря, порою весьма громких и почетных, средств к существованию не приносило. Протоиерею Философу приходилось постоянно подрабатывать частными уроками, что, конечно же, отражалось на его здоровье. Об этом никто даже не догадывался, всегда все видели отца Философа бодрым и радостным, благодарящим Бога за все.

Спасали и укрепляли вера, молитвенная поддержка батюшки Иоанна Кронштадтского, других сподвижников протоиерея Философа, любовь и теплое отношение к нему многочисленной паствы.

После создания духовно-просветительного центра при Воскресенском храме у Варшавского вокзала отец Философ возгорелся идеей создать третий духовный центр Общества на Выборгской стороне. В этом обширном рабочем районе, где находилось множество заводов и фабрик, имелась единственная Сампсониевская церковь.

Третий храм Общества был заложен в день Праздника Вознесения Господня, 14 мая 1898 года, епископом Ямбургским Вениамином (Муратовским). Этому событию предшествовал редкий по своему величию многолюдный крестный ход во главе с владыкой и отцом Философом от Воскресенской церкви к месту закладки. Он проследовал через всю столицу, и к нему присоединились десятки тысяч людей. Уже 1 ноября епископ Нарвский Иоанн (Кратиров) с участием отца Иоанна Кронштадтского освятил главный престол прекрасного деревянного храма в древнерусском стиле на 2000 человек во имя святого Иоанна Предтечи. Полностью храм был освящен 19 декабря 1898 года.

А 14 ноября 1898 года в послужном списке священника Философа Орнатского появляется запись: *«Возведен в сан протоиерея во внимание отличной усердной и полезной деятельности по званию Председателя Общества религиозно-нравственного просвещения и особым трудам по построению трех храмов сего Общества»*. А в целом стараниями неутомимого пастыря в столице Российской империи и ее окрестностях с 1891 по 1912 год было возведено 12 благолепных храмов Общества и устроены при них духовно-просветительные центры и благотворительные учреждения.

В том же 1898 году при Воскресенском храме Общества образовалось, как одно из учреждений Общества, Александрo-Невское общество трезвости.

Его основателем стал духовный сын отца Философа Орнатского, молодой священник Александр Рождественский. В своем начинании он полностью опирался на руководство и духовную поддержку отца Философа.

Каждый вступающий в общество трезвости давал особое торжественное обещание в присутствии священника и других поборников трезвости перед иконой святого благоверного князя Александра Невского о воздержании от спиртного во имя спасения своей души и ради благого примера ближним.

В самое короткое время это общество приобрело широкую популярность среди жителей столицы. Число членов общества вскоре достигло 70 600 человек.

Со временем начали открываться отделения Александро-Невского общества трезвости по всей России. В Петербурге трезвенники часто устраивали торжественные крестные ходы от Воскресенского храма в Троице-Сергиеву пустынь, Александро-Невскую лавру и к Казанскому собору с участием митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) и отца Философа Орнатского. Обращаясь к отцу Философу, руководители Александро-Невского общества говорили: *«Своею жизнью и расцветом наше общество обязано прежде всего Вам... Вы всегда находились в самом живом и непосредственном единении с нашим обществом, служа ему и молитвой, и силой своего вдохновенного учительного слова, и богатством своего опыта, являясь для нас всегда в потребных случаях мужем совета и разума».*

В конце XIX века в Петербурге проживало более 4000 православных эстонцев, многие из которых вынашивали идею создания своего храма с православным богослужением на их родном языке. Решить эту задачу на деле помог им протоиерей Философ. Прежде всего, он оказал помощь члену Совета Общества религиозно-нравственного просвещения отцу Павлу Кульбушу, задумавшему создать Православное эстонское братство, в составлении его устава и сам представил этот документ митрополиту Антонию (Вадковскому), объяснив, для чего необходимо учредить братство. Так, в январе 1899 года в Петербурге родилось Православное эстонское братство во имя священномученика пресвитера Исидора Юрьевского, товарищем Председателя которого был избран отец Философ Орнатский. Он же, как гласный Городской Думы, помог братству бесплатно получить от города ценный участок земли для строительства храма и духовно-просветительного центра при нем на углу Екатерингофского проспекта и Большой Мастерской улицы, а также безвозмездное денежное пособие в сумме 25 000 рублей. Вскоре на отведенном братству участке вырос временный деревянный храм. Настоятелем храма был назначен священник Павел Петрович Кульбуш.

В том же 1899 году протоиерея Философа Орнатского избирают членом городской Комиссии по благотворительности и председателем аналогичной комиссии по Нарвской части столицы.

Постановлением Санкт-Петербургской Городской Думы от 22 января 1899 года была открыта 3 марта бесплатная библиотека-читальня в память

М. В. Ломоносова, действующая по сей день. Ее организатором и первым директором в течение 13 лет был протоиерей Философ Орнатский.

«По-видимому, деятельность Ваша не знает границ, – писали отцу Философу члены Александро-Невского общества трезвости, – по крайней мере, она не уместится в тесных, обыденных рамках. С поразительным сочувствием Вы отзываетесь и идете на всякое живое дело, хотя бы оно выходило из круга Ваших прямых обязанностей, раз этого требуют правильно осознанные интересы и благо Церкви Православной. “Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых” (1 Кор. 9, 22) – эти слова святого апостола Павла Вы с полным правом могли бы приложить к себе».

Сам же отец Философ любил повторять другие слова святого апостола Павла: *«Сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12, 9) – и призывал всех воздавать честь и славу всемогущей благодати Христовой.

Новый, 1900 год принес отцу Философу новые назначения. В частности, в качестве члена Комиссии по вопросу о надлежащей постановке преподавания Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения и ряда других.

Главным подвигом отца Философа в 1900 году явилось возведение храма во имя преподобного Сергия Радонежского на Новосивковской улице, 20 (ныне улица Ивана Черных). Это была густонаселенная промышленная окраина у Нарвской заставы столицы, где в ту пору не было ни одного храма Божия. По благословению владыки Антония (Вадковского) был создан строительный комитет, который возглавил протоиерей Философ Николаевич Орнатский. В короткий срок он сумел создать и сплотить приход строящейся церкви, решить все вопросы, касающиеся проектирования и строительства. 8 июня 1900 года были совершены освящение и закладка нового храма, который строился на добровольные пожертвования прихожан и благотворителей. Уже 19 ноября епископом Нарвским Никоном (Софийским) был освящен его главный престол, а 29 декабря – престол придела в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Великолепный деревянный храм в русском стиле на 2000 человек был возведен всего за шесть с половиной месяцев.

Год 1901-й... Вновь спешит неутомимый служитель Христов сделать как можно больше дел во славу Божию и на пользу ближним. Прежде всего, с января 1901 года при непосредственном участии отца Философа было начато издание ежемесячного иллюстрированного журнала Александро-Невского общества трезвости «Отдых христианина» с приложением к нему под названием «Трезвая жизнь». Объем этого душеполезного издания составлял 160 страниц. Как и во многих других случаях, благословение новому литературному начинанию преподал отец Иоанн Кронштадтский.

Цензором новых духовных журналов был назначен протоиерей Философ Орнатский. Это послушание он исполнял вплоть до 1918 года.

Следующим большим делом отца Философа в 1901 году было построение церкви во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Лесном. Лесное в ту пору было живописным пригородом Петербурга, куда на лето, как в дачное место, выезжали многие горожане. Там же находился целый ряд детских оздоровительных учреждений от столичных благотворительных обществ и братств. Для множества верующих людей построение храма в этой местности было насущной необходимостью.

В конце 1900 года был образован строительный комитет, главой которого вновь был избран отец Философ Орнатский. Работы начались ранней весной 1901 года. Прекрасный деревянный храм в древнерусском стиле на 1000 человек был возведен всего за два с половиной месяца. 17 июня 1901 года, практически к началу оздоровительного сезона, он был освящен епископом Нарвским Никоном (Софийским).

Успешно шли дела Общества религиозно-нравственного просвещения. В его состав уже входило 15 почетных членов, 65 пожизненных членов, 166 членов-деятелей, 116 студентов-проповедников, 965 членов-соревнователей и 341 участник церковных народных хоров. За год члены-деятели провели 4480 душеполезных бесед, на которых побывало почти два миллиона слушателей.

Обществом и его учреждениями ежегодно издавалось до ста наименований душеполезных книг и брошюр, общим тиражом до 1 миллиона экземпляров (!) Цензором всех вышеуказанных изданий был отец Философ...

С 1 января 1902 года Общество, руководимое протоиереем Философом, начало издавать еще один духовный и церковно-общественный журнал – «Православно-русское слово». В объявлении о подписке говорилось: *«Журнал имеет целью служить религиозно-нравственному просвещению русского общества и защите православной истины от враждебных к ней отношений»*. Цензором журнала вновь был назначен отец Философ Орнатский.

К сему в 1902 году прибавились и другие послушания, что видно из служебного списка батюшки: *«Состоял членом: 1. Комиссии для составления Устава средней общеобразовательной школы. 2. Подкомиссии для составления программ преподавания Закона Божия в средней школе. 3. Комиссии по составлению правил для кладбищ: Волковского, Митрофаньевского и Смоленского. 4. Председателем Комиссии для точного определения границ и составления нового полного расписания и карты православных приходов Санкт-Петербурга и пригородов»*.

В марте того же года отца Философа избирают членом Совета находящегося под Августейшим Покровительством Государыни Императрицы Александры Феодоровны братства во имя Царицы Небесной для призрения детей слабоумных и эпилептиков, в делах которого он также принимает самое деятельное участие. Впоследствии Высочайшим Указом батюшка был назначен еще и товарищем Председателя Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества, также находившегося под Августей-

шим Покровительством Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Как и в прежние годы, регулярно проводились лекции и духовные беседы на проповеднических пунктах Общества религиозно-нравственного просвещения. Был введен специальный курс бесед для людей образованных в светском понимании этого слова. В них принимали участие ректор Санкт-Петербургской духовной академии, епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), впоследствии Святейший Патриарх Московский и всея Руси, а также ученик отца Философа – инспектор Академии, архимандрит Феофан (Быстров), впоследствии архиепископ Полтавский и Переяславский.

В списках Общества за 1902 год состоит и ректор Самарской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Казанский), как видим, не забывавший своей учебы в Санкт-Петербургской духовной академии и работу в Обществе в качестве студента-проповедника.

Встречи представителей ученого монашества со стремившейся к воцерковлению частью русской интеллигенции, вне всякого сомнения, приносили большую пользу делу укрепления православной веры.

По инициативе Председателя Совет Общества распространения религиозно-нравственного просвещения получил право, по благословению высокопреосвященного Покровителя Общества, устраивать, по мере надобности, пастырские собрания столичного духовенства. Обсуждались явления в общественной жизни, которые противоречили духу и уставам Православной Церкви, и предлагались действенные меры для устранения подобных явлений.

Стараниями отца Философа были вызваны к жизни Религиозно-просветительный союз и Христианское содружество учащейся молодежи, действовавшие в рамках устава Общества.

В 1903 году Господь даровал отцу Философу великое утешение. Как ревностный поборник канонизации нового русского святого – старца Серафима Саровского – отец Философ с 5 по 23 июля был командирован в Саров для участия в торжествах открытия святых мощей и прославления преподобного Серафима. В те памятные дни протоиерей Философ Орнатский сослужил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию и произнес в различных храмах Саровской обители семь слов и поучений, в том числе в присутствии Государя Императора и членов Августейшей Фамилии. Эти дивные проповеди затем были изданы под названием «Саровские поучения протоиерея Философа Орнатского». В них – удивительные образцы живого богословия, глубочайшее знание сокровенных сторон иноческой жизни, искренний призыв к послушанию Матери Церкви и к жизни во Христе.

После приезда отца Философа из Саровской обители в Петербург в его послужном списке появляется запись: «Удостоен Высочайшей благодарно-

Преподаватели технической школы

сти Государя Императора за произнесенную в Высочайшем присутствии в Успенском соборе в Саровской пустыни 18 июля 1903 года проповедь».

1 сентября 1903 года при Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг была открыта Техническая школа, в организации которой принимал деятельное участие протоиерей Философ Орнатский как председатель Комиссии по составлению программ общеобразовательных предметов. Он же был назначен тогда штатным законоучителем школы и, с разрешения министра финансов, временно заведующим Технической школой.

И на этом поприще отец Философ показал себя деятельным и весьма полезным работником. Его удивительные организаторские способности и редкий педагогический талант буквально вдохнули жизнь в новое учреждение, ибо в новое дело, как и во все прочие дела, он вложил частицу своего сердца, частицу своей души. Новое назначение несколько улучшило нелегкое материальное положение семьи Орнатских, так как батюшка при этом получил надбавку к своему жалованию по Экспедиции.

В течение десяти лет отец Философ был директором и преподавателем школы. Под его руководством она превратилась в одно из лучших средних технических учебных заведений России. На 18 отделениях обучалось более 600 учащихся. В состав преподавателей входило 45 опытных специалистов.

В 1903 году графиня Ольга Викторовна Левашова принесла в дар Обществу значительный земельный участок вблизи платформы Графской по Финляндской железной дороге. Здесь решено было устроить колонию (оздорови-

тельный лагерь) имени Императора Александра III для летнего отдыха бедных учеников школ Общества, а при колонии соорудить храм во имя преподобного Серафима Саровского.

Потомственный почетный гражданин купец Иван Иванович Труснов пожертвовал Обществу дом с 1189 квадратными саженьями земли в селе Александровском за Невской заставой для устройства в нем: церкви во имя преподобного Серафима Саровского, зала для ведения духовных бесед и школы-приюта для бедных детей той местности. Уже в ноябре в Александровском был открыт и освящен зал для духовных бесед на 1000 человек, украшенный иконами и хоругвями. Второй этаж дома решено было после соответствующей перепланировки превратить в храм.

Тогда же Обществу удалось открыть еще один крупный зал на Большой Охте. На участке земли, подаренном Обществу купцом П. В. Пантелеевым на углу Панфиловой улицы и Полевой дороги, по благословению отца Иоанна Кронштадтского удалось возвести здание, в одной части которого разместился зал для бесед, вмещавший до 1000 человек, в другой предполагалось со временем открыть еще один храм. Советом Общества была образована специальная комиссия по его постройке.

Деятельность руководимого протоиереем Философом Общества приняла всероссийский характер. По его примеру и при его поддержке подобные общества открылись в Москве, Киеве, Харькове, Варшаве и других городах Российской империи.

Во внимание к многим заслугам, 27 декабря 1903 года Председатель Общества был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества.

В 1904 году Господь послал России тяжелое испытание – с вероломного нападения японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре началась русско-японская война. Речь перед молебном в Казанском соборе 1 февраля, после прочтения Высочайшего Манифеста о войне с Японией, произнес протоиерей Философ Орнатский. «Борьба змия с Агнцем» – так называлось это слово, обнажившее духовный смысл начавшейся войны.

По случаю бедствия, постигшего Отечество, Совет Общества религиозно-нравственного просвещения принял решение перечислить все наличные средства Общества в фонд укрепления русской армии и флота. В первые же дни начавшейся войны Обществом было пожертвовано более 5000 рублей. Затем был организован постоянный сбор пожертвований на всех проповеднических пунктах Общества, которых тогда было уже более восьмидесяти.

Несмотря на все скорби и невзгоды, неуклонно увеличивалось число духовно-просветительских центров Общества и строились новые храмы.

В канун годовщины обретения мощей и прославления преподобного Серафима, 18 июля 1904 года состоялось торжество освящения прекрасного по архитектуре храма во имя преподобного Серафима Саровского на станции

*Прихожане и клир храма во имя преподобного Серафима Саровского
на станции Графская. Фото 1904 г.*

Графская. Настоятелем храма был назначен священник Иоанн Николаевич Орнатский, брат протоиерея Философа.

Множество дачников и жителей ближайших деревень собрались в тот день в новом Доме Божиим. Чин освящения храма и Божественную литургию совершил преосвященный Сергей (Страгородский), епископ Ямбургский, ректор духовной академии в сослужении протоиерея Философа Орнатского и других священнослужителей. Впоследствии в этом храме неоднократно служил протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский).

При Серафимовской церкви на Графской сразу же открылись воскресная школа и проповеднический пункт Общества. В дальнейшем Совет Общества планировал устроить при храме приют для бедных детей и богадельню по призрению престарелых членов Общества.

Через неделю, 25 июля 1904 года преосвященный Сергей при участии членов Совета Общества освятил закладку каменного храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала.

Кроме того, в 1904 году благочестивыми людьми была построена и передана Обществу церковь в честь Христа Спасителя на станции Дюны Приморской железной дороги, при которой был создан еще один духовный центр Общества.

А вскоре страну охватили волнения, направленные против богоустановленной Царской власти. Печальные события, происходившие в России в 1905–1907 годах, хорошо известны каждому. Враг спасения рода человеческого готовил их исподволь. И русско-японская война, и последовавшие за ней стачки, бунты и мятежи были попущены Господом за отступление значительной части русского народа от веры своих отцов. И вот безбожие заявило о себе совершенно открыто.

Труды протоиерея Философа Орнатского и его сподвижников в Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения стали тогда настоящим подвигом. Не подвиг ли, идти в то время с проповедью Божественной истины во взбудораженные рабочие районы? Не подвиг ли, обращаться к заблудшим со словами увещания, призывая их сохранять верность Государю Императору и законной власти? Не подвиг ли, в страшные годы войны и всероссийской смуты строить храмы Божии, издавать и распространять душеполезные книги и журналы?

По просьбе отца Философа уже в начале 1905 года митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний благословил совершать Божественную литургию в зале Общества на Большой Охте на походном антиминсе, а 6 февраля 1905 года там же им был освящен храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

С Пасхи 1905 года Божественная литургия совершалась на походном антиминсе и в зале Общества в селе Александровском за Невской заставой. В течение года второй этаж здания полностью перестроили и создали в нем уютный храм, который был освящен 19 марта 1906 года архиепископом Финляндским и Выборгским Сергием (Страгородским) во имя преподобного Серафима Саровского.

Вспоминая служение в залах Общества на походных антиминсах в годы волнений, отец Философ Орнатский писал: *«Общество ведет борьбу с религиозным невежеством и пороком и иногда пользуется в богослужебной своей практике теми же способами, которые практикуются в этой области на полях сражений...»*

Несмотря на многие трудности, с января 1906 года Общество распространения религиозно-нравственного просвещения стараниями протоиереев Философа Орнатского и Павла Лахостского предприняло издание еще одного еженедельного журнала – «Церковный голос». В ту пору он стал воистину церковно-общественным набатом среди бурного моря страстей.

Своею пламенной живой верой отец Философ увлекал за собой множество людей. Он всегда был для всех окружающих примером беззаветной преданности делу духовного просвещения народа, примером служения ближним самоотверженной и бескорыстной любовью.

Вопреки вспыхивающим забастовкам и мятежам, перебоям со снабжением и финансированием, невероятными трудами под неустанным руко-

водством протоиерея Философа воздвигались новые храмы и открывались при них просветительские учреждения.

Господь призывал батюшку на все новые и новые подвиги. В очередной раз он был назначен председателем комитета по строительству нового храма. Теперь это была церковь во имя преподобного Герасима Иорданского в деревне Купчино по линии Царскосельской железной дороги. С Божией помощью нашлись благодетели и строители. Дело спорилось быстро. Закладка храма состоялась 18 июня 1906 года, в середине сентября были подняты на колокольню колокола, а уже в ноябре было совершено освящение храма с участием неугомимого подвижника – отца Философа.

23 сентября 1907 года был освящен великолепный трехпрестольный каменный храм Православного эстонского братства во имя священномученика Исидора, пресвитера Юрьевского, а 14 декабря 1908 года – грандиозный храм в честь Воскресения Христова у Варшавского вокзала на 4000 молящихся, с шестидесятиметровой шатровой колокольней и тысячепудовым колоколом. Освящение этой святыни стало воистину всероссийским торжеством, на которое собрались члены Святейшего Синода и многие высокопоставленные светские лица.

Во время первого богослужения в этой святыне митрополит Антоний возложил на протоиерея Философа Николаевича Орнатского митру со словами: *«С соизволения Государя Императора по благословению Святейшего Синода, на протоиерея Философа за усердные его труды на пользу Церкви возлагается митра»*. После чего было пропето *«Аксиос!»*...

«Радуюсь совершившемуся освящению храма Воскресения Христова. Желаю Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви дальнейшего прочного развития на пользу русского народа», – написал в приветственном адресе Государь Император Николай II.

А вскоре настал день всероссийской скорби. 20 декабря 1908 года покинул юдоль земную великий пастырь – святой праведный отец наш Иоанн Кронштадтский.

Дрогнули верующие сердца по всей России. Много горьких слез пролилось даже в самых отдаленных ее уголках. В жизнь вечную провожал отца Иоанна Кронштадтского сонм архиереев, пастырей и мирян Православной Церкви. В конце заупокойной литургии по благословению митрополита Антония (Вадковского) вдохновенную речь произнес протоиерей Философ Орнатский. Это – несомненный памятник живого пастырского слова. Оно неоднократно прерывалось громким плачем всех присутствующих в храме. Сквозь слезы говорил и сам проповедник...

Вне всякого сомнения, можно сказать, что жизнь протоиерея Философа Николаевича Орнатского – это яркий пример подражания добродетели кронштадтскому пастырю в вере и благочестии, в труде и терпении. Отец Философ воистину шел путем отца Иоанна. Глубочайшая молитвенная связь

соединяла отца Философа с его великим духовным наставником и после блаженной кончины батюшки Иоанна Кронштадтского.

8 ноября 1909 года состоялась торжественная закладка храма во имя преподобного Серафима Саровского за Нарвской заставой. Уже 24 января 1910 года двухэтажный храм с пятью главами и колокольной, могущий вместить около 3000 богомольцев, был освящен епископом Ямбургским Феофаном (Быстровым) в сослужении протоиерея Философа Орнатского.

*Отец Философ Орнатский.
Фото 1909 г.*

В тот же день в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена хиротония архимандрита Вениамина (Казанского), ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии, во епископа Гдовского. Новорокоположенный владыка был близким духовным другом и сподвижником отца Философа по Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения. Подвизавшийся в Обществе со студенческих лет владыка Вениамин имел в лице отца Философа замечательного духовного наставника. И после принятия епископского сана он продолжал оставаться одним из деятельнейших членов Общества, поддерживая многие начинания протоиерея Философа Орнатского, который теперь часто сослужил молодому епископу. Известно, что они с великой любовью относились друг к другу, и владыка Вениамин часто прибегал к духовным советам отца Философа, стяжавшего от Господа дар рассуждения.

Многогранную общественную деятельность протоиерей Философ совмещал с неустанными пастырскими заботами. Это был светлейшей души и чистейшего сердца человек, удивительный духовный врач, исцелявший скорби и недуги страждущих в течение нескольких десятилетий.

Множеству людей были известны его необыкновенное обаяние и исходящая от него благодатная сила. Вдохновенные проповеди отца Философа часто заставляли многих людей искренне плакать и каяться или от всего сердца радоваться о Господе. Подобные случаи не раз отмечались в сообщениях периодической печати того времени. Он унаследовал от отца Иоанна Кронштадтского дар чистой молитвы о ближних с верой во всемогущую помощь Божию, что не раз спасало безнадежных больных. Отец Философ имел еще и дар духовного утешения людей, впавших в отчаяние, и вразумления

заблудших. И всегда он делал это с любовью и великим тактом, мягко и тонко воздействуя на душу человека, примиряя его с самим собою и с Богом, о чем свидетельствуют современники батюшки.

Служение отца Философа – это служение благовестника, состоящее из множества повседневных добрых дел. От его пламенеющего любовью ко Господу и ближним сердца зажигались огоньки веры в душах многих ищущих правды людей. Несчастные сироты, обездоленные нищие и беспомощные старики имели в его лице заступника и покровителя. Он воплотил в себе лучшие черты доброго пастыря стада Христова и стал воистину народным учителем...

Простота, искренность и неугасимое стремление к истине составляли основу его духовного трудничества, подвижничества. Верный ученик и последователь отца Иоанна Кронштадтского стал примером для многих пастырей. В особо торжественные дни отца Философа часто приглашали служить в Исаакиевский, Казанский соборы и в другие крупнейшие храмы столицы. И тысячи людей с благоговением внимали слову любимого проповедника.

Одно из слов протоиерея Философа, посвященное служению праведного Иоанна Кронштадтского, называется «Праздник пастырства». Эти слова с полным правом можно применить к самому отцу Философу – его служение воистину являлось таким же праздником пастырства и торжеством веры.

В 1913 году протоиерей Философ с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения был назначен на должность настоятеля Казанского собора, который пользовался особой известностью не только в Санкт-Петербурге, но и во всей России. В нем находился знаменитый список с чудотворной Казанской иконы Божией Матери – самый почитаемый в столице образ Пресвятой Богородицы. Собор был храмом-памятником Отечественной войне 1812 года, который стремились посетить все приезжавшие в Петербург люди. Среди прихожан Казанского собора были многие представители высшей столичной знати. Очень часто посещали его и члены Августейшей Фамилии.

Назначение отца Философа Орнатского настоятелем Казанского собора, безусловно, еще раз говорило о признании его высоких заслуг перед Русской Православной Церковью и Отечеством.

Быть настоятелем Казанского собора означало для любого пастыря особую ответственность. Отец Философ смиренно принял новую должность как очередное послушание. В храме всегда царил атмосфера мира и любви, но в этой особой тишине велась огромная творческая работа: действовало Казанское благотворительное общество с церковно-приходской школой-приютом, богадельней, домом с дешевыми квартирами и дачами для бедных детей на побережье Финского залива; имелась воскресная школа для взрослых; издавалась собственная газета. Председателем Казанского благотворительного общества и заведующим церковно-приходской школой был протоиерей Философ Николаевич Орнатский...

С началом Первой мировой войны в Казанском соборе и во всех храмах и домовых церквях Общества религиозно-нравственного просвещения начался кружечный сбор средств для помощи фронту. Женщины, члены Религиозно-просветительного союза, занимались шитьем белья для воинов. Был организован сбор теплых вещей, продовольствия и самых необходимых предметов для нижних чинов русской армии. Книжным складом Общества были скомплектованы в необходимом количестве библиотечки из книг религиозно-нравственного содержания для фронта и военных лазаретов.

Орнатские отдали свой дом на Казанской улице под лазарет для раненых воинов, в котором трудились супруга и дочери батюшки, а сам протоиерей Философ постоянно выезжал для совершения богослужений в районы боевых действий, на передовые рубежи Русской армии с многочисленными подарками для доблестных защитников Отечества. Огромной была народная любовь к этому бескорыстному служителю на ниве Христовой.

Высокое патриотическое настроение отличало всех членов семьи Орнатских. По родительскому благословию с верою служили Царю и Отечеству все взрослые дети отца Философа и Елены Николаевны.

Военврач Николай Философович Орнатский, окончивший Императорскую Военно-медицинскую академию, находился в составе действующей 9-й русской армии.

Геройски сражался на Австро-Венгерском фронте штабс-капитан 23-й артиллерийской бригады Борис Философович Орнатский, окончивший Константиновское артиллерийское училище.

Владимир Философович Орнатский, закончивший четыре курса физико-математического факультета Императорского Петроградского университета, поступил на краткосрочные курсы военного времени Павловского военного училища и, окончив их, воевал в составе лейб-гвардии Финляндского полка.

Лидия Философовна и Вера Философовна Орнатские, оставив службу в гражданских учреждениях, окончили курсы медсестер военного времени. Лидия находилась в составе действующей армии, а Вера трудилась хирургической сестрой в лазарете для раненых воинов при Казанском соборе.

Ежедневно звучали с амвона Казанского собора вдохновенные проповеди отца Философа Орнатского, поднимая выше дух народный в годину лютых испытаний.

После февральского переворота 1917 года при поддержке Временного правительства в Петрограде был создан обновленческий Союз демократического православного духовенства и мирян. Участники этой либеральной группировки проповедовали идеи «христианского социализма», идеи переустройства церковной жизни и реформы православного вероучения.

В противовес обновленцам большинством петроградского духовенства и мирян во главе со вступившим во временное управление епархией епископом

Гдовским Вениамином (Казанским) был создан Союз церковного единения. Его ядро составили участники Общества религиозно-нравственного просвещения. Для владыки Вениамина в его непростом служении и в этот период, и после избрания правящим архиереем Петроградской епархии во многом главной опорой был отец Философ Орнатский, к советам и молитвам которого постоянно прибегал молодой петроградский архипастырь, который был возведен в сан митрополита. По инициативе отца Философа было также создано Братство приходских советов города Петрограда и Петроградской епархии.

С первых дней захвата власти в России богоборческим режимом протоиерей Философ Орнатский явил себя бесстрашным обличителем гонителей Церкви Христовой. Такова была о нем воля Божия...

Великий исповедник Православия, отец Философ одним из первых встал на защиту Александро-Невской лавры при попытке захвата ее богоборцами в январе 1918 года. Крестный ход по Невскому проспекту в защиту главной обители Петрограда, состоявшийся по призыву батюшки и благословению владыки Вениамина, собрал около полумиллиона верующих. Так удалось отстоять эту главную святыню Северной столицы. Протоиерей Философ вызывал у богоборцев лютую ненависть и страх. Участь его была предreshена – в стране начинался «красный террор»...

На заседании Всероссийского Поместного Собора 24 января 1918 года в Москве отец Философ призвал всех верных чад Русской Православной Церкви встать на защиту ее святынь: *«Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами. Мы терпели, но терпеть далее невозможно, потому что затронута Святое Святых русской души – Святая Церковь... На сознательное мученичество идти не следует, но если нам нужно пострадать и даже умереть за правду, это надо будет сделать».*

Неутомимый борец за истину Христову открыто обличал большевистскую власть с амвонов и трибун вплоть до своего ареста. Во время визита в Петроград Святейшего Патриарха Тихона на богослужении в Казанском соборе в день Вознесения Господня 13 июля 1918 года протоиерей Философ сказал другие знаменательные слова: *«Пусть же очнутя наконец безбожники и богохульники наших дней, посягающие на Святую веру и Церковь, воры и грабители, раздирающие Родину и расхищающие народное достояние, пусть проснутся теплохладные и встанут на защиту родных святынь, пора и всем нам объединяться для пробуждения в народе древлерусского благочестия».*

А вскоре Господь украсил сего ревнителя Правды Божией мученическим венцом. В августе 1918 года выдающийся подвижник веры и благочестия был арестован и расстрелян вместе с двумя старшими сыновьями – Николаем и Борисом Орнатскими, героями Первой мировой войны, удостоенными многих боевых наград.

Имеется несколько версий рассказов о том, как принял протоиерей Философ мученическую кончину. Для всех рассказов характерна одна общая

деталь – подвижник встретил земную смерть, стоя на коленях и совершая молитву. Вместе с отцом Философом и его сыновьями Николаем и Борисом было тогда расстреляно еще 30 петроградских офицеров, верных Царю и Отечеству.

По пути к месту расстрела батюшка являл собою образец полнейшей невозмутимости и с несказанной духовной умиротворенностью утешал и укреплял взволнованных сомучеников.

Перед началом казни отец Философ кротко произнес: *«Ничего, ко Господу идем. Вот, примите мое пастырское благословение и послушайте святые молитвы».*

Начальник расстрельной команды спросил отца Философа: *«Кого расстреливать первым – тебя или сыновей?»* Батюшка ответил: *«Сыновей»* – и, став на колени, начал спокойным, ровным голосом читать молитвы на исход души...

В 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение о прославлении для общецерковного почитания протоиерея Философа Орнатского в лике священномучеников и иже с ним убиенных чад Николая и Бориса – в лике мучеников.

Дни памяти батюшки и его сыновей: 1) 31 мая/13 июня – в день тезоименитства отца Философа; 2) В Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской (25 января старого стиля при совпадении этого числа с воскресным днем, в ином случае день указывается в церковном календаре); 3) В Соборе Санкт-Петербургских святых (Неделя 3-я по Пятидесятнице).

Патриарший Местоблюститель

*Митрополит Крутицкий Петр (Полянский)
на фоне русской церковной истории XX века*

Сохранилась до наших дней одна старинная фотография, которая, как можно предположить, была сделана летом 1924 года. На ней у подмосковной дачной террасы сидят святейший патриарх Тихон и его будущий преемник митрополит Крутицкий Петр (Полянский). В глазах святейшего патриарха – мудрость и доброта. Митрополит Петр находится рядом; у него прямая, почти военная выправка, в лице – строгость, сосредоточенность, сила. Вот как говорит об этой фотографии один из тех, кому довелось неоднократно держать ее в руках и внимательно всматриваться в нее: «В первую очередь обращают на себя внимание, конечно, их

лица; даже не лица, а их образы, так как по синтетичности <...> символизму своему это именно образы, национальные духовные эмблемы. Эти лица чрезвычайно просты, “примитивны” в самом деревенском смысле этого слова... Но посмотрите внимательнее, взгляните в них, вдумайтесь и... становится страшно от той великой духовной мощи, от того царственного благородства и лучающейся мудрости, которыми насыщены их лики... Трудно выразимое словами внутреннее величие, изысканнейший аристократизм духа народного... поражает зрителя своей добротностью и неиссякаемым обилием: подходи и черпай, кому сколько надо...»

Автор приведенных строк – Михаил Ефимович Губонин, которому мы обязаны тем, что светлая память Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) оказалась увековеченной в уникальной рукописи с символическим названием «Кифа» («Камень»). Труд этот, тайно осуществлявшийся в разгар хрущевских гонений и заверченный в 1968 году, представляет собой первую попытку биографического очерка о выдающемся деятеле

Михаил Ефимович Губонин

Русской Церкви новейшего периода, героическом исповеднике Православной веры, священномученике. На некоторые содержащиеся в нем малоизвестные факты и драгоценные свидетельства мы будем далее опираться. Ссылки на этот труд с указанием страниц будут помещены внутри текста настоящей статьи.

Имя митрополита Петра в течение советских десятилетий старались предать забвению, называя непосредственным преемником патриарха Тихона митрополита Сергия (Страгородского). Но впоследствии выяснилось, что митрополит Петр – это как раз тот неколебимый Камень, на котором устояла наша Церковь в один из самых трудных периодов своего существования.

...На той фотографии, с которой мы начали свое повествование, действительно можно узреть что-то символическое: при всей разнице внешнего облика двух запечатленных на ней людей очевидно их внутреннее родство, их принадлежность единому духовно-национальному типу. Фотография воспринимается как зримый знак преемственности...

О существе этой преемственности в первую очередь и пойдет речь.

...Вдумаемся, насколько знаменателен тот факт, что в 1917 году, когда политическая жизнь России пошла по пути разрушительных революционных потрясений, жестоких и дерзких социальных экспериментов, жизнь Русской Православной Церкви также вступила на новый путь. Но путь этот был связан не с опасным экспериментированием, а, напротив, с возвращением к своим истокам, восстановлением патриаршества, упраздненного в 1721 году своевольной рукой Петра I ради подчинения Церкви государству. Таким образом, в 1917 году жизнь Церкви и существование государства утратили всякую общность и пошли, по существу, противоположными путями: созданное в октябре атеистическое государство отвергло Божественную власть и Царственное единоначалие, а открывшийся осенью того же года Поместный Собор Русской Православной Церкви восстановил иерархическое единоначалие Патриарха – ту основу, на которой только и возможно было утвердить внутреннюю независимость и духовную свободу.

Всеобщим голосованием членов Собора было избрано три кандидата на Патриарший престол: «самый умный из русских архиереев» – архиепископ Антоний (Храповицкий), «самый строгий» – архиепископ Арсений (Стадницкий) и «самый добрый» – митрополит Тихон (Белавин). Так кратко, но емко охарактеризовал каждого кандидата один из участников события.

В огромном храме Христа Спасителя, переполненном народом, после литургии и долгой молитвы перед Владимирской иконой Божией Матери старец о. Алексей вытянул из ковчега записку с именем. И вновь произошло знаменательное событие: в необычайно трудный момент истории, когда корабль Церкви, казалось, мог быть вот-вот потоплен 12-балльным штормом разбушевавшегося житейского моря, жребий Первосвятителя, кормчего этого корабля, выпал... «самому доброму», кроткому, милосердному – митрополиту Московскому Тихону. «Молитвенник народный, старец всея Руси» – называли его два монаха-подвижника. «Для молодых он был отцом, для

взрослых – мудрым наставником и руководителем и для всех вообще – другом», – говорил о нем его будущий преемник, митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

Руководить Церковью патриарху Тихону пришлось среди всеобщей разрухи, без вспомогательных органов управления, в окружении врагов – «воинствующих безбожников», сектантов, в обстановке внутренних расколов и потрясений, спровоцированных так называемыми «живоцерковниками» (обновленцами), автокефалистами Грузии и Украины.

Одно из патриарших воззваний тех лет заканчивалось словами: «Господь да умудрит всех нас искать каждому не своих сих, а Правды Божией и блага Святой Церкви!»¹

Этой высшей Правдой патриарх руководствовался в своем служении. Следуя завету Христа, он отдавал Божие только Богу, строго следя, чтобы ничто «кесарево» не проникало во внутреннюю жизнь Церкви, не посягало на Ее завоеванную с таким трудом духовную свободу. «Кесарево» же – то есть государственное строительство, политическую борьбу – мудрый пастырь Русской Церкви предоставлял кесарю. В патриаршем воззвании от 25 сентября/8 октября 1919 года говорилось: «Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение». Патриарх заявлял, что «всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергать Церковь в политическую борьбу – должны быть отвергнуты и осуждены»².

Исходя из этого патриарх в апреле 1922 года признал не имеющими церковно-канонического значения документы Русского Всеаглического Церковного Собора: «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и «Послание Мирной (Генуэзской. – О. С.) конференции». Патриарх Тихон предостерегал представителей русского духовенства, оказавшихся в эмиграции, от политических выступлений и необдуманных формулировок, которые невольно способствовали усилению антицерковных гонений на Родине.

С другой стороны, Русская Православная Церковь во главе с патриархом решительно осудила обновленцев, которые пытались убедить верующих и неверующих в том, что цели у коммунистов и христиан якобы одни – благо людей, что у них будто бы одинаковое отношение к собственности и т. д. На самом деле между учением Православной Церкви и коммунистической доктриной, как писали православные епископы – узники Соловков, «не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между утверждением и отрицанием, между да и нет, потому что

¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона к Церкви от 18 июня/1 июля 1923 г. // Известия. 1923, 6 июля.

² Филиппов А. Послание Патриарха Тихона к духовенству от 25 сентября/8 октября 1919 г. М., 1920. С. 8–10.

душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм»³. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, коммунизм Его отрицает. Церковь ориентирована на Небесное Царство, коммунизм – на земной «рай». Церковь проповедует любовь, коммунизм – беспощадность классово-борьбы. Церковь «внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью»⁴.

И все же, не скрывая коренных расхождений между официальной идеологией и православным вероучением, наша Церковь во главе с патриархом Тихоном считала возможным мирное сосуществование с новой властью на основе соблюдения закона об отделении Церкви от государства. Согласно этому закону Церковь не мешает государству в его гражданском строительстве, в стремлении к устройению материальной жизни народа, а государство не препятствует религиозно-нравственной деятельности Церкви, не вмешивается в ее внутренние дела.

Святейший патриарх Тихон последовательно утверждал аполитизм Церкви, опираясь на онтологическую ее сущность. «Церковь есть, – пишет современный богослов, – отличное от “естественного” общество “не от мира сего”... Литургия провозглашает конечную “неотмирность” Церкви, принадлежность ее “будущему веку”, и самая сокровенная ее сущность не сводима ни к чему земному. Христианин принадлежит – и Церкви и миру... Стараюсь, как христианин, всю свою жизнь в мире просветить светом Христова учения, он знает, однако, что последняя его ценность, последнее сокровище – “единое на потребу” – не от мира сего: это Царство Божие, конечное соединение с Богом, совершенная радость вечной жизни с Христом... Земная Церковь, находясь в мире, имеет онтологическую независимость от него»⁵.

Таким образом, проводимый патриархом Тихоном принцип церковного аполитизма не был просто тактическим приемом – он был укоренен в основах православной веры.

Патриарх следил за тем, чтобы во всех вопросах соблюдались границы небесного и земного, вечного и преходящего. «Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских (1 Петр. 13), – писал Святейший в сентябрьском воззвании 1919 года, – подчиняйтесь велениям и Советской власти, **поскольку они не противоречат вере и благочестию**, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно подчиняться более, чем людям»⁶. Святейший патриарх Тихон неукоснительно исполнял эту заповедь. Осо-

³ «Памятная записка» соловецких епископов от 27 мая/9 июня 1926 г. // Христианское чтение. № 5. СПб., 1991. С. 19.

⁴ «Памятная записка» Соловецких епископов от 27 мая/9 июня 1926 г. С. 19.

⁵ Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь Православия. Париж, 1985. С. 190–191.

⁶ Цит. по: Филиппов А. Послание Патриарха Тихона к духовенству от 25 сент./8 окт. 1919 г. М., 1920. С. 8–10.

бенно показательной была его деятельность во время страшного голода в Поволжье.

1/14 августа 1921 года в храме Христа Спасителя после литургии патриарх вышел в середину зала. Служащие ему архиереи встали полукругом. Наступила полная тишина. И раздались слова знаменитого патриаршего воззвания:

«Величайшее бедствие поразило Россию. Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделявших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели, и селения обратились в кладбища непогребенных мертвецов... Ужасы неисчислимы... – К тебе, православная Русь, первое слово мое! Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви... К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой: Помогите! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь, немедля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь!...»

15/28 февраля 1922 года патриарх направил еще одно послание своей пастве, где разъяснял, что им было разрешено, ввиду особо тяжкого положения в Поволжье, отдавать из Церкви драгоценные украшения и предметы, **не имеющие** богослужебного употребления. Однако выдаче евхаристических сосудов и других предметов, употребляемых при совершении таинств, он решительно воспротивился: «Мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для Богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как **святотатство** – миряне отлучением от Нее, священнослужители – извержением из сана...»⁷.

Позиция патриарха была извращена и представлена как призыв к контрреволюционному бунту. Недовольство властей вызвала и забота патриарха о том, чтобы изъятые ценности направлялись по прямому назначению – на помощь голодающим, и не использовались для других целей (содержание госпиталя, укрепление армии, выплата контрибуции Польше, вывоз за границу). В беседе с корреспондентом «Известий», состоявшейся в марте 1922 года, патриарх Тихон выразил недоумение, почему на предложение московского духовенства отправить голодным хлеб был получен отказ: «Давай ценности, – говорит власть, – хлеб не нужен».

Хлеб действительно не был нужен власти: по признанию Ленина, в Курской, Орловской, Тамбовской губерниях имелось «до 10 млн пудов избытка хлеба» – и это в то самое время, когда, по его же словам, «в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов»⁸.

⁷ Обвинительное заключение по делу В. Белавина. М., 1923.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 369.

Страшный голод в Поволжье цинично использовался большевиками для жесточайших репрессий против «черносотенного духовенства». В конце апреля 1922 года начался судебный процесс над семнадцатью священниками, которые обвинялись как организаторы «сопротивления изъятию церковных ценностей». В качестве свидетеля по этому делу был приглашен «гражданин В. Белавин» – святейший патриарх Тихон. Вскоре, 6 мая 1922 года, он был арестован. Ситуацией не замедлили воспользоваться лидеры обновленчества. В 1923 году они создали разбойничий лжесобор, незаконный по своему созыву, составу и деятельности. Извращение на нем церковных правил, образование безблагодатной антиканонической иерархии; поставление незаконных епископов на кафедры; нарушение норм церковной жизни – таких, как власть патриарха, безбрачный епископат и др.; лживые доносы, клеветнические политические обвинения – таков далеко не полный перечень преступлений, совершенных участниками лжесобора. Святейший патриарх Тихон был «лишен» на нем не только патриаршества, но и священнического сана.

Казалось, что врагами Церкви была одержана победа, что над «гражданином Белавиным» и «тихоновцами» вот-вот начнется показательный судебный процесс, который завершится так же, как недавний процесс над семнадцатью, – расстрелом. Но... процесс не состоялся ни в мае, ни в июне. Он вообще никогда не состоялся. С внешней стороны это произошло потому, что в советском правительстве возникла оппозиция Л. Троцкому, который был главным инициатором беспрецедентной антирелигиозной кампании.

С внутренней же, сокровенной, стороны произошло вмешательство Божественного Промысла: Русская Церковь не могла оставаться обезглавленной. 3/16 июня 1923 года заключенный патриарх Тихон обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, где признавал свою *личную* вину перед советской властью. Заявив о том, что он «отныне советской власти не враг», святейший патриарх просил освободить его из-под стражи⁹.

Это заявление патриарха Тихона вызвало смятение в кругах русской эмиграции, во многом переставшей понимать, что на самом деле происходит на Родине. Но глава зарубежного Архиерейского Синода митрополит Антоний (Храповицкий) выказал в этот момент пронизательное понимание происходящего. В статье «Не надо смущаться» он объяснил, что Заявление написано патриархом не для сохранения своей жизни, а для блага Церкви, поскольку «избавляет Ее от духовного безначалия... Православная Церковь... получает возможность освободиться от шайки лжеепископов и лжепопов..., незаконно признавших себя “живую церковью”»¹⁰.

⁹ Заявление патриарха Тихона в Верховный суд РСФСР от 3/16 июня 1923 г. // Известия. 1923, 27 июля.

¹⁰ Цит. по: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. 4. Изд. Североамериканской и Канадской епархии, 1960. С. 165–168.

Святейший патриарх шел на мученичество, но такое, которое не имело внешнего героического ореола, а было невидимым миру и гораздо более трудным. По преданию, патриарх говорил: «Пусть мое имя погибнет в веках, лишь бы Церковь была жива».

Но имя его сияло... Святейший патриарх Тихон был освобожден 28 июня 1923 года, после чего он немедленно выступил с воззванием, в котором обличалось обновленчество. Патриарх напомнил, что еще в 1906 году писатель и будущий священник Вал. Свенцицкий определил это явление как «жалкую полуистину, теплохладное либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой»¹¹. Эта характеристика остается верной для рецидивов обновленчества во все времена.

Патриарх призвал отколовшихся от церковного единства «осознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасительное лоно Единой Вселенской Церкви». Его призыв был услышан – многие обновленцы вступали на путь покаяния и встречали со стороны Святейшего отеческую любовь и милость. «Он имел особенную широту взгляда, способен был понять каждого и всех простить», – вспоминал о святейшем патриархе Тихоне митрополит Сергей (Страгородский), сам прошедший через соблазн обновленчества и после принесения покаяния восстановленный патриархом в высоком сане. В те мятежные времена, когда впадали в заблуждение профессора духовных академий, когда, бывало, колебались и спотыкались архиереи, простой православный народ безошибочным чутьем отделял истину от лжи и слушался голоса своего пастыря. Народ готов был следовать за ним на любые испытания, на крест...

Но вот 25 марта/7 апреля 1925 года, на Благовещение, в 23 часа 45 минут Русская Церковь осиротела. ...Тело патриарха покоилось в соборе Донского монастыря в простом дубовом гробу. В течение четырех суток день и ночь служились панихиды по усопшему и нескончаемым потоком шли к нему люди. Похороны состоялись в Вербное Воскресенье и, по свидетельству очевидцев, такой необычайной службы еще не было на Руси. Отпевание совершали 63 архиерея и около 400 священнослужителей. Выдающиеся московские проповедники из глубины сердца произносили слова, исполненные любви, преклонения и глубокого горя. Дивно пели избранные хоры под управлением профессора Чеснокова. А народное море, которое к 11 утра заполнило и храм, и огромный монастырский двор, и всю территорию монастыря, и соседние улицы, «представляло собой, – как рассказывает один свидетель, – нечто небывалое, нечто такое большое и сильное, что, не видя, нельзя представить, а увидевши, нельзя забыть».

Службу возглавлял митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Именно с ним в последний день своей земной жизни святейший патриарх Тихон имел продолжительную беседу наедине. Именно ему предстояло теперь нести тяжкий крест Первосвятителя Русской Православной Церкви: он был

¹¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона от 15/28 июня 1923 г. // Известия. 1923, 4 июля.

Вынос тела Святейшего Патриарха Тихона после отпевания

одним из трех архиереев, названных в завещательном распоряжении патриарха в качестве возможных преемников высшей церковной власти. Но двое из них – митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) находились в это время в ссылке. И поэтому на митрополита Петра (Полянского), имя которого значилось третьим в списке, было возложено послушание, во исполнение воли почившего патриарха Тихона, принять на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя. На похоронах Святейшего он сказал всего несколько фраз: «Я не могу говорить... слезы душат меня... Кого мы хороним? Кто предлежит нам? Кому собрались мы отдать последний долг? Мы хороним своего Отца... Трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его – править Русской Церковью в такое трудное время. Но он уже отошел ко Господу. Труды и подвиги его закончились. Он предстоит уже Престолу Божию, а за все время дальнейшего управления Русской Церковью ответ падает теперь на мои слабые плечи... Помолись же, Отец наш, за нас, осиротелых. Помолись за паству свою, здесь собравшуюся, и за Церковь Российскую, столь тобою любимую. Вечная тебе память, закатившееся солнышко Земли Русской!»

Подлинность завещания патриарха была подтверждена подписями 58 архиереев Русской Православной Церкви. Тем самым акт вступления митрополита Петра (Полянского) в должность Патриаршего Местоблюстителя был канонически неоспорим¹².

...Предчувствия о сугубой тяжести предстоящего подвига не обманули митрополита Петра: лишь восемь необычайно трудных, насыщенных со-

¹² Акт о назначении Местоблюстителя Святейшего Патриаршего Престола Всероссийской Православной Церкви и известительное о сем послание от 30 марта / 1–2 апреля 1925 г. // Христианское чтение. № 5. СПб., 1991. С. 5–7.

бытиями месяцев своего первосвященнического служения он провел на свободе, затем последовали 12 лет заключения (1925–1937) – тюрьмы, этапы, ссылки...

Весь предшествующий его путь на земле был, по сути, подготовкой к этому венцу.

* * *

Митрополит Петр, в миру Петр Федорович Полянский, родился в 1862 году, в селе Сторожевое Воронежской губернии, в благочестивой семье сельского священника. Точная дата рождения неизвестна, но поскольку при крещении ему было наречено имя в честь св. Первоверховного Апостола, можно предположить, что он появился на свет Божий незадолго до Петрова дня. У Петра было два старших брата, Александр и Василий.

Мать звали Галиной, она была родственницей киевского митрополита. Когда дети осиротели, он взял Василия и Петра к себе на воспитание. Василий стал священником, Александр служил чиновником в Петербурге. Сестры вышли замуж и жили в Москве.

Учился Петр Полянский в Воронежской духовной семинарии и в 1885 году окончил ее. Но потом он не стал принимать священнического сана, не стал заводить семью, а был принят в приходской храм села Девицы Коротоякского уезда на должность псаломщика. Здесь он пробыл, однако, недолго. Осенью 1887 года Совет Московской духовной академии удовлетворил просьбу Петра Полянского о зачислении его в академию в качестве вольнослушателя, а далее, успешно выдержав экзамены, он прошел ее полный 47-й курс. Кандидатская работа П. Ф. Полянского была написана на тему «Объяснение первого послания св. апостола Павла к Тимофею». Сохранился отзыв доцента М. Муретова об этом сочинении, в котором отмечались «глубина проникновения во внутренне животворный дух апостольского писания, широта изучения пособий, обстоятельность и тонкость нравственно-психологического и филологического анализа...» («Кифа», с. 32).

Это сочинение стало основой магистерского труда, также получившего высокие отзывы, в которых особо отмечалось «строго Православное направление автора».

Петр – Кифа – Камень... Смысл имени, данного ему при рождении, соответствовал его главным внутренним качествам. Твердость, ясность, незаурядная творческая энергия были проявлены П. Ф. Полянским не только в теоретической работе, но и в практической деятельности. Он был помощником инспектора в родной семинарии, потом, в 1896 году, стал смотрителем Жировицкого духовного училища и привел его в прекрасное состояние. Как сообщает в своих мемуарах митрополит Евлогий (Георгиевский), «ревизор Нечаев, отличавшийся большой строгостью, дал о Петре Полянском блестящий отзыв».

Именно в этот период произошло событие, которое имело большие последствия для судеб Русской Церкви: в Яблочинском Свято-Онуфриевом монастыре состоялось знакомство П. Ф. Полянского с епископом Люблинским Тихоном, будущим святейшим патриархом. Образцовая постановка дел в Жировицком духовном училище дала возможность святителю Тихону оценить по достоинству способности Петра Федоровича, а личное знакомство помогло разглядеть его духовную цельность, глубину и твердость.

Как свидетельствуют те, кто близко знал в то время П. Ф. Полянского, «это был очень живой и жизнерадостный человек. Везде, где он ни появлялся в обществе, он становился душой его...

Всех поражала его природная безунывность. Не было... таких обстоятельств, попав в которые он стал бы безутешно скорбеть и унывать. Казалось, что Господь до чрезмерности изобильно одарил его нравственным и физическим здоровьем, а притом огромным душевным тактом, так что, узнав его раз, невозможно было не полюбить его»¹³.

Это светлое впечатление от личности Петра Полянского не было забыто молодым епископом Тихоном, хотя обстоятельства жизни развели их надолго и на большие расстояния друг от друга. В 1898 году архиепископ Тихон был направлен за океан, в Америку; в 1907 году вернулся в Россию и был назначен на Ярославскую кафедру; в 1914 году он – архиепископ Виленский и Литовский. А 21 июня 1917 года высокопреосвященнейший Тихон был избран митрополитом Московским.

Что касается П. Ф. Полянского, то его успешная деятельность в Жировицком духовном училище была отмечена Синодом, и его пригласили в Учебный Комитет ревизором духовно-учебных заведений, где он проработал все предреволюционные годы. Высочайшим приказом от 18.11.1913. П. Ф. Полянский был произведен из коллежского в статские советники. Это «благоденственное и мирное житие», как пишет его первый биограф, было резко прервано в 1917 году. «Уже в феврале о статских и иных советниках не было и помину; треснул по швам и ушел в небытие казавшийся незыблемым Святейший Правительствующий Синод»; православная монархия сокрушена.

Но, как мы знаем, в день вынужденного отречения русского царя от престола – 2/15 марта 1917 года – произошло событие, исполненное великой тайны и смысла – прославление иконы Божией Матери «Державная» в Коломенском. Отныне не земная власть, а Сама Владычица Небесная принимает в Свои Пречистые руки скипетр и державу нашего Отечества. Ее покрови-

*Петр Федорович Полянский.
1910-е гг.*

¹³ Дамаскин (Орловский), иеромонах. Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) // Вестник РХД. № 166, Париж; Нью-Йорк; Москва. С. 213–214.

тельство и материнское участие были неоднократно явлены и в глобальных исторических событиях, и в частных судьбах верующих русских людей. Должно быть, произошло Ее благодатное вмешательство и в крутые повороты жизни П. Ф. Полянского. В 1917 году, лишившись работы и положения в обществе, в поисках хлеба насущного он устроился бухгалтером в какую-то захудалую московскую артель, существовавшую под мощной вывеской «Богатырь». Артель производила, по позднейшим исследованиям обновленцев, сапожную вакусу и стельки для обуви. Вот отсюда-то, вспомнив о замечательных духовных и деловых качествах Петра Полянского, и извлек его святейший патриарх Тихон. Призванный им к служению Церкви Петр Полянский принял решение о монашеском постриге и вступил на тот путь, к которому готовился всю жизнь. В самом конце 1919 или в начале 1920 года он был пострижен в мантию. Чин пострига совершал друг и сослуживец П. Ф. Полянского по Московской духовной академии митрополит Владимирский и Суздальский Сергей (Страгородский). Отныне небесным покровителем его вместо апостола Петра стал святой Петр Чудотворец, митрополит Московский. Вскоре после пострижения новоначальный монах Петр был возведен в сан иеродиакона. Рукоположение совершал будущий священномученик, епископ Верейский Илларион (Троицкий). Затем последовало поставление нового иеродиакона в иерейский сан, затем – в сан священно-архимандрита, а 25.9/8.10.1920, на память преставления преподобного Сергия Радонежского, в престольный праздник Крестового Сергиевского храма Патриаршего Троицкого подворья, святейшим патриархом Тихоном в сослужении сонма архиереев произошла хиротония священно-архимандрита Петра (Полянского) во епископа Подольского, викария Московской епархии. Вскоре после этого он был арестован и сослан. Ссылку отбывал в Великом Устюге. Она была недолгой и нестройной.

Вернувшись из ссылки, преосвященный Петр (Полянский) становится неизменным и деятельным административным помощником святейшего патриарха Тихона, часто сослужит ему во время совершения Божественной литургии. В 1923 году он был возведен в сан архиепископа, а в 1924 году – митрополита Крутицкого. Этот титул получил свое название по древнейшей экстерриториальной кафедре в Москве, расположенной на Крутицах у Новоспасского монастыря – усыпальницы бояр Романовых.

В московских церковных кругах вполне обоснованно поговаривали о том, что святейший патриарх сознательно ускоренно продвигает митрополита Петра (Полянского) до высшего иерархического положения: он видел в нем одного из своих наиболее вероятных и достойных преемников. Очевидно, он рассчитывал также, что гражданская власть может отнестись к этому кандидату на Патриарший престол более благосклонно, чем к архиереям старого «царского» рукоположения.

Выбор патриарха Тихона был осознан и оценен в кругах православных епископов далеко не сразу: многих смущали поздний постриг, стремитель-

ное продвижение, недостаточная известность митрополита Петра. Лишь впоследствии стала очевидной удивительная прозорливость патриаршего завещательного распоряжения.

Те, кому довелось хорошо знать митрополита Петра, рассказывают, что бремя возложенной на него ответственности отразилось в его облике: на нем появилась печать самоуглубленности, сосредоточенности; в грузно-величественной походке не было ни малейшей спеси или сановитости – скорее, какая-то постоянная внутренняя тяжесть. Вступив в управление Церковью, митрополит Петр энергично принялся за осуществление наиболее важных дел по церковному домостроительству, среди которых было два не терпящих отлагательства, начатых, но не завершенных патриархом Тихоном:

1) установление более или менее нормальных отношений с гражданской властью без какого-либо ущерба для внутренней свободы Церкви;

2) борьба против дальнейшего распространения обновленческой ереси.

Первое выступление митрополита Петра как главы Русской Православной Церкви и канонического правопреемника святейшего патриарха Тихона состоялось 1/14 апреля 1925 года. Совместно с митрополитом Уральским и Покровским Тихоном (Оболенским) он обратился к редактору газеты «Известия» с письмом, в котором содержалась просьба о публикации послания святейшего патриарха Тихона, подписанного им в день своей внезапной кончины и потому прозванного в православном народе «Предсмертным завещанием»¹⁶

Публикация вызвала отрицательную реакцию как в эмигрантских кругах (считавших письмо подложным), так и с противоположной стороны – в лагере обновленцев, которые в своих «комментариях» старались очернить память почившего патриарха и вызвать недоверие к новому главе Православной Церкви.

Враждебная кампания, развернувшаяся в обновленческой печати, вынудила митрополита Петра вновь выступить с заявлением о подлинности Патриаршего послания. Обновленцы не унимались, усиленно распускали сплетни о таинственных закулисных сношениях Местоблюстителя с заграничной русской иерархией.

Между тем отношение к новому главе Русской Православной Церкви было за рубежом настроено выжидательно, и в нарушение церковной дисциплины даже обсуждался вопрос, признавать ли его каноническую юрисдикцию. В конце концов, лишь за месяц до ареста митрополита Петра, Архиерейский Синод Русской Православной Церкви в Карловцах признал, наконец, его Патриаршим Местоблюстителем. А пока наши братья из-за кордона подозрительно присматривались к действиям нового первоиерарха, враги внутри страны продолжали свою раскольническую политику. С помощью усиленных наветов обновленцы сумели восстановить константинопольского патриарха Василия III против Русской Православной Церкви и ее законного главы. **Константинополь принял на себя роль покровителя**

обновленчества. Когда митрополиту Петру (Полянскому) было предъявлено послание Вселенского Патриарха Василия, призывающее «староцерковников» к миру с обновленцами, он заявил: **«Надо еще проверить, Православный ли это Патриарх...»** Такое строгое суждение разделяло большинство русских архипастырей. Сергей (Страгородский), например, так прореагировал на признание Константинополем обновленческого Синода: «Пусть признают; от этого обновленцы не стали православными, а только Патриархи – обновленцами!» А вятский епископ Симеон (Михайлов) запретил поминать за Богослужением Восточных патриархов как отступников от Православной веры... Таким образом, **попытка обновленцев прикрыться авторитетом константинопольского патриарха не возымела действия и не поколебала твердой позиции православных иерархов, клириков и мирян.**

... «Неправда, яко море, покры землю Твою...» – это строка из Акафиста Державной Божией Матери. В создании того моря лжи, которое, как и реки крови, затопило русскую землю, немалая доля участия принадлежала обновленцам. Их ложь была двойная, даже тройная. Погрязнув в политических интригах, они обвиняли в таковых своих противников, «тихоновцев»; их постоянные доносы о несуществующих связях архипастырей Русской Православной Церкви с границей имели целью натравить карающие органы власти на «контрреволюционное гнездо», якобы свитое Патриаршим Местоблюстителем, – но одновременно с политической травлей обновленцы вели разговоры о своих миротворческих намерениях; они усиленно готовились к своему «Поместному Собору» и стремились привлечь к нему православных людей, соблазняя их идеями примирения и восстановления единства Церкви. **Истинные виновники раскола, они делали вид, что являются инициаторами его преодоления.** Главной целью затеянного «примирения» был захват Православной Русской Церкви, покорение ее своему диктату. Это была **очередная попытка разгрома православия.**

(Автор статьи считает необходимым сделать выделения в тексте, так как события тех лет поразительно напоминают те, что происходят в наши дни на страдающей украинской земле, в разбойничьих действиях гражданских властей и церковных раскольников в отношении к канонической Украинской Православной Церкви Московского патриархата.)

Однако Православная Церковь в тех, как и в нынешних, событиях не пошла на соглашательскую сделку. Чрезвычайную роль сыграла принципиальная позиция, занятая новым церковным главой, который «продолжал дело Святейшего Патриарха в отношении к обновленцам и другим раскольникам с тою же твердостью и прямолинейностью...»¹⁴. 15/28 июля 1925 года появилось знаменитое Послание Патриаршего Местоблюстителя об отношении Православной Церкви к предстоящему «Помсобору-25». В связи со значимостью этого документа приводим его полный текст:

¹⁴ Сергей (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. Астрахань; Омск, 1953–1959. С. 53.

«Божиею милостию Патриарший Местоблюститель, митрополит Крутицкий смиренный Петр (Полянский). Возлюбленным о Христе архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви. Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благостнейшего Отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела была эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря. Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш Богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле Православных областях, верующий народ в унию и тем самым отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием.

Так называемые евангелисты, или баптисты, а также другие сектанты всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимой святостью своей жизни и обещанием материальной помощи. И бедная, немощная Православная душа, не будучи в состоянии познать всю ложность сектантских учений, восторгаясь воодушевлением их проповедников, а нередко соблазняясь и материальными расчетами, пьет яд духовный и гибнет, отпадая от Святой Церкви Православной...

Все это происходит в то время, когда широкой волной разливается неверие, проникая во все слои нашего общества. К глубокому прискорбию, попущением Божиим, произошло разделение и внутри самой Православной Церкви. По слову Божию, «они вышли от нас, но не были наши, ибо если бы они были наши, то оставались бы с нами» (1 Ин. 11, 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвятых и т. п. Все они, своей самочинной иерархией и самочинным устройением церковной жизни как в исконной России, так и на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, т. е. от Святой Его Православной Церкви, и тем оглушают Православный народ. Но непреложны слова Господа: то, что утаено от премудрых и разумных, Господь действительно открыл младенцам (Лк. X, 21). Наш Православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где только возможно, он со справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов.

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них Православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать Православным христианам, а

тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание канонические правила воспрещают. По 20 правилу Антиохийского Собора “никому да не будет позволено составлять Соборы сами по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии”. В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властью, преемственно сохраняющейся от времен апостольских. Все же самочинное, все, что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего Патриарха, все, что теперь совершается без соизволения нашей мерности – Местоблюстителя Патриаршего, действующего в единении со всей Православной законной иерархией, – все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апост. пр. 34, пр. 39), ибо истинная Церковь едина, и едина пребывающая в Ней благодать Всесвятого Духа. Не может быть двух церквей и двух благодатей. “Едино тело и един дух якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех” (Еф. IV, 4–5).

Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что, отступив самочинно от законной иерархии и ее главы, Святейшего Патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением (“Живая Церковь”, № 1-11), они извратили Церковные правила, установленные Вселенскими Соборами (пост. лжесобора 21.4/4.5.1923); они отвергли власть Патриарха, соборне установленную и признанную всеми восточными Православными Патриархиями, т. е. отвергли то, что признало все Православие и, кроме этого, на своем лжесоборе осудили его. Вопреки правилам Св. Апостолов, Вселенских Соборов и Св. Отцов (Апост. Пр. 17, 18; VI Вс. Соб. Пр. 3, 12, 48; Св. Вас. Вел. 12) они разрешают епископам быть женатыми и клирикам двоеженцами, т. е. нарушают то, что вся Вселенская Православная Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором. Таким образом, они разрывают связь с церковным Вселенским Преданием и подпадают под Соборное осуждение за нарушение Предания (Догм, Опред. 7 Всел. Собора). Даже первоначальные деятели обновленческого движения (еп. Антонин Грановский и др.) сами сознали всю неканоничность своих заблуждений, о чем открыто и настойчиво заявляют в своих проповедях и воззваниях...

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви.

Богомудрые и Боголюбезные архипастыри, честные пастыри и все возлюбленные Православные христиане! В столь тяжелое, переживаемое ныне время церковной жизни, уповая на Божественное, пекущееся о нас Промыш-

ление, будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едино (Ин. XVII, 22–23), помогая друг другу охранять нашу Православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими (Мк. XII, 17; Рим. XIII, 1; Деян. IV, 18–19), дабы последняя видела это и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Святой (1 Пет. II, 12–14).

Будем усердно молить милостивого Бога, да незыблему сохранит Он в Православии Русскую Церковь. «Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честно Твоею Кровию» (Св. Космы Маюмского 3-й ирмос на Сретение Господне).

Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский).

Богоспасаемый град Москва, в лето 1925, июля 15/28 дня».

Результаты этого послания, опубликованного в день празднования памяти Крестителя Руси, св. равноап. вел. кн. Владимира, были чрезвычайно велики. В народе оно было воспринято как акт благодатного мужества и исповедничества митрополита Петра. Даже те, кто ранее воспринимал нового главу Русской Православной Церкви, окончательно признали в нем достойного преемника святейшего патриарха Тихона. Послание показало всем, что наша Церковь, несмотря ни на какие внешние бедствия, не утратила своей духовной силы и власти «вязать и решить» и что долготерпение ее не есть признак внутреннего паралича, как надеялись враги. Совсем напротив – всеобщая поддержка Послания 15/28 июля 1925 года и в центре, и в самых дальних «медвежьих» углах продемонстрировала, насколько крепко стояла наша Церковь в духе Истины и как велика была каноническая стойкость и внутренняя дисциплина епархиальных архиереев, пастырей и мирян. На местах, как правило, православные епископы от встреч и переговоров с обновленцами уклонились; зазывные обновленческие письма возвращали обратно в нераспечатанном виде, в обновленческих собраниях участия не принимали.

Митрополит Петр (Полянский)

В Ленинграде в беседе с крупнейшим обновленческим лидером «архиереем» Платоном епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) заявил, что говорить о примирении нет особой надобности: желающие мира всегда могут получить его, раскаявшись в своих заблуждениях. В послании ленинградских епископов-викариев от 7/20 июля 1925 года говорилось, что «...Господь благословит, будет и законный Собор, а судя по беззаконному, нече-

стивому и богомерзкому собору 1923 года, низложившему Св. Патриарха, мы знаем, на какие соборы зовут обновленцы»¹⁵.

Митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) не принял депутацию от Епархиального съезда, сообщив при этом, что он может допустить обновленческого архиепископа Александра (Лаврова) только как желающего принести всенародное покаяние. Такой же «прием» ждал обновленцев в Туле, Владимире, Твери, Вятке, Вологде, Пензе, Смоленске, Самаре, Оренбурге, Симбирске, Омске, Уфе, Иркутске, Великом Устюге – по всей России. Священники и миряне обнаружили в те дни свое полное единомыслие и единодушие с Посланием Патриаршего Местоблюстителя, столь своевременным и жизненно необходимым Церкви. После кончины патриарха многие впервые с облегчением вздохнули, усмотрев в этом послании явный знак, что в нужный момент Господь воистину дает людям Своим крепость несокрушимую.

Биограф митрополита Петра (Полянского) пишет: «Не преувеличивая, можно сказать, что, несмотря на кратковременное (всего восемь месяцев) возглавление Церкви, именно этим актом Патриарший Местоблюститель оставил по себе неизгладимый след в Церкви в благодарной памяти Ее верных сынов» («Кифа», с. 125).

Если внимательно вдуматься в содержание этого документа со значительной временной дистанции, нельзя не признать, что его значение не только не утрачено, но, пожалуй, приобрело сегодня особую актуальность. А провокационная и корыстная позиция тогдашнего вселенского патриарха Василия III в признании обновленцев тождественна поддержке украинских раскольников нынешним константинопольским патриархом Варфоломеем.

Сразу после публикации Послания от 15/25 июля 1925 года над головой митрополита Петра стали сгущаться тучи... Обновленческая печать была переполнена грубой бранью, провокационными выпадами, политической клеветой, направленными в его адрес. В специальных посланиях «к Боголюбивой пастве» обновленцы отказывались признать в нем главу Русской Церкви, так как Патриарший престол был «упразднен» ими еще в 1923 году. Каноническая же твердость митрополита Петра единодушно объяснялась ими как политический способ охранения Церкви от «революционной обновительной стихии», способной подточить Ее «монархическое и антисоветское нутро»¹⁶.

Разбойничий «Помсбор» 1925 года открылся в Москве 18.9/1.10.1925 в обстановке полной изоляции от православного мира, шатаний и разногласий внутри самого обновленческого движения. Часть наиболее совестливых и благоразумных его участников под влиянием Послания митрополита Петра заколебалась, качнулась в сторону покаянного примирения с Матерью-

¹⁵ См.: Русская Православная иерархия периода с 1893 по 1965 год включительно. Ч. 1 / Сост. М. М. (Митрополит Мануил (Лемешевский)). Куйбышев, 1966.

¹⁶ См.: ЖМП. 1967, № 3.

Церковью. Часть же наиболее отъявленных «реформаторов», многократно женатых «иерархов» и «архиереев», понимая, что в случае провала они будут неизбежно извержены из сана, решили идти до конца, не гнушаясь никакими средствами. И если главной акцией «Собора 23 года» являлся суд и «низложение» святейшего патриарха Тихона, то на «Помсоборе-25» обновленческие лидеры готовились к нанесению смертельного удара по Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру. На втором, утреннем заседании «Помсобора» 19.9/2.10.1925 лидер обновленчества, известный провокатор А. И. Введенский выступил с докладом «Современное положение православия». Доклад был «замечателен» тем, что о положении православия в нем не было сказано ни слова. Зато он содержал в себе некое сенсационное сообщение, похожее на плохо скроенный детектив. Речь шла о «свидетельстве» некоего южноамериканского «епископа» Николая (Соловья), который уехал в Уругвай как представитель обновленческого Синода. Едва обосновавшись на месте, он отрекся и от обновленчества, и от советской власти. Однако, по словам Введенского, Соловей вдруг опять «одумался» и обратился к обновленческой верхушке с покаянным письмом, в котором сообщал страшную тайну о том, как перед отъездом за границу он был приглашен патриархом Тихоном. Патриарх якобы в присутствии митрополита Петра (Полянского) вручил Соловью некое послание. В послании говорилось, что Церковь не может благословить на престол великого князя Николая Николаевича, поскольку есть законный и прямой наследник престола великий князь Кирилл. Послание было якобы написано на первом листе «чиновника», подклеено к переплету и заклеено двумя другими листами.

Этой фальшивке ее создатели не потрудились придать элементарный вид правдоподобности. (Впрочем, так происходит с разного рода «сенсационными разоблачениями» в отношении России и Русской Церкви и в наши дни.) Те, кто представлял себе внутренний облик святейшего патриарха Тихона, прекрасно понимали, что, если бы даже авантюрист Соловей действительно сумел пробраться в покои святейшего в Донском монастыре, патриарх не принял бы его как безблагодатного обновленческого «архиерея», который пожаловал не по вопросу о покаянии. Еще менее вероятно, что подобному человеку патриарх мог доверить сверхсекретные документы. Кроме того, последовательно отстаивая принцип аполитизма, патриарх не мог дискредитировать себя политическими интригами. Он стоял в Правде – именно в этом была его духовная сила. «Но такова была особенность психологии того исторического момента, когда массовое помрачение совести и упадок нравственных критериев позволяли людям, в буквальном смысле, называть черное белым и наоборот...» («Кифа», с. 167).

После выступления Введенского на обновленческом соборе начались оживленные «прения по докладу», которые сводились к тому, что «Синод» после такого сообщения должен был отказаться от примирительной тактики в отношении «тихоновцев». Дескать, мир с «царскими сатрапами» невозмо-

жен. «Верхушка тихоновщины является контрреволюционной опухолью Церкви, – говорил А. Введенский. – Чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция». Намек был недвусмысленным: каждому было ясно, что подразумевалось под таковой «операцией»... Обновленцы дали сигнал к расправе – пресса, в том числе центральная, прежде всего газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», которую возглавлял в то время «либеральный» Н. Бухарин, с готовностью этот сигнал подхватила, комментируя на все лады так называемое «Письмо Николая Соловья». Особенно много внимания уделялось Патриаршему Местоблюстителю Петру, который в разоблачительном «документе» упоминался вроде бы вскользь, попутно. На самом деле именно против него было направлено сфабрикованное Введенским «разоблачение». Показательно, что датировалось оно 25.7/7.8.1925, т. е. было сочинено десять дней спустя после выхода в свет послания Патриаршего Местоблюстителя. Это была месть за бескомпромиссность и мужество позиции.

В развернувшейся кампании против митрополита Петра православные люди узнали зловещий мотив: «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его» (Мф. 26, 15). Простой народ недаром в глаза и за глаза именовал А. Введенского «Иудой-предателем». В среде православной интеллигенции его определяли как фигляра в рясе и виртуоза клеветы.

Введенский между тем был всего лишь марионеткой в руках более крупного и коварного политического игрока – Е. А. Тучкова, который возглавлял тогдашнее государственное ведомство по делам религии, а фактически был одним из главных врагов Православной Церкви, инициатором акций, направленных на ее разрушение. В частности, именно он являлся могущественным покровителем обновленчества. Одновременно он делал вид, что озабочен трудным положением Православной Церкви и неоднократно – однако неудачно – делал попытки убедить сначала патриарха, а потом Патриаршего Местоблюстителя в необходимости так называемой легализации Церкви, которая на деле давала возможность государству грубо вмешиваться в ее внутреннюю жизнь. В частности, в переговорах с митрополитом Петром (Полянским) Тучков выдвинул конкретные условия такой «легализации»:

1. Издание декларации «определенного содержания»;
2. Устранение от церковной жизни ряда неудобных власти епископов;
3. Осуждение заграничных епископов за их политические деяния;
4. Контакты с правительством через посредничество Тучкова.

За это обещалось официальное оформление центрального и епархиальных управлений и неприкосновенность тех епископов, которые должны быть **назначены по соглашению с властями**. Митрополит Петр решительно отказался от предложенных ему условий, в частности от подписания текста декларации, составленной Тучковым. Отношения между ними становились все более натянутыми. Затем раздался властный голос Местоблюстителя, обличивший провокационный «Помсобор-25», – и тогда Тучков замыслил ту самую «хирургическую операцию», которая должна была удалить митропо-

лита Петра от руководства Русской Церковью. Им был применен обычный тогда, самый безотказный метод – компрометация по политической линии.

После «разоблачительного» выступления А. Введенского началась газетная шумиха. 2/15 ноября 1925 года центральный правительственный орган страны – газета «Известия» опубликовала статью некоего гражданина Теляковского. На самом деле это был не просто «гражданин», но активный деятель научного атеизма, член президиума II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников, соратник Е. Ярославского-Губельмана, Е. А. Тучкова и им подобных. Статья, написанная в обычном для антирелигиозной пропаганды тех лет стиле развязного пасквиля, объявила патриарха Тихона и его «престолонаследника» митрополита Петра (Полянского) «яркими черносотенцами». Автор ее, опираясь на провокационную фальшивку («покаянное письмо» Николая Соловья), обвинил Патриаршего Местоблюстителя в продолжении «контрреволюционной борьбы» своего предшественника и в стремлении опираться на «заграничную банду» белой эмиграции. В конце статьи автор неожиданно объявил, что «от самого Петра (Полянского) Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения».

Здесь видна была попытка очередного – и очень сильного – нажима на Патриаршего Местоблюстителя. Неслучайно сразу после опубликования статьи к нему явилась сколоченная Е. А. Тучковым группа иерархов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским), недовольных церковным правлением. Эта группа потребовала от митрополита Петра публично реабилитировать себя «перед лицом советской общественности». В противном случае, поскольку Местоблюститель своими «единоличными действиями», по мнению членов группы, «бросает тень» не только на себя, но якобы на весь российский епископат, делегация настаивала на необходимости передать власть Временному Высшему Церковному Совету (впоследствии сокращенно он был назван ВВЦС, или «григорианство» – по имени лидера очередного церковного раскола). Целью григориан было уничтожение патриаршества и восстановление Синодального управления Русской Церковью. Свое посещение архиепископ Григорий (Яцковский) Екатеринбургский, а также епископы Борис (Рукин) Можайский и Иннокентий (Бусыгин) объясняли исключительно благом Церкви и тревогой о ее судьбах. Митрополит Петр сначала согласился было подтвердить прежние заявления Русской Православной Церкви о лояльности по отношению к государственной власти. Но, поразмыслив, он в этом деле разглядел «руку Тучкова» – поэтому пришел к решению не издавать никаких деклараций и заявил, что берет на себя всю ответственность за Церковь; судить же его будет Господь и канонический Всероссийский Собор. Этот ответ означал, что Патриарший Местоблюститель сделал выбор и внутренне готов к тюремным узам.

По примеру своего предшественника он составил, на случай своего «изъятия» или кончины, завещательное распоряжение о передаче высшей церковной власти. Среди возможных заместителей Местоблюстителя Патриар-

шего престола были названы три архипастыря: митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) экзарх Украины Михаил (Ермаков) и архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых). Документ был подписан 23.11/6.12.1925 в Москве. Секретную его доставку всем трем кандидатам Местоблюститель поручил своему родному брату протоиерею о. Василию Полянскому.

Экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Ермаков), проживавший тогда в Москве, в Китай-городе, категорически отказался принять пакет, сославшись на тяжелую болезнь. В тот же день посол был направлен в Нижний Новгород к митрополиту Сергию (Страгородскому), который безоговорочно принял пакет и убрал его «до времени». Каким образом и когда завещательное распоряжение было доставлено архиепископу Иосифу (Петровых) – сведений нет.

Распоряжение оказалось своевременным: не прошло и четырех суток, как Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был арестован. Это случилось 27.11/10.12.1925, на память иконы Божией Матери «Знамение». Ночью в сокольническую резиденцию Местоблюстителя явились вооруженные люди и приступили к обыску. Сначала митрополит Петр был арестован на дому, но уже через два дня его перевели во внутреннюю тюрьму ГПУ. Одновременно была арестована группа близких ему иерархов: архиепископы Николай (Добронравов) Владимирский, Пахомий (Кедров) Черниговский, Прокопий (Титов) Херсонский, Гурий (Степанов) Иркутский, Тихон (Шарапов) Гомельский и др. Позже митрополит Петр (Полянский) был переведен в Бутырскую тюрьму, где пребывал довольно долго в грязной и смрадной камере с тридцатью уголовниками. Затем ему предстоял долгий путь по этапу в Сибирь и в Заполярье.

Об этом сообщалось в заграничной прессе – православные русские люди за рубежом с глубоким сочувствием следили за судьбой нестигаемого владыки. Первоначальное настороженное отношение к нему сменилось глубочайшим уважением и преклонением, особенно после того, как он проявил себя твердым защитником православия, бескомпромиссным и сильным борцом против обновленческой ереси. Зарубежная печать решительно прореагировала на публикацию статьи в «Известиях», назвав заведомо ложными все возводимые в ней против митрополита Петра (Полянского) политические обвинения, «так как он более чем кто-либо был последовательным противником смещения временного и вечного и внесения политики в церковную жизнь».

Но, конечно, врагам Православной Церкви не было дела до искренней аполитичности владыки. Им важно было найти предлог для его «обезвреживания»... Как справедливо утверждал автор статьи в зарубежной печати, одна из основных целей атеистической власти – уничтожение Православной Церкви. ***«На пути к этому уничтожению митрополит Петр (Полянский) является главным препятствием...»***¹⁷

¹⁷ Воскресное чтение. № 4. Варшава, 1926.

В церковной Москве, а затем по всей России, уже достаточно приученной к массовым «изъятиям» духовенства, арест Патриаршего Местоблюстителя был воспринят с особой скорбью: верующие русские люди понимали, что удар был направлен в главу Церкви и что это означает начало нового похода против нее. Действительно, как только митрополит Петр был насильственно устранен от церковного управления, события начали развиваться с чрезвычайной напряженностью и быстротой. Проследим их ход.

Узнав из достоверных источников об аресте митрополита Петра, митрополит Сергей (Страгородский), находящийся в это время в Нижегородском Крестовоздвиженском монастыре, немедленно вскрыл пакет с завещательным распоряжением и приступил к возложенным на него обязанностям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Он находился в полусвободном состоянии, с подпиской о невыезде из Нижнего, однако через московского vicария уведомил русский епископат о своем назначении. Уведомление было принято без возражений. Это произошло 1/14 декабря 1925 года.

Между тем несколько позднее – 9/22 декабря 1925 года, в Москве под покровительством Е. А. Тучкова и ГПУ собирается группа архиереев в составе из девяти человек, которая не знает будто бы о полномочиях, данных митрополиту Сергию. Обсудив «создавшееся положение», группа образует Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который начинает самочинно править Церковью. Во главе этого нового церковного раскола по-прежнему находился архиепископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий (Яцковский). Его поддержали архиепископ Могилевский Константин (Булычев), епископ Симбирский Виссарион (Зорин), епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский), епископ Егорьевский Вассиан (Пятницкий), епископ Можайский Борис (Рукин), епископ Усть-Медведицкий Тихон (Русинов). Характерно, что едва ли не половина членов этой группы в свое время уклонялась в обновленческий раскол. Гражданская власть сразу поддержала ВВЦС – дала разрешение на печать, канцелярию, предоставила раскольникам типографию.

Но Церковь решительно стояла на стороне митрополита Сергея (Страгородского) и только его власть признавала законной. Тогда раскольники стали усиленно призывать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя к сотрудничеству. Однако митрополит Сергей не пошел на компромисс и в своих посланиях доказал, что акт образования ВВЦС – «не смелость ревнителей, а дерзость похитителей, подлежащая наказанию по правилам Церкви». За тяжкие нарушения канонов он подверг причастных к григорианскому расколу архиереев «запрещению в священнослужении и устранению от управления вверенными им епархиями (или викариатствами) впредь до раскаяния их...»

Тогда раскольники при содействии Е. А. Тучкова делают попытку получить санкцию на существование ВВЦС от самого Патриаршего Местоблюстителя Петра, пользуясь тем, что он находился в строжайшей изоляции и ничего не знал о положении церковных дел. С помощью «соответствующих инстанций» они представили митрополиту Петру доклад, в котором

содержалась ложная информация о том, что митрополит Сергей (Страгородский) якобы не смог осуществить возложенные на него полномочия – поэтому Русской Православной Церкви грозит анархия. Выход, как утверждалось в докладе, один: передать руководство Церковью ВВЦС, уже будто бы успешно функционирующему и признанному даже гражданской властью.

Эти сведения чрезвычайно огорчили митрополита Петра. От него требовалось быстрое и в то же время мудрое решение – и оно было принято: в понедельник 19.1/1.2.1926 на докладе появилась *условная* резолюция Местоблюстителя, в которой было выражено глубокое сожаление, что ни один из трех предполагавшихся заместителей не мог по различным причинам вступить в эту должность. И далее говорилось, что *если* это так, то «в интересах мира и единения Церковного, признаем полезным временно... поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архипастырей». Двоих из них – Николая (Добронравова) Владимирского и Дмитрия (Беликова), архиепископа Томского, Местоблюститель *выбрал сам*, а не из числа тех, кого ему предлагали. В списке он оставил Григория (Яцковского) Екатеринбургского, которому тогда еще ошибочно доверял. При этом митрополит Петр сделал важнейшую оговорку, что замещающие его архиереи получают полномочия по решению всех вопросов, *«кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения»* (выделено мною. – О. С.)

Ознакомившись с этой резолюцией, митрополит Сергей (Страгородский) сделал обоснованный вывод, что Патриарший Местоблюститель не имел объективной информации о положении церковных дел, иначе ему было бы ясно, что необходимости в создании ВВЦС не было никакой и что возникновение этой самочинной организации грозит Церкви новым расколом. Он пронизательно отметил: «Местоблюститель ясно сознавал всю невозможность давать направление церковному кораблю, будучи с завязанными глазами. Этим, конечно, объясняется сама *условность резолюции*». Поэтому Заместитель Патриаршего Местоблюстителя не считал возможным сложить с себя вверенные ему полномочия.

Поняв, что затея с созданием ВВЦС не вполне удалась, Е. А. Тучков предложил вступить в должность Патриаршего Местоблюстителя престарелому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), только что вернувшемуся из нарымской ссылки. Тучкову удалось убедить старца, что только он, митрополит Агафангел, своим авторитетом, приняв данные ему еще патриархом Тихоном высокие полномочия, сможет урегулировать внутреннюю жизнь Церкви и выйти на переговоры с внешней властью. Искренне желая спасти положение, митрополит Агафангел издал в Перми послание от 5/18 апреля 1926 года, где сообщал о своем вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя. Митрополит Петр, поверив прибывшему к нему в тюрьму Тучкову, что иного выхода нет, одобрил кандидатуру митрополита Агафангела на возглавление Церкви.

Этого и добивался Тучков, положивший в основу своей политики принцип «разделяй и властвуй», ибо, умножая число «претендентов» на возглавление Церкви, он сам хотел править ею. Приемы, которыми пользовался этот умный и коварный враг Русской Церкви, до сего дня не потеряли своей эффективности, и потому на них важно обратить внимание.

Во-первых, Тучков воспользовался неинформированностью митрополитов Петра и Агафангела. Недостоверная и неполная информация – это почва для внедрения ложной информации, а значит, для совершения ошибок, как бывало прежде и бывает теперь. Поэтому важно помнить, в чьих руках информация, и понимать, чисты ли эти руки. Во-вторых, Тучков на каждом шагу применял прием подмены: на словах заботясь о единстве и мире в Церкви, он на деле более всего старался разрушить именно единство и мир.

Несомненно, Е. А. Тучков принадлежал к числу наиболее изощренных оборотней своего времени. Но козни его были изобличены митрополитом Сергием, который сумел связаться с Патриаршим Местоблюстителем и передать ему письмо об истинном положении церковных дел. Сумел он убедить и митрополита Агафангела в ошибочности и опасности принятого им решения. Вообще, в первый период своей деятельности, оказавшись во главе Русской Церкви, митрополит Сергей неоднократно проявлял твердость, решительность, а также незаурядный, тонкий и проницательный ум.

Скорее всего, находясь в Пермской тюрьме, Митрополит Петр получил от своего заместителя достоверные сведения о провокации архиепископа Григория (Яцковского) и о выступлении митрополита Агафангела (Преображенского). В результате было написано известное послание Патриаршего Местоблюстителя к Русской Православной Церкви, в котором узник-митрополит объяснил свои невольные ошибки и дал четкую оценку действиям всех участников недавних событий. В послании подтверждалась «справедливость принятых митрополитом Сергием (Страгородским) мер – запрещения в священнослужении архиепископа Григория (Яцковского) и единомысленных ему архиереев-самочинников с отстранением от занимаемых кафедр». Сообщалось также о «добровольном отказе митрополита Агафангела (Преображенского) от обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола». «И посему, – говорилось далее, – подвергнутся строгому суду осуждению те, кто, прикрываясь благами Церкви, станут употреблять усилия выдвинуть старца Божия на Местоблюстительский пост, они будут чинить тяжкое преступление перед Святой Церковью».

Письмо проясняло наиболее сложные и спорные проблемы церковного управления и тем самым способствовало умиротворению искусственно нарушенного внутреннего мира. Датировано оно было первым января 1927 года. Новый год, таким образом, имел спокойное и ясное начало. Однако продолжение его было совсем иным – небывало драматическим. В судьбах Русской Церкви 1927 год стал переломным...

Но начнем с небольшой преамбулы. Еще осенью 1926 года, ввиду того, что существовала реальная угроза кончины содержавшегося в тяжелейших условиях Местоблюстителя Петра и ареста его заместителя, группа епископов, близких митрополиту Сергию (Страгородскому), пришла к выводу о необходимости избрания нового патриарха. Созвать Собор духовенства и мирян или Собор епископов оказалось, по условиям того времени, совершенно невозможным. Поэтому было решено произвести опрос большинства православных епископов. При наличии их подписи под соответствующим актом выборы патриарха были бы канонически неоспоримы. Трудность дела состояла в том, что требовалось в кратчайший срок собрать подписи во всех концах России, в том числе и в местах ссылки, причем сделать это надо было в условиях строжайшей конспирации, дабы избежать вмешательства ГПУ.

Кандидатом в патриархи был избран по единогласному решению инициативной группы епископов митрополит Кирилл (Смирнов) Казанский. С 1922 года он находился в ссылке, срок которой кончался как раз осенью 1926 года. Его глубоко уважали в широких церковных кругах за стойкость в православии, неподкупность и мужество.

В особом секретном обращении к епископату Русской Православной Церкви митрополит Сергей (Страгородский) просил высказывать мнение по вопросу об избрании нового патриарха и по выдвинутой кандидатуре. С этим обращением несколько близких заместителю лиц отправились в разные концы России для скорейшего сбора подписей. В ноябре 1926 года под актом избрания митрополита Кирилла (Смирнова) патриархом имелись подписи уже 72 епископов. Но тут произошло нечто неожиданное: был арестован находившийся в Москве проездом преосвященный Павлин (Крошечкин), епископ Рьльский – один из участников сбора подписей. Затем один за другим подверглись аресту епископы, чьи подписи стояли в числе первых под актом избрания нового патриарха, – архиепископ Корнилий (Соболев), епископ Григорий (Козлов) и другие. Был арестован в ссылке в Зырянском крае и сам кандидат на Патриарший престол митрополит Кирилл (Смирнов) и брошен в Вятскую тюрьму. А 25.11/8.12.1926 в Нижнем Новгороде произошел арест митрополита Сергия (Страгородского). Затем он был переведен в Москву, во внутреннюю тюрьму ГПУ.

Но через несколько месяцев после ареста митрополит Сергей был неожиданно освобожден. Это произошло в день его мирских именин, на память преподобного Иоанна Безмолвника, 30.3/12.4.1927. Спустя некоторое время, 16/29.7.1927, была обнародована известная «Декларация», подписанная митрополитом Сергием (Страгородским) и членами действующего при нем временного Патриаршего Священного Синода. Как сообщалось в Декларации, Синод был организован в мае текущего года по ходатайству заместителя и *«с разрешения власти»*. Об этом говорилось как о факте чрезвычайной исторической важности: «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только канонически, но и гражданским законом вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно рас-

пространится и на наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся, таким образом, в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений...»¹⁸

Далее выражалась признательность советскому правительству «за такое внимание к духовным нуждам православного населения». Высказывалась надежда, в связи с состоявшейся легализацией Церкви, на «приведение Ее управления в должный строй и порядок», на «возможность мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона»²⁵.

Декларация 1927 года не только засвидетельствовала лояльность Церкви в отношении к гражданской власти (такие заявления неоднократно делались и прежде). Но в этом документе содержалось нечто принципиально новое: в нем утверждалось не только единство Церкви с народом, но и согласие с «нашим Правительством». Что касается «недоверия» (весьма мягко выражаясь) этого правительства к православному духовенству, то оно признавалось «справедливым» и связывалось с происками зарубежных врагов, среди которых были «не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их...»¹⁹

Поэтому, говорилось в Декларации, «мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство о полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии».

Все эти акции имели, как утверждал Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, одну цель – нормализацию взаимоотношений Церкви и государства. При этом он особо подчеркивал, что именно к такой цели стремился и святейший патриарх Тихон. До некоторой степени так оно и было, и содержание Декларации 1927 года, казалось бы, лишь в деталях отличалось от известных Патриарших посланий. Однако рассмотрение этих «деталей» обнаруживает их существенное смысловое различие:

Патриарх Тихон последовательно отстаивал **аполитизм** Русской Православной Церкви. – В Декларации митрополита Сергия появляются элементы политических оценок и **политического выбора**.

Святейший патриарх мог выражать раскаяние в своих **личных** несуществующих грехах перед советской властью, которые ему приписывали. Но он никогда не признавал несуществующих грехов вверенной ему Церкви. – Митрополит Сергей косвенно признавал вину всей Церкви, оправдывая негативное отношение к ней со стороны властей.

Ранее позиция Церкви строилась на абсолютном соблюдении Закона об отделении Церкви от государства. – Теперь был сделан серьезный шаг в сторону их сближения и возникновения зависимости Церкви от власти.

18 Послание митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 г. // Известия. 1927, 19 августа. См. также: Христианское чтение. № 5. СПб., 1991. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 36.

Митрополит Сергей
(Страгородский)

Митрополит Сергей (Страгородский) писал в Декларации 1927 года: «Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как Православная Церковь, со всею Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти». И он «открыл» Церковь для власти через гражданскую регистрацию приходских советов, епархиальных и центральных церковно-административных органов внутреннего самоуправления. Это значило, что Церковь теперь была не бесправна, поскольку получила статус юридического лица, что облегчало также ее организационную и административную деятельность, давало право на собственность. Но с другой стороны, атеистическое государство получило возможность с этого времени контролировать деятельность Церкви.

«Говорили: Церковь получила легализацию, тогда как следовало говорить: Церковь утратила свою внутреннюю свободу и вновь попала под тяжелое ярмо государственной опеки» («Кифа», с. 367). Эти горячие и горькие слова сказаны человеком, очень остро и близко переживавшим драматические события новейшей истории Церкви. В его оценке есть немалая доля правды. Но еще более справедливый и объективный вывод, на наш взгляд, был сделан митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым), углубленно изучавшим тот сложнейший период, в который была издана названная Декларация: «Настоящим посланием митрополит Сергей и члены Патриаршего Синода вступили не только на путь политической лояльности к Советской власти, но и как бы **включили себя в самый организм нового государства...**»²⁰

По-видимому, митрополит Сергей искренне надеялся, что в результате такого решительного «шага навстречу» положение Церкви в государстве будет нормализовано и стабилизировано. Впоследствии он объяснял свои действия тем, что после его ареста и устранения большинства православных епископов из церковной жизни над Русской Православной Церковью нависла серьезная опасность: государство проводило политику, направленную на ликвидацию органов высшего церковного управления, и в то же время поддерживало официально зарегистрированные раскольничьи «епископаты» григориан и обновленцев²¹. Именно сохранение, защита православия пре-

²⁰ Иоанн (Снычев), митрополит. Состояние Русской Православной Церкви при Сергии в период его Заместительства, Местоблюстительства и Патриаршества // Христианское чтение. № 3. СПб., 1991. С. 9.

²¹ См.: Послание митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода

жде всего под угрозой нового распространения обновленческой ереси – такова была главная задача, которую, по собственным словам, стремился решить митрополит Сергей, подписывая в 1927 году «поворотную» Декларацию. Не подвергая сомнению его искреннее стремление действовать во благо Церкви, необходимо в то же время беспристрастно разобраться в том, насколько духовно выверены были способы осуществления этого стремления.

Еще в XIX веке Константину Леонтьеву писал один из его корреспондентов, иеромонах Оптиной пустыни Климент (Зедергольм): «... При суждении о том, что касается веры и Церкви, брать в основание политические и другие какие-либо посторонние соображения, подчинять вопросы религии вопросам политическим, я всегда отказываюсь и вам не советую, потому что от подчинения высших вопросов низшим нельзя получить правильного понимания»²².

В «подчинении высших вопросов низшим» и была, как представляется, основная причина внутренней неточности, заложенной в Декларации митрополита Сергея. Кроме того, нельзя не учитывать и причин психологического порядка. Дело в том, что для митрополита Сергея был характерен дух некоего «прогрессизма», и, поддаваясь иногда этому духу, он оказывался на грани отступничества. Так, в 1917 году он был единственным из членов старого Синода, который не вышел из его обновленного «революционного» состава – остальные покинули его в знак протеста против разрушительной масонской деятельности обер-прокурора князя Львова. В 1922 году митрополит Сергей одним из первых примкнул к Высшему церковному управлению обновленцев (затем, как уже говорилось, после публичного покаяния он был прощен патриархом Тихоном и восстановлен в сане).

Все это помогает понять причину того, почему конкретный текст Декларации 1927 года согласился подписать именно митрополит Сергей (Страгородский). Очевидно, им двигал вовсе не страх повторить путь Местоблюстителя Петра – в предыдущих событиях он не раз выказывал незаурядную твердость и мужество. Видимо, в данном случае митрополит Сергей поддался соблазну прогрессизма и тактики взаимных уступок (на практике, увы, односторонних). Кроме того, мы можем лишь догадываться о том громадном психологическом давлении, которое, несомненно, было оказано на митрополита Сергея в период его четырехмесячного заключения... (Главной пыткой для него, очевидно, как и для патриарха Тихона, и для Местоблюстителя Петра во время их полной изоляции, была реальная угроза самоумощствованию Русской Православной Церкви.)

По словам митрополита Сергея, в период его ареста наступило такое время, когда «расстройство церковных дел достигло последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления»²⁸. Будучи кормчим этого корабля, он решил круто повернуть руль в новом направлении – и корабль

от 18/31 декабря 1927 г. // Христианское чтение. № 3. СПб., 1991. С. 7.

²² Из истории монашества XIX века. Рукопись.

получил пробоину, через которую государственные органы проникли внутрь Церкви. Пробоина была серьезной, но не смертельной: ее закрыли собою те, кому Церковь была дороже жизни. Корабль продолжал плыть.

Между тем текст «сергианской Декларации» подвергся суровому и страстному разбору в «Окружном послании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей» от 27 августа (9 сентября) 1927 года²³. В этом документе имели место «чуть-чуть» искаженные цитаты, которые сопровождались гневными комментариями. Так, например, в тексте Декларации 1927 года содержалась ныне широко известная фраза: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»²⁴. В Послании заграничного Собора слово «родина» было заменено словом «власть», и выходило, что Русская Православная Церковь признает своими... радости или неудачи власти. Митрополит Сергей призывал свою паству к гражданскому служению «не из страха только, но и по совести» (Рим. 13, 5) и в духе древних апологетов выражал убеждение, что именно христиане могут исполнять гражданские обязанности наиболее добросовестно и примерно. За рубежом эта мысль о гражданском служении своей стране опять-таки была употреблена неточно, в связи с повиновением власти. Отрицательную реакцию вызвало также мнение митрополита Сергия, что новая власть в России – не случайное недоразумение: здесь, как и вообще в человеческой истории, видно «присутствие Божественного Промысла, действие Десницы Божией, которая неуклонно ведет каждый народ к предназначенной ему цели». В этом взгляде было стремление за поверхностью событий увидеть их сокровенный смысл. Мнение карловчан о том, что советская власть существует «по поущению Божию, ради наших грехов и для вразумления нашего», вовсе не противоречило такой позиции. На основе негативных впечатлений о существе «сергианской Декларации» участники заграничного Собора пришли к выводу о полном порабощении Церкви безбожной властью и на этом основании утверждали, что у них есть «повод опасаться за чистоту Православия в России»²⁵.

Однако в Декларации 1927 года, при всех ее недостатках, незыблемым оставалось одно, но наиболее важное, ради чего существует Церковь: верность духу православия, бережное сохранение Истины христианского учения и всего Богослужбного церковного строя. В окончательном тексте Декларации было твердо заявлено, что «члены Русской Православной Церкви, добросовестно выполняющие свой гражданский долг, остаются самыми ревностными приверженцами православия, для которых оно до-

²³ Окружное послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей от 27 августа/ 9 сентября 1927 года // Церковные ведомости. 1927, № 17–18. См. также: Христианское чтение. № 5. СПб., 1991.

²⁴ Христианское чтение. № 5. СПб., 1991. С. 36.

²⁵ Христианское чтение. № 5. СПб., 1991. С. 41.

рого, как истина и жизнь, со всем его каноническим и Богослужбным укладом»²⁶.

Мы не можем не привести здесь рассказ-воспоминание всероссийского старца, архимандрита Иоанна Крестьянкина. С мягким юмором старец поведал, как в конце 1920-х годов, приехав из провинции в Москву и сняв угол за занавеской за 50 рублей, он стал вечерами по гостям ходить, пить чай и вести горячие разговоры «о предметах, в которых еще мало смыслил». В то время Москва ходуном ходила – обсуждала известную Декларацию. Как-то раз, вернувшись после одного из таких чаепитий, сопровождавшегося бурными разговорами, где юноша высказывался в отношении митрополита Сергия и его Декларации особенно непримиримо, он забрался в свой угол за занавеской, лег на кровать и задремал. И вот – в «легком сне» – видит он себя в Богоявленском Елоховском соборе, где часто происходили архиерейские службы. В соборе – огромное стечение народа. К царским вратам проложена ковровая дорожка. По обе стороны от нее в два ряда выстроились священники, а народ теснится вокруг, яблоку негде упасть. Юноша стоит где-то в задних рядах. Из алтаря льется несказанный, неземной свет. Духовенство во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) с пением начинает двигаться по направлению к алтарю. И вдруг митрополит останавливается, поворачивается и идет назад, прямо по направлению к молодому человеку. Народ расступается. Митрополит Сергей подходит к юноше, смотрит ему в глаза, кладет руку на плечо – слегка обнимает – и тихо, с болью говорит: **«Вот ты осуждаешь меня. А я каюсь...»** «Тут я проснулся, – рассказывает старец, – и мне стало так за себя стыдно! С тех пор и до сего дня я с любовью и легким сердцем молюсь за митрополита Сергия...»

Этим свидетельством всероссийского старца мы и сегодня можем умудряться. Будем помнить, что Православная Церковь в России в XX веке несла тяжелейший крест.

Те, кто возглавлял Русскую Церковь, делали все, чтобы она была жива. Они были православными архипастырями и, к счастью, в отличие от католических пап, не имели отношения к догмату «непогрешимости». Порой они спотыкались под тяжестью первосвятительского креста – у них были ошибки, грехи и погрешности, были неточные шаги. Как правило, тайно или явно они их признавали. И всякий раз не сторонние наблюдатели и судьи, а соборный разум Церкви определял, в чем была ошибка или неточность, а потом искал и находил пути исправления.

Примером может служить отзыв о Декларации 1927 года соловецких епископов.

В своем письме они одобрили самый факт обращения Высшего церковного учреждения к правительству с подтверждением лояльности Русской Церкви в отношении советской власти. Однако они сочли неверными следующие положения Декларации:

²⁶ Там же. С. 37.

а) «Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства»;

б) послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви «не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви»;

в) послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь;

г) послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления. Это противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917–1918 годов от 3/16 августа 1918 года, разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшего всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем;

д) «Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным...»

Соловки, 1927 г., 14/27 сентября²⁷.

В заключение соловецкие епископы настаивали на твердом выполнении закона об отделении Церкви от государства с обеих сторон, особо подчеркнув «недопустимость вмешательства в область чисто церковных отношений государства, враждебного религии». Участь авторов этого письма, как и многих других узников совести, отнюдь не была облегчена после появления Декларации, а владыка Сергей, по некоторым данным, искренне надеялся на такое облегчение. Между тем случилось обратное: Церковь стала еще более беззащитной. Любой протест против произвола властей в отношении храмов и священнослужителей автоматически рассматривался теперь как борьба против существующего государственного строя со всеми вытекающими последствиями.

Однако те, кто нес на себе главную тяжесть усилившихся государственных репрессий, не сочли возможным нарушить единство Церкви и порвать с митрополитом Сергием. Большинство соловецких епископов – пятнадцать из двадцати трех, как свидетельствовал один из них, епископ Мануил (Лемешевский), принимавших участие в составлении «Памятной записки», признали Декларацию в целом необходимым по тем временам актом, не нарушающим ни догматического, ни канонического учения Церкви. Особую роль в выработке этой твердой, не допускающей раскола позиции сыграл

²⁷ Отклик православных епископов, заключенных в Соловки, от 14/27 сентября 1927 года на «Декларацию» митрополита Сергия // Христианское чтение. № 3. СПб., 1991. С. 11–14.

архиепископ Илларион (Троицкий), когда-то знаменитый на всю Россию проповедник, который с достоинством нес теперь подвиг исповедничества и обладал огромным авторитетом среди епископов-узников.

Итак, наиболее мудрые и стойкие представители русского православного духовенства выражали готовность остаться с Церковью и претерпеть все, что выпадет ей на долю. Другие из принципиальных соображений разорвали связи с Церковью, ушли в «катакомбы». Третьи отмежевались лично от митрополита Сергия. Но и те, и другие, и третьи в качестве высшего, непрерываемого авторитета Церкви утверждали Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского).

В то беспокойное время нередко делались такие заявления:

«...Отмежевываясь от митрополита Сергия (Страгородского) и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного Первосвятителя митрополита Петра (Полянского)...» (Выписка из письма митрополита б. Ленинградского Иосифа (Петровых)).

«...Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского)...» (Выписка из письма протоиерея о. В. П. Свенцицкого).

«...При этом добавляем, что мы (отходя от заместителя. – *Ред.*) неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего престола Высокопреосвященному Петру (Полянскому), митрополиту Крутицкому...» (Обращение группы ярославских архиереев к заместителю Патриаршего Местоблюстителя...) И так далее.

Как же отнестся к Декларации 1927 года сам митрополит Крутицкий Петр?

Неоднократные попытки Тучкова склонить его к отказу от местоблюстительства митрополит-исповедник твердо отвергал, несмотря на посулы значительного облегчения своей участи. Эта твердость, внутренняя независимость и полная несговорчивость, проявленные им в заключении, определили тяжесть его судьбы: из Московского ГПУ он попадает в Суздальский специзолятор, затем его опять привозят в Москву, и Тучков вторично предлагает ему добровольно сложить с себя обязанности местоблюстительства. Следует решительный отказ – и тогда в декабре 1926 года митрополита Петра отправляют в Тобольск etapом через Вятскую, Пермскую, Екатеринбургскую и Тюменскую тюрьмы. Сохранилось предание, что на этом трудном пути владыка Петр однажды был вынужден ночевать в открытом снежном поле. Он ждал гибели, но неожиданно откуда-то прибежал огромный медведь, лег рядом, и владыка спасся, прижавшись к нему и отогреваясь в его густой шерсти. Утром медведь убежал...

Крестный путь митрополита Петра продолжался. В феврале 1927 года Патриарший Местоблюститель прибыл с etapом в Тобольскую тюрьму, а в конце того же месяца он был направлен в Абалакский Знаменский мона-

стырь на берегу Иртыша. Подобно многим другим обитателям, этот монастырь был превращен в концентрационный лагерь. Но и здесь узник пробыл недолго. Летом 1927 года он был заброшен за полярный круг, в поселок Хэ Обдорского района. Затем его снова ненадолго вернули в Тобольскую тюрьму. Там явился к нему Е. А. Тучков. Он предложил митрополиту отказаться от местоблюстительства, обещая в таком случае свободу. Митрополит Петр (Полянский) не согласился и немедленно был препровожден обратно в Хэ.

Существовало свидетельство епископа Спасо-Клепиковского Василия (Беляева), который находился около двух месяцев в заполярном поселке Хэ вместе с митрополитом Петром. После ссылки, отправляясь по месту службы в Рязанскую епархию, он заехал в Москву и передал митрополиту Сергию (Страгородскому) докладную записку. В ней сообщалось, что «митрополит Петр получил возможность (из газеты “Известия”) прочитать декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка Митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его»²⁸.

Этому докладу поверили, однако, не все. Возникли обоснованные вопросы: почему митрополит Петр столь важное сообщение передал в устной, а не письменной форме? Каким образом ссыльный епископ сумел беспрепятственно прибыть в Москву? Опытные люди знали, что без ведома властей подобная остановка его в столице была бы невозможной. Скептиков волновал и другой, гораздо более важный и принципиальный вопрос: почему митрополит Сергей перед подписанием Декларации не спросил совета у того, чье имя он возносил на богослужениях как имя «Господина нашего»?

Сам митрополит Сергей высказал убеждение, что «Заместитель облечен Патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель <...> нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление или своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и анархии. Как и всякое двоевластие»²⁹.

Напомним, однако, что именно для предотвращения «расстройства церковных дел» митрополит Сергей прежде не раз обращался к митрополиту Петру – и в связи с григорианским расколом, и в споре с архиепископом Агафангелом... Иными словами, заместитель, который в первый период своей деятельности боролся с самочинием, на сей раз сам, нарушив каноны, совершил его. К тому же в известной резолюции митрополита Петра от

²⁸ Доклад еп. Спасо-Клепиковского Василия от 11 ноября 1927 г. // Христианское чтение. № 3. СПб., 1991. С. 10–11.

²⁹ ЖМП. 1931, № 1. С. 5.

19.1/1.2.1926 замещающему его лицу дозволялось проявлять инициативу «по всем вопросам, кроме вопросов **принципиальных и общецерковных**, проведение в жизнь которых допустимо лишь с Нашего благословения».

Подписанием столь важного документа общецерковной значимости, как Декларация, без санкции Патриаршего Местоблюстителя и сонма русских иерархов, митрополит Сергей (Страгородский) вышел за пределы своих полномочий. Его переписка с заключенным митрополитом Петром была вполне осуществима. Очевидно, не только из «Известий», но и из переписки с духовными лицами узник узнал о существовании Декларации и о весьма неоднозначной, а порой и негативной реакции на нее в церковном обществе. Поэтому он отверг предложение Тучкова отказаться от местоблюстительства в пользу митрополита Сергея и взамен получить свободу.

При этом митрополит Петр прекрасно знал, какую цену придется за это платить: здоровье его в условиях заполярной тундры сильно пошатнулось. В день Усекновения Главы св. Иоанна Предтечи (29.8/11.9.1927) у него случился первый припадок тяжелого удушья от острой сердечной недостаточности. 15 июля 1928 года он направил в ОСО ОГПУ и во ВЦИК следующее заявление: «...Оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за полярным кругом, среди суровой обстановки, слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного пребывания здесь пришло в окончательный упадок... Дальнейшее оставление меня в настоящем трудно переносимом климате при моих сильно развивающихся болезнях (эмфизема, миокардит, хронический ларингит и др.) и при отсутствии средств для ослабления их равносильно обречению на смерть». Заявление было оставлено без последствий.

В октябре 1928 года в Тобольске появился Тучков и в очередной раз предложил «делку». Владыка понимал, что с его отказом от местоблюстительства могли рухнуть и права митрополита Сергея. Поместная Церковь осталась бы тогда без законного возглавия – это грозило новыми расколами. В таком случае на него ложилась огромная вина, не смываемая даже мученической кровью. Митрополит писал об этом в объяснительной записке Менжинскому 27 марта 1931 года.

Кроме того, чрезвычайно важным было то, что **именно он в течение трагических двенадцати лет представлял истинное лицо Русской Православной Церкви, именно он в своей судьбе фокусировал ее судьбу.**

Это понимала вся идущая великим крестным путем Православная Русь, возносившая за него свои молитвы. Из дальней ссылки о нем почти не доходило вестей. Но его живо помнили, чтили и любили в народе. О нем ходило много разных рассказов.

Так, прихожане московского кафедрального храма Христа Спасителя вспоминали, как примерно в 1921–1922 годах, «часто в будние дни, особенно за вечерним богослужением, появлялась здесь фигура епископа Петра (Полянского). На вид – сосредоточенно суровый, но в действительности добрый

и приветливый, встанет он, бывало, где-либо в укромном, темном и незаметном местечке и – молится...»

«Из периода его жизни у брата (о. Василия Полянского), при храме Николая в Столпах, рассказывали, как однажды, возвратившись усталый и не совсем здоровый после служения литургии домой, войдя в комнату, видит, что печи нетоплены, холодно, сыро...

Раздеваясь, говорит келейнику, что надо бы принести дров и как следует протопить помещение. Однако, оглянувшись, обнаруживает, что келейник лежит на кровати, уютно прикрывшись: отдыхает после совершения ранней литургии.

– Ах, ты лежишь?.. Ну ладно, лежи; я сам принесу дров» («Кифа», с. 52).

Биограф его справедливо замечает: «Разумеется, большого героизма в этом поступке нет, но найдутся ли еще митрополиты, которые станут тащить дрова в то время, когда их келейник безмятежно нежится на койке, – это вопрос. Святейший патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский) были, безусловно, способны на подобные поступки, но указать других святителей такого же стиля не так-то уж просто» («Кифа», с. 52).

О смиренной простоте Патриаршего Местоблюстителя и его чутком, сострадательном отношении к людям рассказывали также последние насельницы Серафимо-Дивеевского подворья в Москве. Во второй половине 1920-х годов в стенах этого подворья, на 1-й Мещанской улице, 22, в кв. № 6, проживал «знаменитый» Е. А. Тучков. Сюда часто приходили архиереи, вызванные Тучковым для деловых разговоров; в таких случаях их скапливалось до десятка или даже более, и они долго томились на лестнице в ожидании вызова к начальству. «Архиереи выдерживались здесь, как видно, не случайно, а в видах некоей морально-психологической обработки особенно строптивых и непокорных, дабы явиться пред лицо “Евгения Александрыча” с хорошей долей сознания своего убожества и ничтожества и – наоборот – укрепленными в уверенности всемогущества этого “значительного лица”. Впрочем, дожидаться вызова и при таких условиях удавалось далеко не часто. Бывало и так, что перед архипастырями, вызванными к 9–10 часам утра и протомившимися на лестничной клетке до 6–7 вечера, появлялся из страшной двери некий “учиненный брат”, который с каменной физиономией безапелляционно заявлял присутствующим, глядя мутным взором в пространство, что “Евгений Александрович сегодня принимать не будет” и потому прибывшие обязаны завтра пожаловать... к нему на работу в ГПУ или же опять сюда» («Кифа», с. 53).

Три дивеевские сестры – Анна Волкова (монахиня Антония), Надежда Голиказова и Елена Куликова – проживали на одной лестничной площадке с Тучковым. Наблюдая каждодневные издевательства над владыками, они очень переживали, нередко плакали и пытались помочь чем могли; тайком приглашали к себе кого-нибудь из них, поили чаем и подкармливали чем бог послал. «... Когда на лестнице появлялась заметная, дородная фигура митро-

полита Петра (Полянского), деятельная попечительность сестер неизменно распространялась и на него, подчас даже в большей степени, чем на других. Объяснялось это тем, что у митрополита Петра (Полянского) на нервной почве периодически появлялась острая экзема рук, во время которой все пальцы и тыльная сторона ладоней покрывались зудящими волдырями, и потому он, в таких случаях, ходил с забинтованными руками и в перчатках».

Сестры делали ему ванночки для рук из теплого раствора марганцовки, а потом предлагали скромную трапезу или стакан крепкого чая. Им нравилось, что он держался просто и естественно. Однажды, как они рассказывали, собравшиеся у «парадного» тучковского подъезда архиереи вышли во внутренний дворик подышать свежим воздухом. Они тихо переговаривались между собой, а тем временем в одном из углов двора две монахини распиливали огромные бревна.

Неожиданно от группы архиереев отделился митрополит Петр. Подойдя к матушкам, он что-то сказал им, затем «снял с себя верхнюю рясу, убрал панагию и, не особенно обращая внимание на их слабое сопротивление, принялся с подоспевшим к нему другим высокопоставленным лицом за работу. И дело пошло: через час бревна были распилены. Старушки чувствовали себя хотя и не совсем ловко, но, конечно, были довольны, кланялись, благодаря святителей за труды, а одна из них не выдержала и сказала, обращаясь к митрополиту, надевавшему на себя верхнюю рясу: «Спаси вас Господи, владыка! Какой же вы простой человек! А ведь нельзя таким быть; надо и важность иметь; так уж вам положено...» Потрудившиеся святители мало обратили внимания на это назидание и, расположившись вновь на прежнем месте, продолжали свои разговоры» («Кифа», с. 55). В этом рассказе проступает характерный для тех лет контраст в поведении представителя власти гражданской (Тучков) и церковной (митрополит Петр).

Еще один штрих к портрету Местоблюстителя, содержащийся в биографическом очерке: он избегал общения с женщинами, даже с родными сестрами. «Бывало, придут к нему замужние сестры – проведать его, – рассказывал один хорошо знавший митрополита Петра человек, – а он колеблется, нервничает... видно, нарушался его внутренний покой. Оканчивалось обычно тем, что он скажет келейнику: «Слушай, поди, купи ты им по хорошему торту и скажи, что я посылаю им благословение и добрые пожелания, но не могу принять сейчас – занят». Автор биографического очерка комментирует: «Многие, наверное, не поймут этого, иные отнесутся и осудительно, сочтут за черствость души, но истинно-монашеская дисциплина (о которой ныне и помину нет!) на самом деле требует именно такого поведения инока в этом вопросе; есть тому примеры и в житиях известных подвижников» («Кифа», с. 56).

Сравнение образа жизни и поведения Патриаршего Местоблюстителя с житием древних подвижников не вызывает сомнений, когда вчитываешься в страницы его биографии и особенно когда вдумываешься, какой крест достался ему в конце земного пути. Кстати, о своем подвижничестве упомина-

ет – очень буднично, мимоходом – сам митрополит Петр в последнем дошедшем из его заточения документе.

Это было письмо заместителю от 13/26 февраля 1930 года, копии которого быстро разошлись в церковных кругах Москвы и провинции, вызвав повсюду горячий сердечный отклик. Ныне мало кто знает о нем, и потому мы приведем его полный текст, напечатанный в биографическом очерке «Кифа». Подробные выдержки из этого письма опубликованы также в статье иеромонаха Дамаскина (Орловского)³⁰.

Митрополит Петр писал своему заместителю, митрополиту Сергию (Страгородскому):

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Представился случай написать Вам в дополнение к письму, отправленному заказным по Вашему московскому адресу. То письмо писал сильно недоходя, а после и совсем плохо себя почувствовал. Требовалось бы сделать маленькие вставки. Когда пришла почта – редкий наш посетитель, – началась суета, да так и сдал, совсем запамятовав о вставках. В одном месте пропущено выражение: “для общего нашего утешения”. Это там, где говорится о сохранении уважения к Вам. В другом месте между словами “среди клира” нужно вставить: “представителей Православного епископата и клира...” – это в абзаце об отношении к совласти. В том же абзаце, помнится, неладно с отрицанием “не”. Но эти недочеты сути, конечно, не изменяют. Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть, я достаточно не знаком с характером и стремлениями лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении из разных мест и, главным образом, от клириков и мирян оказывают на меня сильное давление. На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, **необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше замещение. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности** (выделено мною. – О. С.). Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что **Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения**. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше. Пишу Вам откры-

³⁰ Дамаскин (Орловский), иеромонах. Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) // Вестник РХД. № 166. Париж; Нью-Йорк; Москва. С. 231–232.

венно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства. Не подумайте, Владыко, что в центре моего внимания находятся суждения моих соседей – Архипастырей. Не скрою, что как только они прибыли в Обдорск, почтили меня общим письмом; но последнее состояло исключительно из одних приветствий. Затем, около уже года ничего о них не слышу. Мое здоровье сильно ослаблено борьбой о суровыми климатическими условиями. Неоднократно ходатайствовал о переселении в другой пункт, более или менее обеспеченный сносным климатом и наличием медицинской помощи, которая здесь слишком слаба, – успеха нет. Все домашние тяготы несусам, – около меня нет постоянного человека. На старости лет приходится *подвижничать по-пустынному*. Господь устроил, таким образом, дело внутреннего упорядочения. Прошу Вас помолиться Господу Богу, чтобы подкрепил мои силы и помог мне жить в безропотном послушании Его Святой Воле.

Вашего Высокопреосвященства покорный слуга м. Петр (Полянский)
13/26 февраля 1930 г., Хэ, Обдорского района».

Мы намеренно представили этот замечательный документ без всяких сокращений, хотя начало его может показаться малопонятным и не столь интересным. Но оно свидетельствует о том, с какой скрупулезностью и тщательностью митрополит Петр перепроверял каждое свое произнесенное или написанное слово, особенно если речь шла о судьбе Церкви. По началу письма можно догадаться, что существовал какой-то важный текст общецерковного значения, который так и не был обнаружен. Скорее всего, это было письмо, отправленное митрополиту Сергию в декабре 1929 года, на которое не было получено ответа. В письме доводилось до сведения клира и деятелей Церкви, каковы должны быть их обязанности по отношению к советской власти: не следует ни порицать, ни хвалить ее. Надо устремиться от политической деятельности. Очевидно, письмо должно было внести ясность в смятение и смуту, которые были вызваны подписанием «Декларации». О ней в письме прямо нигде не говорится – разумеется, в целях конспирации, – но именно она имеется в виду, когда митрополит Петр деликатно упрекает своего адресата за то, что он не спросил совета перед принятием столь важного решения. Местоблюститель призывает митрополита Сергия *вернуться* на прежний путь, продолжающий традиции патриарха Тихона. При этом он не обличает, тем более не отмежевывается от митрополита Сергия, а увещевает с терпением, любовью и надеждой.

Интонация письма благородно спокойна и исполнена «страсти безстрастной». Это косвенно свидетельствует о той духовной «упорядоченности», той внутренней тишине, которую обрел узник в своем двенадцатилетнем пленении. Верующие русские люди многое читали между строк в последнем послании Местоблюстителя... Потом сведения о священном узнике совсем прекратились, но имя продолжало возноситься в храмах – и только потому люди знали, что он жив...

Но вот в декабре 1936 года появился указ об изменении поминальной формулы... и только. Не было ни панихиды, ни отпевания. Пронесся неясный слух, что митрополит Крутицкий Петр скончался в стенах бывшего Абалакского монастыря еще в сентябре 1936 года. Так считали многие. Так думал и автор очерка «Кифа».

Однако это не было правдой. На деле его мученический путь продолжался и шел к вершине. Митрополит Петр содержался в одиночке Верхотурской тюрьмы особого назначения. С конца лета 1930 года он не видел солнца. Дышал дымом и сажей, вырывавшимися из трубы котельной. Прогулки дозволялись только по ночам, в крохотном отдельном дворике наподобие сырого погреба, воздух которого был наполнен испарениями отхожих мест. Строжайшим образом было запрещено выводить его куда-либо, где он мог бы встретиться с людьми, – пуще всего власти опасались его контактов с миром. От ужасного питания началась цинга, мучительно болели икры ног, а в подошвы при попытке встать словно вонзались гвозди. Он опасался угрозы более страшной, чем смерть, – паралича. Владыку частично парализовало весной 1931 года, после того, как к нему в камеру явился Тучков и предложил стать осведомителем ОГПУ. В случае отказа он угрожал новым сроком заключения. Тогда впервые митрополиту изменила его обычная выдержка и он ответил своему мучителю очень резко. Тучков поспешил ретироваться. Но глава Русской Церкви счел дело настолько серьезным, что не ограничился устным отказом, а направил Тучкову телеграмму и написал несколько писем, в которых твердо заявил, что «подобного рода “сотрудничество” нравственно недопустимо не только для предстоятеля Церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления». Вступая на такой путь, «лучше вообще отречься от Бога»³¹. Спустя несколько дней после визита Тучкова у митрополита Петра отнялись правая рука и нога... Впоследствии действие руки восстановилось, а ногу приходилось волочить при ходьбе. Из писем владыки известно, что каждую ночь у него повторялись приступы глубокого удушья. От болей в сердце он не раз терял сознание.

23 июля 1936 года должен был кончиться двенадцатилетний срок его заключения. Но еще 9 июля состоялось заседание Особого Совещания при НКВД СССР, на котором был продлен срок заключения митрополита Петра еще на три года. В сентябре ему объявили о продлении срока. Тогда же митрополиту Сергию сообщили о его мнимой кончине.

Между тем глава Русской Православной Церкви жил еще более года.

В августе 1937 года он попросил помощника начальника тюрьмы Артемьева внести в тюремный рацион хоть какое-то разнообразие, неосторожно напомнив, что он – **Патриарший Местоблюститель, и именно за это невинно страдает**. На следующий день Артемьев составил рапорт о сказанном митрополитом... Оперуполномоченный Яковлев написал резолю-

³¹ *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). С. 236.*

цию: «Приобщить... рапорт к делу... Учтите, что заключенный № 114 делал попытку установить связь с внешним миром. И использовал для этого ныне уволенного врача тюрьмы, поручая ему передать от него митрополиту Сергию икону...»³²

Затем Артемьев и Зиновьев составили справку для вышестоящих инстанций, в которой говорилось, что митрополит Петр обвиняет власти в гонении на Церковь и считает главной причиной своего заключения то, что он **«не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего престола»**. Пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего получил от духовенства города Верхнеуральска просфору...»³³.

За эти «преступления» тройка НКВД Челябинской области приговорила Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 октября 1937 года в 4 часа дня.

«Он оказался самым непоколебимым и стойким иерархом из всех, которых имела Русская Церковь со времени патриарха Ермогена», – писали о нем авторы «Очерков истории Русской Православной Церкви периода гонений» А. Левитин и В. Шавров³⁴.

Это верная оценка личности митрополита Петра (Полянского). Он возглавлял Церковь-мученицу в самые трудные для нее годы, и его судьба стала своего рода **иконой** ее крестного пути. Он действительно был Блюстителем места Первосвятителя и по самой сути являлся преемником и духовным наследником святейшего патриарха Тихона.

Он был Блюстителем чистоты, чести и достоинства нашей Церкви.

Решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, состоявшегося 18–23 февраля 1997 года, Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) причислен к лику святых.

«В память вечную будет праведник».

Св. патриарх Тихон благословляет свмч. Петра. Убиение свмч. Петра. Икона Покровского собора г. Гродно

³² Там же. С. 242.

³³ Там же.

³⁴ Левитин А., Шавров В. Очерки Русской Православной Церкви в XX веке. Ч. 2. Рукопись. М., 1961.

О. В. Чернова

Святой страстотерпец врач Евгений Боткин

«Моя любовь к ним и преданность безграничны».

Е. С. Боткин

Есть одно лишь спасенье от жизни,
Есть один от несчастий исход:
Возвращенье к далёкой отчизне,
Где светил совершается ход...

Только там нас покинут мученья,
Все страданья исчезнут как дым!
Оттого и живет в нас стремленье
К небесам, к небесам голубым.

В. Броницкая.

Из стихотворения, переписанного
Государыней Императрицей
в заточении

Евгений Сергеевич Боткин (1865–1918) – лейб-медик и семейный врач Императора Николая II, приват-доцент ВМА. В 1981 году канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом (РПЦЗ) вместе с другими убиенными в доме Ипатьева – Царской семьей и ее верными слугами. В 2016 году прославлен Русской Православной Церковью Московского Патриархата (РПЦ МП) в лике святых как страстотерпец праведный Евгений, врач.

«Он был безусловно преданный Их Величествам слуга» (генерал Мосолов).

Основатель славной династии Боткиных – Петр Кононович Боткин, – крестьянин Псковской губернии. Человек умный и предприимчивый, он приехал в Москву в начале XIX века и завел свое дело – чаеоторговую фирму. Вышел в купцы 1-й гильдии, построил дом, дважды был женат. От двух браков имел 25 детей. Род Боткиных дал стране ученых, художников, купцов. Каждый врач знал классические «Клинические лекции» профессора ВМА Сергея Петровича Боткина, лейб-медика императоров Александра II и Александра III. Как и отец, он был женат дважды, правда, детей имел вполуполу меньше – двенадцать.

Его четвертый ребенок – Евгений – родился 27 мая 1865 года в Царском Селе. Мать, Анастасия Александровна, рано умерла, но успела дать сыну домашнее воспитание. В 1878 году он поступил сразу в 5-й класс гимназии.

Затем Евгений Сергеевич стал студентом физико-математического факультета университета, но через год перешел в Военно-медицинскую академию. В 1889 году с отличием ее окончил.

Профессиональную деятельность он начал в 21 год. Работать стал не в лучших клиниках (на что имел полное право), а в Маринской больнице для бедных. После стажировок в Германии и недолгой работы при Придворной певческой капелле защитил диссертацию и стал приват-доцентом ВМА.

Студентам Евгений Сергеевич прежде всего старался передать свою убежденность в том, что «радостное и приветливое настроение – драгоценное и сильное лекарство», которое зачастую помогает гораздо лучше, чем микстуры и порошки. «Только сердце для этого нужно, только искреннее сердечное участие к больному человеку. Так не скушities же, причайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно...»

Евгений Сергеевич Боткин

Огромное, милосердное сердце самого Евгения Сергеевича предопределило его жизнь и подвиг.

Беспредельно добрый, обладавший типично «чеховской» внешностью, с которой невольно связываешь некую мягкотелость и рефлексивность, он был человеком незаурядной храбрости. Из дневника доктора Боткина периода Русско-японской войны 1904–1905 годов: «За себя я не боялся: никогда еще я не ощущал в такой мере силу своей веры. Я был совершенно убежден, что как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит, если Бог того не пожелает, – а если пожелает, – на то Его святая воля. Я не дразнил судьбу, не стоял у орудий, чтобы не мешать стреляющим, но я сознавал, что я нужен, и это сознание делало мое положение приятным». Дома у Евгения Сергеевича оставалась жена с тремя маленькими детьми.

Страницы фронтового дневника отражают события, в которых он – непосредственный участник, и передают тяжело гнетущее его предвидение того, как губительно аукнется для России поражение русской армии. «Лаоян, 16 мая 1904 года, воскресенье ... Удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга... мелкие расчеты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога». Чита, 1 марта 1905 года: «...Прочел о падении Мукдена и об ужасном отступлении нашем к Тельпину. Отчаяние и безнадежность охватывают душу... Что-то будет у нас в России. Бедная, бедная Родина».

2 февраля 1904 года постановлением Главного управления Российского Красного Креста доктор Боткин был назначен главноуполномоченным по медицинской части при действующих армиях.

«За отличия, оказанные в делах против японцев» его наградили офицерскими боевыми орденами Святого Владимира IV и III степени с мечами. 6 мая 1905 года Евгения Сергеевича пожаловали в почетные лейб-медики. На фронте он оставался до конца сентября.

Мужественным, твердым и добрым знали доктора боевые соратники и сослуживцы. Таковым же узнают и большевики. И тоже наградят – пулей в мрачном ипатьевском подвале.

Судьбоносным для Евгения Сергеевича стало назначение его в апреле 1908 года лейб-медиком Царской семьи.

Императрица Александра Феодоровна выразила желание, чтобы доктор Боткин, «тот, который был на войне», стал их семейным врачом. «Помню, как я была рада, когда она, наконец, позвала доктора. Выбор ее остановился на Е. С. Боткине, враче Георгиевской общины, которого она знала с Японской войны, – о знаменитости она и слышать не хотела. Императрица приказала мне позвать его к себе и передать ее волю. Доктор Боткин был очень скромный врач и не без смущения выслушал мои слова. Он начал с того, что положил Государыню на три месяца в постель, а потом совсем запретил ходить, так что ее возили в кресле по саду. Доктор говорил, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствие» (А. Вырубова).

Осенью 1908 года доктор с семьей обосновался в Царском Селе. Каждое утро, в начале десятого, он приходил во дворец. «Государыня и Великие княжны всегда расспрашивали о нашей семье, так что в конце концов они знали весь наш образ жизни и привычки... знали нас по именам, постоянно посылали поклоны, иногда персик или яблоко, иногда цветок или просто конфетку, если же кто-нибудь из нас захварывал, – со мной это случалось часто, – то непременно каждый день даже Ее Величество справлялась о здоровье, присылала святую воду или просфоры, а когда меня остригли после брюшного тифа, Татьяна Николаевна собственноручно связала голубую шапочку... Великие княжны знали <нас> в лицо и всегда, увидав кого-нибудь из нас на улице, на следующий день говорили моему отцу: “А мы вашу дочь видели или вашего сына”. Великие княжны придумали игру – они разыскивали доктора во дворце по запаху крепких парижских духов, которыми всегда благоухал Евгений Сергеевич» (Т. Е. Мельник-Боткина).

«Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты никогда не удалось узнать от него, чем больна Государыня и какому лечению следуют Царица и Наследник» (генерал Мосолов).

*Доктор Боткин с Великими княжнами
Марией и Анастасией*

*Цесаревич принимает
грязевые ванны*

Цесаревич был самым обожаемым и самым тяжелым его пациентом. Из Спалы, когда врачи признались в своей бессилии помочь ребенку, доктор писал родным: «Спала. 9.X.1912. ...Сегодня особенно часто вспоминаю Вас и ясно представляю, что должны Вы были почувствовать, увидав в газетах мое имя под бюллетенем о состоянии здоровья нашего ненаглядного Алексея Николаевича... Я не в силах передать Вам, что я переживаю... Я ничего не в состоянии делать, кроме как ходить около него... Ни о чем не в состоянии думать, кроме как о нем, о его родителях... Молитесь, мои детки, ...молитесь ежедневно, горячо за нашего драгоценного Наследника...»

Молились Татьяна и Глеб Боткины, молилась Россия. И чудо свершилось – Господь показал, какую силу имеет соборная молитва народа.

«Спала. 14.X.1912. ...Ему лучше, нашему бесценному больному. Бог услышал горячие молитвы, столькими к Нему возносимые, слава Тебе Господи. Но что это были за дни... Как годы легли они на душу... И сейчас она еще не может вполне расправиться, – так долго бедному Наследнику еще нужно будет поправляться и столько еще случайностей может быть на пути...»

«Спала. 19.X.1912. ...Нашему драгоценному больному, слава Богу, значительно лучше... Но писать я все-таки еще не успеваю: целый день около него. По ночам тоже еще дежури...»

«Спала. 22.X.1912. ...Нашему драгоценному Наследнику, несомненно, значительно лучше, но он еще требует большого ухода, и я целый день около него, за очень малыми исключениями (трапезы и т. п.), и каждую ночь дежурил – ту или другую половину. Теперь мне будут давать через две ночи в третью отдых. Сегодня дежурил первую половину, иззяб, как всегда, и совершенно не в силах был писать, а благо наш золотой больной спал, сам уселся в кресло и вздремнул».

Из письма Государя Императрице Марии Федоровне от 20 октября 1912 года: «...Дни от 5-го до 10-го октября были самые тяжелые. Несчастный маленький страдал ужасно... Боли схватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем и ночью... Спать почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи, помилуй”... Должен предупредить тебя со слов докторов, что выздоровление Алексея будет медленное, он все еще ощущает боль в левом колене, которое до сих пор не может разогнуть, и лежит с подушками под этой ногой. Но это их не беспокоит. Главное, чтобы внутреннее рассасывание продолжалось, а для этого нужен покой. Цвет лица у него теперь хороший, а раньше был совсем как воск, и руки и ноги также. Похудел он страшно, но зато и начали его питать доктора!...»

Все, что касалось Августейшей семьи, горячо трогало доктора. А идеальность отношений восхищала, тем более что его собственная семейная жизнь была трагична: умер полугодовалый первенец, ушла из семьи жена, оставив на руках Евгения Сергеевича четверых детей. Сын Дмитрий, хорунжий лейб-гвардии казацкого полка, погиб в первый год мировой войны.

Государя доктор обожал институтски-восторженно: «6.IX.1908... Как он тронул меня третьего дня... я пришел в самом тревожном состоянии вследствие отсутствия известий о Вас, и потираю холодные руки, которые только что вымыл. Государь подходит ко мне и так ласково говорит: “Что это у Вас, Е. С., зазябший какой вид?” – и обеими руками берет мои холодные. Ну разве не трогательно это чутье и эта милая, должен сказать, ласка?...»

«Фридберг. 15(28).IX.1910. ...это такая доброта, такая бесконечная доброта – наш Царь, что я и сказать не могу... Ну, например, наши утренние прогулки: мне положительно кажется, что он предпочитал бы делать их с Дрентельном, что я гораздо менее интересен, чем Дрентельн, иногда, может быть, даже мешаю. Но Государь знает, как я наслаждаюсь и дорожу ими, и всегда берет меня с собой. А если я несвободен, то он непременно выразит мне сочувствие, удивительно сердечно и просто... Господи! Да разве я мог рассчитывать на такое счастье, чтобы каждое утро гулять с Государем? Да, я каждую прогулку считаю за особый праздник...

... Все это я пишу, конечно, только для Вас, для семьи, потому что меня бы не поняли или приняли за хвастовство. Так и Вы не рассказывайте, а я от умиления это выболтал, от полноты души...» (Из писем доктора Боткина).

Царских детей доктор избрал примером для воспитания своих собственных и часто рассказывал о них. «Мой отец всегда говорил нам, что любит Их Высочества не меньше нас, своих детей. Рассказывал, как они трогательно дружны между собой, как Анастасия Николаевна любит Ольгу Николаевну, всюду ходит за ней и с уважением и нежностью целует у нее руки; как они просты в своей одежде и в образе жизни, так что Алексей Николаевич донашивал старые ночные рубашки своих сестер. „Я удивляюсь их трудоспособ-

ности. Уже не говоря про Его Величество, который поражает тем количеством докладов, которые он может принять и запомнить. Но даже Великая княжна Татьяна Николаевна. Она встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом они едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер, они сразу берутся за рукоделие или за чтение...» (Т. Е. Мельник-Боткина).

В 1911 году Татьяну и Глеба Боткиных привезли в Крым, на яхту «Штандарт», к заболевшему отцу. С трепетом они поднялись на сверкавший на южном солнце «Штандарт». В маленькой уютной каютке отца «только что мы успели поздороваться, как за дверьми послышались шаги, голоса, смех, затем стук в дверь, и появились все четыре Великие княжны. ... Старшие были в белых юбках и бледно-голубых вышитых блузках, а младшие – в красных с серыми горошинками юбках и белых блузках. ...

Великие княжны страшно мило с нами поздоровались, задали несколько вопросов о нашем путешествии, на которые мы еле-еле от смущения отвечали, а затем собрались уходить. Мой отец попросил Татьяну Николаевну спросить у Ее Величества, разрешит ли она нам приехать и завтра.

Через несколько минут Татьяна Николаевна вернулась:

– Мама сказала, что Таня и Глеб, пока Вы больны, могут приезжать каждый день.

Можно себе представить нашу радость и то нетерпение, с которым мы каждый день ждали двух часов, то есть отхода катера с Графской пристани на „Штандарт“ (Т. Е. Мельник-Боткина).

Из письма доктора Боткина старшим братьям:

«„Штандарт“. Севастополь. Сентябрь 1911 года.

...Я испросил для них [детей] Высочайшее разрешение навестить меня в моей каюте, и им было разрешено бывать у меня каждый день.

...Мне гораздо лучше, и я должен благодарить Бога за свою болезнь: она не только доставила мне радость принять наших дорогих маленьких... но дала им необычайное счастье быть обласканными всеми Великими княжнами, Наследником Цесаревичем и даже Их Величествами. Я также истинно счастлив не только этим, но и безграничной добротой Их Величеств. Чтоб успокоить меня, Императрица каждый день приходит ко мне, а вчера был и сам Государь. Я не в силах передать Вам, до какой степени я был тронут и счастлив. Своей добротой они сделали меня рабом своим до конца дней моих...»

Из дневника доктора: «„Штандарт“. 14.VII.1911... Они [великие княжны] по-прежнему очаровательны, хотя все очень выросли, и отношение их ко всем стало более взрослым, я бы сказал, еще более сердечным, потому что более глубоким. Я никогда не забуду их тонкое, совсем непоказное, но такое чуткое отношение к моему горю, когда я был так встревожен Тянушкиным тифом... Алексей Николаевич тоже растет, а с ним и его очарование. О родителях я не говорю: моя любовь к ним и преданность безграничны».

Через шесть лет чувства доктора не изменились, и с момента ареста семьи он уже больше не разлучался с ними до их и своего смертного часа.

Впрочем, семья отвечала ему такой же любовью.

Из письма к детям: «26.III.1914. (По дороге в Севастополь)... Сегодня после завтрака я носил Алексею Николаевичу показывать свою замечательную пепельницу... Он был очень доволен и очень хвалил, но, так как я застал его, когда Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я... поспешил уходить. Когда я в дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, улыбаясь мне, сказал: "Au revoir Monsieur, Je Vous aime de tout mon petit coeur" (До свидания, я люблю вас всем своим маленьким сердцем). Это ли не очарование?..»

Цесаревичу очень нравилось, как Глеб рисует животных. Он переписал на листе бумаги любимые стихи, подписал «Алексей» и отдал Евгению Сергеевичу, с тем чтобы Глеб нарисовал к ним иллюстрации. Но тут же забрал обратно и зачеркнул свою подпись. «Зачем вы это сделали?» – спросил доктор. «Я не могу послать этот листок Глебу со своей подписью, – серьезно ответил Алексей Николаевич. – Это будет приказ, которому Глебу придется подчиниться. Я же обращаюсь к нему с просьбой, и если он не захочет, может ее не выполнять». Это ли не очарование? – повторим и мы вслед за доктором Боткиным.

Евгений Сергеевич полностью разделял слова, сказанные как-то полковником Кобылинским: «Когда имеешь постоянное общение с этой семьей, тогда понимаешь, как пошло и подло обливали <ее> грязью. Можно себе представить, что они переживали и чувствовали, когда читали в Царском милые русские газеты».

Татьяна Евгеньевна вспоминала, что перед революцией чуть ли не каждый уважающий себя человек (она имеет в виду людей своего круга) считал «своим долгом» как-то задеть если не Государыню, то Государя. Общество с энтузиазмом приняло думскую речь Милюкова, заявившего, что у него имеются неопровержимые доказательства тайных сношений Государыни, царского правительства и двора с Германией. В эмиграции он признался, что клеветал «ради революционной тактики».

Другое дело – монархисты. Евгений Сергеевич возмущался и поражался, что «люди, говорящие об обожании Его Величества, могут так легко верить всем распространяемым сплетням, могут сами их распространять».

«И этот смрад идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть до такой степени лишенным совести, патриотизма и веры!» (Из разговора государя с М. Палеологом)

Высшие круги поняли слишком поздно, какую неоценимую услугу оказали революционерам.

«Мы сами во всем виноваты, – каялась некая дама. – Если бы мы имели достаточно уважения к Царской семье, чтобы удерживать свои языки от

сплетен, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело».

Окончательное отрезвление произойдет после октября 1917 года. И будет обескураживающим: «Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои подбитые мехом шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены» (В. В. Розанов).

Во время Первой мировой войны Евгений Сергеевич по приказу Государя оставался в Царском. Только дважды он побывал в Ставке, но «жизнь в Могилеве, протекавшую в непосредственной близости к государю императору, вспоминал всегда как самую счастливую. «Особенно были дороги для отца вечера, когда Государь приходил отдохнуть и сыграть в домино или кости с лицами своей свиты: Воейковым, Ниловым, Мосоловым, флигель-адъютантом князем Игорем Константиновичем, моим отцом и другими. ... Приносили самовар, и Его Величество лично разливал чай. За столом велись разнообразными разговоры; очень часто Его Величество рассказывал что-нибудь, и мой отец всегда любовался содержательностью и ясной простотой его рассказов» (Т. Е. Мельник-Боткина).

Евгений Сергеевич включился в организацию госпиталей и лазаретов. Из дневника хирурга Царскосельского госпиталя княжны В. И. Гедройц от 20 августа 1914 года: «... Коллегия постановила для нужд военного времени занять хирургическое отделение госпиталя. ... Открыть его предполагалось в сентябре, и за такое короткое время если и удалось выполнить это задание, то только благодаря тому состоянию внутреннего подъема, который охватил, казалось, все слои населения. Какие-то незнакомые купцы с жирными животами привозили мед для раненых, жертвовали муку, папиросы, конфеты, белье; раненых еще не было, но пожертвования сыпались точно из рога изобилия.

Более тридцати дачевладельцев предложили свои особняки и полное оборудование для лазарета. Другие жертвовали деньгами, и в короткое время, при энергии Евгения Сергеевича Боткина, Сергея Николаевича Вильчковского и моей скромной помощи 30 лазаретов в Царском Селе были готовы к принятию раненых... С первых же дней началась подготовка санитарных поездов имени Императрицы и Великих княжон, которые должны были привозить раненых прямым маршрутом в Царское с позиций. Поезда эти были обставлены просто, но снабжены всем необходимым; и благодаря быстрой и целесообразной доставке раненых спасли жизнь не одному из этих страдальцев».

Из письма Государыни в Ставку: «15 декабря 1914 г. Боткин получил извещение из полка, что его сын <Дмитрий> был убит, так как не хотел сдаться в плен, – немецкий офицер, пленный, сообщил это. Бедняга совершенно подавлен».

Но светлые минуты случались и в войну. Из письма государыни от 26 октября 1916 года: «Свадьба в нашем лазарете была очень мило отпразд-

нована, красивая пара, – я была “посаженой матерью”, а Боткин “посаженым отцом”. Вечер уютно проведу в лазарете...»

Доктор дни и ночи проводил во дворце с Августейшими детьми. Его дочь Татьяна в это же время болела ревматизмом. Она лежала в доме старого друга семьи – Устины Александровны Тевяшовой, плохо представляла, насколько далеко зашли революционные события, и потому была крайне поражена, когда 2 марта пришли арестовывать ее высокопоставленного отца.

Придворная карета, украшенная орлами, в которой Евгений Сергеевич заехал ее навестить, роскошный кучер в треуголке, сверкающая упряжь привлекли внимание солдат с красными бантами. Они подошли ближе и с триумфом обнаружили пальто на красной генеральской подкладке. Беспорная улика позволяла не откладывать революционный суд в долгий ящик. Всей толпой ввалились в дом и объявили хозяйке, что сейчас арестуют генерала Боткина, так как им «велено всех генералов арестовывать».

«Мне тоже все равно, кого вы должны арестовывать, а я думаю, что, разговаривая со мной, вдовой генерал-адъютанта, вы, во-первых, должны снять шапку, а во-вторых, можете отсюда убираться», – величественно ответила Устинья Александровна. Внимательнее глянув на низенькую пожилую даму, товарищи почему-то мгновенно утратили боевой пыл, покорно сняли шапки и удалились.

Арестантом доктор все-таки стал. Но добровольно и вместе с Государыней. Помимо исполнения профессиональных обязанностей, он с удовольствием занимался с Наследником русским чтением. Оба увлекались лирикой Лермонтова. Под руководством доктора Алексей Николаевич учил стихи наизусть и писал переложения и сочинения.

Татьяне Евгеньевне дважды позволили встретиться с отцом. заключенные быстро разобрались в настроениях охранников, поэтому доктор для свиданий с дочерью выбирал дежурства запасного 4-го стрелкового императорской фамилии полка. Они встречались у ворот парка и шли в караульное помещение. А уходила Татьяна Евгеньевна до смены караула и появления 1-го или 2-го полка.

12/25 апреля Евгений Сергеевич атаковал Керенского. Пока тот, как обычный визитер, ожидал аудиенции у Их Величеств, доктор заявил, что все члены Царской семьи по состоянию здоровья нуждаются в отдыхе в лучшем климате. Керенский слушал вежливо, Евгению Сергеевичу не возражал, наоборот, дал понять, что вскоре устроит их отъезд в Крым. Доверчивый Евгений Сергеевич, привыкший иметь дело с людьми, отвечающими за свои слова, остался очень доволен результатом переговоров. Керенский, повторимся, был вежлив и сдержан, но, по обыкновению, лгал. Через три месяца доктор Боткин уехал с Царской семьей в другие края.

Из Тобольска, убедившись, что Царскую семью заперли в Доме свободы, доктор Боткин снова обратился к Керенскому. 15 сентября 1917 года из Петрограда пришел ответ:

«Евгений Сергеевич.

По поручению министра-председателя сообщаю Вам, что изложенная в письме Вашем от 26 августа просьба о разрешении бывшему царю и его семье прогулок за городом и посещения церковных служб министром-председателем удовлетворена.

Начальник канцелярии министра-председателя В. Сомов»

Доктор предъявил письмо Панкратову. После долгих раздумий тот изложил свое мнение в донесении на имя Керенского от 30 сентября: «В присланной мне бумаге... предлагается разрешать бывшему царю и его семье загородные прогулки и посещение церкви. Последнее уже делается. Что же касается прогулок, то в настоящее тревожное время... я отказал... Но как только все успокоится и представится возможность устроить загородную прогулку безопасно, – я это сделаю. Бумага, присланная В. Сомовым, не подписана Вами, Александр Федорович. Я просил бы прислать мне таковую с Вашей подписью».

Панкратов на собственном опыте знал, что значит сидеть взаперти. Не зря так подробно и с психологическими подробностями описал посещение царской семьей Благовещенской церкви. Им всего лишь нужно было перейти улицу, но «по выражениям лиц, по движениям можно было предполагать, что они переживали какое-то особенное состояние. Анастасия даже упала, идя по саду и озираясь по сторонам. Ее сестры рассмеялись, даже самому Николаю доставила удовольствие эта неловкость дочери... На самом же деле этот сад находился как раз против их балкона, откуда они могли наблюдать его каждый день. Но, – тонко заметил Панкратов, – одно дело видеть предмет издали и как бы из-за решетки, а другое – почти на свободе. Всякое дерево, всякая веточка, кустик, скамеечка приобретают свою прелесть...»

Скоро семье и приближенным откажут и в этом маленьком путешествии.

14 сентября в Тобольск приехали Татьяна и Глеб Боткины.

В доме Корнилова в распоряжении доктора имелись две комнаты. В большей, с окнами на Дом свободы, поселилась Татьяна Евгеньевна, в проходной – Евгений Сергеевич и Глеб. Государыня и Великая княжна Ольга Николаевна прислали Татьяне Евгеньевне желтый штофный диванчик с двумя вышитыми подушками и стул к письменному столу.

В Дом свободы Татьяну и Глеба не допустили даже на праздничную елку в Рождество. Августейшим детям, просившим за них и баронессу Буксгевден, комиссар Панкратов ответил, что если им доставить такое удовольствие, то потом они будут еще больше скучать. «Эта своеобразная забота об Их Высочествах лишила нас громадного наслаждения, которое мы могли иметь с полным правом, так как всей прислуге, до последней поломойки, разрешено было получать подарки из рук Их Высочеств» (Т. Е. Мельник-Боткина).

К Цесаревичу не допустили городских детей, которые очень хотели спеть ему рождественские колядки. «Это было, очевидно, сделано просто из жела-

ния показать свою власть и лишить нас всех лишнего развлечения» (Т. Е. Мельник-Боткина).

На празднике разрешили присутствовать только Коле Деревенко.

Дети смирились. Младшие веселились, а старшие, говорила позже баронессе Буксгевден Ольга Николаевна, старались казаться веселыми ради родителей.

Доктор Боткин откровенно игнорировал апрельское постановление Отрядного комитета, продолжая на виду у всех носить форменное генеральское пальто и погоны с вензелями Государя. Комитетчики почему-то долго не решались подступиться к нему, но затем попросили доктора подчиниться, оговорив, что сами они, собственно, ничего против не имеют, но красногвардейцы заинтересовались, что тут за генерал ходит. На это доктор ответил, что погон не снимет, но если это грозит неприятностями, просто переоденется в штатское.

А ходить и ездить Евгению Сергеевичу приходилось много. Его врачебная практика развивалась и ширилась. Самые светлые воспоминания доктор сохранил о тяжелой работе, фактически работе простого земского врача, которую назвал своей «лебединой песней». Из письма младшему брату Александру: «...Ты поинтересовался моей деятельностью в Тобольске. Что же? Положа руку на сердце, могу признаться, что там я всячески старался заботиться “о Господнем, како угодити Господу” и “како не посрамити выпуска 1889-го года”».

И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал из всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян. Собственно говоря, Тобольск только в центре своем, правда обширном, представляет собой город... к периферии же он постепенно и незаметно переходит в настоящую деревню. Это обстоятельство наряду с благородной простотой и чувством собственного достоинства сибиряков придает, по-моему, всем отношениям жителей между собой тот характер непосредственности, безыскусственности и доброжелательства, который мы с тобой всегда так ценили и который создает потребную нашим душам атмосферу. К тому же первые же счастливые случаи, в которых Бог помог мне оказаться полезным, вызвали такое доверие ко мне, что желающих получить мой совет росло с каждым днем вплоть до внезапного и неожиданного моего отъезда... И время мое было расписано за неделю и за две вперед по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях – восьми больших в день я не в состоянии был навестить: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать... Я никому не отказывал, если только про-

сившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалась немедленная помощь, так как, с одной стороны, время мое уже было обещано вперед другим, а с другой – я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска. Все это очень знающие и опытные люди, прекрасные товарищи и настолько отзывчивые, что публика Тобольска привыкла присылать прямо лошадь или извозчика к доктору и тотчас же его получить... От 3 до 4 ½–5 я всегда бывал дома для наших солдат, которых исследовал в своей спальне. В эти же часы ко мне приходили мои городские больные. Приходилось делать исключение для крестьян, приезжавших ко мне из деревни за десятки и даже сотни верст. Их я вынужден был исследовать в маленькой комнатке перед ванной, причем диваном мне служил большой сундук. Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги. Кто из них мог переночевать, того я на следующее утро пораньше навещал на постоялом дворе. Они постоянно пытались платить, но так как я, следуя нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, так как в иные периоды я бы не в состоянии был навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интересах я широко пользовался другим местным обычаем и просил тех, у кого есть, присылать за мной лошадь. Таким образом, улицы Тобольска видели меня едущим и в широких архиерейских саях, и на прекрасных купеческих рысаках, но еще чаще потонувшим в сене на самых обыкновенных розвальнях. Столь же разнообразными были и мои друзья, что, может быть, и не всем нравилось, да мне-то до этого никакого не было дела...»

Доктор написал это письмо после, как он указывает, своего «внезапного отъезда» из Тобольска.

Он уехал в Екатеринбург с Царской четой, хотя вполне мог остаться, причин нашлось бы предостаточно: болезнь Алексея Николаевича, его собственные, с трудом добравшиеся до Тобольска дети. Да и просто отсутствие специальных распоряжений о нем лично.

Но доктор Боткин давно уже «отверг себя» (Мф. 16: 24). Он потому и ехал, что это было смертельно опасно. Александра Феодоровна по той же причине решила оставить больного сына. Прекрасно понимая родительские чувства доктора, Государыня не сдержала слез, когда на вопрос: «А как же ваши дети?» – Боткин ответил, что на первом месте для него всегда стоят интересы Их Величеств. Несколько месяцев назад, в Александровском дворце,

государыня также была тронута, когда доктор, не промедлив секунды, ответил согласием уехать с семьей за границу, если такое случится.

Доктор не только навсегда расстался со своими детьми – ему не разрешили проститься с ними перед отъездом, поговорить и благословить в последний раз. По приказу комиссара Яковлева доктор был арестован и переведен из дома Корнилова в Дом свободы, а Татьяна и Глеб Боткины не имели права прийти к нему туда. Их «милый, золотой, ненаглядный папулечка» взял маленький чемоданчик со сменой белья, лекарствами и умывальными принадлежностями, перекрестил и поцеловал дочку и сына и ушел от них навсегда. Татьяна Евгеньевна смотрела, как он осторожно, на каблуках переходил грязную улицу в своем штатском пальто и фетровой шляпе. Глеб Евгеньевич вспоминал, что, словно предчувствуя будущее, отец сказал им: «В этот час я должен быть с Их Величествами, – остановился, с видимым усилием подавляя чувства, потом продолжил: – Может быть, мы больше никогда не увидимся... Да благословит вас Бог, дети мои!»

Вечером того же дня к ним прибежала преподавательница детей Клавдия Михайловна Битнер:

«Я пришла вам сказать по секрету, что сегодня ночью увозят Николая Александровича и Александру Федоровну. Ваш отец и Долгоруков едут с ними. Так что если хотите что-либо папе послать, то Евгений Степанович Кобылинский пришлет солдата из караула».

Дети поблагодарили ее, уложили вещи и вскоре получили прощальное письмо от отца.

Ночь на 26 апреля Татьяна Евгеньевна просидела у окна, наблюдая за приготовлениями к отъезду. Заметила, что отец одет вместо своей шубы в заячий тулупчик князя Долгорукова.

В 5 часов утра повозки тронулись. Татьяна Евгеньевна последний раз видела Государя, его доброе лицо с бодрой улыбкой. Потом проехали сани с солдатами, возок Государыни и улыбавшейся Великой княжны Марии Николаевны. Опять солдаты. Потом с ее окном поравнялись сани с доктором и князем Долгоруковым: «Мой отец заметил меня и, обернувшись, несколько раз благословил».

«Я посмотрела в сторону губернаторского дома. Там на крыльце стояли три фигуры в серых костюмах [три царевны] и долго смотрели вдаль, потом повернулись и медленно, одна за другой, вошли в дом».

Из дневника Государыни: «14/27 апреля. Суббота. Лазарево воскресенье. Встали в 4 часа, пересекли реку в 5 часов. По доскам, затем на пароме... Прекрасная погода, дорога отвратительная... Е. С. [Боткин] слег из-за ужасных колик в почках...»

Жуткая тряска вызвала такой острый приступ, что доктор не мог сдерживать стон, лежа на дне телеги. Из письма Великой княжны Марии Николаевны З. С. Толстой из Екатеринбурга от 4/17 мая 1918 года:

«...Мы как раз уехали перед праздниками. Это было для нас очень неожиданно... С нами приехал доктор Боткин, у него, бедного, по дороге сделались колики в почках, он очень страдал. Мы остановились в деревне, там его положили в избу, он отдохнул два часа и поехал с нами дальше. К счастью, боли не повторились...»

Комиссар Яковлев не рассматривал его страдания в качестве препятствия к продолжению пути. «Вперед, и дикая скорость...» (из дневника Александры Феодоровны).

Из Екатеринбурга Евгений Сергеевич написал дочери, что их поместили в приличном доме, в трех комнатах. В одной – Их Величества и Великая княжна Мария Николаевна, в другой – Демидова, в столовой на полу – сам доктор и лакей Т. И. Чемодуров.

Высокий забор позволял видеть из окна только золотой крест собора, но это «доставляло им много удовольствия».

Последнее письмо от отца Татьяна Евгеньевна получила еще до отъезда детей из Тобольска, 3/16 мая. Она отметила, что, несмотря на его кротость и всегдашнее желание во всем видеть только хорошее, письмо было мрачным. «Если в тоне отца проскальзывало недовольство и если он начинал считать охрану резкой, то это значило, что жизнь там очень тяжела и охрана начала издеваться».

Болезнь Алексея Николаевича в ДОНе вновь обострилась. Доктор Боткин и сам не блещет здоровьем: приступы почечной колики периодически укладывают его в постель.

Из дневника Государыни:

«10/23 июня, воскресенье. Ходили с Татьяной к Е. С., у которого камни в почках, и она сделала ему укол морфия. С 6 часов очень сильные боли – он в постели, ем с ним.

12/25 июня, вторник.

У Е. С. ночь прошла хорошо, он все еще в постели, так как чувствует слабость и боль, когда встает.

13/26 июня, среда. Е. С. встал первый раз... Ольга осталась со мной. Е. С. сидел с нами...

24 июня/7 июля, воскресенье. Утром в первый раз выходил Евгений Сергеевич...»

Уход за Цесаревичем требовал столько сил, что семья и трое слуг не справлялись, и Евгений Сергеевич пишет письмо:

«В Областной Исполнительный комитет господину Председателю.

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, и жесточай-

шими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих утасующих сил тоже не хватает. Состоящий при больном Климе Григорьеве Нагорном после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену и в помощь ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и в особенности воспитатель его г-н Жильяр. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я как врач должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный комитет усерднейшим ходатайством допустить гг. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их – в крайности же хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же. Ев. Боткин».

На прошении доктора наложена резолюция коменданта ДОНА Авдеева: «Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, то есть дети все являются взрослыми и могут следить за больным, а поэтому предлагаю председателю областкома немедленно поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение».

Рекомендации коменданта были одобрены, приняты за руководство к действию и в процессе исполнения перевыполнены: лишним посчитали не одного слугу, а двух – увезли в тюрьму и расстреляли дядьку Цесаревича Клима Нагорного и повара Ивана Седнева. Из дневника Государыни от 14/27 мая: «Бэби снова плохо провел ночь. Боткин сидел с ним часть ночи, чтобы дать Нагорному поспать....В 6:30 Седнева и Нагорного увели, причины не знаю. Боткин провел ночь с Бэби...»

Один за другим исчезают близкие семье люди. Бандитов-охранников сменили палачи из ЧК. Ощутимо меняется атмосфера в доме Ипатьева. Это чувствуют не только обитатели ДОНА. «Что-то у них случилось», – заметил о. Иоанну Сторожеву сослужащий диакон 14 июля. «Если будут убивать, лишь бы не мучили», – вырвалось у цесаревича. Все указывает на то, что страшное уже «при дверях».

Но, по счастью, чудесный Боткин, «преданность которого изумительна» (Жильяр), по-прежнему с ними. Заботится, оберегает, защищает. Требования «неизменного посредника», как называл его Юровский, заносятся в «Книгу дежурств».

«31 мая.

Просьба гражданина Боткина от имени семейства бывшего царя Николая Романова о разрешении им еженедельно приглашать священника для службы обедни.

3 июня.

По разрешению областного Совета для службы обедни к бывшему царю Николаю Романову были приглашены священник Екатеринбургского собора поп Иван с дьяконом той же церкви.

15 июня.

Боткин просил разрешения написать письмо председателю облсовета по нескольким вопросам, а именно: продлить время прогулки до 2-х часов, открыть створки у окон, вынуть зимние рамы и открыть ход из кухни к ванной, где стоит пост № 2. Написать было разрешено и письмо передано в облсовет.

16 июня.

Утром Боткин просил попу, но ввиду того, что поп занят, просьба была отклонена.

12 июля.

Доктор Боткин просил пригласить доктора Деревенко и принес рецепты с просьбой купить медикаменты, которые ему были доставлены. Доктора Деревенко также дано обещание пригласить...»

Боткин, по наблюдению члена Областного совета И. Мейера, настолько ни во что не ставил своих врагов, что, казалось, не признавал себя пленником, – со стражей держал себя «так грубо, как будто она ему подчинена».

Из воспоминаний И. Мейера: «Мы увидели Наследника. Он лежал на кровати, правое колено было в толстой повязке... У ног стоял доктор Б[откин]. Доктор смотрел на нас испытующе через свои толстые очки. Затем внезапно прозвучал его громкий голос: “Ребенок должен быть определен в больницу. Я больше не имею лекарств и перевязочного материала. Сегодняшние господа должны быть гуманны хотя бы к детям!”»

Великан-врач, смело вступавший в полемику с большевиками, произвел на Мейера сильнейшее впечатление. Он еще не раз упомянет о нем и о его пронизывающих глазах, блестящих из-под стекол очков.

Мысли и переживания Евгения Сергеевича в его последние дни отражены в его письме к другу, чудом уцелевшем в диком хаосе, разграблении и уничтожении улик в доме Ипатьева.

По мнению племянника Е. С. Боткина, профессора С. П. Боткина-Чехова (Франция), оно адресовано младшему брату, Александру Евгеньевичу Боткину.

«Екатеринбург, 26 июня (9 июля) 1918 г. Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, – не думаю, чтобы

мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, – мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, – умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, – как хочешь: последствия почти тождественны... Если бы я был фактически, так сказать, анатомически мертв, я бы по вере своей знал, что делают мои детки, был бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас... У детей моих может быть еще надежда, что мы с ними свидимся когда-нибудь и в этой жизни, но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза.

Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так, что мне даже противно иной раз увидеть себя в зеркале. Утешаю себя только тем, что раз мне легче было бы быть анатомически мертвым, то, значит, детям моим лучше, что я еще жив, так как, когда я с ними в разлуке, мне всегда кажется, что чем мне хуже, тем им лучше... Вчера еще, за тем же чтением я услышал вдруг какое-то слово, которое прозвучало для меня, как “папуля”, притом произнесенное будто Танюшиным голосом, и я чуть не разрыдался... Это не галлюцинация, потому что слово было произнесено, голос был похож, и я ни секунды не думал, что это говорит моя дочь, которая должна быть в Тобольске... Конечно, это были бы слезы чисто эгоистические, о себе, что я не могу слышать и, вероятно, никогда не услышу этот милый мне голосок...

...Ты видишь, дорогой мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, которые я тебе только что описал, и добр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет... Меня поддерживает убеждение, что “претерпевший до конца, тот и спасется”, и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года.

...Вообще, если “вера без дел мертва есть”, то “дела” без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжелого испытания – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, – оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о “Курсовом”, но “Господнем”. Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что, так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им отцом. Но так как я не знаю, в чем положит Он их спасение, и могу узнать об этом только с того света, то мои эгоистические страдания, которые я тебе описал, от этого, разумеется, по слабости моей человеческой, не теряют своей мучительной остроты. Но Иов больше терпел, и мой покойный Миша мне всегда о нем напоминал, когда боялся, что я, лишившись их, своих деток, могу не выдержать. Нет, видишь, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать...»

Библейские события приходят на память не только доктору. Государь, читая с карандашом в руках Книгу, тоже ясно видел, что ничего нового под солнцем нет и быть не может. Каждое слово Библии – прообраз того, что уже есть и еще будет.

Письмо Евгений Сергеевич не успел дописать...

В течение почти полутора лет заключения мужество не изменяло доктору Боткину. Не изменило оно ему и в очень трудную минуту, когда доктора искушали возможностью свободы. По свидетельству И. Мейера, ему предлагали уехать из Екатеринбурга: «Слушайте, доктор, революционный штаб решил вас отпустить. Вы врач... Вы можете в Москве взять управление больницей или открыть собственную практику. Мы вам дадим рекомендации... Поймите нас правильно. Будущее Романовых выглядит несколько мрачно».

Выразились товарищи предельно ясно. Доктор медленно обвел их взглядом и сказал: «Мне кажется, я вас правильно понял, господа. Но, видите ли, я дал Царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не смогу оставить Наследника. Как я могу совместить это со своей совестью? Вы все же должны это понять...»

Искушители, конечно, поняли, но предприняли еще одну попытку и напрямую наблюдали, что победит в сидящем перед ними человеке – инстинкт самосохранения или героизм души: «Конечно, мы это понимаем, доктор, но, видите ли, сын неизлечим, это вы знаете лучше, чем мы. Для чего вы жертвуете собой, для, скажем мы, для потерянного дела... Для чего, доктор?»

«Потерянное дело? – сказал Боткин медленно. Его глаза заблестели. – Ну, если Россия гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае я не оставлю Царя! Меня радует, что есть еще люди, которые озабочены моей личной судьбой. Я вас благодарю за то, что вы мне идете навстречу. Но... Там, в этом доме цветут великие души России. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с Царем!» Боткин встал. Его рост отметил Мейер, превышал всех.

А мы добавим, что он превышал всех не только в прямом, но и в переносном смысле.

Мемуары Мейера некоторые историки обвиняют в неточностях, находят несоответствие его описаний реальным событиям. Но даже если будет доказано, что они вымышлены от начала до конца, нельзя более точно и правдиво отобразить душу Евгения Сергеевича.

С этого момента доктор стал готовиться к своему смертному часу.

В ночь на 17 июля вместе с Царской семьей он был убит.

Его дети, Глеб и Татьяна, «маленькие», долго скитались по дорогам Гражданской войны, прежде чем выбрались из России. Константинополь, Белград, Париж – они прошли типичным путем русских эмигрантов.

Доктор Боткин с дочерью Татьяной и сыном Глебом

Татьяна Евгеньевна (1899–1986) вышла замуж за офицера К. С. Мельника, с которым познакомилась в Тобольске. В 1921 году в Белграде вышла ее книга «Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции». Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина жила во Франции. Скончалась в 1985 году, похоронена на старинном кладбище города Фонтене-а-Розе.

Глеб Евгеньевич Боткин (1900–1969) стал журналистом, жил в Америке.

Великий князь Сергей Александрович

Четвертого февраля 1905 года, в два часа сорок минут пополудни, от Малого Николаевского дворца в Московском Кремле по направлению к Никольским воротам отъехала черная лаковая карета, запряженная парой лошадей. Ее сопровождали два агента охранного отделения. В глубине кареты сидел немолодой уже господин, худощавое лицо которого было непроницаемо. Едва карета поравнялась со зданием окружного суда, раздался оглушительный взрыв, из окон близлежащих зданий посыпались стекла, и некоторые люди решили, что в Москве произошло землетрясение. Канцелярские чиновники и случайные прохожие, которых в этот морозный день было в Кремле и на Красной площади немного, бросились к Никольским воротам. Их взорам предстала жуткая картина. На месте взрыва громоздилась бесформенная куча обломков кареты вперемежку с кусками одежды и окровавленными частями тела. Это все, что осталось от дяди императора Николая II, пятого сына царя-освободителя Александра II, великого князя Сергея Александровича.

Едва карета поравнялась со зданием окружного суда, раздался оглушительный взрыв, из окон близлежащих зданий посыпались стекла, и некоторые люди решили, что в Москве произошло землетрясение. Канцелярские чиновники и случайные прохожие, которых в этот морозный день было в Кремле и на Красной площади немного, бросились к Никольским воротам. Их взорам предстала жуткая картина. На месте взрыва громоздилась бесформенная куча обломков кареты вперемежку с кусками одежды и окровавленными частями тела. Это все, что осталось от дяди императора Николая II, пятого сына царя-освободителя Александра II, великого князя Сергея Александровича.

Постепенно стала собираться небольшая толпа. Люди молча, в каком-то оцепенении глядели на страшное зрелище. Прошло всего несколько минут и все увидели женщину, которую хорошо знали в Москве – великую княгиню Елизавету Федоровну. Полураздетая, с непокрытой головой, она бросилась на колени и в почти сомнамбулическом состоянии начала собирать то, что осталось от ее любимого Сержа. В какой-то момент она заметила толпу зевак и бросилась к ней со словами: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда»¹. Но никто не реагировал и никто даже не снял шапки. Постепенно оцепенение проходило, раздались женские рыдания, кто-то прикрыл голову великой княгини платком. Через некоторое время подоспели лакеи, чины полиции оцепили место убийства. Останки Сергея Александровича были перенесены в Алексеевский храм Чудова монастыря в Кремле, где уже в четыре часа состоялась первая панихида в присутствии Елизаветы Федоровны, великого князя Дмитрия Павловича, великой княжны Марии Павловны и некоторых чинов великокняжеской свиты. Там же 10 февраля состоялось и погребение.

Убийство великого князя Сергея Александровича, многолетнего московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа, стало крупным общественным событием. Для одних оно явилось настоящим потрясением. Император Николай II очень быстро узнал о злодеянии и вечером 4 февраля подписал в Царском Селе манифест, где были такие слова: «Провидению угодно было поразить Нас тяжелою скорбью: любезнейший дядя Наш, Великий Князь Сергей Александрович скончался в Москве, в 4-й день сего февраля, на 48 году от рождения, погибнув от дерзновенной руки убийц, посягавших на дорогую для Нас жизнь его. Оплакивая в нем дядю и друга, коего вся жизнь, все труды и попечения были непрерывно посвящены на службу Нам и Отечеству, Мы твердо уверены, что все Наши верные подданные примут живейшее участие в печали, постигшей Императорский Дом Наш...»²

Греческая королева и русская великая княгиня Ольга Константиновна, узнав о трагедии, писала из Афин своему брату, президенту Российской академии наук, великому князю Константину Константиновичу: «До чего мы дожили, Костя, радость моя! Вот уж я не думала, что нам придется узнать такое ужасное горе! Помоги нам Бог! Милый, дорогой Сергей, знает Бог, как я его любила и каким он был неизменно верным другом для меня! А Элла! Как я за нее страдаю, я и сказать не могу... И отчего бедный Сергей, что он им сделал, этим кровопийцам, которые только и умеют разрушать и уничтожать»³. Династия погрузилась в траур. Горевали и многие другие. В церквях шли заупокойные службы, в газетах публиковались некрологи. Но прошло всего лишь несколько дней, и о кровавом событии уже мало говорили. Иные политические интересы и страсти увлекли публику.

Представители либеральных кругов, популярные органы столичной прессы со дня убийства соблюдали лишь внешние приличия и никаких сожалений по поводу гибели сына императора Александра II и дяди царствовавшего монарха не испытывали. В либеральных салонах смерть ненавистного «сатрапа» вызвала если не радость, то чувства, ничего общего не имевшие с печалью. Те, кто определял настроения в либеральной среде, уже свыклись с кровавой оргией политических убийств, бушевавшей в России несколько лет. Безумные леворадикальные террористические акты получали молчаливое одобрение тех, кто постоянно ратовал за создание в стране правового строя. Однозначно осуждались лишь все силовые действия властей и правых экстремистов. Каждый подобный случай вызывал шумную кампанию возмущения и «общественного негодования».

Этот двойной стандарт, а по сути – деформация нравственных представлений, позволяя ерничать и хихикать тогда, когда лилась кровь. Один из ближайших к лидеру кадетской партии П. Н. Милокову деятелей, редактор кадетского рупора – газеты «Речь», юрист И. В. Гессен описал весьма примечательный эпизод, характеризующий реакцию своих единомышленников на убийство бывшего московского генерал-губернатора. Обыгрывая детали

взрыва, которым Сергея Александровича разорвало буквально на куски, причем некоторые части тела, в том числе голову, так и не удалось найти, И. В. Гессен приводит высказывание, слышанное им «в доме одного профессора» в Москве: «Пришлось все-таки раз и великому князю пораскинуть мозгами!»⁴ Мемуарист, очевидно, считал это замечание очень остроумным, коль по прошествии тридцати с лишним лет счел необходимым привести его. Комментировать подобную непристойность, думается, нет надобности.

Обращаясь к истории покушения на великого князя Сергея, невольно возникают вопросы: почему он стал мишенью? Почему среди многих представителей правящей династии и высших сановных лиц был выбран человек, не игравший в этот период активной политической роли, а с января 1905 года вообще оставивший пост генерал-губернатора? Конечно, можно говорить об инерционности террора, который, набирая силу, выходит за пределы сколько-нибудь рационального объяснения. Как вспоминал один из организаторов этой акции, план убийства созрел в верхах партии социалистов-революционеров (эсеров) еще летом 1904 года. Причем тогда было намечено три лица, которые должны были стать «жертвами революционного права»: петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, киевский генерал-губернатор Н. В. Клейгельс и Сергей Александрович в Москве⁵. Наметив в качестве мишени великого князя, эсеровские убийцы, сами того не осознавая, выбрали для удара не просто высшее должностное лицо, не только ближайшего родственника царя, но поистине того, кто олицетворял исконную Россию, ее историческую власть, являлся одним из столпов самодержавного режима в последние десятилетия его существования.

* * *

Сергей Александрович появился на свет 29 апреля 1857 года. Он стал седьмым ребенком в семье императора Александра II, имевшего восемь детей (три с лишним года спустя родился самый младший сын царя Павел). Сергей был порфирородным сыном, так как его отец вступил на престол еще в 1855 году. Восприемниками новорожденного стали наследник престола великий князь Николай Александрович и великая княгиня Екатерина Михайловна (двоюродная сестра Александра II). Согласно традиции и законам новорожденный удостоился сразу всех соответствующих регалий и званий: получил ордена Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла, высшие степени орденов Анны и Станислава, был произведен в прапорщики и зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк.

Имя Сергей было достаточно редким для дома Романовых, за всю историю династии его носило всего несколько человек. В данном случае была своя предыстория. В конце августа – начале сентября 1856 года в Москве проходили пышные коронационные торжества, связанные с восшествием на престол императора Александра II. В один из дней царская чета посетила русскую святыню – Троице-Сергиеву лавру. На одной из служб, у раки пре-

Император Александр II с семьей. 1871 г.

подобного Сергея, у императрицы и императора, независимо друг от друга, возникло намерение: если Господу будет угодно послать им еще сына, то непременно дать ему имя Сергей. И когда младенец появился на свет, то вопрос о наречении нового великого князя был уже решен.

Хотя Сергей Александрович родился в царской семье, но внутренний уклад жизни и нормы поведения ее соответствовали тем, которые были распространены во многих других русских семьях. Конечно, сыновья и дочери монарха занимали исключительное положение в России и воспитывались несколько иначе, чем в других семьях высшего сословия. У детей с ранних пор были гувернеры, бонны, преподаватели; они получали глубокое религиозно-нравственное воспитание. В середине XIX века это еще было общепринято в высшем обществе.

Принципиальное же отличие заключалось в том, что ближайшие родственники монарха, по сути дела, себе не принадлежали. Они являлись с малолетства государственными людьми, им надлежало жить и действовать лишь в соответствии с потребностями власти, строго стоять на страже престижа династии, безропотно преодолевать собственные прихоти, наклонности, желания и увлечения во имя высших, часто весьма отвлеченных интересов и целей. Император Николай I много раз повторял своим детям: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение великого князя»⁶. Этот постулат определял жизнь и дела далеко не всех его потомков; для некоторых великих князей династическая ноша оказалась не по силам. Среди тех, кто всегда помнил о своем происхождении и призвании, был Сергей Александрович.

Между старшими и младшими детьми Александра II существовала большая разница в годах, поэтому неизбежно происходила возрастная диффе-

ренциация по интересам и привязанностям. Сыновья Николай, Александр (будущий Александр III), Владимир были на десять и более лет старше младших и смотрели на последних несколько свысока, образуя свой кружок, куда «мальшам» доступа не было. Сергей с ранних пор особенно был близок с сестрой Марией (родилась в 1853 году) и братом Павлом (1860). С последним у Сергея Александровича сложились особенно тесные, доверительные отношения, которые оставались неизменными многие десятилетия. Они серьезно были поколеблены лишь в самом начале XX века, после скандального морганатического брака Павла Александровича. Но независимо от возраста все дети уважительно относились друг к другу, чтили старших и были с детства глубоко верующими людьми.

Отец, «дорогой папа», вызывал у них трепетное восхищение, и они всегда были рады общаться с ним, что случалось далеко не так часто, как бы им хотелось. Александр II взшел на престол в очень сложное время, когда Россия находилась в состоянии брожения, вызванного неудачной Крымской войной и кризисом государственной системы. Осознание потребностей времени и большое личное мужество сделали Александра II убежденным сторонником глубочайших преобразований России, которые и начались с начала 60-х годов XIX века.

Проводя умеренно-либеральный курс, рассчитанный на длительную перспективу, Александр II никогда не забывал о специфике империи, о неповторимом своеобразии, отличавшем историю и быт России от других стран и народов. Он сам с большим уважением и пиететом относился к делам своих венценосных предков и это уважение прививал детям. Сохранилось характерное в этом смысле письмо-наставление, посланное в начале 1864 года старшему сыну цесаревичу Николаю Александровичу перед его поездкой по ряду европейских стран. Среди прочего Александр II писал: «Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое достойное уважение, там, где есть, к нам приложимо быть не может. Мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство это не должно отнюдь тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае есть любопытного или отличительного. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания»⁷.

Преклонение перед прошлым России, безропотное восприятие самодержавной власти и беспрекословная вера в харизматический принцип ее были главными мировоззренческими ориентирами Сергея Александровича с раннего детства. Он, так же как его брат император Александр III и племянник император Николай II, всю жизнь относился к самодержавию как к догмату веры, отступление от которого рассматривал почти как святотатство. И здесь стоит отметить одно очень важное обстоятельство, непосредственно

касающиеся принципиального пункта мировоззрения последних русских консерваторов-традиционалистов, в том числе и великого князя Сергея.

Для любого правоверного монархиста, истинного приверженца исторической власти, сторонника строгого единоначалия в общественной жизни, честного и достойного исполнения всеми подданными короны своего служебного долга, вопроса о том, хорошо или плохо самодержавие, просто не существовало. Они воспринимали монархический авторитаризм как данность, как Божественное соизволение, как единственно возможную и благодатную форму власти в огромной империи, которая была так не похожа на все остальные. Его отношение основывалось на любви и вере, то есть на чувствах, которые в большинстве случаев невозможно прагматически обосновать и артикулировать. Поэтому и трудно отыскать сколько-нибудь надежные документы, раскрывающие причины их взглядов на Россию, на ее судьбу. Как эти люди относились к России – это установить не представляет труда, но вот почему они относились именно так, а не иначе, об этом мог знать лишь тот, кто разделял подобные представления. Они были людьми бескорыстной веры, в атмосфере которой росли и формировались как личности.

Многочисленные критики и хулители на протяжении десятилетий вменяли русским консерваторам в вину «реакционность взглядов», видя в них препятствие для вожделенных образованной толпой общественных нововведений. В погоне за пресловутой «европеизацией» нашей стране пришлось заплатить слишком дорогую цену. И сейчас, через сто лет, невольно все отчетливей возникает понимание того, что вселенская трагедия России в большей степени вызывалась не отсутствием пресловутых «прогрессивных преобразований», а неимением сколько-нибудь широкого общественного консервативного слоя, способного сдерживать безответственные общественные устремления.

Люди, подобные Сергею Александровичу, неизбежно были обречены на общественное одиночество. На пороге XX века традиционные монархические взгляды и представления не соответствовали модным умонастроениям и превращали носителей их в мишень поношения и улюлюканья агрессивной либеральной общественной фракции, желавшей видеть в России порядки на манер английских или даже французских. Со второй половины XIX века на первое место в политическом противостоянии в России все отчетливее выступал вопрос о прерогативах власти, о возможности создания высшего представительного органа, о его форме, способе формирования и компетенции.

Консерваторы-традиционалисты считали, что подобной проблемы в действительности не существует, что данные претензии выказывали лишь незначительные общественные элементы из кругов интеллигенции, космополитической аристократии и бюрократии. Они были убеждены, что Россия слишком специфическая страна, чтобы слепо копировать западные политические модели и приемы социального устройства. Парламентарную систему,

эту, по словам К. П. Победоносцева, «великую ложь нашего времени», они считали неприемлемой именно для России, для страны, где, как писал князь В. П. Мещерский, «самодержавный Русский царь ответственностью перед Богом и своею совестью несравненно более ограничен, чем президент Французской республики»⁸.

Обладая развитым интуитивным чувством, что присуще многим православным людям, консерваторы, подобные Сергею Александровичу, почти ошибочно, всем сердцем ощущали, какие шаги и политические решения вредны для России, но что надлежало предпринять в конкретной ситуации – это они знали далеко не всегда. Видя свое бессилие изменить ход вещей, часто ощущая собственную ненужность, они как бы отстранялись от действительности, что было на руку крайним радикальным силам и течениям. Вера в Промысел Божий и милость Господа помогала им сохранять самообладание даже в критические минуты, но эта же великая вера часто делала из них больше созерцателей, чем активных действующих лиц политической драмы. Беззастенчивая демагогия, политический цинизм, беспринципность, конформизм – характерные черты политической борьбы новейшего времени – были не из их арсенала средств. Они могли быть жесткими, даже жестокими, могли принимать непопулярные решения, но никогда не соглашались с тем, что нарушало их убеждения, что не соответствовало их символам веры.

Русские консерваторы к началу XX века оказались обреченными людьми. Они исповедовали и поклонялись тем принципам, на которых века стояла Россия, но которые колебались и распадались под натиском увлекательных европейских эгалитарных общественных тенденций, либеральных и социалистических политических учений. Противопоставить им они могли лишь Веру и Традицию, те ценности, которые мало что значили для общественных сил либерального толка и ничего не значили для радикалов, открыто отрицавших их.

Бастионом русского консерватизма всегда оставалась патриархальная семья, формировавшая с малолетства традиционные мировоззренческие ориентиры. Великий князь Сергей Александрович по своему рождению и воспитанию должен был стать консерватором, и он им стал.

Воспитанием детей Александра II занималась мать, императрица Мария Александровна, глубоко чтимая и любимая сыновьями. Она происходила из старинного рода Гессен-Дармштадтских герцогов и была дочерью владетельного герцога Гессенского Людвига II. В семнадцатилетнем возрасте, в 1841 году, Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария стала женой наследника русского престола Александра Николаевича, перешла в православие и при миропомазании получила имя Марии Александровны. Это была удивительно скромная и деликатная женщина, которая с первого дня пребывания в России восприняла все обычаи, верования своей новой родины и всем сердцем, всей душой полюбила страну, где ей уготована была непростая судьба. Исполнение заповедей Спасителя, ревностное христианское усердие

отличали Марию Александровну. Ее душевные качества и сила веры производили большое впечатление на многих. Федор Иванович Тютчев, познакомившись с ней в Ницце осенью 1864 года, написал:

Кто б ни был ты, но, встреться с ней,
 Душою чистой иль греховной
 Ты вдруг почувствуешь живей,
 Что есть мир лучший, мир духовный...

Она была высоко музыкально образованна, неплохо рисовала, знала новейшую европейскую литературу, но истинную радость находила лишь в общении со своей семьей и в христианском служении. Императрица не отличалась крепким здоровьем; много и продолжительно болела, а последние годы жизни практически постоянно. Ее состояние усугублялось тяжелой личной драмой. Муж, занятый многотрудными постоянными государственными обязанностями, постепенно все больше и больше отдалялся от своей супруги. Еще в конце 60-х годов самодержец серьезно увлекся молодой и очаровательной фрейлиной, Екатериной Михайловной Долгорукой, ставшей для него со временем самым близким человеком. В конце 70-х годов император уже почти открыто жил со своей избранницей, имевшей от него троих детей. Это не представляло секрета для окружающих и вызывало пересуды в высшем свете. Мария Александровна никому не рассказывала о своих чувствах, сохраняя всегда удивительное самообладание.

Дети вырастали, и у них складывалась своя жизнь. Старшие служили в гвардии и на флоте, дочь Мария вышла в 1874 году замуж за английского принца, сына королевы Виктории Альфреда, герцога Эдинбургского и герцога Саксен-Кобург-Готского, и почти не бывала в России. Радостью и надеждой императрицы оставались младшие сыновья, и особенно Сергей. В последние годы жизни Марии Александровны он стал для нее самым близким, самым дорогим, самым любимым. Сын отвечал матери безмерным обожанием, искренней любовью, которую сохранил до конца своих дней. Ему тоже приходилось отлучаться, и он вынужден был неделями, а иногда и месяцами отсутствовать в Петербурге (как было, например, когда он сопровождал отца на театр военных действий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов). Но как только он возвращался в столицу, все его мысли, все его устремления были направлены туда, где находилась мать. Он проводил с ней много времени, читал ей книги, развлекал разговорами и иногда исполнял роль сиделки и няни. Она не раз говорила, что у сына Сергея «сердце доброе и чувствительное»⁹.

Сергей Александрович с детства был глубоко верующим человеком. Вера осталась с ним навсегда, несмотря на то, что в высшем обществе все отчетливей проступало легкомысленное отношение к религии, ставшей для многих отпрысков благородных семей лишь данью традиции, только неизбежным

атрибутом повседневной жизни. Немало представителей новых поколений русской аристократии встретили XX век атеистами и прагматиками. Имелись такие и в среде императорской фамилии (например, великие князья Николай и Александр Михайловичи), но все-таки царская семья до конца оставалась хранительницей русской духовной традиции и заветов предков. В отличие от некоторых легкомысленных своих родственников, менявших свои убеждения исходя из модных салонных веяний, Сергей Александрович всю жизнь исповедовал и отстаивал неизменные русские духовно-нравственные ценности: Бог, Царь, Россия. Все остальное рядом с этим не имело никакого значения.

По своему душевному складу и по характеру сын очень напоминал мать, которая несла ношу своих жизненных испытаний молча, никого не обременяя сетованиями. Сергей Александрович тоже всегда проявлял смирение, ему тоже пришлось испытать одиночество, но это чувство, это состояние ему, в отличие от матери, было знакомо с ранних пор. Отец всегда был далеко, а с «дорогой мамой» он встречался порой лишь урывками. Придворный этикет, династические представительские обязанности нередко мешали матери и детям видеть друг друга, теплого общения не хватало. Он воспринимал это как должное, как неизбежную плату за свое происхождение и никогда не выказывал никаких неудовольствий, хотя его душе все время недоставало общения с близким, родным человеком.

Сергей Александрович относился к числу самых образованных людей своего времени. Обучение его началось в 1866 году. Учебный курс был рассчитан на 11 лет. Среди главных предметов были Закон Божий, русский язык и словесность, латынь, английский, немецкий и французский языки, география, история, арифметика, геометрия, тригонометрия, физика, чистописание, рисование, музыка, гимнастика, танцы, фронт и верховая езда. Ему особенно хорошо давались языки и гуманитарные предметы. Сергей в совершенстве владел французским, немецким и английским языками, неплохо рисовал, хорошо знал отечественную и мировую историю, отечественную литературу и поэзию, не был лишен музыкальных способностей и недурно музицировал на фортепьяно.

В царской семье очень большое внимание уделяли обучению детей. Родители стремились не только к тому, чтобы дети получили сумму разносторонних знаний, но чтобы в процессе обучения происходило нравственное становление личности. Учителю одновременно отводилась и роль наставника. Они подбирались из числа людей, хорошо знающих свой предмет, но и обязательно тех, чья моральная и общественная репутация были безукоризненными. С некоторыми из них и по окончании курса великие князья сохраняли близкие, дружеские отношения. У Сергея Александровича было несколько таких педагогов-наставников.

К их числу относились духовник и законоучитель, протоиерей Иван Васильевич Рождественский (отец Иоанн), умерший в 1882 году, учитель фран-

цузского языка, обрусевший француз Л. Ф. Лакост, преподаватель гражданского права, профессор Московского университета К. П. Победоносцев, ставший в 1880 году обер-прокурором Святейшего Синода. До самой своей смерти Сергей Александрович поддерживал дружеские отношения со своим наставником Д. С. Арсеньевым, знакомившим царского сына с военными дисциплинами и много лет выполнявшим при нем роль воспитателя. Историю преподавал замечательный русский историк С. М. Соловьев, добрую память о котором великий князь сохранял всю жизнь. Он ценил его разносторонние знания, деликатность, умение общаться с учеником как с равным. Когда историк смертельно заболел осенью 1879 года, то Сергей вместе с братом Павлом навестил его в Москве, что произвело сильное впечатление на родственников ученого¹⁰.

С ранних пор великий князь Сергей проявлял интерес к изобразительному искусству, особенно к живописи, и этот интерес начали развивать его учителя рисования: сначала академик живописи А. Е. Бейдеман, а после его смерти в 1869 году – академик живописи барон М. П. Клодт. В пятнадцатилетнем возрасте великий князь начал систематически изучать художественные коллекции Эрмитажа и со временем стал прекрасным знатоком их. Его особенно привлекали итальянские школы живописи, в первую очередь флорентинцы, с произведениями которых он непременно знакомился и при своих неоднократных поездках в Италию, и в русских собраниях.

В молодые годы Сергей Александрович мечтал связать свою жизнь со службой на флоте. В царской семье желания детей имели значение, но окончательное решение всегда принимал отец-император, которому нельзя было докучать просьбами или оспаривать распоряжения. Пытаясь добиться благоприятного исхода, великий князь обратился с просьбой к своему брату, к тому времени офицеру флота и капитану, Алексею, чтобы тот замолвил словечко, на что старший брат согласился. Получив это известие, Сергей Александрович 7 ноября 1875 года с радостью писал: «Не знаю, как тебя благодарить, милый мой Алексей, за твое дорогое письмо, которое мне доставило громадное удовольствие!.. Насчет трудности морской службы я себе не делаю никаких иллюзий; я знаю, что это самая трудная служба, и, может быть, от этого она мне особенно нравится. Со своей стороны я буду делать все, что могу, чтобы достигнуть столь желанной цели»¹¹. Осуществить юношеское намерение не удалось. Вскоре началась русско-турецкая война, а затем обстоятельства семейного порядка вынудили князя длительное время находиться за границей.

22 мая 1880 года скончалась императрица Мария Александровна. Эта смерть стала тяжелым потрясением для всех детей, но, пожалуй, больше всех для Сергея. Ему казалось, что рухнул мир, его мир, самой большой радостью которого была дорогая мать. Несколько дней он находился в состоянии, близком к прострации, и приближенные даже серьезно опасались за его здоровье. В день похорон, 28 мая, великий князь Константин Константинович

записал в дневнике: «Бедный Сергей был бледнее своего белого кирасирского мундира, у меня сердце болит, глядя на него»¹².

Почти через год, говоря о смерти матери, князь Сергей писал: «Этот удар был страшный удар, и видит Бог, как я до сих пор не могу еще прийти в себя. С Ее смертью все, все переменялось. Не могу я словами выразить, все, что наболело на душе и на сердце; все, что у меня было святого, лучшего, все в ней я потерял; вся моя любовь, моя единственная сильная любовь принадлежала Ей»¹³. Греческая королева Ольга Константиновна, прекрасно понимая душевное состояние кузена Сергея, с которым ее связывала давняя дружба, писала ему 22 мая 1880 года: «Я знаю, что происходит в твоём сердце, особенно сегодня вечером, последний вечер, что Она лежит в своей комнате и ты можешь быть у Нее. Это все-таки утешение, хотя ты знаешь, что душа Ее не перестанет быть повсюду с тобою; теперь Она еще лучше сможет молиться за тебя и своими молитвами охранять тебя от всякого зла. Оставайся ты таким, каким ты был до сих пор – чистым душою, для Нее!»¹⁴

Вскоре отец отправляет Сергея за границу, в Италию, куда тот должен был сопровождать брата Павла, которому врачи, найдя у него признаки туберкулеза, советовали пожить в теплом климате. Но эта поездка имела не только медицинские цели. Император намеренно удалял младших сыновей из Петербурга, чтобы они были избавлены от ненужных переживаний в связи с намечавшимися необычными изменениями в жизни императорской семьи. События же эти были беспрецедентными. Прошло немногим более сорока дней после смерти императрицы, и Александр II 6 июля 1880 года тайно обвенчался с княжной Долгорукой. Это был европейский династический скандал. Но, конечно, самый сильный резонанс он имел в России. Хотя публично никто не высказывался, но неофициально, на протяжении многих месяцев эта тема стала главнейшей в высшем обществе.

Император сам сообщил о принятом решении родственникам, детям, как и высокопоставленным придворным. Чуть не последними в этом ряду стали младшие сыновья, получившие собственноручное извещение императора из Петербурга лишь в декабре. Сергей Александрович давно знал Е. М. Долгорукую и ее детей, так как неоднократно, сопровождая отца при его продолжительных прогулках в Павловске и Царском Селе, был свидетелем их встреч. Он даже имел смелость высказать несколько раз возмущение этим обществом, за что имел от родителя строгие выговоры. И вот теперь отец, «дорогой папа», официально вступил в брак с этой женщиной. Великий князь был потрясен и писал своей доброй знакомой, фрейлине покойной императрицы графине А. А. Толстой: «Я возлагаю все надежды на Бога. Он не оставит нас. Тем не менее все отвратительно, непереносимо!.. Милая графиня, если бы вы знали, как тяжело заставить сердце не возмущаться – я борюсь с собой. Да, долг будет выполнен, но сердце мое навсегда разбито»¹⁵. Несмотря на возмущение и потрясение, великий князь однозначно заявлял о намерении следовать долгу: беспрекословному подчинению воле монарха.

Ему он будет следовать неукоснительно всегда, невзирая на личные симпатии, пристрастия и неудовольствия.

Прошло еще несколько месяцев, и новые, еще более страшные испытания выпали на долю императорской фамилии. 1 марта 1881 года в центре Петербурга бомбой террориста был смертельно ранен Александр II. Великий князь Сергей узнал об этом жутком событии в Италии и уже 6 марта был в Петербурге. На следующий день он послал письмо своему воспитателю Д. С. Арсеневу, где восклицал: «Не знаю, с чего начать и как писать. Душа и сердце – все, все разбито и перевернуто. Все ужасные впечатления меня уничтожили»¹⁶. Последующие недели прошли в атмосфере глубокого траура. Сергей Александрович молился как истинный христианин, как преданный сын, потерявший отца, которого всегда искренне и горячо любил. Накануне Пасхи 1881 года, в Великий четверг 14 апреля, он записал: «Да сохранит и благословит Господь Сашу – трудное, тяжелое начало царствования! Господи, помоги и мне, научи меня любить Тебя всею душою моею, всем сердцем моим и всем помыслом моим!»¹⁷

После смерти матери и гибели отца у Сергея Александровича очень усилилось религиозное настроение. Он с детских лет чрезвычайно серьезно, с большой душевной открытостью относился к положениям церковного канона, к соблюдению всех норм и требований православия. Он не раз вспоминал свое первое причастие и первый пост в раннем возрасте, когда ему еще не было и восьми лет. Происходило это весной 1865 года на юге Франции, в далекой Ницце, где он вместе с матерью находился у постели своего умирающего старшего брата, цесаревича Николая. Сергей ревностно исполнял установленные обряды и всегда надеялся на милость Всевышнего. Обращаясь к брату Павлу в 1894 году, написал: «Пути Господни неисповедимы и нам – непостижимы. Когда-нибудь все узнаем и все поймем. Дай только Бог нам быть достойными этого, и счастья встретиться с чистой совестью с теми, кого любили, на земле!»¹⁸

Большинство последних представителей династии Романовых были искренне и глубоко верующими людьми. К их числу относились императоры Александр III, Николай II и целый ряд великих князей и княгинь, в числе которых если и не на первом, то на одном из первых мест находился князь Сергей. Он неоднократно совершал паломничества по святым местам в России, бывал в Риме, на Афоне и в Иерусалиме. Первый раз вместе с братом Павлом Сергей Александрович оказался на Святой Земле в мае 1881 года вскоре после похорон отца. Его давно уже тянуло в Палестину; хотелось собственными глазами увидеть места, связанные с жизнью и делами Спасителя. Эту поездку настоятельно советовал совершить К. П. Победоносцев, считавший, что молодому человеку следовало подкрепить свои душевные силы молитвой у Гроба Господня.

Он провел здесь десять дней, с 21 по 31 мая, когда исполнился ровно год со дня смерти любимой матери, и каждый день посещал храмы, присутство-

вал на литургиях. Однако брату русского царя невозможно было оставаться частным лицом. Он знакомился с бытом и условиями деятельности приходов Русской Православной Церкви, общался с соотечественниками-богомольцами. Именно тогда у великого князя возникло сильное желание помочь Церкви и русским паломникам. Когда он вернулся в Россию, то стал деятельно добиваться создания специальной организации, призванной способствовать распространению знаний о Святой Земле в России и помогающей соотечественникам посещать столь дорогие сердцу каждого христианина места. Желание нашло живой отклик у императора Александра III; эту же идею давно вынашивал и обер-прокурор Святейшего Синода.

В результате 8 мая 1882 года царь утвердил устав Православного Палестинского Общества (с 1889 года – Императорское). Прошло несколько дней, и 21 мая во дворце великого князя Николая Николаевича (Старшего) состоялось торжественное открытие его детища, и первым председателем был избран великий князь Сергей Александрович. Он оставался на этом посту более двадцати лет и всегда серьезно относился к своим обязанностям, всеми силами содействуя широкой просветительской и организационной работе, развернувшейся под эгидой Палестинского общества и в России и в Палестине в конце XIX – начале XX века.

В том же 1882 году в жизни великого князя произошло еще одно важное событие. В январе он поступил на службу в Преображенский полк – самое престижное подразделение императорской гвардии. Первое свое воинское звание прапорщика, как уже упоминалось, он получил при рождении, когда и был зачислен в Преображенский полк; следующее, подпоручика, было пожаловано в пятнадцать лет; в 1878 году он стал полковником, а в 1887 году получил звание генерал-майора. Почти десять лет его жизнь неразрывно была связана с Преображенским полком, где он сначала выполнял обязанности командира Первого (царского) батальона, а с 1887 года – командира полка. К воинской службе князь с первого и до последнего дня относился очень серьезно, неукоснительно сам выполнял все положения устава и начальственные распоряжения и того же требовал от других. Он был строгим командиром, и некоторые офицеры побаивались его. Но авторитетом и уважением пользовался, так как довольно быстро выяснилось, что высокородный начальник был требователен ко всем, ни для кого не делал исключений и наравне со всеми нес тяготы и лишения на лагерных сборах и маневрах.

По своей натуре Сергей Александрович был застенчивым человеком, он очень трудно сходилась с людьми, а на публике почти всегда чувствовал себя неуютно. Если бы у него была возможность выбирать образ жизни, то несомненно, что он предпочел бы тихое уединение. Книги, общество близких друзей, красоты природы, живопись – вот где были его главные интересы. Но права выбора у великого князя не было, и ему надлежало выполнять свой долг: быть верным слугой своему государю и России. Сын всегда помнил о предсмертной заповеди отца, который призывал в завещании: «Заклинаю

всех сыновей моих и всех членов нашего многочисленного семейства любить и чтить своего Государа от всей души, служить Ему верно, неутомимо, безропотно, до последней капли крови, до последнего издыхания и помнить, что им надлежит примером быть другим, как служить должно верноподданным, из которых они – первые»¹⁹.

Князь Сергей со страхом переступил порог преображенской казармы, но постепенно стесненность проходила; появлялись новые друзья, и князь ощутил атмосферу искренней мужской дружбы и, наконец, почувствовал свою нужность. Своему ближайшему другу, поэту, переводчику, великому князю Константину Константиновичу (литературный псевдоним – «К. Р.») он писал 19 февраля года: «Я вполне доволен своей судьбой. Моя жизнь – батальон, мой интерес – роты, мой мир – казарма, мой горизонт – Миллионная (улица, где находились казармы преображенцев. – А. Б.)»²⁰.

Такую категоричность нельзя рассматривать иначе как браваду молодого человека, долго искавшего и наконец нашедшего приложение своим силам. Все прочие жизненные пристрастия и интересы он сохранил, но Преображенский полк действительно надолго стал для Сергея Александровича родным. Вначале Константин Константинович был немало удивлен столь резкой перемене, произошедшей с его кузеном. Он с ранней юности был очень близок с Сергеем Александровичем; их духовные запросы, культурные интересы, эстетические пристрастия и общественные симпатии во многом совпадали. Вместе путешествовали, читали книги, обсуждали прочитанное, наслаждались произведениями искусства, имели общих знакомых и друзей. Подолгу вместе жили в Италии, с трепетным восторгом открывали для себя живопись Джотто, Веронезе, Боттичелли, Тинторетто и других маститых и менее известных мастеров; часами любовались несравненными итальянскими пейзажами и памятниками архитектуры. Сергей Александрович даже специально изучал итальянский язык, чтобы читать в оригинале Данте. И вдруг – казарма! Психологическое состояния князя Сергея было вполне объяснимо, что сразу же понял и К. Р. Будучи сыном императора, он рос и формировался под неусыпным надзором, обязан был каждый свой шаг согласовывать с приставленными к нему воспитателями, почти на все получать разрешение. Фигура отца – императора всероссийского – заслоняла и подавляла послушного сына. Во время официальных приемов, выходов, церковных служб сотни внимательных глаз неустанно следили за ним, не пропуская ни одной детали, ни одного жеста или слова, которые царский отпрыск мог себе позволить. Причем сам он почти никому по-человечески не был интересен: всех завораживал монарший ореол, окружавший членов династии и в первую очередь тех, кто был особенно близок к самодержцу. Когда жизнь отца трагически оборвалась и на престол взшел брат Александр, то положение князя изменилось. Император Александр III очень сердечно относился к Сергею и не стремился навязывать свою волю. И он сделал выбор сам.

В среде гвардейского офицерства, где высоко ценились честь, верность слову, взаимовыручка, исполнительность, преданность царю и отечеству, Сергей Александрович встретил немало симпатичных людей. Как неженатый сын императора, князь вынужден был жить в холодном и помпезном Зимнем дворце, где невозможно было принадлежать себе. Поэтому его так тянуло в полк, где все друг друга знали и хорошо понимали. И он относился ко многим офицерам как к близким людям. Ему не казалось зазорным посетить заболевшего подчиненного офицера на дому, доставить ему лекарства, успокоить беседой родителей. Не чурался он и общения с нижними чинами, лично вникал во многие проблемы их повседневной жизни.

Вечерами, иногда за полночь, он засиживался с сослуживцами в офицерском собрании, где нередко бывали весьма известные лица. В марте 1883 года он писал Константину Константиновичу: «Вообрази себе, что на днях я провел вторично ночь, с кем бы ты думал? С Апухтиным!!! ...Его пригласили некоторые наши офицеры к нам в клуб, ну и дружеская беседа длилась, длилась, далеко за полночь. Признаюсь, я был в восторге от его манеры говорить свои же стихи; он говорит такие прелести и так чудно, что можно было заслушаться; время было проведено крайне симпатично»²¹.

Князь Сергей всегда любил и прозу, и поэзию, а чтение относилось к ряду любимейших занятий. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Апухтин, Майков, Фет – вот перечень особо читаемых и почитаемых авторов. Он высоко ценил произведения Льва Толстого, особенно «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир», но к Толстому-моралисту, к Толстому-проповеднику относился крайне недоброжелательно, считая (это убеждение с годами усиливалось), что граф своей критикой светской и церковной власти отрицает русские исторические ценности и содействует многочисленным врагам России²². В то же время Федор Достоевский однозначно вызывал у великого князя восторженное восхищение. В 70-е годы он первым среди членов династии познакомился с его произведениями, которые рекомендовал и другим.

Ему особенно были близки романы «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы». По инициативе великого князя и по его приглашению Федор Михайлович несколько раз, начиная с марта 1878 года, встречался с ним и в великокняжеских апартаментах в Зимнем дворце, и в Мраморном дворце у Константина Константиновича. Последний оставил краткие заметки об этих встречах в своих дневниках, из которых следует, что знаменитый писатель и молодые люди говорили «про нынешний нигилизм и про тяжелые настоящие времена». Невозможно теперь установить конкретные высказывания автора «Бесов», но известно, что Сергей Александрович сохранял «отрадные воспоминания об этих свиданиях». Трудно предположить, что собеседники в радужных тонах оценивали общую ситуацию в стране, где обстановка была далека от благополучной. Безрадостные мысли обуревали в этот период князя Сергея, считавшего, что «все летит к черту и Россия погибает»²³. В подобном мрачном состоянии духа он будет находиться неодно-

кратно, а последние годы жизни почти постоянно. Время все меньше и меньше оставляло надежд таким людям, как князь Сергей.

В конце февраля 1883 года Константин Константинович писал из Афин Сергею Александровичу: «Твой образ жизни находит себе много порицателей, и я, конечно, получаю письменные жалобы и вздыхания о твоей гибели... Нам теперь стоит позавтракать у Донона, выпить бутылку шампанского, чтобы свет оплакал навек нашу нравственность. Это очень смешно, и нечего обращать внимание на толки и пересуды. Брань на ворота не виснет»²⁴. Наивный, чистосердечный К. Р.! Он и предположить не мог, что образ его кузена и наперника будет весь соткан из сплетен, которые переживут и Сергея Александровича, и Константина Константиновича. Пройти мимо этого сюжета невозможно, хотя перетряхивать «несвежее белье» занятие не из приятных.

Вскоре после прихода в Преображенский полк в высшем свете стали циркулировать слухи о том, что брат императора Александра III ведет предосудительный образ жизни. Говорили, что он пьянствует, богохульничает, развратничает. Никто не приводил никаких конкретных фактов, никто не ссылался на собственные наблюдения, но, повторенные многократно, эти утверждения принимали характер общеизвестной истины. Обращаясь к этой теме, невольно поражаешься тому, как легко и как крепко в сознании русской публики утверждались скандальные стереотипы восприятия людей и событий. Особенно это касалось тех, кто не вызывал симпатий в либеральном общественном мнении, кого «образованные круги» причисляли к реакционерам. Какими невероятными домыслами была окружена частная жизнь последних императоров, их приближенных и многих министров! Один из современных исследователей справедливо заметил, что «в России политические противники редко ограничиваются принципиальной полемикой. Им важно унижить своего оппонента, указав на его нравственное ничтожество»²⁵. Это в полной мере касается отношения к Сергею Александровичу.

Вначале слухи вызывались не мировоззрением великого князя, а особенностями его характера, его нежеланием играть ту партию, которую ему отводили в обществе. Как уже было отмечено, он был замкнутым и в известном смысле даже нелюдимым человеком; не любил светскую жизнь, всячески избегал петербургских салонов и не искал расположения у их завсегдатаев. Свет никому не прощал пренебрежения к себе и платил отступнику гнусными инсинуациями. Великий князь знал о злостных утверждениях и меланхолически по этому поводу заметил в одном из писем Д. С. Арсеньеву: «Если у меня совесть спокойная, то мне, прости мне это выражение, плевать на все людские пересуды»²⁶.

Есть основания считать, что сплетня о распущенности Сергея Александровича возникла в родственном кругу и ее инспиратором была великая княгиня Ольга Федоровна (жена великого князя Михаила Николаевича,

председателя Государственного Совета). Эта дама, полная тщеславия, амбиций и самомнения, славилась своим злым языком. Ее благосклонностью пользовались лишь те, кто заискивал перед ней и оказывал ей повышенные знаки внимания. Сергей Александрович к числу таких паркетных шаркунов не принадлежал, и этого было достаточно для ненависти к нему. Добродетельный и спокойный муж великой княгини в фабрикации салонного «общественного мнения» участия не принимал, но вот сыновья, особенно Николай и Александр, были истинными детьми своей матери. Когда она умерла в 1891 году, то они с маниакальной одержимостью популяризировали мысли и пристрастия, которые заронила в их души «ненаглядная мама». На их измышлениях до сих пор построены многие мифологемы, касающиеся последних Романовых²⁷.

Были и другие инсинуаторы, но они были не столь «представительны». Чванливый петербургский свет очень занимал образ жизни великих князей, особенно тех, кто сторонился его. Многие очень хотели найти объяснение непонятого поведения и быстро его находили. Если не приехал на бал – значит был пьян. Отбыл за границу – значит будет посещать притоны. Приехал проведать больного сослуживца на дому – значит состоит с ним в противоестественной связи. Искренность воспринимали как позу, веру – как лицемерие.

Слухи плодились, и им никто не противодействовал. Позднее, когда со всей определенностью утвердились антилиберальные настроения Сергея Александровича, то тезис об аморальности его стал своего рода аргументом в борьбе с охранительными тенденциями. Сергей Александрович знал о злословии светской черни, часто глубоко переживал распространяемую клевету и вначале даже пытался выяснить ее источник, но затем смирился и начал воспринимать это как тяжелое жизненное испытание. Но те старые сплетни до сих пор используются сочинителями для создания скандальных произведений²⁸.

Зная строгий, можно даже сказать, пуританский нрав великого князя, трудно себе вообразить, что он, всегда помнивший о своем происхождении и предназначении, искренне веруя в Бога и чистосердечно исповедуясь у алтаря, мог позволить себе вести разнузданный образ жизни, вступать в какие-то противоестественные половые связи с офицерами! Совершенно немислимо считать, что подобные деяния остались бы незамеченными самодержцем Александром III, человеком патриархальных взглядов и правил, он несомненно, незамедлительно принял бы строгие меры. Но император неизменно относился к брату Сергею с ровной симпатией, и между ними никогда не было даже размолвки. В сентябре 1883 года великий князь писал своему воспитателю Д. С. Арсеньеву: «Я все больше и больше убеждаюсь, что чем больше иметь сердца здесь, на земле, тем больше приходится страдать и нравственно и физически. Сердце ничего не стоит для людей, и они никогда его не ценят. Чем меньше отдаешься сердцем делам, тем спокойнее может быть»²⁹.

Он никогда не пил лишнего, никогда не вел фривольные разговоры и был резким противником скабрёзных анекдотов. Про него же говорили невесть что! Вся его жизнь была окутана кривотолками и измышлениями, и даже женитьба не успокоила инсинуаторов. Князь женился в двадцатисемилетнем возрасте на своей дальней родственнице – дочери гессенского герцога Людвига IV Елизавете, принявшей в России имя Елизаветы Федоровны, которую в кругу императорской фамилии называли просто Эллой. Последние годы об этой удивительной женщине много пишут. Интерес сильно возрос после причисления ее в 1992 году Русской Православной Церковью к лику святых. Однако многие стороны жизни ее почти не освещены, особенно касающиеся истории замужества и отношений с мужем. В этой теме до сих пор много неясного. Эти неясности объясняются рядом причин, и среди главных – отсутствие надежных документов. Например, не сохранилась личная переписка между князем Сергеем и принцессой, а затем великой княгиней Елизаветой. Но все-таки некоторые важные реалии этой истории реконструировать можно.

Сергей Александрович впервые увидел свою будущую жену, вторую дочь Людвига Гессенского, в раннем детстве, в 1865 году, когда принцессе Елизавете не было еще и года (она родилась в октябре 1864 года). Он приехал в небольшой и уютный городок Дармштадт на Рейне вместе с родителями. Императрица Мария Александровна часто бывала на своей родине, сохраняя теплые родственные отношения с отцом, Людвигом II, и с братом, впоследствии Людвигом III. Все ее дети бывали там неоднократно и вместе с родителями, и без них. В 1880 году принцесса Элла начала выезжать в свет, и ее очарование и красота привлекли немало претендентов. В их числе был и прусский принц Вильгельм (будущий германский император Вильгельм II), тогда еще студент университета в Бонне. Но Елизавете претила грубая вульгарность этого человека, его беззастенчивое хвастовство и невероятное самомнение. Она отвергла его раз и навсегда. И Вильгельм ей этого никогда не простил и был одним из активных пропагандистов слухов о порочности русского великого князя Сергея.

Принцесса Елизавета с ранних лет питала большую симпатию к великому князю Сергею, что не составляло секрета для окружающих. Потеряв мать в четырнадцать лет, она нашла утешение в доме у своей бабушки, английской королевы Виктории. С ней, со своей «дорогой бабуленькой», она всегда сохраняла доверительные отношения и была безутешна, когда узнала в начале 1901 года о ее смерти. Получив известие о кончине королевы, княгиня Элла бросит все и сразу же поедет в Англию, чтобы проститься с родным и близким человеком. Принцессе Елизавете самой надлежало решать вопрос о замужестве, и никто из родственников ей своей воли не навязывал.

Вполне определенно известно, что Элла искренне любила Сергея и была счастлива, когда он сделал ей предложение. Эта партия не вызвала особой симпатии у королевы Виктории, которая в ту пору, как и многие другие

в Англии, была настроена антирусски. Елизавета знала об опасениях своей бабки и пыталась ее разубедить. В марте 1884 года она писала ей: «Я так рада, что Вы увидите Сергея, когда Вы приедете в следующем месяце, и надеюсь, что он произведет на Вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер»³⁰. Эти симпатии разделял и отец невесты. Обращаясь к императору Александру III в декабре 1883 года, Людвиг Гессенский заметил: «Ты уже узнал от Сергея, что он хочет забрать у меня мою дочь Эллу... Но я, не колеблясь, дал свое согласие, потому что знаю Сергея с детства, вижу его хорошие и приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой... Серж, конечно, не делает блестящей партии, но он берет в жены умную и образованную женщину, которая сделает все возможное, чтобы его семейная жизнь стала приятной и счастливой»³¹.

Путь к алтарю для великого князя Сергея был куда более извилист и труден. Ему пришлось преодолеть многое в себе, чтобы принять окончательное решение. Он долго не думал о семейной жизни серьезно и несколько лет мучительно переживал неизбежность брака и хотя питал большое расположение к Елизавете Гессенской, но долго не мог сделать решительный шаг. В ноябре 1882 года он писал своему кузену Константину Константиновичу «В Дармштадте провели мы два дня самым симпатичным образом. Дядя и его семья были очень милы и добры... Хотя здесь уже все меня женили, но, пожалуйста, не верь этому»³². Понадобился еще целый год, чтобы великий князь сделал официальное предложение, которое было с радостью принято.

Он смирился с грядущим, зная, что его брак важен для престижа династии и империи. Еще когда-то его мать мечтала видеть своего любимого сына женатым на гессенской принцессе; эту партию очень поддерживали брат, император Александр III, и сестра Мария – герцогиня Эдинбургская, обожавшая Эллу. В октябре 1882 года в письме к русскому царю герцогиня без обиняков заявила, что Сергей «будет просто дурак, коли не женится на ней. Красивее и милее принцессы он никогда не найдет»³³.

Помолвка Елизаветы и Сергея состоялась 6 ноября 1883 года в Дармштадте, и жених писал своему брату императору Александру III: «Я счастлив и доволен. Мне кажется иногда, что... я этого недостойн. Ты меня поймешь, что моя первая мысль, моя первая молитва была обращена к Мама, прося Ее и Папа меня благословить в такую важную минуту моей жизни»³⁴. Он просил у своего брата-монарха соизволения не оглашать о помолвке до февраля и назначить свадьбу на лето следующего года. Эти просьбы были уважены.

Грядущая свадьба серьезно повлияла на князя Сергея. Он стал более спокойным, уравновешенным. В письме брату Павлу, сообщая о предстоящем событии, меланхолично заметил: «Все к лучшему в лучшем из миров». Он продолжал выполнять свои служебные обязанности, но главное внимание уделял предстоящей свадьбе. Надлежало обзавестись собственным домом. Весной 1884 года Сергей Александрович покупает в самом центре Петербурга, на берегу реки Фонтанки, рядом с Аничковым дворцом, где проживал

царь Александр III с семьей, роскошный дворец, куда и привезет свою молодую жену.

Между ноябрем 1883-го и маем 1884 года он уже в качестве жениха посещал Дармштадт для обсуждения деталей предстоящего события. В феврале 1884 года он поехал туда с дорогими подарками для невесты. Гессенская принцесса получила изумительную сапфировую брошку, подвеску из громадного сапфира кабошон, брошку и серьги бриллиантовые, жемчужное ожерелье, кольцо с сапфиром кабошон и от императора – высший орден Святой Екатерины, предназначенный исключительно для женщин царствующего дома. Через несколько дней по прибытии Сергей писал брату Павлу: «Элла, если можно, еще красивее. Мы с ней много сидим вместе; по утрам она в моей комнате, и я ее немного учу по-русски, что очень забавно, даже заставляю писать. Между прочим, учу ее словам “Боже Царя храни”. Мы уже гуляем одни по всему Дармштадту»³⁵.

Сопровождать Эллу на свадьбу выехали все гессенские родственники. 27 мая 1884 года они прибыли в предместье Петербурга Петергоф, где были встречены русским императором и членами императорской фамилии. Тогда же гессенских принцесс впервые увидел наследник престола цесаревич Николай, которому вначале особенно понравилась Элла и лишь чуть позже его симпатии целиком были отданы Алисе. Через несколько дней он будет присутствовать на свадьбе в качестве шафера у своего дяди Сергея. Он еще не знал своей судьбы и не думал, что жизнь соединит его и младшую сестру Эллы Аликс, которая спустя десять лет станет его женой и русской императрицей Александрой Федоровной. Через 34 года, они – последние коронованные правители России – погибнут вместе в одночасье, в тесном подвале особняка на далеком Урале. Подобное кошмарное видение тогда никому не могло прийти в голову, но женитьба Сергея и Эллы непосредственно повлияла на все последующие события. Именно в эту неделю, в конце мая – начале июня 1884 года цесаревич Николай и Алиса Гессенская не только увидели друг друга; у них зародилось сильное взаимное чувство. Через несколько десятилетий русская царица напишет своему мужу, что тогда, в 1884 году, ее «еще детское сердце стремилось к тебе с глубокой любовью»³⁶.

Вскоре после шумных и утомительных свадебных торжеств Сергей увез молодую жену в свое имение Ильинское, расположенное в Звенигородском уезде Московской губернии, которое Сергей Александрович унаследовал по завещанию своей матери. Здесь в большом старом барском доме, построенном среди огромных живописных сосен, они провели лучшие часы своей жизни. Элла впервые увидела русскую природу, необозримые просторы, величественные леса, ощутила неповторимые тишину и покой. Молодую гессенскую принцессу утомили столичные празднества; ей были в диковинку роскошь и почет, окружавшие жизнь коронованных особ и их приближенных в России. Ничего подобного она, выросшая в простой обстановке лютеранской семьи, раньше не видела. В России же все было ново, необычно, грандиозно. И лишь

оказавшись в Ильинском она могла перевести дыхание, могла позволить себе расслабиться.

Князь Сергей тоже невероятно устал от нескончаемых торжественных церемоний. Своему кузену Константину Константиновичу он писал 20 июня: «Здесь так хорошо, что трудно описать, а главное, быть с дорогой женой далеко от всех отвратительных дрызг придворной жизни»³⁷. Эти настроения полностью разделяла Елизавета Федоровна, которая удивительно естественно себя вела и на парадном обеде в кругу титулованных особ, и среди непритязательных деревенских жителей на сельских праздниках. Ее душе была ближе загородная уединенность, и она полностью разделяла настроения мужа, который сообщал своему брату императору: «Ужасно я рад, что жена, так же как и я, любит деревню и нисколько не тяготится; наоборот, она с грустью размышляет о той минуте, когда придется покинуть Ильинское»³⁸.

*Великий князь Сергей Александрович
и Великая княгиня Елизавета Федоровна*

Это место всегда будет им дорого и близко. Жизнь текла здесь неспешно и размеренно. Совместные прогулки, чтение, встречи с небольшим кружком родственников и друзей. Здесь Элла начала постигать тайны русского языка, здесь она впервые ощутила прелесть русской природы, литературы и музыки. Брату Эрнсту она писала в Дармштадт: «Я изучаю русский язык и каждый день беру уроки по полтора часа. Это очень интересно, так как я начинаю понимать немного слов уже когда говорят другие; комнаты здесь уютные, но замечательно красивы балконы... Сергей и я долго гуляли по полям и собрали много цветов, главным образом васильков... Сергей нашел спрятанное под травой гнездо с четырьмя хорошенькими маленькими птичками. Там повсюду очень много клубники...»³⁹.

В Ильинском великокняжеская чета почти всегда была вместе. Здесь был устроен домашний театр, где ставились нехитрые французские пьесы и водевили, в которых были заняты и сами хозяйева, их гости и приближенные. Вечерами или читали (Сергей ей читал некоторые вещи русских писателей), или музицировали. Играли в четыре руки, иногда, когда присутствовали другие, играли и в восемь рук. Музыка Бетховена, Моцарта, Шуберта чуть ли не каждый вечер разносились по окрестностям. Здесь великий князь Константин Константинович в 1884 году написал, наверное, самое замечательное стихотворение, посвященное Елизавете Федоровне:

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
 Ты так невыразимо хороша!
 О, верно, под такой наружностью прекрасной
 Такая же прекрасная душа!..

Через три года, в одном из писем из Ильинского королеве Виктории Елизавета Федоровна написала: «Все, что я могу всегда повторить, это то, что я вполне счастлива. Но, несмотря на это, в моем новом доме и жизни я никогда не забуду моего старого дома и всех тех, кто так дорог мне»⁴⁰.

Елизавету Федоровну многие любили. Обладая живым умом и общительным характером, она была удивительно деликатна и умела располагать к себе людей. Она, в отличие от мужа, не была склонна демонстрировать пренебрежение к нормам высшего света и исполняла свою роль на людях всегда с большой тщательностью и достоинством. Не вызывает сомнений, что своего мужа она всегда любила. Трепетное и нежное воспоминание сохраняла о нем до последнего дня своей жизни. «Мой дорогой Сергей», «любимый Серж» – иначе она его не называла. Они делили общую постель, были на людях всегда нежны и предупредительны между собой. Но этот брак был окутан плотной пеленой домыслов. Говорили, что Сергей и Элла стали мужем и женой лишь номинально, для того лишь, чтобы «прикрыть грехи» Сергея и поддержать престиж династии. Накануне и после церковной канонизации Елизаветы Федоровны тезис о ее непорочности получил большое распространение, хотя базируется он лишь на сомнительных слухах. Невозможно вообразить, чтобы их брак стал результатом столь циничной сделки, в которой должны были быть замешаны и император Александр III, человек честный и открытый, и многие другие из числа родственников и в России, и за границей.

В апреле 1892 года император Александр III в письме жене, императрице Марии Федоровне, говоря о своих радостных отцовских чувствах, с грустью заметил: «Бедный Сергей и Элла, часто о них думаю; на всю жизнь лишены они этого великого утешения в жизни и великого благословения Господня»⁴¹. Да, они были этого лишены, и брат император несомненно знал какую-то тайну в жизни Сергея, сострадал ему. По каким-то причинам детей у Сергея и Эллы быть не могло, и когда в 1892 году великий князь составлял завещание, то распорядился передать все имущество после своей смерти и смерти Елизаветы своим племянникам, детям брата Павла, Марии и Дмитрию. Хотя ему было тогда всего 35 лет, но на появление прямых потомков он не рассчитывал.

Любил ли Сергей Александрович свою жену? Да. Это не подлежит сомнению. Элла для него стала самым близким, самым дорогим существом, человеком, с которым он был совершенно откровенен и делился своими радостями и печалью. Он считал своим долгом заботиться не только о ее благополучии, но и о духовном и эстетическом развитии. Он совершал с ней много-

численные поездки по святым местам в России и за границей. Они вместе молились в подземной базилике Ватикана у гробницы апостола Петра, в городе Бари у мощей святителя Николая Чудотворца, на Афоне. По инициативе князя они совершили паломничество в Иерусалим, вместе молились у Гроба Господня. На Святой Земле великая княгиня испытала огромное потрясение и еще в 1888 году высказала желание быть похороненной в Иерусалиме. Сергей Александрович постепенно становился для Эллы надежным наставником, и эту роль она с благоговением принимала. Он открывал ей красоты любимой им Италии, знакомил с искусством и архитектурой этой замечательной страны.

В 1891 году произошло важное событие в жизни русской императорской фамилии. После семи лет сомнений и колебаний Елизавета Федоровна приняла православие. Это решение далось великой княгине нелегко. Объясняя свой шаг, она писала в январе 1891 году отцу в Дармштадт: «Я все время думала и читала и молилась Богу – указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти свою настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как теперь, – принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести»⁴². Переход в православие совершился 13 апреля 1891 года, в Вербную Субботу. Елизавета до самой смерти носила на груди маленькую икону Спасителя, которой ее благословил тогда русский император и на которой была обозначена эта дата. Сам Александр III испытывал большую радость по этому поводу и писал своему сыну-цесаревичу Николаю Александровичу «Да, это отрадное событие, порадовавшее меня глубоко, и я придаю ему особую важность в настоящее время»⁴³.

* * *

Начало 1891 года ознаменовалось для великого князя Сергея событием, существенно изменившим его жизнь. В феврале он был назначен московским генерал-губернатором. История этого назначения не совсем ясна. Для самого Сергея Александровича это было полной неожиданностью. Узнал он об этом на одном из балов в Аничковом дворце от самого императора 14 февраля, а через несколько дней, 26 февраля, уже был опубликован высочайший указ. Московский генерал-губернатор фактически выполнял роль царского наместника в Центральной России. Ему принадлежала высшая административная власть на подведомственной территории; он был наделен правом вводить положение об усиленной охране, запрещать всяческие собрания, закрывать торговые и промышленные предприятия, высылать подозрительных лиц запрещать периодические издания и т. д. Ему непосред-

ственно подчинялись губернаторы и высшие административные чины. Он имел право прямого доклада царю и право запроса министрам. Несколько позднее он получил и должность командующего Московским военным округом, включавшим десять губерний вокруг Москвы.

Трудно точно установить, почему Александр III назначил своего брата на столь ответственный пост. Сам Сергей Александрович, насколько известно, никакой тяги к важной государственной деятельности не испытывал. Будучи достаточно амбициозным человеком, он не отличался карьерным тщеславием и не стремился добиваться каких-либо чинов, званий и должностей. Великий князь, как казалось, вполне был удовлетворен ролью командира Преображенского полка. К тому же он никогда не занимал невоенных должностей и не имел никакого административного опыта. Александр III все это, конечно же, знал и руководствовался, очевидно, иными соображениями.

Генерал-губернатором Москвы с 1865 года был престарелый князь В. А. Долгоруков, которому уже перевалило за 80 лет. «Душка-князь» пользовался большой симпатией в московских барских и купеческих кругах за свой мягкий нрав и изысканные манеры. Но преклонные лета и слабыхарактерность способствовали нарастанию неурядиц в Первопрестольной, о чем императору доносили по разным каналам. Утверждали, что генерал-губернатор попустительствует либеральным тенденциям, что он фактически не занимается делами, а всем верховодят чиновники канцелярии; что должности в городских и губернских управлениях предоставляются за взятки, что за подношения и мзду в Москву понаехало множество лиц иудейского вероисповедания, которые, не имея законных прав, получили там вид на жительство; что московские газеты и журналы, не чувствуя надлежащего контроля, ведут себя совершенно недопустимо, а в московских салонах открыто ведутся противоправительственные разговоры. По всей вероятности, зная непоколебимые убеждения, приверженность дисциплине и твердый характер своего брата, Александр III и решил назначить его на высший административный пост в Москву.

Будучи истым монархистом, Сергей Александрович безропотно воспринял решение самодержца, хотя на душе было беспокойно. Его мучили сомнения в своих силах, пугала перспектива новой, неизвестной жизни, страшила чужая, незнакомая среда. Обидно было расставаться с товарищами по полку, с которыми он сдружился и сроднился. Император же был уверен, что новое назначение приятно брату, и в одном из писем сыну Николаю заметил: «Вот новость, которая тебя удивит: я решился назначить дядю Сергея в Москву генерал-губернатором вместо Долгорукова, выжившего за последнее время совершенно из ума. Сергей очень доволен, хотя и страшится немного этого назначения, но я уверен, что он справится и, конечно, будет стараться послужить с честью»⁴⁴.

Уже после переезда к новому месту назначения, в мае 1891 года, великий князь рассказал о своем состоянии в письме наследнику престола: «А я-то сию московским генерал-губернатором. Не могу от тебя скрыть, что это не

особенно забавно, но ужасно грустно и тяжело расстаться с полком; я до сих пор не могу прийти в себя. Круг товарищей старых – так недостаёт, десять лет бесследно не могут пройти. А играть вечно первую роль и тут ещё представлять – всё это так противно моему характеру, моей природе, что я из кожи лезу от отчаяния, и чем дальше будет, тем, вероятно, хуже. Конечно, не дело меня пугает – дело меня очень интересует и, наконец, доверие Папа (Александра III. – А. Б.) ко мне меня глубоко трогает, но тяжело ужасно! Приходится нам начинать новую жизнь, при новой, незнакомой обстановке, с совсем уже незнакомыми людьми. Но жребий брошен, и нужно жить и работать»⁴⁵. Он занимал посты московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа почти четырнадцать лет.

Великий князь Сергей Александрович

Великому князю пришлось учиться многому. Если в Петербурге он мог исключить нежелательные встречи, имел возможность игнорировать ненужные визиты и несимпатичных собеседников, то в Москве у него такого выбора не было. Как высший административный чин, он был обязан достойно представлять особу государя на общественной сцене. Встречи, приемы, смотры, парады, молебны – на это уходила основная часть служебного времени. Его слезно звали и нижайше просили присутствовать на освящении церквей, богаделен, приютов, больниц, школ, выставок, на открытии различных съездов и собраний; на его имя шел огромный поток корреспонденции с различными просьбами, ходатайствами, а нередко и прямыми доносами на неугодных кому-то лиц.

Ситуация для князя Сергея осложнялась тем, что лично он почти никого не знал, и приходилось с первого дня пребывания в Москве вести себя крайне осторожно, чтобы не попасть впросак. Постоянное пребывание на публике требовало огромного нервного напряжения. В конце мая 1891 года генерал-губернатор писал Константину Константиновичу: «Друг мой, прости, но я был вконец затормошен всеми бесконечными приемами! Думалось, что им конца не будет; а в душе было так нехорошо, так ужасно тоскливо, и я был в скверном настроении – никогда в жизни не было мне так тяжело, как было все это время»⁴⁶. Несколько лет ушло на то, чтобы объехать свои подведом-

ственные территории, познакомиться с администрацией, бытом и условиями жизни и хозяйствования в различных районах. Особое внимание им было уделено Московской губернии, которую он с женой исколесил вдоль и поперек. Но как только выдавалось свободное время, непременно уезжал в Ильинское, куда доступ нежелательным посетителям и просителям был закрыт и где великокняжеская чета отдыхала в тишине и уединении.

Назначение великого князя в Москву стало крупным общественным событием для московского общества, которое с пристальным вниманием и весьма настороженно восприняло эту меру, оценивая ее как проявление недовольства самодержца. Все терялись в догадках и предположениях. В московских салонах эта тема стала надолго самой обсуждаемой. Приезд великого князя в Москву не вызвал энтузиазма у записных политиков «золотоголовый». Чопорность и холодность нового наместника, его отстраненность от страстей и интересов барской Москвы не способствовали популярности. Великий же князь с первого дня не искал расположения в каких-либо общественных кругах. Он служил царю и России и отчитывался только перед монархом и перед своей совестью. Встречался с должностными лицами, выслушивал доклады, отдавал распоряжения, посещал общественные собрания, но почти никогда не произносил речей и очень редко позволял себе выходить за рамки утвержденного протокола.

Великий князь знал, что публичные мероприятия всегда таят опасность непредсказуемых эксцессов. Ему приходилось неоднократно убеждаться, что даже съезд любителей оранжерейных растений может закончиться или принятием политической резолюции, или выступлением какого-либо профессора или присяжного поверенного, не умеющего отличить кактус от пальмы, но речь которого непременно будет содержать завуалированные нападки на власть. Эти намеки, эти эвфемизмы тут же с радостью будут расшифрованы собравшимися, и оратор удостоится одобрительных рукоплесканий. Борьба с этим было практически невозможно, так как формальных поводов для административного воздействия не существовало.

Вот, например, съезд врачей в Москве в январе 1894 года. Сергей Александрович был на открытии и сразу уловил недоброжелательную атмосферу. В письме брату Павлу от 12 января он заметил: «Вчера закрылся конгресс врачей – я отказался быть – и этого с них довольно. Но во время заседания вдруг появилось это чучело, Лев Толстой; конечно, овациям не было конца... Его гений не выдержал славы»⁴⁷. Как много должно было измениться в людях и обществе, чтобы великий князь, когда-то передававший ходатайство графа императору о помиловании цареубийц, теперь так однозначно оценивал того, кого раньше, безусловно, уважал. Жизнь разводила, разлучала, делала людей непримиримыми друг к другу. Но при всей нелюбви, питаемой к общественной позиции Л. Н. Толстого, Сергей Александрович через семь лет лишь с большими оговорками поддержит акт об отлучении «яснополянского нигилиста» от церкви. «Да, больно некстати как-то теперь выбрано время

для отлучения от церкви Льва Толстого! – писал московский генерал-губернатор брату Павлу в январе 1901 года. – Во-первых, по моему слабому разумению, это было лишнее вообще и как-то ни к чему и несимпатично; а во-вторых, несообразительно, ибо зимою, и в такое беспокойное время – положительно не следовало... Теперь возбудили фурор, симпатии к гр. Толстому и новый ореол в глазах его поклонников. Все и вся ездят к нему на поклон; его комната, говорят, наполнена цветами, которые ему нанесли курсистки в виде проявления симпатий»⁴⁸.

Занимая исключительное место в администрации по близости к верховной власти, Сергей Александрович редко корреспондировал монарху по деловому поводу. Он всегда старался лично встретиться с братом, а затем с племянником, для обсуждения каких-либо административных и политических решений, считая, что «в письме многого не напишешь». Теперь невозможно установить, что же говорил генерал-губернатор на интимных завтраках, чаепитиях и прогулках Александру III и Николаю II, какие политические решения он отстаивал, а какие подвергал критике, какие меры предлагал. Но вполне очевидно, что никакой конкретной и цельной программы действия в области внутренней или внешней политики у него не было. Выше уже было замечено, что русские консерваторы были людьми веры и традиции, а область политического прожектерства им была чужда. Это характеризовало не только князя Сергея, но и такого умного и страстного адепта неограниченного самодержавия, как К. П. Победоносцев, учителя и единомышленника московского генерал-губернатора, который, написав множество деловых писем последним царям, так и не предложил никаких новых решений и путей, а призывал лишь неустанно «проявлять твердость». Эти рецепты годились для эпохи Николая I, но все меньше и меньше подходили для последующих царствований.

Сергей Александрович был сторонником бескомпромиссной административной системы и никогда не принимал того, что не соответствовало его убеждениям. Пока правил Александр III, которого младший брат глубоко почитал, считал его «политическим идеалом», то положение было достаточно простым. Надлежало лишь исполнять волю монарха, являвшуюся волей России. Когда же, совершенно неожиданно для всех, в начале 1894 года император серьезно заболел, то вдруг обнаружилось, что мирная и спокойная эпоха этого царствования может подойти к концу и наступят непредсказуемые времена. Хотя Александр III вскоре излечился от простуды, но уже не смог окончательно оправиться. Все последующие месяцы его положение то улучшалось, то ухудшалось, пока не наступил октябрь 1894 года, когда жизнь монарха преждевременно оборвалась. Великий князь Сергей, будучи большую часть времени вдалеке от столицы, встречаясь с императором лишь изредка, был все эти месяцы страшно обеспокоен. К своим немногочисленным близким друзьям и родственникам при дворе он постоянно обращался с просьбами сообщать ему все малейшие подробности состояния здоровья «дорогого Саши».

Великий князь Сергей Александрович

Сергей Александрович находился в центре трагических событий октября 1894 года, когда в Ливадии скончался Александр III. Несколько недель он, как и многие другие представители правящей династии, безвыездно провел в Крыму у постели умиравшего самодержца. Утром 20 октября император позвал к себе Сергея и Элли, обнял их и поздравил последнюю с днем рождения (она родилась в этот день). В 14 часов 07 минут самодержец скончался. Затем начались траурные церемонии, и Сергей Александрович сопровождал тело усопшего в Петербург. Для него все это было огромным потрясением, вызванным не только потерей близкого родственника, но и потерей опоры в жизни. Сохранившиеся краткие дневниковые заметки великого князя передают его состояние. На следующей день после смерти, 21 октября, записал: «Много сидел с братьями. С Алексеем вдвоем сильно поплакали, говоря о Нем. Я знаю, что я потерял в Нем! Весь смысл моей деятельности давал Он! Я верил в Него, в Его идею всей своей душой, а теперь что!!». В день похорон, 7 ноября, занес в дневник «Невыносимо тяжела была минута, когда опускали моего Государя в могилу; мне все казалось, что это не Он. Он не может лежать в гробу! И снова приходится начинать жизнь – ужасно без Него! Не для Него жить и работать мне кажется невероятным»⁴⁹. Высохли слезы, отслужили панихиды, и надо было жить дальше, служить России, своему Государю.

На престол взошел Николай II, человек, которого его дядя знал с малолетства. Отношения между последним венценосцем и его родственниками не были всегда безоблачными; много здесь имелось взаимных скрытых и явных неудовольствий, раздражения, досады. Отношения же между великим князем Сергеем и племянником тоже не были простыми, но неизменно оставались сердечными. В обществе же упорно утверждали, что московский генерал-губернатор подавлял молодого императора, часто навязывал ему свою волю, вынуждал принимать решения, приводившие лишь к росту недовольства в стране. Подобное утверждение можно встретить и в исторических сочинениях. Не ясно, на чем базировались (и базируются) такие умозаключения, так как сохранившиеся документы не позволяют однозначно согласиться с ними.

Смерть Александра III осложнила положение Сергея Александровича. Раньше надлежало лишь выполнять распоряжения, докладывать о ходе дел, а все властные импульсы поступали сверху. Теперь же ситуация изменилась.

Молодой монарх не обладал на первых порах государственным опытом, необходимым административным чутьем и, боясь ошибиться, старался во всех сколько-нибудь серьезных случаях советоваться с близкими людьми. И некоторые из Романовых, решив, что они могут играть роль менторов при императоре, стремились, иногда довольно беззастенчиво, воздействовать на царя, воспринимая его не как главу династии, главу империи, а лишь как «милого Ники».

Из старших представителей династии у Сергея Александровича сложились самые задушевные отношения с племянником. Эта близость не только вызывалась известной схожестью натур и интересов, но в еще большей степени обстоятельствами весьма интимного свойства. «Дядя Сергей» и «тетя Элла» многие годы были единственными хранителями сердечной тайны цесаревича Николая, тайны его любви к Алисе Гессенской. Их вмешательство, их участие в большой степени способствовали тому, что последней царицей стала Александра Федоровна. Об этом мало кто знал тогда, почти не писали потом.

Елизавета Федоровна, став женой Сергея Александровича и переселившись в Россию, поддерживала близкие отношения со своими сестрами, особенно с Аликс, и довольно быстро узнала, что ее сердце целиком завоевано русским принцем. Будучи рассудительным человеком, Элла вначале не придала этому особого значения, так как все это было похоже лишь на детские увлечения. Но годы шли, и Аликс своих симпатий от старшей сестры не скрывала, а когда в 1889 году Алиса приехала погостить в Россию, то давнее чувство вспыхнуло с новой силой. Цесаревич ответил ей взаимностью, но признаться никому не мог, кроме дяди и тети. Последующие почти пять лет Сергей Александрович и его жена были не просто хранителями этой тайны, но всячески стремились помочь молодым влюбленным. В силу династических традиций и великосветского этикета переписываться наследник русского престола и гессенская принцесса не могли, но каналом связи для них стали письма Елизаветы Федоровны. Сергей же Александрович исподволь зондировал почву на предмет возможного брака у своего тестя, а через него и у королевы Виктории.

Перед Александром III эту тему попытался поднять цесаревич Николай, но вопрос был быстро исчерпан, так как выяснилось, что императрица Мария Федоровна, которой в этих случаях император беспрекословно подчинялся, не проявила к этой партии никакого интереса. К тому же стало известно, что Алиса категорически отказалась менять конфессию, а переход в православие был непременным условием. После того как княгиня Елизавета сама стала православной, она очень долго и настойчиво старалась раскрыть сестре величие и глубину своей новой веры. В конце концов императрица Мария Федоровна узнала об этой бурной закулисной деятельности и была просто потрясена. Она себе и представить не могла, что в такой важнейшей сфере они с императором оказались в стороне.

Она довольно долго различными путями и средствами подчеркивала свое неудовольствие и демонстрировала холодность по отношению к Сергею и Елизавете. Императрица призналась Константину Константиновичу в ноябре 1893 года, что «желала бы, чтобы переговоры велись без содействия Сергея и Эллы». В свою очередь великая княгиня уверяла царицу, что «в вопросе о присоединении к православию Аликс без нее обойтись не может». Все эти объяснения и выяснения вели, по словам К. Р., «к обоюдному неудовольствию, неловкости и натянутости»⁵⁰.

Князь же Сергей смотрел на все это совершенно по-иному, считая, что брак наследника русской короны непосредственно касается и его. Зная сестру своей жены с детских лет, считая ее умной, серьезной и принципиальной девушкой, великий князь не сомневался, что это наилучшая партия для цесаревича. В письме брату Павлу 13 ноября 1893 года он писал о том, что если бы не позиция «Минни» (так в романовском кругу звали Марию Федоровну), то, несмотря на упорство Аликс, все можно было бы устроить, но «глупое чувство ревности Минни к нам» разрушило все. Теперь, по его мнению, «ей горько придется раскаиваться», так как «Ники пустится во все легкое». Он с ужасом предполагал, что «все это тем кончится, что Ники женится без любви на первой попавшейся принцессе или чего доброго на черногорке! и все из-за каприза Минни... Я глубоко скорблю и возмущаюсь на преступное легкомыслие Минни – это страшный грех на ее душе»⁵¹.

Подобные опасения не оправдались. В 1894 году цесаревич добился права искать невесту по своему выбору и собрался ехать для объяснения с Алисой, но императрица поставила лишь одно условие: исключить участие во всем этом Сергея и Эллы. Но исключить не удалось. В апреле Сергей Александрович с женой поехали на свадьбу единственного брата Эллы Эрнста в Кобург, и там произошло окончательное выяснение отношений и помолвка наследника русской короны с гессенской принцессой. Дядя и тетя цесаревича опять оказались в гуще событий, всячески содействуя благоприятному решению вопроса. Вечером первого кобургского дня Сергей Александрович записал в дневнике: «Все поехали в театр, а жена, Мари (герцогиня Эдинбургская. – А. Б.) и я остались втроем разбирать дела Ники. Господи, помоги ему и не оставь нас!» Когда же через несколько дней помолвка была объявлена, князь Сергей был в восторге: «Свершилось! Господи, благослови их!»⁵²

Доверительные отношения, существовавшие между Сергеем Александровичем и Николаем Александровичем, сохранялись и после воцарения последнего. Первые годы «дядя Сергей» и «тетя Элла» частые и желанные гости в царской семье; они непрменные участники всех семейных торжеств. Николай II советовался с Сергеем Александровичем по важным вопросам государственной политики и принимал к сведению точку зрения последнего, тем более что их мировоззренческие представления совпадали. Они оба были сторонниками неколебимых государственных устоев. В декабре 1894 года князь Сергей, рассказывая о своей повседневной жизни, заметил в письме

брату Павлу: «Начну скоро развешивать портреты московских генерал-губернаторов, они почти все готовы... Огорчаюсь либеральными веяниями, которые пускаются в ход, – пробные шары с новым царствованием – именно то, чего я опасался и что предвидел»⁵³.

Московский генерал-губернатор имел в виду конституционные надежды, пробудившиеся после восшествия на престол Николая II. В некоторых салонах, в земских кругах с новой силой возродились прекраснодушные мечтания о расширении политических прав и свобод, о которых так много говорилось в 60-е и 70-е годы и которые безнадежно угасли в период «политических заморозков» эпохи Александра III. Молодой монарх стал получать массу адресов с выражением верноподданнейших чувств, во многих из которых содержались завуалированные намеки на желательность политических изменений. Наиболее ярко это проявилось в адресе тверского земства. 17 января 1895 года в Николаевском зале Зимнего дворца император принимал представителей от дворянства, земств и городов. Обратившись к ним с речью, Николай II произнес слова, ставшие надолго главной темой в либеральной среде: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель»⁵⁴.

Император сказал то, что думал, произнес то, во что верил, сформулировал то, в чем не сомневался. Эту позицию целиком разделял и великий князь Сергей Александрович, специально приехавший в Петербург, чтобы поддержать «дорогого Ники» в столь ответственный момент. Вернувшись по окончании приема к себе в Аничков дворец, царь, как сказано в его дневнике, «гулял в саду с дядей Сергеем»⁵⁵. О чем говорили племянник и дядя, что они обсуждали во время этого моциона, осталось тайной. Не исключено, что они вспоминали отца и брата, Александра III, которого оба безмерно чтили и любили. Этот образ, в особенности в первые годы, часто возникал в их беседах и вызывал у обоих слезы на глазах. Надо честно служить, надо каждому хорошо делать дело на своем месте, быть примерным христианином, законопослушным подданным, любить Россию. Это политические заповеди царя-мироотворца, и их надлежало придерживаться верным продолжателям его дела.

Сергей Александрович никогда не сомневался в том, что эти принципы, эти идеи – такие простые, ясные, такие русские – суть мировоззрения любого истинного русского человека. Никаких сомнений или отступлений от этих постулатов он не признавал и никогда не мог согласиться с тем, что хоть как-то умаляло или расширяло круг этих представлений. Комментируя отклики на речь царя 17 января, великий князь в письме брату заметил: «Здесь многие приверженцы земства считают себя обиженными речью Государя! Меня это

бесит, а с другой стороны, и им жить. Какой все-таки это глупый город! Грибоевские типы не перевелись»⁵⁶.

Князь Сергей всегда считал, что при каких-либо политических осложнениях, при возникновении непредвиденных обстоятельств надо искать только национальные пути разрешения, опираться исключительно на опыт России, которая «так не похожа на все остальное». Двигаться же этим курсом становилось все более и более трудно. Пройдут годы, и Николай II, внутренне так и не принявший конституционных нововведений, под влиянием драматической ситуации пойдет на крупные изменения в системе государственного управления. Князь же Сергей так до последнего дня и не примет новых реальностей и умрет с убеждением, что все новации, ведущие к умалению верховной, Богом данной власти, неизбежно вызовут разрушение ее, будут способствовать крушению России. Впрочем, эпоху конституционного эксперимента он уже не увидел, но приближение роковых перемен ощутил и в конечном итоге не ошибся в своих мрачных предвидениях.

Имя Сергея Александровича неразрывно связано с трагическим событием, имевшим место в начале последнего царствования, имя которому «Ходынка». Уж сколько написано и сказано по этому поводу, сколько грозных, беспощадных стрел за почти столетие выпущено было по адресу «антинародного самодержавия» вообще и по адресу конкретных представителей правящей династии в частности. Потом, когда все свершилось и когда Россия пала, многие увидели в тех давних уже событиях знак грозного предупреждения, сигнал бедствия, который так и не расслышали, так и не разглядели власть предрежащие. У тех, кого так страстно обвиняли задним числом многочисленные «прозревшие» вспоминатели и интерпретаторы русской истории, существовал свой взгляд. Никто подобного трагического происшествия просто не мог предвидеть.

Все начиналось так чинно, торжественно и волнующе. 9 мая 1896 года царская семья в сопровождении пышной свиты въехала в Москву, а 14 мая в Успенском соборе Кремля состоялось Священное Коронование и Святое Миропомазание молодого монарха. Москва стала центром исторических торжеств, город был нарядно украшен, переполнен гостями со всех концов России и из-за границы. Программа торжеств была аналогичной программе коронавания Александра III, которая навсегда запомнилась многим. Тогда все прошло гладко и величественно. Теперь же, в самый разгар празднеств, случилось несчастье. Приведем краткие дневниковые записи Сергея Александровича за несколько дней мая 1896 года.

«16 мая. Четверг. 17 градусов. Чудная погода. В 11 час. поехали в Кремль на поздравления. Я подходил со свитой. Все волостные старшины удивительно курьезны – с Севера и Сибири. В 1 час был перерыв и засим мы завтракали, а после снова до 3 час. Утомительно. Дома в $\frac{1}{2}$ 4 час. Подремал в кресле. Чай. Были племянницы. Обедали в 7 час. со всеми. В 9 час. – на куртаг. Красиво, народа пропасть. Было семь номеров, я участвовал в трех. Жарко. Си-

дел с дамами в Грановитой палате. Жена очень хороша в светло-зеленом наряде, шитом в Новодевичьем монастыре. Кончилось около 1/2 12. Все сильно устали. Пили чай с нашими.

17 мая. Пятница. 17 градусов. Чудный день. Черемуха в цвету. Принимал Министра Народного Просвещения Куропаткина. Так приятно с ним говорить. Завтракали с нашими. В 1 час. в Кремль. Заехал к Минни. Презабавно было смотреть на дам, но уродов много. Вернувшись, спал в креслах. Чай, Мари... Засим Шувалов с срочными делами – иначе изведет в конце! В 1/2 9 час. на торжественный прием. Красиво. Удачно. В 11 час. ужинали со всеми нашими. Устал сильно.

18 мая. Суббота. Утром ко мне Воронцов (министр императорского двора. – А. Б.) с известием, что на Ходынском поле народ прорвался на празднике и много подавленных. Я послал туда Гадона (адъютант. – А. Б.) узнать; сам должен был поехать к Ники. Тут же Власовский (полицеймейстер. – А. Б.) подтвердил то же, но порядок водворен быстро. Ники сам его расспрашивал. В 2 часа цари были в Павильоне (на Ходынском поле. – А. Б.) – энтузиазм громадный. Засим обед волостных старшин. Речь Ники чудная, тоже – дворянству. Я в отчаянии от всего случившегося – одна тысяча убитых и 400 раненых! Увы! Все падет на одного полицеймейстера, хотя распоряжалась исключительно коронационная комиссия с Бером. Около 1/2 11 на бал французского посла Монтебелло – великолепно устроено. Цари ужинали. Жара 19 градусов в тени.

19 мая. Воскресенье. Вчерашнюю катастрофу раздувают сильно возможно и враги и друзья. Ники спокоен и удивительно рассудителен. Обедня в Кремле и семейный завтрак у царей. В 2 часа жена и я сопутствовали царям в Екатерининскую больницу, где лежат 160 раненых. Обходили, говорили. Больно и обидно, что все это бросает тень на это хорошее время!! В 7 час. большой обед для сословных представителей. Душно, 19 градусов. Гроза и посвежело. Вечер по приглашениям. Устал и нравственно, и физически, но бодрюсь. Ники и Аликс пили чай и долго оставались»⁵⁷.

В приведенных лапидарных записях нельзя не заметить, во-первых, очевидную усталость великого князя, которого утомили многомесячные подготовительные работы, во-вторых, его переживания по поводу случившегося и, в-третьих, понимание неизбежности поисков виновных и предсказание о возможном ответчике за событие. Великий князь упомянул о том, что трагедию «раздувают», и в этом утверждении не было преувеличения. Все с жаром обсуждали происшедшее и, по старой русской традиции, многие во всем винили начальство, в том числе и Сергея Александровича. Газеты, которые накануне коронационных торжеств славословили организаторов, распускали баснословные слухи о готовившихся якобы грандиозных подарках и милостях, резко сменили тон, и хотя осуждать публично высокопоставленных лиц не могли, но исподволь, эзоповским языком проводили в публику идею об ответственности власти. Была виновата не дикая толпа, не русская народная стихия, а лишь администрация.

В салонах же никто не стеснялся в выражениях и кляли всех должностных лиц без разбору. Некоторые сразу же увидели в этом зловещее предзнаменование. Издатель влиятельной петербургской газеты «Новое время», известный писатель и журналист А. С. Суворин записал 18 мая в дневнике: «Дни этой коронации – яркие, светлые жаркие. И царствование будет жаркое, наверное. Кто сгорит в нем и что сгорит? – вот вопрос! А сгорит, наверное, многое, но и многое вырастет!»⁵⁸

Московский генерал-губернатор глубоко переживал случившееся и несколько лет испытывал «муку душевную». Успокоение наступило лишь в апреле 1900 года, когда семья царя снова посетила Москву и встретила тут Пасху. Несколько дней царская чета вместе с Сергеем Александровичем и Елизаветой Федоровной провели в тихих молитвах, в посещениях исторических мест Москвы. И кругом был народ, и был восторг, и было то самое «единение», так безнадежно испорченное в год коронации. После их отъезда великий князь писал брату Павлу: «Это их пребывание загладило все страшное, что было после коронации. Ники сам мне это подтвердил. Это меня глубоко потрясло. Да, повторяю, с умилением душевным благодарю я Господа, сподобившего меня своим благословением в эти царские три недели. Ты меня должен понять: Ники почерпнул новые силы для своей царственной работы. Он себя почувствовал более чем когда-либо и вполне сознательно русским царем, а это великая вещь... Тебе скажу, что мои нервы устали; я думаю, что это время сократит мою жизнь, но мне это безразлично, ибо эти дни дали жизнь принципу, которому я служу и который должен торжествовать»⁵⁹.

Несмотря на близость отношений между Николаем II и Сергеем Александровичем, последний, в отличие от многих других родственников, никогда не забывал о непреодолимой дистанции между императором российским и всеми прочими подданными. Он, как истинный монархист, нередко не соглашаясь с решениями императора, никогда не позволял себе публичной критики самодержца, не связывал имя монарха с политическими недоразумениями и неудачами. Будучи искренним до прямолинейности, князь Сергей не скрывал своих верноподданнейших чувств: «Ты знаешь, – восклицал он в письме царю в декабре 1896 года, – как я люблю Тебя; вся моя жизнь принадлежит Тебе и служению и делам Твоего Отца. Верь мне: Твоя слава дороже мне всего на свете»⁶⁰. Через три года этот мотив снова всплывает в его корреспонденции: «Вся моя жизнь, все мое существо принадлежит Тебе, и для Тебя буду работать по мере сил и разума моего до последнего моего издыхания, ибо люблю Тебя, всю мою душу!»⁶¹ Сергей Александрович до конца остался верен завещательной мольбе своего отца!

Дружеское и верноподданнейшее чувства по отношению к Николаю II существовали в душе великого князя неразрывно. Но они не мешали ему видеть недостатки и критически реагировать на целый ряд аспектов государственной политики. Он с самого первого дня воцарения молодого монарха очень внимательно наблюдал за господствующими направлениями в правя-

щих верхах и стремился донести до императора свое мнение о происходящих событиях, собственный взгляд на людей. По его представлениям, важнейшим условием благополучного существования России, «его России», было выдвижение на ответственные посты в государственном управлении достойных людей, людей сильной воли и безусловных монархических принципов, способных действовать твердо и решительно, наперекор салонному неудовольствию, для исполнения воли самодержца.

Сергей Александрович, как и К. П. Победоносцев, был постоянно озабочен поиском подходящих кандидатур. Рекомендации московского генерал-губернатора способствовали выдвижению на самый верх иерархической пирамиды нескольких весьма известных фигур, игравших важные роли в политической жизни России конца XIX – начала XX века. В их числе министр народного просвещения в 1898–1901 годы Н. П. Боголепов, министр внутренних дел в 1899–1902 годы Д. С. Сипягин, бывший московский обер-полицмейстер, ставший в 1905 году товарищем министра внутренних дел, а затем петербургским генерал-губернатором Д. Ф. Трепов, московский губернатор и личный друг Сергея Александровича А. Г. Булыгин, назначенный в январе 1905 года министром внутренних дел. Великий князь рекомендовал по преимуществу тех, кого знал лично, и очень редко пользовался чужими суждениями. Его положительной оценки удостоивались те, кто был специалистом и знатоком своего дела. В еще большей степени симпатии вызывали идеологические принципы потенциального претендента.

В самом начале 1895 года, в результате смерти Н. К. Гирса стала вакантной влиятельная и важная должность министра иностранных дел. Сразу же возникло множество слухов и предположений о новом хозяине российского МИДа. Одним из кандидатов называли посла в Лондоне Е. Е. Стааля. Узнав об этом, князь Сергей 8 февраля писал с радостью брату Павлу: «Меня приводит в восторг назначение Стааля мин. ин. дел! Вот это хорошо! Воображаю, как наседали на бедного Ники, чтобы исторгнуть назначение этого космополита кн. Лобанова! Хорошее будет назначение: умного и русского человека, фамилия тут не играет никакой роли»⁶². Но эти восторги были преждевременны, и в конце февраля эту должность все-таки получил князь А. Б. Лобанов-Ростовский. В этом случае, несмотря на все свои симпатии и антипатии, московский генерал-губернатор непосредственного влияния на выбор самодержца не оказал.

В других же случаях его воздействие было вполне определенным. Это особенно касалось случая с профессором и ректором Московского университета Н. П. Боголеповым. Сергей Александрович считал, что у руля Министерства народного просвещения непременно должен лишь стоять человек незыблемых убеждений, честный и добросовестный слуга царя и России. Ведь от этого ведомства во многом зависело формирование устроений молодежи, которая стала объектом противоправительственной и противогосударственной агитации. В конце 1897 года, после смерти графа И. Д. Деля-

нова, пост министра оказался вакантным. И, как обычно в таких случаях бывало, началась конкурентная борьба различных группировок и бурная закулисная деятельность по «проталкиванию своего человека».

В этой ситуации Сергей Александрович не остался в стороне и начал доказывать царю, что на этой должности должен быть именно Н. П. Боголепов, которого великий князь хорошо знал и ценил. В письме Николаю II от 1 января 1898 года великий князь писал: «Позволь мне напомнить тебе о Боголепове и о разговоре, который мы имели с тобой о нем. По моему крайнему разумению, именно Боголепов был бы подходящим человеком; кроме всех его неотъемлемых познаний, необходимых министру народного просвещения, у него есть редкие качества (в наши времена), а именно монархический принцип и твердость воли и твердость принципов»⁶³. В феврале 1898 года московский профессор был назначен на пост министра, стал проводить твердую линию и сразу же вызвал яростную ненависть к себе и в среде бунтующего студенчества, и в «кругах либеральной общественности».

Самого московского генерал-губернатора эти общественные сетования не смущали. Он оставался при убеждении, что никакого действительного общественного мнения в России не существует, а есть лишь либеральное салонное краснбайство. Поэтому он никогда не боялся принимать и отстаивать, как казалось, непопулярные административные решения, смущавшие души «русских европейцев». Так было, например, в случае с циркуляром министра Н. П. Боголепова об отдаче в солдаты студентов, принимавших участие в антиправительственной деятельности. Это распоряжение вызвало волну недовольных голосов и в России и за границей, но Сергей Александрович был одним из немногих, кто приветствовал эту меру. «Не могу от Тебя скрыть, – писал он Николаю II 8 августа 1899 года, – мой восторг о Твоем решении насчет студентов в воинскую повинность! Мера чудная, и я знаю, что многие из них теперь сильно призадумались и не знают, как им быть»⁶⁴. Этот циркуляр сбил накал студенческих волнений, но, конечно, погасить их полностью не мог и в конечном итоге был отменен, а сам министр был убит террористом.

Но не только волнения в университетах занимали московского генерал-губернатора. Через несколько лет после вступления в должность проявилась, как казалось, совершенно неожиданная угроза. В феврале 1897 года он писал императору: «Тебе известно, что была забастовка в Серпухове на заводе Коншина (речь идет о Товариществе мануфактур Н. Н. Коншина. – А. Б.); что требовались войска, но все окончилось мирно. Увы! Этот вопрос о забастовках так тесно связан с рабочим движением, принимает очень серьезный характер, и если в скором времени не будут приняты меры к его урегулированию, то считаться с ним придется»⁶⁵. Недовольство рабочих с каждым годом все больше и больше давало о себе знать, и московский генерал-губернатор, не видя никаких смелых шагов в этой области из Петербурга, решил действовать на свой страх и риск.

В 1898 году московский обер-полицеймейстер Д. Ф. Трепов представил генерал-губернатору доклад, составленный жандармским полковником С. В. Зубатовым, где предлагалось, во избежание воздействия революционеров на рабочих, взять дело защиты «их нужд и потребностей» в руки правительства. Сергей Александрович живо откликнулся на это предложение и в продолжение нескольких лет был главным покровителем Зубатова и его деятельности по созданию подконтрольных властям рабочих союзов, которые начали возникать в различных местах России, в том числе и в Москве. Поддержку зубатовским организациям оказывал и министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Сергей Александрович был уверен, что государственная власть не должна оставаться в стороне от конфликта между рабочими и хозяевами. Она обязана была умерять алчные аппетиты «капиталистических хищников» и защищать «малых сих» от их произвола. Эти патерналистские идеи были давно известны, и московский генерал-губернатор решил способствовать реализации их в рабочем движении.

Весной 1901 года в письме Николаю II князь Сергей заметил, что «нужно обратить серьезное внимание на фабрики: пропаганда между фабричными идет и со временем может принять плохой оборот»⁶⁶. 1901–1902 годы – время расцвета официальных рабочих союзов. Сергей Александрович отдавал себе отчет в том, что создание рабочих организаций дело чрезвычайно сложное и политически рискованное. В начале февраля 1902 года, в письме брату Павлу заметил: «Сегодня у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав Общества самопомощи. Дело очень интересное, серьезное, даже скажу опасное, обоюдоострое, но, по моему крайнему разумению, необходимое по теперешним временам. Все люди молодые, развитые – элемент благодатный. Пришли меня благодарить за содействие; один из них прочел мне стихи. Засим я им сказал несколько прочувственных слов, с каждым поговорил... Дай-то Бог, в добрый час!»⁶⁷

Покровительство великого князя некоторое время защищало зубатовские организации от нападков со стороны влиятельных петербургских сановников, не разделявших подобных методов, которые многим казались авантюристическими.

Скандал разразился в феврале 1902 года, когда власти в Москве объявили 19 февраля, день отмены крепостного права, нерабочим. У памятника Александру II в Кремле состоялась многолюдная рабочая демонстрация с пением «Боже Царя храни». Все, как казалось, прошло чинно и благостно. Московская администрация была довольна. Довольны были и рабочие. Обер-полицеймейстер предписал владельцам предприятий выплатить рабочим зарплату за этот день. Негодовали лишь капиталисты, которые обратились во влиятельные петербургские кабинеты с жалобами на действия московских властей. И здесь их голоса услышали, и развернулась интрига.

На авансцене действия оказался министр финансов С. Ю. Витте, давно «мирволивший» отечественным предпринимателям. Не рискуя выступать против Сергея Александровича, яростно высказываясь против С. В. Зубатова и Д. Ф. Трепова⁶⁸, прожженный интриган и искусный царедворец С. Ю. Витте сумел мобилизовать противников. В конце концов Зубатова убрали из Москвы, переведя в Петербург начальником сыскной полиции. Осенью 1903 года, при министре внутренних дел В. К. Плеве, он за якобы служебный проступок («измену присяге») был отстранен от должности и арестован. Сами же официальные рабочие союзы не выдержали испытание временем, и постепенно большой вес в них приобретали радикальные элементы, выступавшие не только против хозяев предприятий, но и выдвигавшие требования властям.

В своих воспоминания С. Ю. Витте утверждает, что князь Сергей «до самой своей смерти был одним из самых близких и влиятельных лиц при государе императоре»⁶⁹. Да, дядя оставался близким для императора до самого конца, но вот что касается влияния, то здесь с замечанием опального сановника нельзя согласиться. Постепенно оно все больше и больше уменьшалось и хотя не сошло на нет, но к концу жизни Сергея Александровича его воздействия мало что определяли, да и самих этих воздействий почти уже и не было. Этому способствовало и некоторое охлаждение между императрицей Александрой Федоровной и сестрой Елизаветой, наступившее в 1902 году. Московский генерал-губернатор с женой выступили тогда резкими противниками французского «мэтра оккультных наук» Филиппа, которого одно время очень чтили государь и особенно государыня⁷⁰.

Но, конечно же, не только разное восприятие холеного «мага и целителя» было причиной некоторого отчуждения. Сергей Александрович видел и чувствовал, что дела идут не так, как надо, что многое в государственном управлении делается плохо, что на ответственные посты выдвигаются люди бесхарактерные и, что еще опасней, с либеральными идеями. 13 марта 1901 года великий князь писал монарху: «Признаюсь Тебе, что мне очень трудно; веяния нехорошие, проявления прямо революционные – нужно называть вещи своими именами без иллюзий. Время напоминает мне скверные времена моей молодости! Твердо, круто, сильно нужно вести дело, чтоб не скользить дальше по наклонной плоскости. Полумерами довольствоваться нельзя теперь. Верю, что время есть, но надо действовать, не теряя времени. Помогите Тебе Господь и вдохнови Тебя Отец Твой, спасший Россию»⁷¹. Император голоса эти слышал (дядя был далеко не единственным, кто призывал монарха к твердости), но реализовывать эти призывы не спешил по той простой причине, что не знал, как это сделать. В начале XX века методы 80-х годов уже мало подходили. К тому же Николай II почти всегда пытался найти приемлемые для всех решения, а таких решений, как оказалось позднее, просто не существовало.

Согласие не удавалось изыскать даже внутри императорской фамилии, а некоторые члены ее почти не считались с мнением главы семейства – импе-

ратора. Это проявилось в 1902 году, когда разразился династический скандал. Великий князь Павел Александрович (младший сын императора Александра II) вступил в морганатический брак с разведенной женой одного из офицеров, хотя клятвенно заверял Николая II, что никогда этого не сделает. И в центре этой истории, помимо своей воли, оказался Сергей Александрович, для которого брат Павел был всегда дорогим и близким человеком. Первым браком Павел Александрович был женат на греческой принцессе Александре Георгиевне, которая умерла от родов в Ильинском в сентябре 1891 года. Дети Павла, Мария и Дмитрий, стали своими для Сергея и Эллы. Они ежегодно по несколько месяцев жили у них в Москве, а после второго брака Павла, когда он был лишен прав, уволен со службы и ему запретили въезд в Россию, Сергей Александрович стал официальным опекуном детей младшего брата.

Князь Сергей и предположить не мог, что «дорогой Павел» совершит такой тяжелый проступок – нарушит долг, присягу и традицию. Для Сергея это все было почти святотатством. В этой истории, в результате которой он посядел, наглядно проявился характер Сергея Александровича. Несмотря на всю свою близость с Павлом, невзирая на тесные родственные отношения, он однозначно выступил с осуждением подобного поведения, считая, что перед долгом все равны. Павел же считал иначе и даже обратился к своему старшему брату с просьбой походатайствовать «перед Ники» о разрешении этого брака. Получив эту просьбу, Сергей Александрович с возмущением отвечал: «Как я могу действовать и способствовать в совершенно противозаконном деле!!! Закон фамильный Павла I и подтвержденный покойным Государем. И ты полагаешь, чтобы я в этом противозаконном духе действовал на Н.!!! Подумай, что ты меня просишь?.. Неужели ты думаешь, что я имею право идти заведомо против столь положительной воли наших родителей!!!»⁷²

Сергей Александрович всю жизнь нес рану душевную, не проходившую боль от поступка отца – женитьбе его на Е. М. Долгорукой. Он всегда помнил, как горько они переживали с Павлом, как много раз плакали, вспоминая все перипетии той истории. Прошло два десятка лет, и младший брат сам оказался нарушителем норм, поставил личные пристрастия выше общепринятого в их кругу. И Сергей Александрович написал письмо императору, письмо уникальное в своем роде, во всей полноте раскрывающее его нравственные представления о долге и чести. Приведем его полностью.

«Село Ильинское. 5 октября 1902 г.

Дорогой Ники!

Душа моя измучилась вконец за эти два дня, что я узнал о совершившейся свадьбе моего брата! Мысль, что он пред Тобой клятвопреступник, меня преследует как ужасный кошмар – это несказанно тяжело. Мучаюсь я, не зная Твоего решения. Опасаюсь всего, но вместе с тем как брат и как верно-подданный смею умолять Тебя поступить по всей строгости закона. Так дело

оставить нельзя. Тем более что оно касается члена семьи и пример должен быть показан сверху. Увы, всем известно, под каким условием был развод (жена Павла состояла в браке с генералом Пистолькорсом. – А. Б.) разрешен Тобою и, стало быть, Павел изменил данному слову! Это ужасно. Я уж не говорю об остальном, т. е. не разбираю его поступок как члена императорской семьи и его обязанностях относительно Тебя и семейного закона! Умоляю, будь строг, иначе мы все пропали, иначе неуважение к семейству будет полное. Сердце кровью обливается, и скорбь моя безграничная. Да вразумит Тебя Господь и поможет Он нам всем. Умоляю, сообщи, что решишь.

Обнимаю крепко. Храни Тебя Бог. Твой Сергей»⁷³.

В последние годы жизни у Сергея Александровича редко выдавались радостные минуты. Он был полон тяжелых дум и горестных предчувствий. Всем сердцем, всей своей изболевшей душой ощущал, что дела идут неладно, что в стране накаляются страсти, что везде проявляется беспорядок, преступное неуважение к власти. С первых лет нового века набирал силу террор радикалов, что очень напоминало смутные времена его молодости. После похорон Н. П. Боголепова он написал Павлу Александровичу 8 марта 1901 года: «Вчера утром мы поехали с женой на Дорогомиловское кладбище – отстояли обедню и засим похоронили дорогого Н. П. Боголепова. Я нес гроб до могилы. Утро было весеннее, и лучи солнца проникали вглубь могилы, а на душе было темно и холодно». Через несколько дней он вернулся к этой же теме и заметил: «Нет сильной направляющей воли, как было у Саши, и теперь мы шатаемся, как в 70-х годах. Зачем? И даже ответ на вопрос не получишь! При этих условиях служить становится невозможно, и я серьезно подумываю сойти с административной сцены... Один в поле не воин. При Саше было другое дело; я чувствовал, что мог быть полезен, а теперь кому и чему?? Один вздор выходит, да и устал я, и нервы расшатались»⁷⁴.

Душевный покой великий князь обретал лишь в своем семейном кругу, рядом с женой и племянниками, воспитанию и образованию которых он уделял много времени и внимания. Друзей почти не было, да их у великого князя фактически и быть не могло. Летом 1903 года, во время государственных торжеств в Сарове, связанных с канонизацией преподобного Серафима Саровского, Сергей Александрович написал поминание о здравии своих близких, и в этом перечне, помимо жены, было всего шесть имен: младший брат Павел, старший брат Владимир, племянник Дмитрий, племянница Мария, кузен Константин и его жена Елизавета⁷⁵. Это был круг его близких и дорогих, за пределами которого близких уже не оставалось. Хотя он сохранял пиетет по отношению к Николаю II, но душевной общности между ними последние годы уже не было. Московский генерал-губернатор, не одобряя многие решения и назначения, даже в самых интимных письмах близким не позволял себе обвинять императора. Критические замечания можно встретить лишь на страницах его дневника.

Сергей Александрович был категорическим противником всей дальневосточной политики, считая, что экспансия в Китае и Корею России не нужна, что она опасна и вредна. Здесь его взгляды полностью совпадали со взглядами С. Ю. Витте, который тоже постоянно высказывал опасения за развитие событий, но, в отличие от сановника, дядя царя публично никогда политический курс не осуждал. В дневнике военного министра А. Н. Куропаткина зафиксирован весьма примечательный разговор между ним и Елизаветой Федоровной в декабре 1903 года на торжественном завтраке в Петербурге. Она без обиняков заявила, что в Москве «войны не хотят, цели войны не понимают, воодушевления не будет», что «мы напрасно туда забрались, так как нам там нечего делать». На замечание министра, что великая княгиня говорит такие дельные мысли, Елизавета ответила: «Нет, нет, я политикой не занимаюсь. Я обезьяна, заучиваю все, что говорят кругом, и это вам и передала»⁷⁶. Она была права: эти мысли принадлежали не столько ей, сколько ее супругу.

В январе 1904 года война между Россией и Японией все-таки началась. Московский генерал-губернатор по долгу верноподданного, по обязанности первого административного лица в Центральном районе России делал все, что надлежало: смотрел войска, организация транспортов, встречи, молебны. Ход военной кампании быстро принял неблагоприятный оборот, что глубоко угнетало Сергея Александровича. К этому примешивались общая усталость и ощущение своей ненужности. Из далекой Маньчжурии через Москву проезжали участники сражений, и генерал-губернатор встречался со многими, жадно расспрашивал их об увиденном и пережитом. Впечатления почти у всех были безрадостными.

Сохранившийся дневник великого князя за 1904 год полон грустных пассажей: «Удручен вестями» (1 апреля); «Вести о Ляояне тревожные» (6 мая); «Я в отчаянии диком, от неудачи нашего артурского флота... Подлая тоска, немочь читать газеты. О Господи, до чего все больно и обидно» (6 августа); «Японцы атакуют Ляоян! Порт-Артур держится – нравственные мучения» (17 августа); «Места себе не нахожу» (21 августа); «Мы отступаем от Ляояна, сердце сжимается, тоска!!» (22 августа); «Вести о сражении под Мукденом неутешительны. Нравственное томление» (1 октября); «Мучаюсь неимоверно. Сердцебиение почти постоянное» (6 октября)⁷⁷.

Военные неудачи неизбежно вели к брожению в стране, к росту недовольства и возмущения, которые выплескивались на страницы газет и журналов, проявлялись на собраниях общественных организаций, в студенческих аудиториях, в разговорах на улице. Все отчетливее звучали призывы к политическим преобразованиям, к изменению существующего порядка вещей, к принятию политических решений представителей общественности. Сергей Александрович был обескуражен. Он не видел властного противодействия этим пагубным устремлениям и горько переживал. В нем боролись

весь этот последний год жизни два чувства, два порыва: уйти с поста, отказаться от участия в политической жизни, предоставить все воле Всевышнего, Но, с другой стороны, его не покидали сомнения в своевременности подобного шага. России трудно, страна в опасности, и он должен нести свой крест в это тяжелое время.

Времена наступали тяжелые. После убийства в июле 1904 года министра внутренних дел В. К. Плеве на этот влиятельный пост был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия» и взявший курс на заигрывание с либеральной оппозицией. Это назначение полностью прошло мимо Сергея Александровича. Он никогда бы не одобрил такого выбора. Но с московским генерал-губернатором император не нашел нужным советоваться. 2 ноября князь Сергей записал: «Почти все серьезные люди в ужасе от Мирского и от всего, что творится»⁷⁸. Однако голосов «серьезных» людей почти не было слышно, и задавать тон в политической жизни начинали другие, те, кто ратовал за реформы, за компромисс. Эта позиция всегда была чужда Сергею Александровичу, и в конце концов он принял трудное решение.

Великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Сергей находит, что теперь, с назначением министром Мирского, направление правительства резко изменилось и состоит в таком противоречии с его, Сергея, 14-летней деятельностью, что ему невозможно оставаться вопреки своим убеждениям»⁷⁹. Эта запись датирована 22 ноября, но окончательное решение князь Сергей принял несколькими месяцами ранее и сохранял его в тайне даже от своих близких. Он сообщил о нем лишь после разговора с Николаем II, состоявшимся 15 ноября в кабинете императора в Александровском дворце Царского Села. Монарх спокойно выслушал своего дядю, но ответа определенного не дал, попросил отложить разговор. После этой аудиенции Сергей Александрович записал: «Несчастный человек! Больно и обидно! Он в блаженном состоянии какого-то фатализма! Господи, Господи, помоги нам». Лишь 20 ноября император принял отставку дяди Сергея, но попросил его остаться командующим войсками Московского военного округа. На встрече было решено, что генерал-губернатор будет исполнять свои обязанности до 1 января. Во время этого визита в Петербург Сергей Александрович посетил вдовствующую императрицу в Гатчине, провел у нее вечер. Они многое и многих вспоминали и, конечно же, усопшего императора Александра III, «их Сашу», и вместе плакали.

Отходя от роли государственного человека, великий князь так и не смог отстраниться от политических событий. Он видел, что старое, знакомое уходит, что появляются в политике новые силы, новые тенденции, с которыми власти приходится считаться. Однако принять этот курс великий князь не мог. Компромисс противоречил его натуре. Ему казалось, что он присутствует при обвале, при землетрясении. «Иногда думается, что мы все с ума сошли»⁸⁰, – записал князь в дневнике 5 ноября. Его особенно возмущали и рас-

страивали попытки заигрывания с либералами, а любые уступки им он воспринимал как покушение на священные основы государственного устройства. После общероссийского собрания земцев в Петербурге Сергей Александрович записал 10 ноября: «Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! (она не была принята. – А. Б.). Несчастный человек!!.. Мне иногда кажется, что я с ума схожу»⁸¹.

Он не мог себе представить, что эпоха России царей, эпоха единовластия подходила к концу, что ресурс существования традиционной государственности в значительной степени исчерпал себя, что для укрепления порядка и стабильности надо было, условно говоря, или уступать, или убивать. Царь пытался изыскать некую приемлемую формулу сосуществования с недовольными общественными кругами, а князь Сергей этого не принимал. Здесь проходил мировоззренческий водораздел между ними. Сам Сергей Александрович, при всей непреклонности убеждений, никогда не ратовал за насилие. Он выступал лишь «за твердость курса», так и не объяснив, что же это могло бы означать на практике. Он не оставлял надежды убедить императора в пагубности любых уступок. 25 декабря 1904 года, обращаясь к Николаю II, писал: «Какие времена мы переживаем; кажется, чаша переполнилась с падением Порт-Артура. Только и молюсь, чтоб Господь сжалился над нами! Умоляю Тебя, не поддавайся либеральным влияниям с вызыванием без разбора людей со стороны для совещаний»⁸².

Последней заметной политической акцией, в которой великий князь Сергей принял непосредственное участие, была разработка правительственной декларации «О мерах к усовершенствованию государственного порядка», обсуждаемая на совещаниях министров у царя в ноябре–декабре 1904 года. Она была опубликована 12 декабря и предусматривала смягчение административных ограничений для неправославных верующих, ослабление цензуры, разрешение съездов земских деятелей, амнистию за политические правонарушения и др. Первоначально в нее был включен пункт о привлечении выборных от земства и городов к работе Государственного Совета. Это положение вызвало резкие возражения со стороны консервативных кругов. Особенно непримиримо выступил Сергей Александрович, считавший, что властные prerogatives монарха ни с кем делимы быть не могут, что все представители во все органы и совещания могут назначаться исключительно верховной властью.

Некоторые члены Комитета министров, в том числе и его глава – С. Ю. Вите, считали, что для умиротворения умов, для смягчения остроты политической ситуации необходимо пойти на эту меру. Сергей Александрович был в Петербурге, присутствовал на обсуждениях и уже 8 декабря занес в дневник, что «один пункт о выборных мне не нравится». Последующие дни он несколько раз встречался с «дорогим Ники». О чем они говорили, неизвестно, но ясно, что упразднение положения о выборах (так называемый пункт 3)

произошло вечером 11 декабря в кабинете у императора в присутствии С. Ю. Витте и Сергея Александровича. Последний совершенно неожиданно был приглашен монархом участвовать при объяснении с напористым главой Комитета министров. В дневнике великий князь отметил: «Сюрпризом Ники взял меня в кабинет, куда вызван был Витте. Долгий разговор и решение вычеркнуть 3 пункт указа! Стало быть, и выборные похерены!! Помогите Боже! Витте был корректен»⁸³.

31 декабря 1904 года Сергей Александрович записал: «Последний мой день генерал-губернаторства! Странное чувство после 14 лет! После доклада Трепова обнялись, прослезились... Господи, пощади мя!»⁸⁴ На следующий день он отправился в свою последнюю поездку в Петербург, где в последний раз видел императора, императрицу и некоторых других родственников. Через день вернулся в Москву. Он теперь мало кого видел, редко выезжал и принимал только по необходимости своей службы. Жена, племянники, книги составляли главное занятие дня. И молитва. Он молился часто и горячо, как никогда раньше, как будто предчувствуя скорое расставание с земным миром. С ним оставались дорогие воспоминания и надежда на милость Всевышнего. Жизнь становилась пыткой, события были одно другого безрадостней, и не переставая болело сердце. 15 января написал последнее письмо своему единственному другу, великому князю Константину Константиновичу, где заметил: «Да, невыразимо тяжелые дни приходится переживать! Должен сознаться, что я вообразить не мог, что мы можем дожить до подобных безобразий»⁸⁵. Он прожил большую, трудную жизнь, силы были на исходе, и он вдруг стал стариком, у которого в земном мире впереди уже ничего хорошего не было.

Несмотря на весь ужас преждевременной смерти, великому князю Сергею Александровичу все-таки в известном смысле повезло: он не видел самого страшного, не дожил до самого жуткого, до рокового дня 2 марта 1917 года и всего последующего космического кошмара. Россия, его страна и мир, будет беспощадно растоптана, а семья императора растерзана. Милая жена, «моя Элла», закончит свой земной путь на дне сырой шахты на далеком Урале, брата Павла, больного и одинокого, холодным и серым январским днем расстреляют в Петропавловской крепости. Ураганная ненависть людская не пощадит даже мертвых: могила Сергея Александровича будет разорена, а тот храм в Кремле, где была усыпальница, сравняют с землей.

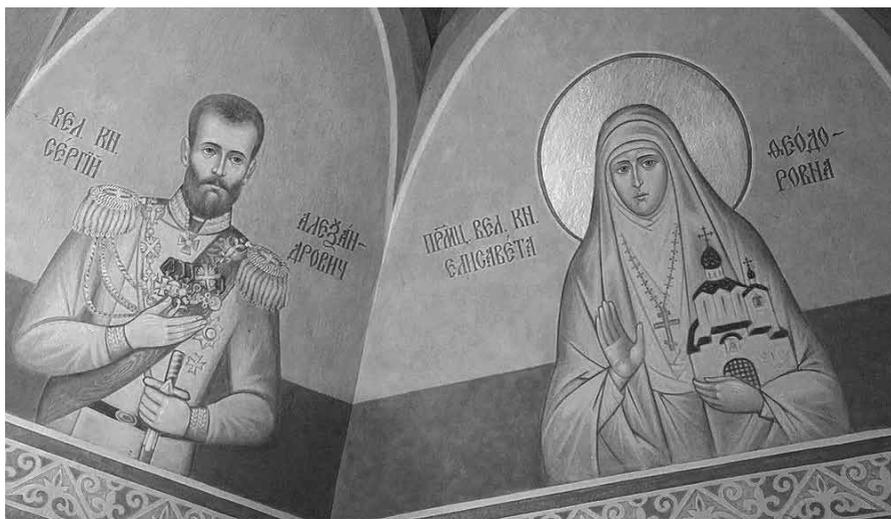
Примечания

¹ Савинков Б. Воспоминания. М., 1990. С. 124.

² Незабвенной памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М., 1905. С. 5.

³ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 234. Л. 22, 23 об.

⁴ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. (Москва, 1993). С. 195.

Святая преподобномученица Елисавета и Великий князь Сергей Александрович. Фреска

⁵ Савинков Б. Указ. соч. С. 97.

⁶ Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 197.

⁷ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 65.

⁸ Гражданин. СПб., 1906. № 7. С. 9.

⁹ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 18. Л. 701.

¹⁰ Ельцова К. М. Сны нездешние. Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 128.

¹¹ ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 41. Л. 1 об., 2.

¹² Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 17. Л. 52 об.

¹³ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 192. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–1 об.

¹⁵ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе // Октябрь. 1993. № 6. С. 127.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 19. Л. 2299.

¹⁷ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 192. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Д. 201. Л. 30–30 об.

¹⁹ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 948. Л. 3.

²⁰ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 253.

²¹ Там же. Л. 43–43 об.

²² После убийства Александра II Лев Толстой обратился с письмом к новому монарху с призывом помиловать убийц, считая, что такое великодушие укрепит престиж власти. Несколько высокопоставленных лиц категорически отказались передать послание графа, и лишь великий князь Сергей Александрович согласился на это, что, несомненно, свидетельствует об огромном уважении его к писателю.

²³ Волгин И. В виду безмолвного потомства... Достоевский и гибель русского императорского дома // Октябрь. 1993. № 11. С. 116.

²⁴ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 64. Л. 68 об.–69.

²⁵ Волгин И. Указ. соч. С. 110.

²⁶ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 19. Л. 282.

²⁷ Великий князь Николай Михайлович был расстрелян в январе 1919 года в Петрограде. Его младший брат Александр, женатый на сестре Николая II Ксении, чудом избежал революционной расправы и покинул Россию. В эмиграции он опубликовал тенденциозные воспоминания, полные нелепых утверждений о Николае II, императрице Александре Федоровне и о многих других своих родственниках. У него не хватило ни ума, ни такта воздержаться от очернения людей, убитых беспощадными радикалами. Его оценки и суждения до сих пор воспроизводятся авторами, не утруждающими себя ни серьезным анализом опубликованных, ни уж тем более архивных документов, сохранившихся во множестве. Они со всей очевидностью показывают лживость очень многих умозаключений, в том числе и касающихся великого князя Сергея Александровича.

²⁸ Особенно одиозной является книга шведского журналиста, «потомственного социал-демократа» Стаффана Скотта «Романовы», изданная в нашей стране в 1993 году. В ней содержатся совершенно невероятные утверждения относительно Сергея Александровича. Автор не привел ни одного документа, ни одного сколько-нибудь надежного свидетельства, но, используя лживые слухи и сплетни, которые он «творчески» развил, позволил себе обвинить князя Сергея в немыслимых делах, приписать ему невозможные поступки. Для нашей страны, где десятилетиями лгали и клеветали на политических противников и оппонентов, не давая им возможности сказать хоть слово в свое оправдание, подобного рода литературно-идеологический жанр слишком хорошо известен. Автору не мешало бы хоть что-то знать о России и о людях ее, а не выставлять напоказ свое невежество и бесстыдство.

²⁹ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 19. Л. 281.

³⁰ *Миллер Л.* Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Федоровна. Франкфурт-на-Майне, 1985. С. 19–20.

³¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 759. Л. 1-1 об.

³² Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 253. Л. 14 об.

³³ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 878. Л. 41.

³⁴ Там же. Д. 994. Л. 97 об.–98.

³⁵ Там же. Ф. 648. Оп. 1, Д. 19. Л. 303.

³⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 8.

³⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 253. Л. 79 об.

³⁸ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 994. Л. 113 об.

³⁸ *Миллер Л.* Указ. соч. С. 29.

⁴⁰ Там же. С. 44.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 710. Л. 72 об.

⁴² *Миллер Л.* Указ. соч. С. 44.

⁴³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 53.

⁴⁴ Там же. Л. 45 об.

⁴⁵ Там же. Д. 1340. Л. 70 об.–71.

⁴⁶ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 255. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 200. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Д. 219. Л. 35–36.

⁴⁹ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 298, 315.

⁵⁰ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 40. Л. 143.

⁵¹ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 199. Л. 33–34 об.

⁵² Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 98, 102.

⁵³ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 201. Л. 112.

⁵⁴ Цит. по: *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 4–7.

- ⁵⁵ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 60.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 202. Л. 14.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32. Л. 72–73 об.
- ⁵⁸ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 127.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 216. Л. 26 об.–27 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340. Л. 142.
- ⁶¹ Там же. Д. 1341. Л. 33 об.
- ⁶² Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 202. Л. 25.
- ⁶³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340. Л. 175.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1341. Л. 9 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1340. Л. 146 об.–147.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1341. Л. 57 об.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 25 об.–26.
- ⁶⁸ Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Т. 3. М., 1923. С. 108.
- ⁶⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 69
- ⁷⁰ См.: Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 66–68
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 56 об.–57.
- ⁷² Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 19 об.–20.
- ⁷³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 102–103 об.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 219. Л. 39 об., 47 об.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁷⁶ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 2. М., 1922. С. 92.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Л. 49 об., 67, 113, 118 об., 120 об., 141, 143 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 1573.
- ⁷⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича // Красный архив. Т. 30. М., 1930. С. 98.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Л. 163 об.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 151 об.
- ⁸³ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Л. 176 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 186 об.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 255. Л. 127.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна – покровительница духовного просвещения, образования и благотворительности

В уходящем 2018 году исполнилось 100 лет со дня мученической кончины преподобномученицы благоверной Великой княгини Елисаветы Феодоровны. В сердцах русского народа сохранилась память и любовь к святой Елисавете.

Принцесса Элла. 1879 г.

Родилась будущая преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна (Елисавета-Александра-Луиза-Алиса) 1 ноября (по новому стилю) в немецком городе Дармштадт, в семье герцога Людвига и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории.

Всего в этой семье было семеро детей: Виктория, Елисавета (Элла, так ее звали дома), Ирена, Эрнст-Людвиг, Фридрих, Алиса (Аликс) – будущая Императрица Российская, и Мария.

Герцогиня Алиса была мудрой и нежной матерью и любящей супругой. С раннего возраста приучала своих детей к молитве, к делам милосердия и формировала у них особое отношение к больному человеку.

Родной брат принцессы Эллы Эрнст-Людвиг вспоминал: «Каждое утро по субботам мы должны были относить букеты цветов в... госпиталь на Мауэрштрассе и, поставив цветы в вазы, дарить их разным пациентам. Таким образом мы преодолевали робость, часто свойственную детям... и становились друзьями со многими пациентами и безусловно обучались иметь симпатию к другим. Здесь не было возрастных ограничений; даже самые юные среди нас должны были идти в больницу».

В 1877 году отец принцессы Елисаветы унаследовал великогерцогский престол и стал именоваться великий герцог Людвиг IV с титулом Королевского Высочества.

При великом герцоге Людвиге IV значительно поправилось материальное благосостояние страны; часть государственного долга была упла-

чена, а в 1888 году были отменены налоги поземельный, подоходный и с промыслов¹.

Великая герцогиня Алиса воспитывала своих детей в английской спартанской системе воспитания. Это означало: окна в любую погоду открывались настежь, одежда простая, жесткий распорядок дня и обязательно труд. Подъем в 6 часов, утренняя молитва, уроки до половины одиннадцатого, посла ланча прогулка и снова занятия с учителями. После обеда уроки, рукоделие, танцы, верховая езда. Принцесса Элла, как и ее брат и сестры, получила прекрасное домашнее образование. Великая герцогиня Алиса приглашала для обучения своих детей самых лучших учителей города. Закон Божий преподавал детям лютеранский священник (пастор) Зелл Карл. Музыку преподавал господин де Хаан Вилен – известный композитор и дирижер. Рисование – придворный художник господин Гайер; историю – доктор Штоплер. Дети посещали лютеранский храм раз в две недели. В семье царили строгие английские порядки. Мать общалась с детьми на английский манер воспитания, лишь Эрнст, наследник великогерцогского престола, воспитывался отцом в немецких традициях.

Мать принцессы Эллы, герцогиня Алиса писала своей матери английской королеве Виктории 14 июня 1871 года: «Чем меньше у человека есть, тем меньше ему хочется, и тем более радости он испытывает от того, чем обладает. Я воспитываю моих детей как можно проще, с наименьшими запросами, и учу их, прежде всего, тому, как заботиться о себе и о других и таким образом сделаться независимыми»².

Великая герцогиня Алиса почти каждый день объезжала основанные ею госпитали, больницы, приюты для бедных. Частенько брала с собой принцессу Эллу с букетиками полевых цветов, Элла говорила больным: «Теперь вы обязательно поправитесь!» Ей казалось, что красота и благоухание цветов помогают переносить боль.

Но, несмотря на занятость, Алиса находила время, чтобы почитать детям, поучить их рукоделию, поиграть на рояле, порисовать. Великая герцогиня имела музыкальный и художественный дар. В Англии она была известна как рисовальщица сказок. Принцесса Элла очень хорошо играла на рояле, много рисовала. Как вспоминал брат Эрнст, «еще у Эллы настоящий талант к шитью, и она шьет, как только у нее появляется свободное время, совершенно одна и без ошибок»³.

Родители Людвиг и Алиса, несмотря на множество дел, очень много времени проводили с детьми. Герцогиня Алиса в минуты свободного времени обязательно брала в руки рукоделие, и дети никогда не видели ее сидящей праздно.

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб – Германия. СПб., 1893. С. 578.

² Кучмаева И. К. Когда жизнь истинствует... Культура благотворения великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Индрик, 2008. С. 36.

³ Там же. С. 37.

Дети много времени проводили на свежем воздухе. Принцесса Элла любила гулять по полям и лесам, больше всего любила собирать полевые цветы. Домой приносила огромные букеты, ставила в вазы и очень огорчалась, когда они увядали. А еще она любила рисовать цветы. Любовь к цветам принцесса пронесла через всю жизнь.

В великогерцогском дворце собиралось множество талантливых людей – музыкантов, художников, писателей, историков, педагогов, артистов, врачей, физиков, математиков. Одним словом, одаренных людей самых разных профессий. Частым гостем в их доме был известный в Европе композитор Иоганнес Брамс. Поэтому «Венгерский вальс» стал любимым произведением юной принцессы Эллы. Очень часто играла Алиса вдвоем или в восемь рук, она обладала прекрасной манерой исполнения. Вот в такой культурной среде возрастали их дети и в том числе будущие Российская Императрица Александра Феодоровна и Великая княгиня Елисавета Феодоровна.

Принцесса Элла любила посещать местный великолепный музей, который ежегодно пополнялся новыми произведениями искусств. Здесь хранилось одно из самых крупных художественных сокровищ – «Мадонна» Гольбейна 1526 года, ставшая известной в мире как «Дармштадтская мадонна», подаренная ее бабушкой принцессой Елисаветой.

В ноябре 1878 года Гессенский дом поразила эпидемия дифтерии. Заболела вся семья, кроме принцессы Елисаветы, которую, как только стало ясно, что она здорова, мать отослала во дворец матери Людвига. Вскоре заразился и Людвиг. 15 ноября серьезно заболела и умерла младшая дочь великогерцогской четы Мария (Мэй). А 14 декабря в 8 часов 30 минут, ровно через 17 лет после смерти отца, умерла великая герцогиня Алиса. Ей было 35 лет.

18 декабря она была похоронена рядом с дочерью Марией. Принцессе Элле в то время исполнилось 14 лет, но в целях безопасности ее не допустили попрощаться с любимой матерью. Скорбь была велика и безутешна. Родной брат принцессы Эллы Эрнст, вспоминал: «Моя мама была одной из тех великих душ, которая, несмотря на то, что она умерла молодой, достигла высокого уровня совершенства; и все люди, с которыми я говорил, отмечали, что они изменились под влиянием ее личности...»⁴

Английская королева Виктория прислала для внучки Аликс, будущей Российской Императрицы Александры Феодоровны, которой исполнилось только пять лет, английскую няню.

Королева Виктория писала своим осиротевшим внукам: «В своих сердцах вы должны бережно хранить память о ней... – таких людей, как она, мало в нашем мире! Большая честь быть ее детьми, но в то же время и великая ответственность, чтобы стать поистине достойными ее, идти по ее стопам – быть самоотверженными, правдивыми, смиренномудрыми, скромными и стараться сделать для других все, что в ваших силах, как делала она!»

⁴ Кучмаева И. К. Указ. соч. С. 45.

В 1899 году жители города Дармштадта собрали деньги и установили около лютеранской церкви памятник с надписью «Алисе – незабвенной великой герцогине».

После смерти матери большое влияние на воспитание осиротевших внуков оказывала бабушка, принцесса Елисавета Прусская, мать Людвига IV, которая была очень милосердной и набожной. На своей новой родине принцесса посвятила себя заботам о бедных, по ее инициативе в 1858 году в Дармштадте был учрежден дом диаконисс Елизаветинского монастыря, на строительство которого она пожертвовала 10 тысяч гульденов. В 1841 году принцесса Елисавета была награждена российским орденом Святой Екатерины большого креста.

* * *

С 1881 года принцесса Элла со своей старшей сестрой Викторией стала выезжать в свет. О них говорили как о самых красивых и прелестных невестах немецких дворов. У юной принцессы не было недостатка в поклонниках на родине. Но Элла полюбила Великого князя Сергея Александровича, шестого сына Государя Императора Александра II и Императрицы Марии Александровны, урожденной принцессы Гессенской и Прирейнской, дочери великого герцога Людвига II.

Отец принцессы Елисаветы, великий герцог Людвиг IV, писал по этому поводу Императору Александру III: «Я, не колеблясь, дал свое согласие, потому что знаю Сергея с детства, вижу его хорошие и приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой»⁵.

В феврале 1884 года состоялась официальная помолвка Великого князя Сергея Александровича и принцессы Елисаветы.

Дмитрий Сергеевич Арсеньев, воспитатель Великого князя, писал в своих воспоминаниях: «...Принцесса Елисавета была прелесть как красива и мила и ангелоподобна, она не могла не нравиться, и я был очень счастлив за Сергея Александровича, что Господь послал ему такую подругу жизни! Сердце ее было добрейшее и нрав ее ангельский. К тому же она была серьезная и очень хорошо воспитана. Одно было жалко, что она оставалась в своей вере. Но, увы!»

27 мая 1884 года немецкая принцесса Елисавета приехала в Россию, а 2 июня в субботу по Высочайше утвержденному и опубликованному церемониалу последовал торжественный въезд высоконазначенной невесты Его Императорского Высочества Государя Великого князя Сергея Александровича в Санкт-Петербург.

Государыня Императрица Мария Феодоровна ехала с высоконазначенной невестой принцессой Елисаветой в двухместной золоченой карете, увенчанной императорской короной и запряженной восьмью лошадьми белой масти цугом.

⁵ Гришин Д. Б. Трагическая судьба великого князя. М., 2006. С. 66.

Подле кареты следовали верхом Его Императорское Величество Государь Император Александр III, Его Королевское Величество король эллинов, Его Королевское Высочество великий герцог Гессенский Людвиг IV, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Николай Александрович, Его Королевское Высочество наследный великий герцог Гессенский Эрнст и великие князья.

На протяжении всего пути до ворот Зимнего дворца слышались восторженные крики «ура». В 2 часа 48 минут дня, при грохоте 101 залпа орудий Петропавловской крепости, высоконазначенная невеста вместе со своим августейшим женихом вступили в Зимний дворец⁶.

В этот же день Великий князь Сергей Александрович заключил с принцессой Гессен-Дармштадтской Елисаветой брачный договор⁷:

«Во имя Святой и Неделимой Троицы

Его Королевская Светлость Великий Герцог Гессенский одобрил решение о вступлении в брак его дорогой и любимой дочери Принцессы Елизаветы-Александры-Луизы-Алисы и Великого Князя Сергея Александровича. <...>

Статья 1

Его Светлость Великий Герцог Гессенский подтверждает, что его дорогая и любимая дочь Принцесса Елизавета-Александра-Луиза-Алиса даст согласие на бракосочетание Великому Князю Сергею Александровичу. Со своей стороны он обещает ее любить и уважать как свою супругу.

Его Величество Император Российский обещает ей оказывать уважение как своей невестке. <...>

Статья 3

Его Светлость Великий Герцог Гессенский дает Принцессе Елизавете-Александре-Луизе-Алисе приданое в размере 20 тысяч рейнских флоринов, в соответствии с законами и традициями Дома Гессенов. <...>

Статья 5

Император Российский также даст приданое Принцессе Елизавете в размере 100 тысяч рублей, которое будет размещено в общественных фондах. Департамент Имущества будет регулярно выплачивать годовую процентную прибыль, в размере 5% от основного капитала. Во имя ее долгой и радостной жизни.

Статья 6

Великий Князь Сергей Александрович обещает дать Принцессе Елизавете на следующий день после свадьбы в качестве приданого сумму в размере 50 тысяч рублей, которая будет размещена в Департаменте Имущества и будет выдаваться в виде годовой 5%-ной прибыли, начиная со следующего дня после свадьбы, без использования основного капитала в течение жизни ее супруга.

⁶ Великий князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Книга четвертая. 1884–1894. М., 2009. С. 24–25.

⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 82. Л. 1–11. На фр. языке / Пер. Ларисы Бравицкой.

Статья 7

Принцесса Елизавета ежегодно, сразу же после свадьбы, будет получать на “шпильки” и ежедневные расходы сумму в размере 40 тысяч рублей. Она может осуществлять траты по своему усмотрению.

Статья 8

В случае смерти своего супруга Великого Князя Сергея Александровича, его светлейшая супруга будет получать 20 тысяч рублей и достойное проживание, в случае пребывания в России.

Расходы на двор будут осуществляться из казны Императора Российского. Но в случае отъезда Великой Княгини из России ее содержание будет составлять 6667 рублей. <...>

Расходы на детей, рожденных в этом браке, и их проживание несет Император Российский.

Подписано 2/14 июня 1884 в Санкт-Петербурге.

Дополнительное соглашение

Принцесса Елизавета, после свадьбы ставшая Великой Княгиней Елизаветой, не будет испытывать затруднений в исполнении обрядов лютеранской веры, в которой она была рождена.

Однако она должна сопровождать своего супруга на всех православных церемониях и общественных мероприятиях.

Все дети, рожденные в этом браке, будут воспитаны в православной вере, в соответствии с законами Российской Империи...»

Рано утром воскресенье, 3 июня, принцессу Елисавету посадили перед зеркалом императрицы Анны Иоанновны. Придворный парикмахер делал ей локоны, которые спускались по плечам, а Императрица Мария Феодоровна помогала ему, подавала шпильки, гребни и прикрепляла бриллиантовую диадему, великокняжескую маленькую корону. Ожерелье и серьги соответствовали друг другу. Они когда-то принадлежали Императрице Екатерине II и надевались на каждую невесту великих князей дома Романовых. Серьги были до того тяжелые, что их прикрепляли к ушам невесты золотой проволокой. Императрица справила полное приданое невесте, и ей не пришлось самой выбирать себе свадебное платье. Венчальный наряд принцессы Елисаветы, как и всех царственных невест, был сделан из серебряной парчи в русском стиле, с большим декольте и длинными разрезными рукавами. Под конец на невесту надели цвета бордо мантию со шлейфом, отороченную горностаевым мехом.

Великокняжеские супруги

Принцесса Елисавета в этом подвенечном наряде выглядела ослепительно прекрасной, и, по мнению одной из присутствовавших там дам, она была самой красивой невестой, которая когда-либо венчалась в придворном храме⁸.

В воскресенье 3 июня 1884 года совершилось бракосочетание Его Императорского Высочества Государя Великого князя Сергея Александровича с Ее Высокогерцогским Высочеством принцессой Елисаветой Гессенской, после в Александровском зале, где устроен алтарь, перед которым пастор церкви св. Анны Фрейфельт совершил богослужение по евангельско-лютеранскому обычаю. Затем был торжественный обед в Николаевском зале и бал.

После бала Их Величества проследовали из Зимнего дворца вместе с новобрачными в четырехместной золоченой карете, увенчанной императорской короной, в собственный Его Высочества великого князя Сергея Александровича дворец, что на Невском проспекте у Аничкова моста.

4 июня был опубликован Манифест Государя Императора Александра III, в котором возвещалось о браке его брата, Великого князя Сергея Александровича, с дочерью владетельного великого герцога Гессенского принцессой Елисаветой. Было повелено: супругу Великого князя Сергея Александровича именовать Великой княгиней Елисаветой Феодоровной с титулом Императорского Высочества.

* * *

У великой княгини Елисаветы Феодоровны началась новая жизнь в столице Российской империи, в славном городе Санкт-Петербурге. Великокняжеская чета стала жить в прекрасном дворце Белосельских-Белозерских. Приобретен он был Императором Александром III для Великого князя Сергея Александровича и стал называться Сергиевским, располагался он на углу Невского проспекта и Фонтанки, построен в 1846–1848 годах по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера. Это был один из красивейших дворцов Петербурга, с пилястрами, атлантами, видом на реку и вздыбленных коней Аничкова моста. Великий князь после приобретения этого дворца внес свои изменения: в решетках парадной лестницы был помещен вензель Его Императорского Высочества, и в его интерьерях кое-что было перестроено, комната Великой княгини Елисаветы Феодоровны располагалась на втором этаже.

Природа наделила Елисавету Феодоровну множеством талантов, она была музыкально одаренной и талантливой художницей. Ее автопортрет, выполненный в 1895 году, находится в Государственном Эрмитаже.

В их дворце бывали многие родственники – представители царствующего дома Романовых, сослуживцы по Преображенскому полку и другие персоны.

В первые два года петербургской жизни Великая княгиня много времени уделяла изучению русского языка и литературы. Ее учительницей была гоф-

⁸ Миллер Любовь. Святая мученица Российская Великая княгиня Елисавета Феодоровна. М., 2006. С. 28–29.

лектриса Екатерина Шнейдер. В фондах Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга хранится дело под названием «17 рабочих тетрадей». Это обычные школьные тетради, исписанные карандашом или перьевой ручкой рукой Великой княгини, местами с ошибками. Огорченная своим стилем и количеством ошибок Елисавета Феодоровна в одной из своих тетрадей сделала такую запись, обращенную к своей учительнице: «Милая Екатерина, я надеюсь, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»⁹.

В своей жизни Елисавета Феодоровна всегда руководствовалась христианскими заповедями. Она много занималась благотворительностью, старалась оказывать помощь нуждающимся. О тайной благотворительности знал только Великий князь Сергей Александрович. Великая княгиня старалась больше узнать о русской культуре, русском народе, понять происходящие в стране события. Она не оставалась в стороне от важных культурных событий, которые проходили в столице. С супругом они посещали выставки, театры, балы. Елисавета Феодоровна также много занималась рисованием, брала уроки у известных художников.

Спустя два года после приезда в Россию Великая княгиня возглавила в Санкт-Петербурге первый Санкт-Петербургский дамский комитет Красного Креста. Она была председательницей Петровского благотворительного общества, убежища для слабосильных и выздоравливающих детей, Царско-сельского благотворительного общества, Санкт-Петербургского дамского благотворительного тюремного комитета.

В 1888 году великокняжеская чета побывала на Святой Земле и приняла участие в освящении русского храма во имя Марии Магдалины, посвященного памяти Императрицы Марии Александровны.

После посещения Святой Земли Великая княгиня стала задумываться о переходе в православие.

В Вербную субботу 13 апреля 1891 года в домовая церкви Рождества Христова Сергиевского дворца состоялось Таинство перехода в православие Великой княгини Елисаветы Феодоровны.

Санкт-Петербург стал важным этапом в жизни Великой княгини, озаренной большой любовью к мужу, ознаменовавшим начало новой жизни, нового служения, способствующим развитию лучших сторон ее жизни и приведшим к принятию православия и приготовлению к новому духовному подвигу.

В Санкт-Петербурге великокняжеская чета прожила семь лет.

* * *

В 1891 году Император Александр III назначил Великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором. 5 мая Москва торже-

⁹ РГИА. Ф. 554. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

ственно встречала генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича и благоверную Великую княгиню Елисавету Феодоровну.

Великий князь и Великая княгиня не только добросовестно выполняли свои обязанности хозяина и хозяйки Первопрестольной, они встали во главе благотворительного движения.

1891 год был засушливым, осенью в Поволжских губерниях России начался голод. По инициативе Великого князя Сергея Александровича в октябре 1891 года был образован Московский комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая под председательством Великой княгини Елисаветы Феодоровны. При нем был утвержден Дамский комитет, привлечший к широкой деятельности дам московского общества. К 1 января 1892 года общая сумма пожертвований составила более полумиллиона рублей. Помощь от Москвы получили Оренбургская, Орловская, Самарская, Саратовская, Пермская, Тобольская, Воронежская, Пензенская и Челябинская губернии. Дамский комитет под руководством Великой княгини Елисаветы Феодоровны устроил в декабре 1891 года в пользу голодающих благотворительный базар. Это мероприятие стало событием в Москве, подобного москвичи еще не видели. На этом базаре люди впервые смогли познакомиться близко с Великим князем Сергеем Александровичем и его супругой Елисаветой Феодоровной. Они очаровали москвичей своей красотой, добротой, милосердием. Все хотели купить из рук Великой княгини тот или иной товар. Успех базара был необыкновенный. За пять дней его посетили 13 тысяч человек, а денежный сбор составил 90 тысяч рублей. Благотворительные базары стали проходить ежегодно.

Великая княгиня 18 апреля 1892 году основала Елисаветинское благотворительное общество. В Совет Елисаветинского благотворительного общества поступала масса просьб из Москвы и всех уголков России о помощи малолетним детям. В губерниях стали открываться отделения Елисаветинского благотворительного общества, помощь получали сотни тысяч нуждающихся.

Великий князь по приезде в Москву стал посещать Хитров рынок и оказывать помощь детям, чтобы поскорее выгнать их из этого злочастного места. Позже Великая княгиня откроет приют для беспризорных Хитрова рынка.

Великая княгиня своим примером привлекла к благотворительной деятельности дам высшего общества, и они стали ее ближайшими сподвижницами.

Великий князь Сергей Александрович в 1891 году взял под свое попечительство Московскую академию коммерческих наук, созданную еще в начале XIX века «с целью образования юношей, желающих вступить в купеческое звание», и стал президентом состоящего при ней Общества любителей коммерческих знаний.

* * *

Трудно оценить вклад Великой княгини в поддержку многообразных образовательных начинаний Москвы. Следует отметить развитие целого комплекса высших и средних специальных учебных заведений. Среди них вели-

кий князь Сергей и его августейшая супруга уделяли особое внимание и удостоивали неоднократным посещением Шелапутинские училища. 18 января 1904 года состоялось торжественное освящение ремесленных училищ имени Григория Шелапутина, основанных благодаря большому вкладу П. Г. Шелапутина в память о своем безвременно скончавшемся сыне. Из трех училищ два – мужские, одно – женское.

Ежегодно Великий князь Сергей Александрович вместе с Великой княгиней Елисаветой Феодоровной участвовали на годичном акте в МГУ. Так, 12 января 1898 года студенты нарасхват просили цветы из букета великой княгини, среди студентов ходила такая молва, что если возьмешь цветок из ее букета, то успешно сдашь сессию. В своем дневнике великий князь Сергей Александрович записал: «...Когда стали уходить домой, то у жены осталось в букете всего два цветка».

Великокняжеская чета интересовалась жизнью студентов и даже посещала их общежития. Так, 21 апреля 1900 года они посетили общежитие имени Императора Николая II, а 2 ноября 1901 года участвовали в закладке общежития имени Великого князя Сергея Александровича на Девичьем поле.

Большое внимание Великий князь уделял художественному образованию. Великая княгиня Елисавета Феодоровна со своим августейшим супругом часто посещали Московское училище технического рисования (Строгановское) и Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где знакомились с системой преподавания. На ученических выставках Их Высочества считали своим долгом поощрить начинающие таланты и всегда покупали большое количество работ.

Так, 27 декабря 1902 года великокняжеская чета посетила Строгановское училище и осмотрела выставку 36 художников, а 2 февраля 1914 года Елисавета Феодоровна как попечительница Строгановского училища присутствовала на закладке нового здания училища.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна поддерживала также юные музыкальные таланты.

Например, 2 мая 1898 года Великая княгиня присутствовала на экзамене в Филармоническом обществе.

В подмосковном имении Ильинское при храме князем Сергеем и княгиней Елисаветой была основана церковно-приходская школа для сельских детей.

Великокняжеская чета не оставляла без попечения и беспризорных детей.

В 1902 году был открыт Успенский детский приют, на строительство трехэтажного каменного здания было израсходовано 100 тысяч рублей из кассы Елисаветинского благотворительного общества.

С первых дней русско-японской войны, начавшейся 27 января 1904 года, Великая княгиня Елисавета Феодоровна была озабочена судьбой предполагаемых значительных жертв и вопросом создания учреждений по оказанию помощи участникам войны и их семьям.

12 февраля 1904 года при Исполнительной комиссии Российского общества Красного Креста был образован Особый комитет великой княгини Елисаветы Феодоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке.

Еще до учреждения Особого комитета великая княгиня открыла склад пожертвований в Румянцевском музее, позже склад был переведен в Кремлевский дворец и перешел в ведение комитета.

За годы войны Кремлевским складом Великой княгини было отгружено для николюско-уссурийского склада РОКК 63 вагона различных предметов общим весом 22 980 пудов, в читинский склад – 43 вагона общим весом 15 350 пудов.

* * *

4 февраля 1905 года, в самом Кремле в экипаж Великого князя Сергея Александровича была брошена бомба, разорвавшая его на куски. Но горе не сломило Великую княгиню, она осталась в России и после продолжительного траура еще больше стала заниматься благотворительной деятельностью. Только помогая нуждающимся, находила она утешение.

Великая княгиня в память о своем муже Великом князе Сергее Александровиче в Чудовом монастыре устроила храм-усыпальницу во имя преподобного Сергия Радонежского.

Елисавета Феодоровна не забывала о детских приютах Москвы. Так, 19 декабря 1906 года стараниями Великой княгини было воссоздано Бюро для обслуживания беднейшего населения Москвы. На работу вначале приняли 10 мальчиков-рассыльных, которых разместили в светлых просторных помещениях с цветами на окнах и птицами в клетках. Дети получали от Бюро одежду, обувь и белье. При артели жил воспитатель, который наблюдал за порядком, вечером организовывались различные мероприятия. Раз в неделю приходил на беседу священник¹⁰.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна после гибели Сергея Александровича окончательно покинула светскую жизнь, ее можно было увидеть лишь в храмах, приютах, лазаретах и других благотворительных учреждениях. Она несколько лет не снимала траур. Ее мысли были заняты тем, как помочь бедным, искалеченным воинам, вернувшимся с войны. Она решила всю оставшуюся жизнь посвятить делам милосердия.

В 1907 году Великая княгиня купила на Большой Ордынке четыре дома с садом и основала там Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Главной задачей была помощь бедному народу Москвы и духовно-нравственное воспитание. В обители после постройки главного собора стали проходить лекции, беседы для верующих, открылась воскресная школа для взрослых, был устроен детский приют, а также квартира для фабричных девушек.

¹⁰ Московский листок. Иллюстрированное прибавление. 1909. № 45. С. 7.

9 апреля в обительском больничном храме во имя святых жен Марфы и Марии произошло великое по своему значению событие. По специально утвержденному Святейшим Синодом чину епископом Трифоном были посвящены в звание крестовых сестер милосердия, прошедших испытание, 17 сестер милосердия, в их числе Великая княгиня Елисавета Феодоровна и казначей обители В. С. Гордеева.

На следующий день, 10 апреля митрополит Московский Владимир во время Божественной литургии возвел Великую княгиню в настоятельницы обители и возложил на Ее Императорское Высочество настоятельский крест¹¹.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна

За две недели до этого события

Великая княгиня писала в письме императору Николаю II: «...начинается моя новая жизнь, благословенная в Церкви. Я как бы прощаюсь с прошлым, с его ошибками и грехами, надеясь на более высокую жизнь и более чистое существование. <...> Для меня принятие обетов – это нечто еще более серьезнее, чем для юной девушки замужество. Я обручаюсь Христу и Его делу, я все, что могу, отдаю Ему и ближним, глубже ухожу в нашу Православную Церковь и становлюсь как бы миссионером христианской веры и дел милосердия...»¹²

Великая княгиня Елисавета Феодоровна считала духовное воспитание и образование важнейшей составляющей в деле воспитания детей и взрослых и старалась всячески поддерживать и помогать в этом деле. Являясь почетной покровительницей Елисаветинской гимназии, она обратилась 30 апреля 1910 года к высокопреосвященному Владимиру, митрополиту Московскому и Коломенскому, с просьбой о строительстве нового здания:

«Милостивый Архипастырь! В Москве существует Елисаветинская женская гимназия, не обладающая собственным зданием, а помещающаяся в арендуемых домах, которые, не представляя никаких удобств, не ремонтируя и не увеличивая занимаемого помещения, всякий раз по окончании срока договора увеличивают и без того высокую арендную плату, а в будущем году дом, в котором ныне помещается гимназия, подлежит за ветхостью сносу. <...>

Я, как Почетная Попечительница этого учебного заведения, усердно прошу Вас, Высокопреосвященный Владыко, не отказать, если изволите при-

¹¹ Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности благоверной великой княгини Елисаветы Феодоровны в хронике событий. М., 2014. С. 132–133.

¹² Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 48.

знать возможным, в Вашем милостивом внимании к означенному делу и преподать Ваши указания Преосвященному Трифону для рассмотрения и разрешения этого дела, не терпящего отлагательства по той причине, дабы к будущему году гимназии обеспечить себя помещением. Елисавета»¹³.

14 сентября 1911 года в Большом Казенном переулке состоялась закладка нового здания для Елисаветинской женской гимназии¹⁴. А через год, 4 ноября 1912 года, состоялось освящение храма в честь святой праведной Елисаветы и нового здания Елисаветинской женской гимназии¹⁵.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна развернула в Москве широкую благотворительную деятельность, ее дни были расписаны по часам. Она старалась не упускать из вида несчастных и обездоленных, всех нуждающихся в помощи. Она обладала отличными организаторскими способностями.

А через год, 7 октября 1911 года, Великая княгиня присутствовала на открытии женских богословских курсов, организованных Обществом содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей. Перед началом в храме Епархиального дома был отслужен молебен высокопреосвященным митрополитом Владимиром и преосвященным епископом Анастасием. Затем в малом зале была прочитана первая лекция протоиереем И. Восторговым и профессором С. С. Глаголевым¹⁶.

Председательницей Общества содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей состояла княгиня Софья Александровна Голицына, которая систематически устраивала лекции. Так, 16 февраля 1911 года в Епархиальном доме состоялась лекция председателя кружка деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом доктора медицины А. А. Корнилова на тему «Влияние алкоголя на детский организм», а затем состоялся концерт в пользу приюта для призреваемых детей Хитрова рынка. К началу лекции прибыли преосвященный Анастасий и Великая княгиня Елисавета Феодоровна в сопровождении В. С. Гордеевой и С. А. Голицыной¹⁷.

5 ноября 1911 года Елисавета Феодоровна присутствовала на юбилее Синодального училища церковного пения. Перед началом торжеств был отслужен молебен, который совершали высокопреосвященный Алексей, преосвященные епископ Дмитровский Трифон и епископ Орловский Григорий. После молебна состоялось торжественное заседание¹⁸.

13 января 1912 года Великая княгиня Елисавета Феодоровна побывала на торжествах по случаю 44 годовщины основания Императорского лицея в память Цесаревича Николая¹⁹ и подарила мундир Великому князю Сергею Алек-

¹³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 694. Д. 6. Л. 4–5 об.

¹⁴ Московские ведомости. 1911. 15 сентября. № 211. С. 3.

¹⁵ Московские ведомости. 1912. 6 ноября. № 257. С. 3.

¹⁶ Московские ведомости. 1910. 8 октября. № 230. С. 2.

¹⁷ Московские ведомости. 1911. 17 февраля. № 62. С. 3.

¹⁸ Московские ведомости. 1911. 6 ноября. № 255. С. 3.

¹⁹ В настоящее время в этом здании располагается Дипломатическая академия.

сандровича – почетного покровителя лица, который будет храниться в застекленной витрине как драгоценная реликвия²⁰.

14 марта 1912 года Елисавета Феодоровна посетила Мариинское духовное женское училище, была за Божественной литургией, затем присутствовала на уроке Закона Божия, осмотрела позже дортуары учениц и лазарет. Воспитанницы подарили Великой княгине свои работы и пропели многолетие²¹.

В 1910 году отмечалось восемнадцатилетие Елисаветинского благотворительного Общества. К этому времени действовало уже много приютов, яслей, временных и постоянных убежищ для призрения детей брошенных и из бедных семей как в Москве, так и Московской губернии²². Так, 13 октября 1912 года под покровительством было открыто и освящено Бюро о прииске работы для беспризорных детей.

Во время паломничества по России в программы посещения Великая княгиня в обязательном порядке включала посещения школ, встречи с учителями. Она входила в проблемы школ, присутствовала на уроках и экзаменах, беседовала с детьми, просила исполнять молитвы, духовные стихи и обязательно хвалила детей, гладила их по головке и говорила свои добрые пожелания.

При посещении Николо-Березовки Уфимской губернии одна из чувашских учительниц от имени всех сказала следующее приветственное слово Великой княгине: *«Ваше Императорское Высочество! Осмелюсь и я от лица чувашских учительниц принести Вам глубокую и искреннюю благодарность за посещения нашего глухого края, мы имели великое счастье в течение трех-четырех дней видеть Вас и молиться вместе с Вами Господу Богу. Ныне радости нет предела. Благодарим Господа Бога и Царя нашего за просвещение нас и народа нашего. Пусть Господь благословит труд наш, радовать Царя нашего и Ваше Императорское Высочество»*.

2 января 1909 года Елисавета Феодоровна по приглашению игуменьи Паисии посетила на ст. Лобня Серафимовский хутор Никитского женского монастыря. Крестьяне, встречавшие княгиню, с радостью говорили о большой духовно-просветительской работе игуменьи, которая организовала на хуторе храм-школу. После молебна Великая княгиня посетила школу, раздала детям рождественские подарки. Посещение храма-школы в день памяти великого русского святого преподобного Серафима Саровского было избрано не случайно, а в силу совершенно особого отношения святого к детям. Елисавета Феодоровна познакомилась с работой этой школы, ведь ей предстояло создать в обители детский приют со школой²³.

В Москве считалось хорошим делом приглашать Великую княгиню для ознакомления с новыми благотворительными проектами. Так, 14 декабря

²⁰ Московские ведомости. 1912. 13 января. № 11. С. 3.

²¹ Московские ведомости. 1912. 15 марта. № 62. С. 3.

²² Московские ведомости. 1910. 3 мая. С. 3.

²³ Голос Москвы. 1909. 3 января.

1909 года Елисавета Феодоровна в сопровождении ближайшей сподвижницы В. С. Гордеевой посетила недавно возникший в столице Кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом и постоянно действующий противоалкогольный музей, только что устроенный кружком в наемном помещении на Зубовском бульваре. Великая княгиня поблагодарила докторов Лахтина, Попова, Вяземского, Флерова за весьма полезное начинание²⁴.

3 октября 1910 года Великая княгиня Елисавета Феодоровна в сопровождении начальницы Покровской общины сестер милосердия Фамари²⁵ посетила по приглашению игуменьи Нины Скорбящинский женский монастырь Москвы. После Божественной литургии проследовали в новое школьное здание, к этому времени в актовом зале были привезены чудотворные иконы Спаса Нерукотворного и Иверской Божией Матери и был отслужен митрополитом Владимиром и епископом Василием водосвятный молебен, во время которого пел хор учениц. Епископ Василий сказал ученицам назидательное слово, высокопреосвященный Владимир преподал благословение²⁶.

5 апреля 1913 года по инициативе Великой княгини в пользу детских трудовых артелей и детских ночных приютов в Москве состоялась благотворительная акция – однодневная продажа «Красное яичко», сбор от которой поступил на развитие трудовой помощи детям улицы, подвалов и ночлежек. Елисавета Феодоровна призывала помочь детям: «В детях – будущее страны. Спасайте детей, делайте из них честных работников, и тогда не придется прибегать к борьбе с хулиганством»²⁷.

В годы Первой мировой войны Великая княгиня возглавила благотворительное движение. К 1916 году под ее покровительством и попечительством находилось 150 благотворительных организаций.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна состояла почетным членом Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской духовных академий.

После мученической кончины своего супруга Елисавета Феодоровна возглавила ИППО. За время своей деятельности на этом посту она оказала большую помощь в создании школ на Святой Земле, к 1917 году там действовало около ста школ для детей. В результате у народа Палестины изменилось отношение к России, он полюбил нашу страну, паломничество на Святую Землю стало доступнее и безопаснее, паломникам стала оказываться материальная помощь, предоставлялись странноприимные дома для проживания и обеспечение питанием.

²⁴ Московские ведомости. 1909. 16 декабря. № 290. С. 3.

²⁵ В 2018 году игуменья Фамарь (Марджанова) причислена к лику святых. 13 июня обретены св. мощи и перенесены в основанный ею Серафимо-Знаменский скит.

²⁶ Московские ведомости. 1910. 5 октября. № 228. С. 3.

²⁷ Московские ведомости. 1913. 6 апреля. С. 3.

* * *

Приведенными примерами благотворительная и просветительская деятельность Великой княгини не исчерпывается. Поистине преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна является небесной покровительницей духовного просвещения и образования подрастающего поколения в России и благотворительности. Будем же мы ей молиться и просить ее молитвенной помощи в этих важнейших делах.

*Настоятельница обители Великая княгиня Елисавета Феодоровна
с ранеными в лазарете*

Царская семья на ниве милосердия

В России всегда существовала и была особо чтима подданными благородная традиция милосердия женщин царской и великокняжеских семейств.

От традиционной милостыни и массовой ее раздачи на светских, а чаще на церковных праздниках Россия медленно поднимается к официальной государственной социальной помощи в виде благотворительности под покровом имени Государя или членов его семьи. А их на начало века было около 60 человек.

В начале XX столетия широкую известность получила деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны (Елизавета Гессенская), в 1904 году возглавившей благотворительный комитет для оказания помощи воинам, пострадавшим в сражениях русско-японской войны. Кроме того, Елизавета Федоровна была покровительницей нескольких учреждений призрения. Но и этого ей было мало: она организует Московскую Марфо-Мариинскую обитель – не просто организацию по уходу за больными, а целое явление, подведшее итог краткому периоду существования в России общин сестер милосердия.

Елизавете Федоровне задачи новой обители представлялись более широкими, чем традиционный уход за больными. Увеличение числа сестер обители и сотрудниц, окончание многими сестрами медицинских курсов дали возможность, помимо обслуживания амбулаторий, больниц и аптеки, еще приступить к посещению сестрами больных и бедных на местах их жительства, расширить педагогическое дело и открыть питательный пункт для крайне нуждающихся семейств. Все эти виды благотворительности возникли при обители сами собой из тех просьб о помощи, с надеждой на которую ежедневно обращаются в обитель бедные, больные и беспомощные. Приходя к ним с посильной помощью, обитель постепенно открывала и расширяла служение больничное, школьное и миссионерское, разумея под ним то служение Святой Церкви, которое несут сестры при посещении домов ради желания утешить и обласкать чем можно по-братски, по-христиански бедного, больного и беспомощного, неся им радость святого Благовестия... В одной только Москве насчитывалось до 100 тысяч семейств бедняков и до 40 тысяч детей, нуждающихся в общественном призрении, и именно им сестры посвятили себя, принеся обеты служения Господу и Святой Церкви.

Вплоть до конца XIX века российские императоры жертвовали на благотворительные цели подчас очень крупные суммы. Но даже на этом фоне пожертвования Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны выглядят беспрецедентно.

Император Николай II по сложившейся в царской семье традиции подерживал деятельность Красного Креста. Он взял на себя традиционные выплаты, установленные его отцом и дедом, регулярно делал взносы на покупку участков для строительства, например для вновь открываемого Петербургского женского медицинского института (65 тыс. руб.), выделил средства для Общества физического воспитания «Богатырь» (5 тыс. руб.), вносил деньги в кассу комитета попечения о сестрах Красного Креста, на елку для бедных детей (1000 руб.). И таких переводов десятки. В военные 1916 и 1917 годы император потратил на благотворительность соответственно 427 763 и 431 583 руб. Причем это не бюджет, это его личные деньги.

Что касается Императрицы Александры Федоровны, то она в полной мере продолжила традицию благотворительной деятельности. В ее приходо-расходной книге ежегодный бюджет на личные пожертвования определялся суммой в 46 тыс. руб. Однако эта сумма, как правило, превышалась.

Но это всё деньги. А между тем Россия была втянута в Первую мировую войну. Здесь расчет был другой – на жизни, на здоровье десятков и сотен тысяч россиян! И мы переходим к малоизвестной стороне деятельности российской царицы и всех царевен – к их сестрическому послушанию. (Алексей по малолетству не был допущен к этой деятельности.)

Итак, что же такое «сестрическое послушание»? Это не монастырь в точном смысле слова, хотя исторически восходит к подобию монастырской жизни. Здесь сестры занимались благотворительной и медицинской работой. И возникло это послушание несколько веков назад.

Повествуя о веках, предшествовавших первым организациям милосердия – общинам сестер милосердия, мы видим истоки этого патриотического движения в планомерной, неброской, каждодневной деятельности Русской Православной Церкви – от высших иерархов до деревенского священника и дьякона.

Воспитанные ими прихожане пропустили через себя, через свое сердце завет Иисуса Христа о любви к ближнему. Именно этот завет толкал людей к пожертвованиям на благие цели тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч рублей.

Бесправная в те годы в обществе и семье, женщина была готова пожертвовать на благотворительность не просто материальные ценности, а саму себя, свою жизнь, принимая на свои хрупкие плечи тяжелейший груз ответственности за раненых, больных и престарелых, неспособных содержать себя. В 1803 году при воспитательных домах Санкт-Петербурга и Москвы были основаны вдовьи дома. Управление ими осуществлялось почетными опекунами, а непосредственное наблюдение за призреваемыми возлагалось на настоятельниц. При этих домах были созданы отделения сердобольных вдов – прообразов нынешних сестер милосердия.

Но все это было только предтечей настоящего сестринского служения. В 1844 году великой княгиней Александрой Николаевной и принцессой Те-

резой Ольденбургской в Санкт-Петербурге была основана первая в России община сестер милосердия, позднее получившая наименование Свято-Троицкая. Ее содержание обеспечивалось за счет процентов с капиталов Великой княгини Александры Николаевны и принимавшихся от императорской фамилии и частных лиц пожертвований.

В общину могли вступать незамужние женщины и вдовы, обязательно грамотные, от 18–20 до 40 лет. Если сестра выходила замуж, она исключалась из общины. Испытательный срок определялся от одного года до трех лет. В обязанности сестер входили дежурства на квартирах и в больнице, прием больных, приходивших в общину. Сестры проходили профессиональную подготовку, хотя она была сугубо практической и сводилась к знанию некоторых лечебных процедур и санитарно-гигиенических правил ухода.

В общине к середине 70-х годов XIX века было пять отделений: сестер милосердия, испытываемых сестер, медицинское, воспитательное и четырехклассная женская школа. При общине находились женская больница (рассчитана на 52 больных), богадельня для престарелых сестер и аптека, где лекарства выдавались бесплатно. В воспитательное отделение (приют для детей) брались девочки-сироты в возрасте от 10 до 13 лет (всего 32 человека), умеющие читать и писать. Кроме содержания, они получали образование в женской школе общины. Впоследствии девочки по собственному желанию могли перейти в разряд испытываемых.

В среднем в общину за помощью обращалось около 20 тысяч человек в год. Сюда часто приходил Н. И. Пирогов, присутствовавший на совещаниях комитета общины и иногда проводивший операции.

Следующее сестричество возникло уже в Москве 1 апреля 1848 года, во время эпидемии холеры. Затем они начали появляться на всей территории России.

Таким образом, в общественной жизни России появились зачатки совершенно нового явления – полупрофессионального, полумирского служения женщин на ниве безвозмездного ухода за ранеными, больными, стариками.

Навстречу, проникая друг в друга, двигались две огромные, глубочайшие идеи. Русская Православная Церковь должна была решиться взять под свой патронаж (и в свой актив) этот создававшийся ею новый механизм нового движения женщин. Движения в высшей степени воцерковленного, но в то же время дающего им определенную личную свободу.

С началом Крымской войны (1853–1856), где Россия противостояла очень сильному противнику – войскам англо-французской коалиции, в Санкт-Петербурге была создана крупнейшая община сестер милосердия – Крестовоздвиженская.

Это была не просто очередная община – это плод организаторского таланта Великой княгини Елены Павловны, которая в восемнадцать лет вышла замуж за Великого князя Михаила Павловича, брата Императора Александра I. В 1849 году Елена Павловна овдовела, после чего все свои силы отдала

благотворительности. Вторым гением новой общины стал замечательный русский хирург Николай Иванович Пирогов (1810–1881). Великая княгиня способствовала тому, чтобы рвавшийся в осажденный Севастополь Н. И. Пирогов получил возможность отправиться туда. Перед отъездом его в действующую армию великая княгиня объяснила ему свой гигантский план – основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы, предложив Николаю Ивановичу взять на себя управление сложнейшим, невиданным не только в России, но и во всем мире делом. Не следует забывать о том, что в России профессия медицинской сестры вплоть до начала XX века никогда не считалась престижной и всегда была связана с самой черной работой, которую обычно выполняли люди из простонародья, вынужденные этим зарабатывать на пропитание.

Интерес к делу ухода за больными и ранеными у общества просыпался с началом крупных военных кампаний, когда у многих энтузиасток перед глазами возникал героический образ женщины, перевязывавшей кровавые раны умирающего солдата. Эти грезы подкреплялись – маститые публицисты в журналах и столичных газетах начинали писать о сестрах; выпускались брошюры, иллюстрированные множеством картинок, дневники и воспоминания врачей, сестер и других очевидцев событий, составлялись отчеты о деятельности санитарной и медицинской частей войск, чаще всего с самыми лестными отзывами о работе сестер. По окончании же войны вновь наступал информационный вакуум, поскольку сухие ежегодные отчеты общин дают крайне скудное представление о живых людях.

Прибыв в Севастополь, Пирогов обнаружил, что уже 2-3 недели, как более десяти тысяч раненых, из них около половины тяжелых, «как собак бросили... на земле, на нарах, целые недели они не были перевязаны и даже не накормлены». Не хватало медикаментов, операции проводились без хлороформа из-за его ничтожного количества. По приезде Пирогов был вынужден в течение десяти дней с утра до вечера оперировать тех, кому операции следовало сделать сразу после сражения, то есть три недели назад. Многие из них в госпитали попадали не в результате ранения, а вследствие заразных или иных заболеваний.

Но, несмотря на бестолковое, может быть, даже преступное поведение официальных лиц, ответственных за эвакуацию, направление в госпитали, экстренную помощь и дальнейшее выхаживание раненых, Пирогов столкнулся с многочисленными фактами героизма, самопожертвования, бескорыстия простых людей.

Одной из первых проявила себя и стала знаменем милосердия прачка Даша Александрова, дочь матроса, в 15 лет оставшаяся сиротой и зарабатывавшая на жизнь стиркой. С началом боевых действий прачка стала сестрой милосердия и начала безвозмездно помогать страдалцам. Она превратила свою повозку в маленький пункт помощи раненым. Проходившие мимо команды с ранеными являлись к Даше за помощью. Поступок девушки стал

быстро известен в Севастополе и даже в Петербурге. Государь пожаловал ей золотую медаль, 500 (!) рублей и, когда выйдет замуж, – еще тысячу, какую она получила уже после войны. Настоящее ее имя удалось установить лишь недавно: Дарья Лаврентьевна Михайлова.

Естественно, не одна Даша стала оказывать помощь раненым. На следующий же день после сражения при Альме жительница Севастополя А. С. Толузакова с несколькими другими добровольцами отправилась на поле боя для помощи пострадавшим. Солдатские и матросские жены и вдовы, с согласия госпитальной администрации, получили право содержать у себя на дому раненых и больных в связи с трудностями размещения их в госпиталях.

«Чуткие к патриотическим подвигам, наши севастопольские дамы во время бомбардировки города последовали примеру Дарьи Александровой, и многие из них, до приезда из Петербурга сестер Крестовоздвиженской общины, занимались перевязкой ран в госпиталях и немалую приносили пользу раненым», – писал врач госпиталя, располагавшегося на Корабельной стороне в Александровских казармах. Уже во второй половине сентября, по его словам, в госпитале появились «импровизированные сестры милосердия». Жены и сестры ушедших на войну офицеров перевязывали, раздавали лекарства, поили больных чаем, присматривали за кухней и трудились так до весны 1855 года. Однако во всех вышеописанных случаях еще не было речи об организованной помощи раненым и профессиональном уходе. Сестры милосердия, принявшие на себя непосильный труд и тяжелый крест, прислуживали операторам, хлороформировали оперируемых, наблюдали за пульсом, держали руку или ногу, которую отрезал или пилил оператор, прижимали пальцами вместо турникета артерию, указанную хирургом, и даже налагали лигатуру на сосуд, из которого после проведения ампутации сочилась артериальная кровь. Не способные выдерживать подобные испытания и участвовать при производстве операций сестры милосердия ходили за тяжелоранеными или оперированными, раздавали им лекарства, поили чаем или вином, отбирали на сохранение собственные их вещи и деньги, писали под диктовку письма к родным и составляли духовные завещания безнадежных к выздоровлению. Сестры ставили банки, мушки, пиявки, горчичники, растирали больных уксусом или спиртом, делали кровопускания в присутствии врачей, читали отходные по умирающим. В любом случае присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную картину страданий и бедствий.

Спустя три недели после прибытия симферопольский отряд сестер уже не мог продолжать свои труды, частью из-за перенапряжения и истощения сил женщин, не привыкших к госпитальной работе, а частью из-за начавшейся тифозной горячки, от которой четыре человека умерло. Позднее, уже осенью 1855 года, памятуя о печальном опыте первых сестер, Пирогов составит особую инструкцию для наиболее ревностных женщин: «Итак, вот мой совет сестрам, всем без исключения – и старшим и младшим: трудиться

беспрерывно для пользы ближнего, но не до изнурения сил... помня, что каждая сестра... живет уже не для одной себя только...»

Учитывая, что опыта работы женских отрядов милосердия ни в России, ни в мире не было, Пирогов впервые разделил их на три разряда: перевязывающих, аптекарш и хозяйек. Профессиональное разделение сестер со временем оказалось вполне эффективным.

Пирогов, в связи с огромным притоком больных, в весенние дни для скорого проведения операций впервые ввел сортировку раненых. Выделялось определенное место, куда первоначально свозились больные, – это могло быть любое помещение, даже конюшня, палатка или вовсе улица. Среди свезенных на «приемный пункт» в первую очередь выделялись совершенно безнадежные случаи – этим умирающим давали наркотические средства, чтобы хоть как-то уменьшить их страдания, но больше ими не занимались. Легкораненые перевязывались тут же фельдшерами, и только тяжелых, которым операция еще могла помочь, несли в операционную. Оперировало до трех человек одновременно: один врач следил за пульсом больного в момент хлороформирования, второй зажимал артерии, а третий делал операцию. Остановкой кровотечения занимались другие ассистенты. Таким образом, Пирогов и четырнадцать не всегда опытных врачей примерно за семь часов делали сто ампутаций, что позволило за полтора дня справиться с 600 ранеными. Этот расчет, проведенный самим Пироговым, был весьма важен, поскольку в ноябре 1854 года, когда он только приехал в Севастополь, там находилось более ста лежавших несколько недель непрооперированных больных, а двенадцать бывших там хирургов извинялись нехваткой времени. «Но им его достало бы при большем рвении и большем порядке».

Нашлось для сестер еще одно занятие – трудное, ответственное и рискованное нововведение, осложнившее и без того тяжелую жизнь сестер. Помимо обычной раздачи вина и чая больным, им было поручено хранение денежных пособий, выдававшихся в качестве компенсации ампутированным.

К чести сестер милосердия за все время не случилось ни одного недоразумения с деньгами, не говоря о хищении.

Постепенно взгляд госпитальной администрации на общину, прежде весьма неодобрительный, стал меняться. По крайней мере, никто уже открыто не выступал против контроля со стороны сестер. Этому в значительной степени способствовали медики, прибывшие с Пироговым, в том числе приехавший в Севастополь по собственному желанию в январе 1855 года еще молодой Сергей Петрович Боткин, позднее возглавивший одну из самых многочисленных общин Петербурга – Георгиевскую.

Тем не менее старые генералы, а более того казнокрады-снабженцы твердили, что введение сестринского ухода в условиях войны может привести лишь к падению нравственности в армии. На самом деле химеры о падении нравственности были искусственно раздуты – сам Пирогов не только не за-

мечал никаких интриг сестер с офицерами, но даже пытался обезопасить первых от подобных подозрений. Да и до флирта ли было этим самоотверженным женщинам, полуживым от усталости, морально отягощенным зрелищем бесконечных ампутаций, гниющих ран, стонами умирающих и криками о помощи еще живых. В Крым выехало всего чуть более 250 сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, из них около тридцати погибли или умерли. И это за два неполных года!

Со второй половины 1856 года большинство военных госпиталей в Крыму было расформировано, а сестры были отправлены на постоянную квартиру в свои общины или на место своего жительства. За особые заслуги комитет общины учредил награду – серебряный памятный крест с позолотой и денежные премии от 100 до 250 рублей. 158 сестер получили бронзовые медали.

В 1867 году Россия присоединилась к Женевской конвенции, и в том же году под покровительством Императрицы Марии Александровны, супруги императора, было создано Общество попечения о раненых и больных воинах. В 1876 году оно было переименовано в Российское общество Красного Креста. В его ведении теперь находилось большинство общин сестер милосердия. Не обошла сестер милосердия и русско-турецкая война (1877–1878). Перед отправкой в зону боевых действий сестер принял с добрыми напутствиями Александр II, что говорит о высоком авторитете и заслугах сестричеств.

Война есть война. Условия были практически такие же, что и на Крымской, – нечеловеческие. Но был уже опыт старших сестер, было понимание важности и необходимости процесса эвакуации, сортировки, первой помощи больным.

В это непростое время Русская Православная Церковь по праву могла громко объявить о своей крупной победе. Она своевременно почувствовала и поддержала, организовала и взяла под свою опеку только-только зарождавшееся движение женщин к большей свободе, хотя и в жестких рамках сестричества, но привлекающее интересной работой, обещающее душевное умиротворение и спокойствие.

Мы увидели массовое вступление в сестричества. И конечно, не только очерки в газетах о героинях типа Даши Севастопольской, но и веками возвращенное и по наследству от родителей переданное чувство любви к Родине, своей сопричастности ее радостям и бедам. Это загадочное для иностранцев понятие «русская душа» погнало тысячи женщин и юных девушек в ад полевых лазаретов, санитарных поездов, крови, ампутаций и смертей. И абсолютное большинство из них выстояли!

Русско-японская война 1904–1905 годов всколыхнула русское общество волной ненависти и презрения к японцам. Помимо общих исторических причин, именно недооценка противника и самонадеянная уверенность в быстром и победоносном завершении войны обернулись для России страшной

катастрофой. Не стала исключением и организация военно-медицинского дела.

Большинство женщин, отправлявшихся на передовую, переживало психологический шок, поскольку внезапно менялось все: условия жизни, работа, круг общения – все было не таким героическим, светлым, уважительным. Жизнь на перевязочных пунктах была нервной и страшной, и ни один корреспондент никогда не написал и трети правды. А эти женщины думали, мечтали, чувствовали на основе этих фальшивых репортажей! И сестры, добивавшиеся долгожданной работы, иногда не выдерживали, что приводило к беде. После войны появились десятки воспоминаний, выдержек из дневников, писем с душераздирающими подробностями только что закончившейся войны, где мучения живых людей были так разнообразны и так ужасны в этом разнообразии, что никакая привычка не могла примирить с ними.

Период между русско-японской и Первой мировой войнами отмечен открытием по всей стране десятков курсов фельдшеров в системе Российского Красного Креста и почти полным молчанием об общинах сестер милосердия.

Таким же молчанием покрыта и деятельность царской семьи с 19 июля 1914 года, когда Германия объявила войну России и началась Первая мировая война. В такое исключительно трудное, трагическое для страны время благотворительная помощь пострадавшим от войны выступила на первый план.

Император Николай II и члены его августейшей семьи и здесь были первыми. Под покровительством Императрицы, одной из руководительниц Российского общества Красного Креста и общин сестер милосердия, удалось уже 10 августа 1914 года организовать два лазарета, а впоследствии их число было увеличено до семидесяти. Позже она занималась устройством военных лазаретов и госпиталей, фронтовых медицинских учреждений и созданием всей инфраструктуры, обеспечивающей спасение и эвакуацию раненых воинов, – от оперативных передвижных санитарных военных отрядов до самых передовых для того времени санитарных поездов и судов. Императрица распределяла пожертвования на нужды войны, вместе с дочерьми организовывала курсы сестер милосердия и сиделок. К концу года под опекой Императрицы и Великих княжон было уже 85 военных госпиталей и 10 санитарных поездов.

Даже в здании Зимнего дворца в октябре 1915 года был открыт лазарет на 1000 раненых, названный в честь наследника престола Цесаревича Алексея Николаевича. В мраморных залах были оборудованы современная операционная, зал для послеоперационных больных, палаты для раненых. При этом почти все художественные ценности – картины, скульптуры – оставались на своих местах. Семья Императора Николая II отдала под военные лазареты не только свой главный дом на Дворцовой площади, но и почти все загородные дворцы и резиденции по всей Российской империи.

Не только как управленец и руководитель, но и просто как человек, супруга хозяйина земли русской Александра Федоровна и ее дочери встали в строй. Нет, они не воевали, но давайте вслушаемся в ее будничное повествование об их времяпрепровождении: «Мы перевязывали офицеров с 10 1/2 ч., затем отправились в большой госпиталь на три большие операции – одному раненому пришлось отрезать три пальца, так как начиналось заражение крови и они совершенно омертвели. У другого извлекли осколок, еще у другого – множество *осколков* (костей) из ноги. Я осмотрела несколько палат». Или: «В 3 ч. зашли в наш маленький лазарет, чтобы надеть халаты, и оттуда в большой лазарет, где мы усердно поработали. В 5 1/2 ч. мне пришлось вернуться для приема *отряда*. Затем обратно в маленький лазарет, где дети продолжали работать. Здесь я перевязала трех вновь прибывших офицеров». Или: «Я теперь всегда в 11 хожу к *Знаменью*, затем в лазарет». «Прибыло два новых офицера. У одного несчастного засела пуля или осколок в глаз, а у другого – глубоко в ногу и, кажется, в животе; у него такое сильное внутреннее кровоизлияние, что сердце оттеснено в правый бок, и ясно слышно его биение у *правого* сосца. – Это очень тяжелый случай, вероятно, придется его завтра оперировать; пульс у него – 140, он ужасно слаб, живот вздут, глазные яблоки совсем желтые. – Это будет мучительная операция!»

И таких записей десятки! Обычных, спокойных.

Младшие дочери Царя Великие княжны Мария и Анастасия Николаевны тоже принимали посильное участие в милосердной и благотворительной работе. Они посещали раненых солдат, шили белье, готовили бинты для отправки в лазареты. При этом очень сокрушались, что, будучи слишком юными, не могли стать настоящими сестрами милосердия.

Вся императорская семья не выехала на традиционный отдых в Крым, дворцы которого были переданы тяжелораненым солдатам и офицерам. И только в мае 1916 года, по просьбе Императора Николая II, Императрица с дочерьми на несколько дней прервала свою медицинскую деятельность и отправилась из Ставки по маршруту Киев – Винница – Одесса – Севастополь. Это было сделано для подъема морального духа армии и тыла в дни Брусиловского прорыва. Это была не поездка, а череда митингов, встреч, выступлений.

И все это на фоне постоянной, ни на секунду не оставляющей беды – заботы о здоровье и жизни сына, отторжения обществом единственного спасителя Алексея – Распутина, революционного брожения в стране! А впереди ее ждали еще большие физические и нравственные мучения – заключение в Александровском дворце Царского Села, Тобольск и, наконец, частный дом и подвал Ипатьевского дома.

Прошли годы и десятилетия. Все острее становились дискуссии с представителями эмигрантских кругов. Все требовательнее Русская Православная Церковь за рубежом на всех переговорах ставила вопрос о признании убийства Царской семьи внесудебной расправой и, как вывод из этого, канонизации невинно убиенных.

В 1981 году все члены Царской семьи, расстрелянные в Екатеринбурге, были причислены к лику мучеников Русской Православной Церкви за рубежом.

Советский Союз по идеологическим соображениям даже не обсуждал эту проблему. И только после краха СССР, с началом перестройки, Русская Православная Церковь смогла инициировать обсуждение вопроса о расстрелянной Царской семье.

С 1992 по 1997 год Комиссия, возглавляемая митрополитом Ювенолием, посвятила рассмотрению этой темы 19 заседаний. Об итогах работы Комиссии было доложено Священному Синоду. Был опубликован доклад, в котором была озвучена позиция РПЦ в данном вопросе. На основе этого положительного доклада стали возможными дальнейшие шаги. Собирались мнения православных ученых, духовенства, мирян. Этих мнений было десятки тысяч.

На основании этих доводов, учтенных РПЦ, а также благодаря прошениям и чудесам Комиссия сделала вывод:

«За многими страданиями, перенесенными Царской семьей за последние 17 месяцев жизни, которая закончилась расстрелом в подвале Екатеринбургского Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 года, мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке».

Именно в осмыслении этого подвига Царской семьи Комиссия в полном единомыслии и с одобрения Священного Синода находит возможным прославить в Соборе новомучеников и исповедников Российских в лике страстотерпцев Императора Николая II, Императрицу Александру, Царевича Алексея, Великих княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию».

Как дополнительный эпизод за канонизацию императрицы и великих княжон указывалась их деятельность как сестер милосердия во время войны.

Список литературы

Великая война. Последние годы империи. Материалы XX Царскосельской научной конференции. СПб., 2014.

Война и милосердие. Димитриевское училище сестер милосердия. М., 2003.

Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха: книга для учителей. М., 1975.

Зимин И. В., Соколов А. Р. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Центрполиграф, 2015.

Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011.

Павленок П. Д. Методология и теория социальной работы. М.: ИНФРА-М, 2012.

Святая Великая княгиня Елизавета Федоровна в Санкт-Петербурге. 2017.

Сестры милосердия в России XIX – начала XX века. СПб.: Альянс, 2014.

Сестры милосердия России. СПб.: Лики России, 2005.

Доклад о работе Комиссии Священного Синода по канонизации святых // Православная газета, № 21 (55), 1996.

Подвиг верных царских слуг

Малоизвестные документы и новые источники

В 1920-е годы близко знавший Царственных страстотерпцев корнет С. В. Марков писал: «Я считаю своим долгом глубоко преклониться перед светлой памятью тех, кто не на словах, а на деле запечатлел свою преданность Царской семье. Они пошли за своим повелителем в изгнание и кровью своей доказали свою преданность и верность ему. *Большие сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя*[1]»[2].

Почитая сегодня святых Царственных страстотерпцев, мы не должны забывать и тех людей, которые добровольно разделили с ними заключение и смерть. Несмотря на то что эти люди принадлежали к разным сословиям, имели разный уровень образования и воспитания, их всех объединяла вера в Бога, верность своему долгу и преданность Государю.

В настоящее время по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла членами комиссии по канонизации святых Екатеринбургской митрополии производится сбор сведений о верных царских слугах, убиенных в Екатеринбурге и Перми в 1918 году. Свою задачу члены комиссии видят в объективном рассмотрении жизни и деятельности царских слуг в контексте исторических событий, а также в христианском осмыслении их подвига.

Одним из направлений деятельности нашей комиссии является составление жизнеописаний тех, кто пострадал в годы гонений на Церковь. В основу этого положен принцип использования максимального количества различных исторических источников. Это включает в себя работу по выявлению документов, связанных с деятельностью того или иного лица, их сбор, систематизацию, интерпретацию, изучение и использование. Прежде всего, мы ищем метрические записи о рождении, венчании, смерти как самого пострадавшего, так и его родителей, детей и ближайших родственников. Затем – послужные или формулярные списки, приказы по основной деятельности, служебную переписку, личные письма, дневники, записные книжки, фотографии. Мы разыскиваем родственников репрессированных людей и собираем их воспоминания. Найденные документы стараемся оценивать с точки зрения их достоверности, анализировать, сопоставлять с другими материалами и только тогда использовать для составления жизнеописания. Такой подход дает возможность представить жизненный путь новомученика более объективно, а также ввести в научный оборот найденные исторические источники.

В настоящем докладе нам хотелось бы сообщить о новой информации, которую удалось найти при работе над составлением жизнеописаний цар-

ских слуг, а также обозначить некоторые сложности в поиске и использовании источников. Речь пойдет о сборе материалов относительно доктора Е. С. Боткина, князя В. А. Долгорукова, графини А. В. Гендриковой, комнатной девушки А. С. Демидовой и повара И. М. Харитоновна.

На сегодняшний день наибольшее количество документов собрано о жизни и деятельности лейб-медика Императора Николая II Евгения Сергеевича Боткина. Это стало возможным благодаря тому, что изучением его жизненного пути серьезно занимаются несколько исследовательских групп Санкт-Петербурга. Еще в 2007 году под руководством исследовательницы Ольги Тимофеевны Ковалевской сложился небольшой, но деятельный коллектив почитателей и исследователей жизни доктора Боткина. Труды О. Т. Ковалевской были подготовлены и изданы книги: «Царский лейб-медик» – о Евгении Сергеевиче Боткине; и «С Царем и за Царя. Мученический венец царских слуг» – обо всех четырех слугах, погибших с Царской семьей в подвале дома Ипатьева.

Санкт-Петербургское отделение общества Российского Красного Креста под руководством Лидии Павловны Шинкаревой вот уже несколько лет осуществляет проект «Возрождение и возвращение имени Е. С. Боткина в Россию». В июне 2010 года по инициативе Общества была проведена Первая международная конференция, посвященная 145-летию со дня рождения Е. С. Боткина.

Научная и педагогическая деятельность доктора Е. С. Боткина в императорской Военно-медицинской академии стала предметом исследования профессора Виктора Сергеевича Никифорова[3]. В июне 2015 года при его участии одна из секций IV Всероссийского межрегионального конгресса «Балтийский медицинский форум», проходившего в Санкт-Петербурге, была посвящена 150-летию со дня рождения Е. С. Боткина. «В нынешнее время пример доктора Е. С. Боткина может иметь большое значение в духовно-нравственном становлении молодых поколений медицинских работников»[4], – сказано в материалах конференции.

И наконец, молодой исследователь Федор Ильич Ильин провел значительную работу по изучению гимназических лет Евгения Боткина. Особенно ценными являются, на наш взгляд, найденные им сведения об имении Боткиных в Финляндии и о построении там храма.

Все вышеперечисленные исследователи с готовностью откликнулись на просьбу Екатеринбургской комиссии по канонизации святых о помощи и оказали содействие в сборе материалов. Полученные сведения были объединены и систематизированы; был также организован поиск новых документов.

При изучении биографии Е. С. Боткина нам встретились различные мнения о происхождении и вероисповедании его родственников. Одни называли их выходцами из крестьян, другие – из посадских людей; что касается вероисповедания его родственников, то было высказано мнение, будто бы они

были старообрядцами. Весьма важными источниками для выяснения этих вопросов стали метрические книги. В архивном фонде Псковской духовной консистории сохранились исповедные росписи и метрические книги православной церкви во имя святого пророка Божия Илии города Торопца Псковской губернии. В них имеются сведения о деде, прадеде, прапрадеде и других родственниках Евгения Сергеевича. Из этих документов выяснилось, что прапрадед Е. С. Боткина Афанасий Кузьмич Боткин происходил из посадских людей г. Торопца, но уже к 1769 году стал купцом. Сохранилась запись о крещении 15 мая 1781 года Петра Кононовича Боткина (деда Евгения), который заложил благосостояние семьи, организовав чайную торговую фирму. В ней сообщалось о том, что родителями младенца были «купец Конон Афонасьев сын Боткин и Евдокия Димитриева» [5], восприемниками стали «оной Ильинской церкви священника Иоанна Иванова сын Николай Иванов и означенных родителей дочь девица Анна Кононова» [6], а таинство крещения совершил священник Иоанн Иванов. Сохранилась также запись о погребении 14 января 1788 года торопецкого купца Конона Афанасьевича Боткина, которому было на тот момент 57 лет. Таким образом, очевидно, что ближайшие родственники Евгения Сергеевича были православного вероисповедания и происходили из посадских людей, ставших впоследствии купцами.

На сайте Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб) размещены все метрические книги, которые хранятся в этом архиве, и за небольшую плату с ними можно работать со своего компьютера. К сожалению, сохранность метрических книг далеко не полная, однако в них удалось найти документы о рождении, венчании и разводе самого доктора Е. С. Боткина, венчании его родителей, крещении ближайших родственников, рождении и смерти первого сына. Кончина первенца вызвала у Евгения Сергеевича, как известно, сильные душевные переживания и способствовала укреплению его веры. Он сам писал о том, что после этого стал заботиться больше «о Господнем» [7]. Теперь мы имеем и документальное подтверждение этих слов: его сын Сергей действительно скончался на шестом месяце жизни от воспаления мозговой оболочки. На третий день младенца отпели во Владимирской церкви и похоронили на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

Итак, найденные в ЦГИА СПб документы свидетельствуют о том, что доктор Евгений Сергеевич Боткин родился и вырос в православной семье и всю свою жизнь до мученической кончины оставался верным чадом Русской Православной Церкви.

Из значимых для исследователей документов, касающихся его родственников, можно упомянуть об архивном деле на получение Петром Кононовичем Боткиным звания потомственного почетного гражданина [8] и о послужном списке Петра Петровича Боткина, который был крестным отцом Евгения [9]. В них содержатся важные биографические данные, позволяющие исправить существующие неточности в публикациях о династии Боткиных.

Огромное значение для изучения деятельности какого-либо лица имеют его послужные списки и приказы по работе. К настоящему времени выявлено несколько послужных списков Евгения Сергеевича Боткина, которые дополняют друг друга. Ценнейшие сведения о начале его врачебной деятельности содержатся в архивном деле «О службе сверхштатного врача Евгения Сергеевича Боткина» [10] фонда Санкт-Петербургской Мариинской больницы для бедных ЦГИА СПб. В нем есть его послужной список за 1890 год, прошения о поступлении на службу в Мариинскую больницу, о вступлении в брак, о поездке за границу с научной целью, характеристики руководства и другие интересные документы. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) находится на хранении автобиография [11], составленная самим Е. С. Боткиным при подаче документов на соискание звания приват-доцента Военно-медицинской академии.

В фондах Министерства императорского двора Российского государственного исторического архива (РГИА) имеются документы, связанные с назначением Евгения Сергеевича лейб-медиком Государя: его послужной список, приказ о назначении, подписанный Императором, паспортные книжки супругов Боткиных и другие. Эти документы подтверждают информацию о том, что кандидатура нового лейб-медика была выбрана самой Императрицей. Так, например, гофмаршал граф П. К. Бенкендорф сообщал 6 апреля 1908 года: «Государыня Императрица Александра Феодоровна желает, чтобы ко дню Св. Пасхи почетный лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин был бы назначен лейб-медиком на место покойного Г. И. Гирша» [12]. А из указа самого Императора Николая II можно узнать, что назначение действительно состоялось в день Пасхи 13 апреля 1908 года: «Главного врача общины сестер милосердия св. Георгия... статского советника Евгения Боткина Всемилостивейше назначили мы нашим лейб-медиком» [13].

Ценными источниками, дающими представление о методах лечения доктора Е. С. Боткина, являются его записные книжки, материалы из которых также не введены еще в научный оборот. К настоящему времени выявлено несколько записных книжек врача – за время его студенческой жизни и за период с 1913 по 1918 год. На основании новых документов можно прояснить вопрос о тех способах лечения, которые применял доктор Боткин в отношении Царевича, Императрицы и Великих княжон, а также других пациентов. Так, например, доктор Боткин в 1913 году после травмы в Спале рекомендовал Царевичу принимать грязевые ванны. И в своих записных книжках он фиксировал процесс и результаты лечения. По этим записям можно проследить, насколько эффективны были применяемые методы.

Однако, кроме биографических данных, нам важно было найти документы о духовной жизни как членов семьи Боткиных, так и самого Евгения Сергеевича. Ценным документом в этом отношении является архивное дело «О постройке домово́й церкви в имении Култилла в Финляндии... принадлежащей тайному советнику С. П. Боткину» [14], хранящееся в ЦГИА СПб.

У Сергея Петровича Боткина была дача в Гатчине, где семья имела возможность посещать православные храмы. Однако в начале 1880-х годов он купил в Финляндии мызу Култилла[15], поблизости от которой не было ни одной церкви. Поэтому сразу же после приобретения усадьбы Сергей Петрович приступил к строительству домового храма. В прошении к архиерею он писал: «Так как по финляндским законам всякий землевладелец имеет право строить на своей земле что ему угодно, то я в купленном мною имении Култилла... затеял построить православную церковь, ввиду того что кругом меня мызы принадлежат все больше русским владельцам, и между тем нигде вокруг не имеется русской церкви»[16]. Документы дела позволяют сделать вывод о том, что в семье профессора С. П. Боткина православному богослужению и религиозному воспитанию детей уделялось большое внимание. Благодаря исследованиям студента Юридической академии Федора Ильича Ильина удалось найти место, где стояла домовая церковь Боткиных в честь святых апостолов Петра и Павла. Сейчас на этом месте находится заброшенный скотный двор. Уже в течение нескольких лет по инициативе исследователей ведется переписка с органами государственной власти о необходимости спасения от разрушения остатков имения Боткиных, создания там музея и восстановления храма.

Ценнейшими историческими источниками, раскрывающими духовную жизнь Е. С. Боткина, являются также его письма. Доктор Боткин писал много, однако значительную часть писем уничтожили в Тобольске его дети Татьяна и Глеб, опасаясь репрессий. Глеб Боткин писал: «В течение часа моя сестра и я были заняты сжиганием всех писем и бумаг от Императорской семьи и от моего папы – все они были бесценными документами. Глядя на них, сгорающих в пламени, нам обоим хотелось плакать. Но мы чувствовали, что это лучше, чем позволить красным читать эти очень личные письма и записки»[17]. Татьяна же, после развода с мужем Константином Мельником, сожгла также письма Евгения Сергеевича к ее бывшему супругу, поскольку посчитала их содержание «слишком личным»[18]. Орывки из писем отца к сыновьям Татьяна Евгеньевна напечатала в своей книге «Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции». Часть эпистолярного наследия Е. С. Боткина опубликована в книге О. Т. Ковалевской «Царский лейб-медик». Корреспонденция Евгения Сергеевича, которая была найдена среди его бумаг в Ипатьевском доме, сейчас находится в фонде № 740 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Многие из его писем никогда не публиковались. В настоящее время членами Екатеринбургской комиссии по канонизации святых производится их расшифровка.

Переписка заменяла Евгению Сергеевичу и его детям личное общение. Доктор Боткин писал: «Так много хочется и нужно сказать Вам, мои драгоценные мальчики... хоть ежедневными письмами, когда не можешь прийти [к вам] на “посиделки” и “поболталки”»[19]. В письмах они рассказывали друг другу о том, как проводят время, делились своими наблюдениями, пере-

живаниями, скорбями, обсуждали прочитанные книги. В письмах Евгения Сергеевича часто встречаются размышления о вере и о христианских добродетелях. Особенно интересны письма, написанные в Тобольске и Екатеринбурге. Они также находятся в фонде 740 ГАРФа. Именно эти письма стали основным источником, раскрывающим внутреннее состояние Е. С. Боткина в тяжелый период заключения.

Евгений Сергеевич относился к происходившему вокруг него без ропота или раздражения, он не жаловался ни на условия проживания, ни на климат, ни на грубость охранников, а сохранял благодушие и даже находил поводы для радости. Доктор Боткин писал, что ему нравится город Тобольск, который он называет «богобоязненным городом»[20], так как «на 2200 жителей здесь 27 церквей и все такие старинные, красивые»[21].

«А какая милая комната у меня, если бы ты только видел, и как в ней хо-рошо!»[22] – писал он сыну Георгию.

А в другом письме он замечал: «Удивительно красиво здесь умеет окрашиваться небо»[23]. И далее писал: «Такая красота, что трудно оторваться: слева зеленеет... край городского сада, за которым уютно смотрит на меня, лишь с одного края прикрытый деревьями, аппетитный простой двухэтажный белый дом»[24].

Интересно сопоставить эти письма с воспоминаниями других лиц об этом же периоде. Так, например, про «милую комнату» дочь Татьяна рассказывала, что она была «маленькой, проходной и солдаты беспрерывно ходили мимо»[25]. Зимой температура в доме и в комнате доктора опускалась до +9°. Глеб Боткин в своей книге так описывал свою жизнь в тех условиях: «К тому времени сибирская зима полностью держала нас в своих ледяных тисках. Ни стены, ни печи не могут оградить от этого холода. Дрожишь от холода, когда просыпаешься, дрожишь от холода весь день, дрожишь от холода, ложась в постель, продолжаешь дрожать от холода во сне. Невыносимый холод создает впечатление, будто ледяные руки некоего невидимого чудовища охватили твои ребра и впиваются в тело до боли в каждой кости и мышце. Ты не можешь работать, ты не можешь даже думать, а только сидишь в отчаянии, уверенный, что никогда больше не сможешь свободно дышать. Кратко сказать, во время сибирской зимы ты больше не живешь, а просто существуешь, в некоем морозном оцепенении»[26]. А его отец говорил о времени, прожитом в Тобольске вместе со своими детьми, с любовью и глубокой благодарностью Богу. В предсмертном письме Е. С. Боткина есть такие слова: «И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал изо всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян»[27]. Такое светлое мировосприятие может свидетельствовать о глубокой внутренней жизни человека.

Как видно из писем, Евгений Сергеевич постоянно молился о себе, о детях, о Родине: «Какие пожелания высказать мне ко дню твоего Ангела? – писал он Георгию. – Боже мой! Их столько, и вместе с тем они все сводятся к нескольким молитвенным словам, которые я по столько раз на дню в душе обращаю к Богу: “Не покидай их!” Но не покинул ли Он уже нашу Родину?.. А я еще верю, что Бог не покинул Россию»[28].

«Поддерживает только молитва и горячее безграничное упование на милость Божию, неизменно нашим Небесным Отцом на нас изливаемую»[29], – откровенно сообщал он в другом письме.

Исследование писем Евгения Сергеевича дает представление об его христианском отношении не только к близким людям, но и к охранникам, надзирателям. Показателен такой случай, о котором удалось узнать также из корреспонденции доктора, которая находится на хранении в ГАРФе. В городе ему удалось купить очень хорошую двuspальную березовую кровать, а также матрац к ней. Он с юмором говорил, что «нежно полюбил»[30] эту кровать и она его «в известный момент влечет к себе неудержимо»[31]. В нескольких письмах он делился радостью по поводу удачной покупки со своими детьми, размышляя о том, кому ее лучше предложить: Татьяне или Глебу, когда они приедут. Однако когда он узнал, что комиссару В. С. Панкратову из-за неожиданного приезда не на чем спать, то, не раздумывая, отдал эту кровать комиссару, из-за которого и Царская семья, и он сам подвергались различным притеснениям.

В тобольской ссылке Евгений Сергеевич еще сильнее прилепился сердцем к Богу. В одном из писем он писал сыну Юрию, что порой даже думает об уходе в монастырь: «А если б вас (детей. – *Сост.*), не дай Бог, у меня не стало, – поступил бы здесь в какой-нибудь монастырь»[32]. Эти слова свидетельствуют о глубокой сердечной вере Е. С. Боткина и его желании служить Господу.

Кроме архивных материалов, при составлении жизнеописания были широко использованы опубликованные источники: дневники, мемуары, сборники документов, переписка, воспоминания организаторов, участников и свидетелей убийства Царской семьи. В особенности интересными оказались воспоминания Глеба Боткина, изданные только на английском языке, и Петра Боткина – на французском.

Таким образом, на основе целого комплекса исторических источников составлено жизнеописание Е. С. Боткина, в котором подробно рассмотрены все этапы его жизни: жизнь в семье и религиозное воспитание, учеба в гимназии, университете. В соответствии с служебным формуляром полностью раскрыта его врачебная деятельность, его поведение во время русско-японской войны и деятельность в период Первой мировой войны. В новом жизнеописании Е. С. Боткина освещена его деятельность, касающаяся лечения Императрицы Александры Феодоровны и Цесаревича Алексея Николаевича, рассмотрено отношение к Г. Е. Распутину. Подробно изложено и его по-

ведение при добровольном заключении с Царственными узниками: сначала в Александровском дворце, затем в Тобольске и Екатеринбурге, отмечено его христианское отношение к переживаемым событиям.

Достаточно большой комплекс документов сохранился также относительно жизни и деятельности гофмаршала императорского двора генерал-майора князя В. А. Долгорукова.

Так, в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле среди документов «тобольского» периода жизни Царской семьи встретилось довольно большое количество деловой и личной переписки князя, документы, связанные с его родовым именем в Смоленской губернии, счета, расписки и т. п. В архиве имеются также приказы по Гофмаршальской части, среди которых есть и приказ о назначении князя В. А. Долгорукова на должность гофмаршала в 1914 году, а также много документов, связанных с пребыванием Царской семьи и ее верных слуг в Тобольске.

Большое количество писем князя В. А. Долгорукова 1915–1918 годов удалось найти в архиве Гуверского университета в США. Написаны они на русском и французском языках и адресованы его отчиму – обер-гофмаршалу императорского двора графу Павлу Константиновичу Бенкендорфу – и матери – графине Марии Сергеевне Бенкендорф (по первому браку – княгине Долгоруковой). В 1921 году Бенкендорфам удалось выехать из советской России. Граф Павел Константинович скончался от разрыва сердца сразу же после пересечения границы – в Нарве, а его супруге, матери князя В. А. Долгорукова, удалось эмигрировать во Францию [33]. Видимо, именно ею была сохранена корреспонденция сына.

Особенно ценны, конечно, письма, посланные им из Тобольска, которые являются своеобразной летописью событий того периода. В них он описывает жизнь узников в Сибири, мужественное перенесение трудностей и скорбей, а также их глубокие сердечные переживания о том, что происходило тогда в России. В целом его письма к матери и отчиму проникнуты верой в Бога и надеждой на Его всеильное заступление. Интересно, что о своей духовной жизни он писал в основном матери, которая, видимо, была для него наиболее близким человеком. Поэтому письма В. А. Долгорукова к матери стали очень важным источником, из которого были получены сведения об искренней вере Василия Александровича и его благочестивой жизни. «Я молю Бога о помощи во всем и часто думаю о тебе» [34], – писал он матери, например, 28 августа. «Я внутренне уравновешен и спокоен, Бог мне помогает, но я не знаю, что произойдет, и мы должны полагаться на благость Божью, – делился он с ней же своими размышлениями 20 ноября. – ...Только Бог знает, что произойдет дальше; необходимо много мужества и много молитв» [35]. «Я часто испытываю тревогу, особенно за будущее... – откровенно писал он графине Марии Сергеевне в январе. – Только Бог может помочь... Пусть Бог позаботится о вас» [36]. «Сохрани вас Господь... Да хранит вас всех Бог», – так обыкновенно заканчивал он свои письма отчиму.

Из его собственных писем, из дневниковых записей членов Царской семьи и свиты видно, что и во время добровольного заключения в Тобольске князь старался верой и правдой служить Августейшим узникам: делил с ними досуг, беспокоился об условиях проживания и оплате служащих, о хозяйстве семьи. Неоднократно он обращался за денежной помощью к своей матери и отчиму, просил ходатайства последнего о нуждах узников, сообщал им о трудностях.

Но главную скорбь и страдание причиняли членам Царской семьи и свиты, конечно, события, которые совершались в то время в России: разложение армии, захват власти большевиками, заключение унижительного Брест-Литовского договора. Дневники, переписка Царственных Страстотерпцев, мемуары свидетельствуют о том, что Государь крайне страдал от происшедшего. Своими сердечными муками он делился с близкими ему людьми, в том числе с князем В. А. Долгоруковым. В обнаруженных в архиве Гуверского университета письмах князь писал своей матери об Императоре так: «Он все такой же; страдая душою, не скрывает своего отношения ко всему происходящему, но все же сумел сохранить свое очарование и дружелюбие» [37].

Сам князь, как истинный патриот и гражданин, конечно, также испытывал глубокие страдания из-за совершавшегося. «Истинные патриоты не могут не страдать в такое время» [38], – писал Василий Александрович отчиму. «Я не буду говорить о мирном договоре. Сердце обливается кровью» [39].

Лишь вера и молитва подлинно помогали узникам переносить все лишения и нравственные страдания. Главным утешением были для них богослужения, молитва, участие в таинствах исповеди и святого причащения. Уже в первом сохранившемся письме из Тобольска, от 14 августа 1917 года князь сообщал родным, что рядом с домом находится церковь Благовещения – «очень старая, Елисаветинского времени, и внутренность очень красивая» [40]. Тем не менее сначала в церковь ходить не разрешалось: богослужения совершались на дому. Лишь 8 сентября, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, как писал Василий Александрович родным, в первый раз было разрешено выйти в Благовещенский храм. Описывал он и то, как в Тобольске все вместе по-семейному отмечали Рождество. Желая поблагодарить и порадовать тех, кто сохранил к ним любовь и верность, Императрица и дочери лично приготовили им небольшие подарки. «После вечерни Она [41] подарила мне подушку, сшитую ею самой, Библию и мешочек, сшитый детьми. <...> Это было очень трогательно» [42], – отмечал Василий Александрович.

Сообщал он близким и о том, что во время Великого поста члены Царской семьи и их верные подданные усердно говели, посещали все богослужения, готовились к исповеди и Святому Причащению. Во вторник первой седмицы Василий Александрович писал родственникам: «Мы молились всю эту неделю, и сердцем я полностью с вами. Подумайте обо мне сегодня и простите меня. Нам разрешается ходить в церковь в среду, пятницу и в субботу

с утра. В другие дни богослужение проходит в зале большого дома. Семья (дамы) составила хор»[43]. В пятницу же все, в том числе и князь В. А. Долгоруков, исповедовались, а на следующий день приобщались Святых Таин.

Содержатся в его письмах и свидетельства о высокой христианской настроенности членов Царской семьи, сохранявших и в суровых условиях заключения бодрость и душевный мир. «Сейчас они очень спокойны и ласковы; нам часто очень больно за них. Дети добры и терпеливы – поразительная выносливость»[44], – писал он.

Можно отметить, что письма В. А. Долгорукова стали для нас особенно ценным источником еще и потому, что в них были обнаружены важные сведения о генерале И. Л. Татищеве, графине А. В. Гендриковой, поваре И. М. Харитонове и других слугах.

В процессе работы по сбору материалов были найдены документы о служебной деятельности князя В. А. Долгорукова и в российских архивах. Так, в РГВИА сохранился его послужной список[45], по которому мы смогли уточнить многие даты и факты его биографии, выявить содержащиеся в некоторых изданиях неточности и дополнить информацию. В РГИА также имеются отдельные документы о служебной деятельности его и его ближайших родственников[46]. Там же сохранилось духовное завещание[47] его отца – князя А. В. Долгорукова, благодаря чему появилась возможность уточнить состав семьи Долгоруковых на 1870 год, место кончины отца и место его погребения. В ГАРФе имеются документы о последнем периоде жизни князя В. А. Долгорукова, в частности несколько его заявлений в Уральский областной совет с просьбой о переводе из тюрьмы в дом Ипатьева[48].

Ценные сведения о благотворительности В. А. Долгорукова и его родного брата встретились нам в Смоленских епархиальных ведомостях конца XIX столетия. Дело в том, что в Смоленской губернии находилось их родовое имение, где в одном из селений – селе Чамово Ельнинского уезда – сестрой их деда княгиней Е. А. Долгоруковой была построена красивая трехпрестольная церковь в честь Сошествия Святого Духа. На ремонт этого храма и делали пожертвования братья. В описании села Чамово, составленном в 1904 году, говорилось, что церковь эта – «каменная, по сельской местности довольно замечательная по внешнему виду, а также и внутри отделана весьма великолепно»[49].

Сложнее оказался поиск потомков и родственников князя В. А. Долгорукова. Известно, что ни он, ни его родной брат Александр Александрович никогда не были женаты и не имели детей. Однако у них было много родственников по линии их матери: потомков ее братьев и сестер. Кое-что узнать о них оказалось возможным из книги двоюродной сестры Василия Александровича княгини В. А. Долгоруковой «Времена Тройки. Россия 1885–1919», изданной в Париже в 1978 году[50], однако связаться с родственниками Долгоруковых, как и с некоторыми потомками родного брата графа П. К. Бенкендорфа, нам пока не удалось.

Все собранные материалы о князе В. А. Долгоруковом в настоящее время систематизируются, анализируются и используются для составления его полного жизнеописания[51].

Интересной, но не простой оказалась работа по сбору сведений о личной фрейлине Императрицы Александры Феодоровны графине А. В. Гендриковой, также добровольно разделившей с Царственными Страстотерпцами их крестный путь и запечатлевшей свою верность им кровью.

Известно, что в 1918 году, после занятия Екатеринбургa частями белых и чешских войск, в помещении бывшего Волжско-Камского банка, где размещался Уральский областной совет, было найдено много личных вещей графини, отобранных у нее при аресте: ее личные документы и вещи, дневники, переписка с членами Царской семьи и матерью, фотографии и т. п. Всего в описях ее вещей значилось 192 письма и записки, 91 письмо графини своей матери, 27 телеграмм Государыни и Царских детей, четыре открытки от великой княгини Елисаветы Феодоровны, а также пять писем самой графини на имя Государыни. Были упомянуты также пять ее дневников за 1913–1917 годы, фотоальбомы ее родственников и членов Царской семьи[52]. К сожалению, в настоящее время местонахождение этих бесценных документов неизвестно, но мы надеемся, что, возможно, они все же сохраняются где-то в частных коллекциях и со временем будут вновь обретенны.

До нас дошли лишь выдержки из ее дневников и переписки. Так, некоторые фрагменты ее дневниковых записей 1917 года были включены генералом М. К. Дитерихсом в его книгу «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале»[53]. Им же был осуществлен перевод некоторых писем и записок Императрицы 1912–1918 годов, адресованных А. В. Гендриковой. Эти тексты сохранились в печатном виде в одном из томов дела об убийстве Царской семьи, находящегося ныне на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве. К настоящему времени эти переводы опубликованы[54]. Дневник графини за 1918 год был включен в сборник документов «Гибель царской семьи», изданный сотрудником издательства «Посев» Н. Г. Россом в 1987 году.

Благодаря изучению этих источников стало возможным составить ясное представление о религиозной настроенности Анастасии Васильевны, ее глубокой вере и истинно христианском мироощущении. Например, за два дня до отъезда из Царского Села вместе с Августейшими узниками в Тобольск она сделала в своем дневнике такую запись:

«Я не могу уехать отсюда, не возблагодаривши... Бога за тот чудный мир и силу, которую Он посылал мне и поддерживал меня за все эти почти пять месяцев ареста.

Какое чудное спокойствие на душе, когда можешь все и всех дорогих отдать всецело в руки Божьи, с полным доверием, что Он лучше знает, что кому и когда надо. Будущее больше не страшит, не беспокоит. Я так чувствую и так доверяюсь тому (и так это испытала на себе), что *по мере умножения в нас*

страданий Христовых, умножится Христом и утешение наше[55]. Если Он мне пошлет еще испытания и трудности в жизни, то даст соответственно и больше сил. Надо только изо дня в день просить у Него Духа Святого и силы на предстоящий день.

Я знаю, что я ничто без помощи Божьей... уныние, страх, малодушие овладевают мной, как только Божья благодать меня покидает, но я знаю, что это должно так быть временами, что это необходимое испытание, которое нужно стараться покорно и терпеливо вынести, и тогда опять находят светлые минуты, и я их жду и так верю, что они придут. У меня их так было много, что я знаю, что это только милость Божья не по моим заслугам...

...Я закрываю глаза, отдаюся всецело, без сомнений, вопросов или ропота в руки Божьи с доверием и любовью»[56].

Нужно отметить, что многие записи в ее дневниках посвящены ее матери – графине Софье Петровне. Однако до сих пор о ней почти ничего не было известно. В процессе поиска источников нам удалось связаться с родственницей Гендриковых, которая приходится внучатой племянницей графине Ольге Николаевне Гендриковой, супруге брата Анастасии Васильевны. Оказалось, что Ольга Николаевна оставила довольно подробные воспоминания на русском языке о семье Гендриковых и, в частности, о самой графине Анастасии Васильевне и ее матери Софье Петровне, о доме, в котором они жили в Санкт-Петербурге, об их родовом имени и т. п. Уже в наше время эти воспоминания были переведены на английский язык и опубликованы в 2012 году в Канаде в книге «A Countess in Limbo»[57]. Из них нам удалось узнать много нового о родственниках Анастасии Васильевны, в особенности о ее матери, которая, как выяснилось, отличалась глубокой религиозностью.

Оказалось, что у Софьи Петровны была очень тяжелая судьба: в 35 лет (около 1895 года) она перенесла сложную операцию, после которой осталась инвалидом на всю жизнь. Около двадцати лет она была прикована к постели, при этом ей постоянно приходилось терпеть мучительные боли. Спальня ее напоминала собой часовню – она была вся заставлена иконами и лампадами. Около ее кровати стояла ширма, полностью покрытая образами. Под подушкой у нее всегда лежал большой железный крест, которым она благословляла близких.

Графиня Ольга Николаевна Гендрикова в своей книге вспоминала: «Когда я впервые увидела мою “belle-mère”[58], я невольно вспомнила рассказ Тургенева “Живые мощи”. В ее бледном, почти бескровном лице горели лишь глубоко впавшие, черные, живые глаза. Но как только она закрывала их, ее лицо делалось похожим на лицо мертвеца! Однако хотя физически она была полным инвалидом, дух ее был необыкновенно бодр и силен»[59]. Из ее воспоминаний очевидно, что Софья Петровна была искренне верующим человеком, а многолетние страдания, которые она переносила, как бы отрезали ее и горячо ее любившую Анастасию Васильевну от мира со всеми его утехами, помогали углубляться в молитву и надеяться лишь на помощь Божию. Правда, при знакомстве с воспоминаниями графини Ольги Николаевны

нужно иметь в виду и то, что сама она была в тот период, видимо, не особенно воцерковленной молодой девушкой, любившей светскую жизнь и различные развлечения, отчего в ее воспоминаниях иногда чувствуется даже несколько негативное или ироничное отношение к религиозности своей “belle-mère”. Но, несмотря на это, сведения, которые содержатся в воспоминаниях Ольги Николаевны, представляют чрезвычайную ценность.

По документам Государственного архива Харьковской области удалось уточнить место рождения Анастасии Васильевны[60], а также родословную графов Гендриковых[61].

В документах, находящихся в РГИА, содержится информация о служебной деятельности ее отца – обер-церемониймейстера Высочайшего двора графа В. А. Гендрикова, а также об имуществе Гендриковых в Санкт-Петербурге и действительной помощи им Царской четы после внезапной смерти Василия Александровича в 1912 году. Там же сохраняются их некоторые личные письма[62].

Очень полезными в сборе информации о графах Гендриковых оказались также различные адрес-календари, адресные и справочные книги Харькова и Санкт-Петербурга, где они проживали.

Документы же, подтверждающие мученическую кончину графини А. В. Гендриковой, можно найти в РГАСПИ[63], ГАРФе[64] и Пермском государственном архиве новейшей истории[65].

В письмах из Тобольска князя В. А. Долгорукова, находящихся в архиве Гуверского университета США, и в воспоминаниях баронессы С. К. Буксгевден, опубликованных в книге «Жизнь и трагедия Александры Феодоровны», есть свидетельства о мирном и даже радостном состоянии духа графини А. В. Гендриковой в период заключения.

«Гендрикова старается быть радостной»[66], – писал в марте 1918 года князь В. А. Долгоруков своей матери в Петроград. «Гендрикова довольно спокойна, и опустошение ее дома в Петрограде ее не сильно впечатлило»[67], – сообщал он же в другом письме. А баронесса С. К. Буксгевден писала о том, что в заключении очень усилилась религиозная настроенность Анастасии Васильевны: теперь она была полностью погружена в духовную жизнь, полностью отстранилась от всех земных дел и интересов и много думала о смерти, «которая совершенно не приводила ее в ужас»[68].

Подробные свидетельства о периоде ее пребывания в тюрьмах Екатеринбурга и Перми, о мужественном поведении под арестом и перед самым расстрелом содержатся также в воспоминаниях камердинера Государыни Императрицы Александры Феодоровны А. А. Волкова[69], княгини сербской Елены Петровны[70], личного секретаря князя императорской крови Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны С. Н. Смирнова[71]. По их свидетельству, и в заключении Анастасия Васильевна сохраняла силу духа и даже радость, стараясь всегда подбадривать княгиню, унывавшую от разлуки с мужем.

На основе собранных материалов членами комиссии было составлено новое, более подробное, жизнеописание графини А. В. Гендриковой, в котором сделана попытка раскрыть все этапы ее недолгой жизни (она была убита в возрасте лишь тридцати лет), показать ее религиозность, прояснить отношение к Г. Е. Распутину, а также приведены отзывы о ней членов Царской семьи, ее родных и сослуживцев, тех, кому довелось вместе с ней разделить Крестный путь Царственных страстотерпцев [72].

В процессе работы по сбору материалов удалось найти некоторые новые сведения и об Анне Степановне Демидовой, комнатной девушке Императрицы Александры Феодоровны: уточнить факты и даты ее биографии, собрать более полную информацию о ее предках и ближайших родственниках. Основную информацию о ней мы почерпнули в Государственном архиве Вологодской области, где к нашим поискам отнеслись с чрезвычайным вниманием и оказали всяческое содействие, а также в РГИА.

Из документов стало ясно, что ее родственники занимали в родном городе Череповце самое высокое положение, а главное – все они были православными и многие отличались даже особой религиозностью. Так, в конце XVIII века прапрадед Анны Степановны именитый купец В. Н. Демидов был избран городским головою Череповца, а ее дедушка, купец второй гильдии А. А. Демидов, являлся заместителем городского головы. Помимо торговой и общественной деятельности он занимался также делами милосердия [73]. Сохранились сведения о том, что отец и мать Анны Степановны тоже принимали участие в благотворительности [74].

Из сохранившихся до нашего времени исповедных росписей и метрических книг известно, что все родственники А. С. Демидовой были православными, регулярно причащались и исповедовались.

В особенности же отличалась благочестием ее родная тетья и крестная мать Аполлинария Евфимовна Тарасова (в первом браке – Заводчикова), являвшаяся главной благотворительницей расположенной близ Череповца Филиппо-Ирапской мужской пустыни [75]. В начале XX столетия на ее средства в пустыни обновлялись и благоукрашались храмы, над ракой преподобного Филиппа Ирапского была устроена красивая сень. Супруг же ее, купец С. П. Тарасов, за свою благотворительную деятельность был даже удостоен Высочайшей благодарности и двух золотых медалей: на Станиславской и Владимирской лентах.

В семье потомков А. С. Демидовой сохраняется предание, что, в частности благодаря ходатайству своей тети, имевшей «доступ ко Двору» [76], Анна Степановна и стала горничной Императрицы.

По документам, найденным в Государственном архиве Вологодской области, удалось уточнить и состав семьи Демидовых. У Степана Александровича и Марии Евфимовны было семеро детей: сыновья Николай, Александр, Степан, Сергей и дочери Аполлинария, Анна и Елизавета (младший из сыновей, Сергей, скончался в возрасте двух месяцев от рождения).

Там же были найдены сведения о том, что в мае 1883 года, когда Анне было пять лет, оба ее деда – купцы Александр Андреевич Демидов и Евфимий Иванович Агафонов – вместе с городским головой И. А. Милютиным участвовали в торжествах по случаю коронации Императора Александра III. Именно они подносили Императору 16 мая в Москве хлеб-соль от череповецких жителей[77].

По достижении отроческого возраста Анна Степановна, по семейному преданию, была отдана для обучения в церковно-учительскую школу, действовавшую при Леушинском женском монастыре[78]. В период ее обучения обитель ежегодно посещал отец Иоанн Кронштадтский, с которым она, вероятно, была знакома еще по его приездам в Череповец и богослужениям в Воскресенском соборе.

В январе 1898 года приказом по Управлению Гофмаршальской части А. С. Демидова была определена на должность комнатной девушки к комнатам Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. В фонде Гофмаршальской части в РГИА сохранилось два ее послужных списка[79], последний из которых относится к 1918 году. Благодаря им удалось не только установить точную дату ее поступления на службу ко Двору, но и выяснить, что она никогда не имела личного дворянства (как это утверждается в ее житиях и посвященных ей статьях). Личное дворянство получил ее родной брат Александр Степанович. Согласно документам ЦГИА СПб[80] он был награжден орденами Святого Станислава II и III степеней и Святой Анны III степени, в 1911 году был утвержден в чине коллежского асессора, а в 1914 году получил чин коллежского советника (оба этих чина, как и ордена, давали право на личное дворянство, распространявшееся только на жену/мужа).

Поскольку при Дворе А. С. Демидова была всего лишь служанкой, имя ее почти не упоминается в различных мемуарах, письмах и дневниках дореволюционного периода. Напротив, в письмах и дневниках членов Царской семьи за 1917–1918 годы оно встречается очень часто, показывая, насколько близким и, возможно, даже незаменимым человеком стала она для них в тот период.

Сохранились также отрывки из ее собственного дневника за август-сентябрь 1917 года, опубликованные в Мюнхене в журнале «Вече» в 1989 году[81]. Анна Степановна упоминала в нем обо всех богослужениях, которые совершались для Царской семьи и их верных слуг в Тобольске, о посещениях ими храма, о церковных праздниках. Наряду с этим она писала в дневнике о занятиях царских детей, об их здоровье, а также упоминала множество мелких бытовых подробностей, связанных с ее служением Августейшим узникам. Из этого видно, что Анна Степановна и в заключении с ревностью и усердием, несмотря ни на что, продолжала исполнять свой долг.

О последних месяцах и днях ее жизни известно из тех же источников, которые повествуют о жизни и мученической кончине святых Царственных

страстотерпцев. Им она была верна во дни их благоденствия и славы, с ними разделила и их крестный путь – даже до смерти.

К настоящему времени составлено новое, более подробное жизнеописание Анны Степановны Демидовой, в котором по возможности представлены все этапы ее жизни, показаны ее отношение к Церкви, ее беззаветная верность Царской семье[82].

Некоторые новые документы удалось найти также о жизни и деятельности повара И. М. Харитонов. Так, в архиве ЦГИА СПб были найдены метрические записи о рождении его детей: Капитолины, Петра и Кирилла, где сохранились очень ценные сведения о биографии самого Ивана Михайловича. Например, в записи о рождении Капитолины Харитоновой в 1898 году сообщалось об отце, что он – «запасной ефрейтор из мещанского рода Царского Села»[83], а в метрической записи о рождении Петра в 1901 году говорилось, что его отец – «запасной ефрейтор 1-го резервного пехотного Александра Невского полка, потомственный почетный гражданин»[84]. Оказалось, что информация из метрических книг не совпадает с той, которая изложена в публикациях об И. М. Харитонове, где утверждается, что он служил на флоте, а дед и прадед его были военными. Также выяснилось, что звание потомственного почетного гражданина Иван Харитонов имел уже к 1901 году, а не получил его в 1911 году, как говорится в его биографиях. При составлении жизнеописания мы воспользовались сведениями из метрических книг, как более достоверными.

В фонде Дворцовой полиции РГИА был найден послужной список на отца Ивана – Михаила Харитонина, в котором также содержится много новой информации. Из дела стало известно, что Михаил в «службу вступил из кантонистов[85]» и был назначен «канониром в роту № 6 Ивангородского артиллерийского гарнизона»[86]. Через год он стал ротным писарем, затем служил писарем в штабе Ивангородской артиллерийской части, а с августа 1861 года – в штабе Кронштадтской крепости[87]. В Кронштадте, видимо, и родился Иван. Но поскольку метрические книги кронштадтских церквей за 1865–1870 годы не сохранились, подтвердить это предположение пока нет возможности. Далее, из послужного списка мы узнали о том, что в 1873 году Михаил Харитонович поступил на службу в Санкт-Петербургское губернское жандармское управление, а 1 июня 1881 года был «командирован в Секретную часть охраны Его Императорского Величества»[88].

В конце своей жизни, в 1894 году, Михаил Харитонов стал письмоводителем Дворцовой полиции. В послужном списке есть сведения о братьях и сестрах Ивана. Эти документы позволили более точно воспроизвести биографию повара И. М. Харитонина. Иван Михайлович был глубоко верующим человеком, хорошим семьянином, добросовестным работником и знатоком своего дела. Православная вера лежала в основе его любви к Родине и Государю, непоколебимой преданности Церкви. Эта преданность проявлялась в первую очередь в самоотверженном труде и усердии при исполнении своего

служебного долга. В период царскосельского, тобольского и екатеринбургского заключения И. М. Харитонов отличался мужественным, достойным поведением, сохранял самообладание, переносил всё с терпением, продолжая честно и добросовестно исполнять свой долг.

В фонде Гофмаршальской части Министерства императорского двора РГИА есть объемное дело «Об уплате денег старшему повару Харитонову за продовольствие в Царскосельских дворцах и о расходах по пребыванию б. Царя и его Семьи... в г. Тобольске»[89]. Это дело еще не до конца проанализировано, оно требует тщательного исследования, поскольку информация из него поможет уточнить некоторые подробности о жизни Царской семьи в ссылке. Например, материалы дела уже позволили проследить, как постепенно сокращалось довольствие для Царской семьи. Если в конце июля 1917 года в Александровском дворце стоимость питания на каждого члена Царской семьи составляла 230 рублей в день (завтрак, обед, полуденный и вечерний чай), то в конце Тобольской ссылки готовить приходилось из расчета 5 рублей в день (два блюда к завтраку и два к обеду). Но и при этом Иван Михайлович старался готовить как можно более разнообразные блюда. В записных книжках доктора Е. С. Боткина, которые были найдены в ГАРФе, сохранилось несколько меню обедов и завтраков за период тобольского заключения[90]. Из них, например, видно, что и в период ссылки все арестованные по средам и пятницам соблюдали пост. Князь В. А. Долгоруков писал о поваре И. М. Харитонове в феврале 1918 года: «Харитонов добросовестно работает, старается»[91].

Благодаря новым документам и материалам удалось значительно дополнить жизнеописание Ивана Михайловича, уточнить многие факты и даты его биографии[92].

И в заключение хотелось бы поблагодарить всех, кто так или иначе оказывает содействие в работе Екатеринбургской комиссии по канонизации святых. Нужно отметить, что практически во всех случаях в ответ на просьбы о помощи в сборе материалов мы встречали горячий отклик и искреннее участие. На наш взгляд, это свидетельствует об искреннем почитании верных царских слуг в нашем обществе.

Конечно, очень различна сохранность источников личного происхождения (их писем, дневников), которые лучше всего могли бы свидетельствовать об отношении их к вере и Церкви. Если письма доктора Е. С. Боткина и князя В. А. Долгорукова, дневниковые записи графини А. В. Гендриковой сохранились более-менее хорошо, то подобных источников об А. С. Демидовой и поваре И. М. Харитонове мы почти не имеем. Однако благодаря дошедшим до нас архивным и печатным материалам точно известно, что все они были православными, исповедовались, причащались, жизнь вели вполне благочестивую. Добровольно разделив с Царственными узниками их крестный путь, они нашли в себе силы исполнить и самую возвышенную заповедь Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей сво-

их»[93]. А по словам святых отцов, «не те только мученики, которые приняли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых»[94].

Примечания

- [1] Ин. 15, 13.
- [2] *Марков С. В.* Покинутая Царская семья. 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М.: Паломник, 2002. С. 469.
- [3] Профессор Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург.
- [4] Материалы секционного заседания «Исторические этапы деятельности Евгения Сергеевича Боткина» IV Всероссийского ежегодного межрегионального конгресса «Балтийский медицинский форум» / под ред. профессора В. С. Никифорова. СПб.: Издательство «КультИнформПресс», 2015. С. 2.
- [5] ГАПО. Ф. 39. Оп. 20. Д. 181. Л. 86 об.
- [6] Там же.
- [7] Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / сост. О. Т. Ковалевская. СПб.: «Царское дело», 2014. С. 496.
- [8] РГИА. Ф. 1 343. Оп. 39. Д. 5850.
- [9] Формулярный список о службе... Петра Петровича Боткина за 1885 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 435. Д. 930. Л. 1 об.
- [10] ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246.
- [11] РГВИА. Ф. 316. Оп. 40. Д. 2 904. Л. 1–3.
- [12] РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. Л. 2.
- [13] Там же. Л. 16.
- [14] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8.
- [15] Мыза – отдельно стоящее имение, хутор. Ныне поселок Тарасово Выборгского района Ленинградской области.
- [16] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1.
- [17] *Gleb Botkin*. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. NY, 1931. P. 216.
- [18] Выступления участников конференции: Катерина Мельник-Дюамель, дочь Константина Константиновича Мельник-Боткина // Материалы конференции, посвященной 145-летию Е. С. Боткина. С. 28.
- [19] ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 100. Л. 13.
- [20] Там же. Д. 111. Л. 27.
- [21] Там же.
- [22] Там же. Л. 28 об.
- [23] Там же. Л. 28.
- [24] Там же.
- [25] Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. С. 350.
- [26] *Gleb Botkin*. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. P. 165.
- [27] Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. С. 497.
- [28] ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 25 об.
- [29] Там же. Л. 35.

- [30] Там же. Д. 112. Л. 29.
- [31] Там же.
- [32] Там же. Д. 111. Л. 27.
- [33] Скончалась она в 1936 году в Ницце и похоронена на русском кладбище Кокад.
- [34] Письмо матери от 28 августа 1917 года. Перевод с фр.
- [35] Письмо матери от 20 ноября 1917 года. Перевод с фр.
- [36] Письмо матери от 20 января 1918 года. Перевод с фр.
- [37] Письмо, написанное в декабре 1917 года (без точной даты). Перевод с фр.
- [38] Письмо отчиму от 8 декабря 1917 года.
- [39] Письмо отчиму от 15/28 марта 1918 года.
- [40] Письмо отчиму от 14 августа 1917 года.
- [41] Имеется в виду Государыня.
- [42] Письмо матери от 29 декабря 1917 года. Перевод с фр.
- [43] Письмо матери от 6/19 марта 1918 года. Перевод с фр.
- [44] Письмо матери от 2/15 апреля 1918 года. Перевод с фр.
- [45] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2 239.
- [46] РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (143–980). Д. 30. Оп. 44 (425–2195). Д. 95. Ф. 476. Оп. 1. Д. 434, 475, 2 088.
- [47] РГИА. Ф. 759. Оп. 61. Д. 69.
- [48] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 48.
- [49] Архивная справка № 7-1376 от 30.11.2015 из Государственного архива Смоленской области.
- [50] Varvara Dolgorouki. Au temps des Troika. 1885–1919. Paris, 1978.
- [51] За прошедшие годы было издано два его жизнеописания: *Чернова О. В.* Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М.: Издательство «Русский Хронографъ», 2010; *Жук Ю. А.* Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- [52] РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 129–130, 195–196.
- [53] *Диттерихс М. К.* Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Издательский Совет РПЦ; Изд-во «ДАРЪ», 2006.
- [54] РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. См.: Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания. М.: Патриаршее подворье храма домового мц. Татианы при МГУ, 2013.
- [55] См.: 2 Кор. 1, 5.
- [56] Отрывки из дневника А. В. Гендриковой // Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания. М., 2013. С. 646–647.
- [57] Hendrikoff Olga, countess. A Countess in Limbo: Diaries in War & Revolution; Russia 1914–1920, France 1939–1947. Canada: Engage Books Vancouver B. C., 2012.
- [58] Свекровь, теща (*фр.*).
- [59] Hendrikoff Olga, countess. A Countess in Limbo: Diaries in War & Revolution; Russia 1914–1920, France 1939–1947. Canada: Engage Books Vancouver B. C., 2012. P. 27.
- [60] ГАХО. Ф. 40. Оп. 113. Д. 227.
- [61] ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8.
- [62] РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 2 038. Оп. 16. Д. 2 279.
- [63] РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6.
- [64] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 49. Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1.
- [65] ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 670.
- [66] Письмо матери от 6/19 марта 1918 года. Перевод с фр.

[67] Письмо матери от 20 января 1918 года. Перевод с фр.

[68] *Баронесса Софья Буксгевден*. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. В 3 кн. М.: Лепта Книга; Вече; Грифъ, 2012. С. 396.

[69] *Волков А. А.* Около Царской семьи. Париж, 1928.

[70] Воспоминания княгини Елены Петровны // Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета (США).

[71] *Smirnoff S.* Autour de l'assassinat des Grand-ducs. Ekaterinbourg–Alapaievsk–Perm–Petrograd. Paris: Payot, 1928. P. 284.

[72] За прошедшие годы было издано два ее жизнеописания. См.: *Чернова О. В.* Указ. соч.; *Жук Ю. А.* Указ. соч.

[73] В 1870-х годах он являлся председателем Череповецкого комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, а также на протяжении многих лет исполнял обязанности церковного старосты одного из главных храмов города – Воскресенского собора. Трудился он на этом поприще с усердием и ревностью, так что в 1882 году был даже награжден золотой медалью на Аннинской ленте.

[74] Известно, что отец ее входил в череповецкое благотворительное общество, являлся членом Попечительного совета Мариинской женской гимназии, а мать была одной из директрис дамского отделения комитета попечительного о тюрьмах общества, в задачи которого входил надзор за заключенными, наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности.

[75] Пустынь эта была основана в начале XVI века учеником преподобного Корнилия Комельского преподобным Филиппом Ирапским.

[76] Воспоминания В. Г. и С. В. Войшвилло // Архив Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря (Екатеринбург).

[77] Архивные справки: № 4565-Т от 27.01.2015, № 1892-Т от 03.07.2015, № 2466-Т от 20.07.2015, № 2616-Т от 19.08.2015, № 3052-Т от 10.09.2015 из Государственного архива Вологодской области // Архив Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря (Екатеринбург).

[78] Существует несколько версий о месте учебы А. С. Демидовой, однако все они не могут соответствовать действительности. Так, согласно показаниям, данным в 1918 году камердинером Императора Николая II Т. И. Чемадуровым, А. С. Демидова окончила в Санкт-Петербурге курс Демидовского коммерческого училища, однако это – явная ошибка, поскольку Демидовское училище было мужским, и обучаться в нем Анна Степановна никак не могла. В литературе нередко утверждается и то, что А. С. Демидова окончила Ярославское художественное училище, однако это невозможно по той причине, что оно было образовано на базе городских классов рисования только в 1919 году. Версия об учебе ее в череповецкой Мариинской женской гимназии также не подтверждается: ее имя отсутствует в списках выпускниц этого учебного заведения, опубликованных в книге «50-летие Череповецкой Мариинской женской гимназии. Исторический очерк развития гимназии (1865–1915 гг.)» (Сост. Н. И. Ахутин и Н. И. Друэн. Череповец, 1915). Таким образом, наиболее вероятным местом обучения А. С. Демидовой является церковно-учительская школа Леушинского монастыря, хотя, к сожалению, списков ее учениц за 1890-е годы в РГИА, ГАНО, ГАВО, РГАДА и др. архивах не сохранилось, и подтвердить это документально в настоящее время нет возможности.

[79] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2082.

[80] Архивная справка № 829/т, 890/т от 10.10.2014 из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга // Личный архив С. В. Войшвилло.

[81] Из дневника А. С. Демидовой (Царское Село. 2 августа – Тобольск. 15 сентября 1917 года) // Вече. Мюнхен, 1989. № 37. С. 182–192.

[82] За прошедшие годы было издано три ее жизнеописания. См.: Ковалевская О. Т. С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг; Чернова О. В. Указ. соч.; Жук Ю. А. Указ. соч.

[83] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 793. Л. 131 об.

[84] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1118. Л. 501.

[85] В России в 1805–1856 годах так назывались солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

[86] Формулярный список о службе Михаила Харитоновца // РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 926. Л. 57 об.

[87] Там же.

[88] Там же.

[89] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 903.

[90] Так, на обед в пятницу 19 января 1918 года были приготовлены борщ, макароны, картофель, котлеты рисовые, хлеб. На завтрак в пятницу 16 февраля 1918 года – борщ, картофель, пюре из репы и рис. В субботу на завтрак 17 февраля 1918 года подали щи кислые и жареного поросенка с рисом (ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 1. Конверт).

[91] Письмо князя В. Долгорукого. 6 февраля 1918 г. // Архив Гуверского университета, США. Перевод с фр.

[92] За прошедшие годы было издано четыре его жизнеописания. См.: Мультатули П. Жизнеописание новомученика царского повара Иоанна Харитоновца, убиенного 4/17 июля 1918 г. в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. СПб.: Леушинское издательство, 2003; Ковалевская О. Т. Указ. соч.; Чернова О. В. Верные. Указ. соч.; Жук Ю. А. Указ. соч.

[93] Ин. 15, 13.

[94] Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М., 2002. С. 41.

Князь Владимир Палей – поэт из рода Романовых

Среди членов дома Романовых и близких к ним людей, убиенных большевиками 18 июля 1918 года под Алапаевском, наиболее известна Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Остальные алапаевские страдальцы пребывают практически в полном забвении. Одному из них – князю Владимиру Палею – на момент гибели исполнился лишь 21 год. Рассказать об этом удивительном юноше мы попросили исследователя его жизни и творчества, автора книг «Князь Владимир Палей. Биография. Стихи» (Царскосельский Романовский фонд, 1997) и «Музы Венценосной Семьи» (СПб., 2008), историка и литератора Андрея Барановского.

Портрет князя Владимира Павловича Палея.
Худ. И. Б. Стреблов, 1917–1918 гг.

Справка: Владимир Павлович Палей (28 декабря 1896 – 18 июля 1918) – русский князь, поэт, внук Императора Александра II, двоюродный брат Императора Николая II, сын Великого князя Павла Александровича и Ольги Валерьяновны Пистолькорс (урожденной Карнович), графини фон Гогенфельзен.

Как рожденный в морганатическом браке, Владимир Павлович получил лишь титул князя (Палей) и только в 1915 году (до того с 1904 года носил титул и фамилию «граф Гогенфельзен»).

С раннего детства начал писать стихи. До 16 лет, пока семья жила во Франции, писал на французском языке, а переехав в Россию в 1913 году, начал писать на русском. При жизни успел опубликовать два поэтических сборника.

Учился в Пажеском Его Величества корпусе, в 1915 году был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Несмотря на ярко выраженное поэтическое призвание, оставить военную службу Владимир не помышлял; тем более что началась мировая война, и он ушел на фронт.

Гусарский полк участвовал в оборонительных операциях Северо-Западного фронта и только после тяжелых потерь отошел в резерв. За участие в боевых операциях Владимир получил чин подпоручика и Аннинское оружие за храбрость.

После прихода к власти большевиков молодой князь был выслан в Вятку, затем переправлен в Екатеринбург, а 18 июля 1918 года убит под Алапаевском (к северовостоку от Екатеринбурга).

«С 13-летнего возраста Владимир писал очаровательные стихи... Он пользовался каждой свободной минутой, чтобы отдавать свой ум возлюбленной поэзии. Обладая темпераментом мечтателя, он обзирал все вокруг себя, и ничто не ускользало от его чуткого настроенного внимания... Он страстно любил природу. Он приходил в восторг от всего, что сотворил Господь Бог. Лунный луч вдохновлял его, аромат цветка подсказывал ему новые стихи. У него была невероятная память. Все то, что он знал, что он сумел прочесть за свою короткую жизнь, было поистине изумительным» (княгиня Ольга Валерьяновна Палей, мать Владимира).

«Володя Палей был удивительным человеком, живым инструментом редкой чувствительности, способным производить удивительные мелодии и создавать мир ярких образов. По возрасту и жизненному опыту он был еще ребенком, но его разум достиг высот, до которых добираются немногие. Он был гением» (Великая княжна Мария Павловна, единокровная сестра Владимира).

«Родная моя мамочка!.. На прошлой неделе у нас была присяга новобранцев и – довольно, я скажу, неожиданно – наша, офицерская. Все эскадроны собрались в колоссальном манеже. Была дивная, торжественная минута, когда эти сотни рук поднялись, когда сотни молодых голосов выговаривали слова присяги и когда все эти руки снова опускались в воцарившемся гробовом молчании... Ах! Как я люблю такие минуты, когда чувствуешь мощь вооруженного войска, когда что-то святое и ненарушимое загорается во всех глазах, словно отблеск простой и верной до гроба своему Царю души. Мамочка! Я в херувимском настроении после говенья и придумал массу стихов. Как-то лучше пишешь после церкви. Я это совсем искренно говорю – все мысли, все строчки полны кротостью тихого блеска восковых свечей, и невольно от стихов веет вековым покоем икон. Грезы чище, благодатнее, и слова льются проще...» (Владимир Палей, из письма матери от 10 марта 1915 года).

«...Один священник царскосельский расстрелян, а два или три других арестованы. Это за служение молебное во время боя и за устройство крестного хода по Царскому. Теперь я себе объясняю жуткий колокольный звон, до боли диссонировавший с еще более жуткой канонадой. Голоса Добра и Зла! Но что может быть хуже расстрелов – служба церковная в Царском запрещена. Разве это не знамение времени? Разве не ясно, к чему мы идем и чем это кончится? Падением монархий, одна за другой, ограничением прав христиан, всемирной республикой и – несомненно! – всемирной же тиранией... Невеселые мысли лезут в усталую голову. И все-таки светлая сила победит! И зарыдают гласом великим те, кто беснуется. Не здесь, так там, но победа останется за Христом, потому что Он – Правда, Добро, Красота, Гармония» (Владимир Палей, запись из дневника от 1 ноября 1917 года).

– Андрей Валерьянович, как и почему у вас возник интерес к Владимиру Палею?

– В самой фамилии Палей существовал полет фантазии. Не сохранилось, как юный граф отнесся к смене титула в 1915 году с глупейшей немецкой фамилией на новую, но для его творческого будущего благозвучие родной природы сулило интерес.

Возник из-за фамилии он и у меня, когда в середине 1980-х мне попались его стихи. Та первая книга хорошо оформлена, а букинистическая дама уже

*Владимир Палей с родителями:
 Великим князем Павлом Александровичем
 и княгиней Ольгой Палей*

тогда сказала, что автора убили, многозначительно добавив: «Почти всех убили». Эта аллегория относилась, конечно, к трагедии Серебряного века. Вторая была не менее афористичная, когда, исследуя архитектуру города Пушкина возле красивого дворца с колоннами, я спросил у советского офицера на воротах воинской части: «А кто здесь раньше жил?», и услышал ответ: «Царица Палей!» Каламбур станет еще понятней, если

я дополню, что здание было инженерно-артиллерийским училищем.

В известной тогда краеведам книжке Эрика Голлербаха «Город муз» был абзац, что здесь жил юноша, писавший красивые и глупые стихи, что между строк понималось совсем по-другому. Так Голлербах хотел «протащить» в историю поэзии города ряд личностей, запрещенных в сталинское время, и поэтому наделил их разными критическими эпитетами. Тем более что у Палея не успел произойти отсев раннего творчества, и для толщины он включал в оба сборника произведения, не только стоящие внимания, но и чисто семейного плана.

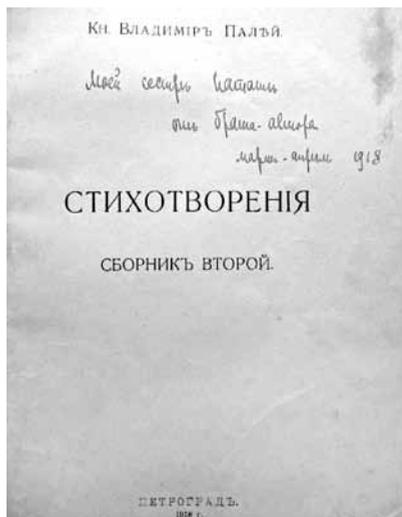
Когда с этим объемом знаний в 1990 году я появился в Москве в архиве ГАРФ, желая просмотреть многое по Царскому Селу, которым занимался, – был удивлен, увидев достаточно большой 614-й фонд записных книжек и документов князя Владимира Палея. С параллельными в других романовских фондах бумагами это составляло около ста источников, и на их просмотр ушло время. Как сейчас помню: очень трудно составлять биографию, когда нет опорных дат. Откуда появился юный князь? И до революции-то не представляли, ибо многое в семье Великого князя Павла Александровича было окутано тайной. Мемуары Ольги Палей в перестройку нигде не появлялись, несколько страниц Марии Павловны младшей касались лишь творчества ее сводного брата...

– При знакомстве с произведениями юного поэта отмечаешь, что в них он выступает вполне зрелым – не только автором, но и личностью. Что вы можете об этом сказать?

– Мне долго не удавалось опубликовать свою статью о Палее, сталкиваясь с упорным мнением, что если бы он был так талантлив, то его бы печатали в эмиграции. Были бы какие-нибудь публикации, как в случае с Гумилевым, – так считалось. Вот этот юный возраст – 21 год – всех и смущал! Един-

ственный случай сформировавшегося в такую пору поэта – гений Пушкина, потому что Лермонтов обрел свое личное перо только после 1837 года, а у остальных русских поэтов их лучшее – за пределами четверти века жизни.

Я коллекционер дореволюционных сборников поэзии и имею опыт музыкального сочинительства, но, просидев неделями с его черновиками в руках, на серьезном научном уровне не могу объяснить некоторые вехи развития его творчества. Вообще, родной язык мальчика был французский, и только после 16 лет он начинает свои русские пробы. Но в 1914 году происходит необыкновенный скачок, сравнимый, может быть, с успехами Екатерины II в освоении русского языка как литературного. Дневники Палея и Олега Константиновича Романова показывают огромную работу юноши над собой. Кстати, если Олег изначально был исключительно религиозен и полон научных замыслов, то Палей – долгое время веселящийся баловень судьбы, парижанин. Самое необычное, что при всем наборе даров природы он легко влез в длинную кавалерийскую шинель. А повидав смертей, очень быстро повзрослел. И в одном из петербургских дневников 1915 года записал, что все самое лучшее сочинит до 1918 года. Неизвестно, почему его посетила такая мысль, но факт в точности: 22-й день рождения он уже не отметит.

Обложка второго сборника стихотворений Владимира Палея с дарственной надписью сестре Наталье

– В своей очерке вы называете князя «русским французом». Но читая стихи, становится очевидным, что он ощущал и проявлял принадлежность именно к русской поэзии, продолжал ее лучшие традиции...

– Можно еще раз заострить внимание на иностранной поэзии князя, ибо в интернете ошибочно написано, что перевод поэмы К. Р. «Царь Иудейский» пропал. Нет, он лежит там же, в фонде архива в Москве на Большой Пироговской (хотя я считаю, что эти конфискации документов из дворцов в 1920-е годы должны иметь возврат в музей). Пьеса, которую очень внимательно прочитал Булгаков, планировалась быть во Франции после войны. Лично знакомый с детства с цветом французской литературы, князь-переводчик с ней мог произвести фурор. По вкусу Владимир Палей любил иностранных модернистов с точки зрения техники стиха. Его собственная муза разрывалась между поисками новых форм и традицией. Произведений декадентского

Владимир Палей

него лилось, как солнце. И имело свое продолжение, как проповедь, но уже в каноне жизненного обихода.

Первым таким было стихотворение против постройки игорного заведения в Симеизе в 1915 году. Желая что-то сделать в память князя, в 2014 году я показал этот стих мэру Симеиза, и он зачитал его на заседании, подчеркивая, как свежа бывает гражданская мысль настоящего поэта. Там, в Симеизе, чудом сохранилась их дача. И вы знаете, когда она была брошенной, именно там москвичи проводили любительские конкурсы летней моды. Это не имеет отношения к нашей теме, но ведь на этой даче была и младшая сестра князя, Наталья Палей, будущая законодательница вкуса, близкая с модельерами, кинорежиссерами и знаменитым А. Экзюпери... Что же касается Владимира, у него амплуа аристократического бытописателя в 1915 году сменилось на христианскую тему; даже в крымских произведениях религиозных мотивов у него больше, чем описаний природы. Можно сказать, что он увидел на этих древних побережьях вечность в усыновлении этих мест новой византийской верой...

– А что известно о политических взглядах Палея, его отношении к революции в России?

– Удивительно, что ему, дальше всех находящемуся от двора, с самого начала показалось неприятным произошедшее в 1917 году. И князь Игорь Константинович не ликовал: «Со службы пришлось уйти как пособнику старого режима». Но Палей ощущал настоящую тревогу, видя в падении монархии торжество темных сил. Судя по разным письмам от сводного брата Дмитрия Павловича, что «прежний строй уже не мог существовать в таком виде», Палей в своих стихотворениях упорно критиковал все формы революционных пороков. Конечно, эти стихи не печатались в новой прессе.

плана у него мало, но они есть. Напротив, пушкинское благозвучие и ажурность словосочетаний представлялось на момент крушения империи главными последователями Пушкина через цепочку: Тютчев, А. К. Толстой, Майков... Кроме перевода К. Р., он перестает с военной поры писать стихи на французском...

– Обращение к религиозно-философской и гражданской тематике тоже было связано с войной?

– Листая хронологически его толстые тетради и папки, я был обрадован многим стихам церковного и молитвословного содержания. Сразу заметил, что это не просто дань великосветскому положению, – это из

Кажется, он дольше всех носил погоны старого образца, в то время как кузен Царя Кирилл Владимирович ходил с красной гвоздикой. А потом происходит самое трагическое. При собеседовании уже с большевиками ему было предложено письменно отказаться от принадлежности к дому Романовых – отречься от отца. Что в эти минуты у него пронеслось перед глазами: Царская семья, которую он любил, Павел I в аналогичной ситуации в Михайловском замке? Отказываясь, он еще мог быть спасен за всякие взятки, но – не отрекся и отправился в крестный путь...

– Расскажите о вашей работе с наследием князя-поэта. Ведутся ли сейчас дальнейшие исследования и есть ли надежда на его широкое общественное признание?

– Когда я начал свои исследования, в московском архиве работали интересные люди – Любовь Тютюнник, Ольга Барковец. Они вместе с другими исследователями открывали для себя всю эту историю русской государственности. Такой эпизод: просматривая дневники Николая II или другие документы по теме, я чаще всего находил только две фамилии работавших с ними – Пикуль и Касвинов. Многие открывались впервые. Помню, мы решили, что раз К. Р. завещал свои дневники вскрыть через сто лет, так вроде и неудобно их листать. Я только сделал выписки по нескольким нужным эпизодам. В 1992 году мне удалось напечатать в газете «Час Пик» большую, на всю полосу, статью – «Несостоявшийся поэт Серебряного века». Потом, конечно, были реплики, что Палея нельзя сравнивать с великими именами...

К 1996 году я уговорил русского мецената Сергея Рогова, спонсировавшего восстановление Федоровского собора, помочь с изданием книги стихов и биографии Палея. Я постарался ее сделать в духе романтической старины, с виньетками, и она имела успех. В то же время я передал Любови Тютюнник в архив ксерокопии двух своих дореволюционных сборников Палея, потому что у них с Татьяной Александровой за годы моих комплиментов Палею сложился свой план полного издания. Проживая за границей и переговорив с престарелой Ириной Палей, у Т. Александровой тоже появились возможности для проекта, но, как и у меня, несколько лет ушло на составление биографии поэта.

Уже сталкиваясь с критикой, к 1996 году я подготовил сборник произведений князя: церковных, светских, военных – на свой

Обложка книги А. Барановского
«Князь Владимир Палей.
Биография. Стихи»
(Царскосельский Романовский фонд,
1997)

вкус. Обе книги вышли почти в одно время, а я поставил на титуле следующий год, что было в правилах книготорговли. Но реализации в обоих случаях тогда не сложилось. К примеру, невозможно было в те годы поставить подобную книгу в любой магазин города Пушкина, где многие оценивали последнее царствование критически.

В 2008 году я переиздал биографию Палея с учетом новых сведений и одной его объявившейся записной книжки. Все попытки сделать особое издание приводили к тому, что научные круги упрекали в религиозности финала биографии, а церковные – что я описываю его как живого человека, гусара, способного к чувству любви. К сожалению, не удалось осуществить задуманное и в столетие гибели князя. Все, что мы смогли – провести в тот день литературно-мемориальный концерт, где звучали его стихи.

Вспоминаю окончание своего разговора со старостой церкви в Симеизе: «...И чего вы хотите от нас?» – «Ничего... Просто передать стихи и сообщить, что у вас есть свой, неповторимый в русской истории святой, и он ходил по этим камням...»

Беседовала Анна Рябинина

Стихотворения Владимира Палея

О, Свете тихий

О Свете тихий, Боже правый!
Ты ниспошли Свои лучи,
В покой таинственной оправы
Алмазы сердца заточи...

Измучен я немым страданьем,
Не знаю – чем душа полна.
Так пусть Тобой, Твоим сияньем
Навек исполнится она.

Во мне мерцает, догорая,
Недостижимая мечта –
Возьми, возьми её для рая,
Где всё покой и красота!

И Ты, о Пресвятая Дева!
Склонись над жизнью молодой
И грусть чуть слышную напева
Возьми незримою рукой!

Храни её! В ней все стремленья,
Все думы светлые мои,
В ней дань земного умиленья,
В ней всех источников струи!

Храни её над облаками,
В немой лазурной вышине,
И в час, когда беспечность с нами,
Отдай её Ты снова мне!
И будет что-то неземное
Звучать с тех пор в стихе моём,
В нём всё далёкое, святое
Сольётся с жизненным огнём.

В нём отзвук ангельской свирели
Скользнёт, как чистая слеза,
И буду знать я, что смотрели
Мне в сердца глубь Твои глаза.

Декабрь 1914 года

Народ на площади дворцовой
Толпился, глядя на балкон,
Блестело золото икон,
И, как предвестник славы новой,
Взвивая флаги над толпой,
Отрадно ветер дул морской...

«Ура» неслось... Росло волнение,
Гимн повторялся без конца.
И к окнам Зимнего дворца
Взлетало громкое моление,
Как рой незримых голубей:
«Спаси, Господь, Твоих людей»...

Святые чувства дней минувших,
Под гнётом времени заснувших –
Восторг, надежду и любовь
Опасность воскресила вновь,

И, восставая перед нами,
Сияли светлыми лучами
Картины невозвратных дней,
Что кистью мощною своей

Былые мастера писали –
Картины славы и побед,
Где так ясны золотые дали
И где людей грустящих нет...

Какой толпа дышала силой
В тот незабвенный, чудный миг!
Как сладок был народа крик,
Что не страшится он могилы,

Что он на всё, на всё готов,
Пусть даже смерть закроет веки –
Но не познает Русь вовеки
Жестоких вражеских оков.

У всех цвело в душе сознание,
Что мы ещё сильнее, чем встарь...
Но воцарилось вдруг молчанье:
К народу вышел Государь.

И пред своим Вождём Державным
Толпа одним движеньем плавным

В одном стремлении пала ниц...
И миг сей, созданный толпою,
О Русь, останется одною
Из исторических страниц...

Царь говорил – и это Слово
Всегда звучать нам будет снова
В минуты скорби и тоски,
А тот, кто слышал эти речи,
Не сгорбит побеждённо плечи
До гробовой своей доски...

«Мир заключен не будет Мною,
Покая я врагу не дам,
Пока он вновь не будет там,
За пограничную чертою»...

И залы Зимнего дворца
«Ура» как громом огласились.
Дрожали стёкла, и сердца
Восторгом трепетным забились!

Сияя чудной красотой,
Вся в белом, плакала Царица;
Она на подвиг шла святой
Быть милосердною сестрицей.

И клики снова поднялись,
Взлетая неудержно высь.
Толпа, как море, бушевала,
Безумной храбростью горя,
И с умиленьем повторяла
Слова Российского Царя...

Дворец же старый перед нею,
Безмолвный, волею судьбы,
Душой утрюмою своею
Воспринимал её мольбы.

И, нитью связан с ней незримою,
Сливался каменный дворец
С отвагой непоколебимой
Геройских пламенных сердец...

Январь 1916 года, Царское Село

Странник

Молился он.
 Став рядом с ним случайно,
 Ему в глаза я бегло заглянул –
 И звёздное почудилось мне небо,
 Во всей своей безмолвной красоте...
 И долго я, зашедший в этот храм
 Лишь для того, чтобы найти мгновенно
 Забвение в молитве торопливой,
 Не мог отвлечь облаканного взора
 От светлого сиянья чудных глаз...

И вышел я на улицу... И вдруг,
 Среди толпы спешащей и шумливой,
 Поверила взалкавшая душа,
 Что будет мир наполнен чудесами,
 Что мёртвые сердца не перестанут
 На голос Иисуса откликаться,
 Пока в очах скитальцев исхудалых
 Не потускнеет звёздный свет, зажжённый
 Святыми недосказанами Христа.

Апрель 1916 года

* * *

Мы ищем радости – а радость вечно тут, Во всякой мелочи обрядов ежедневных, Но только чистые сердца её поймут, Она не для людей озлобленных и гневных...	Мы ищем счастья, а счастье тут всегда, Во власти каждого, у каждого порога, В молчаньи отдыха и в красоте труда, В надежде на людей и в упованьи в Бога...
---	---

19?? год

* * *

Мне дорог час, когда царицей властной
 Встаёт вдали румяная заря
 И к жизни вновь готовится прекрасной
 Душа, любовью трепетной горя...

Но коль Родины верным и преданным сыном
 Паду я в жестоком бою –
 Дай рабу Твоему умереть христианином,
 И пускай, уже чуждый страстям и кручинам,
 Прославит он волю Твою...

Но всех дороже мне тот час упокоенья,
 Когда туман рождается ночной,
 И вся душа, источник вдохновенья,
 Горит в тиши высокою звездой.

*Сентябрь 1915 года,
 действующая армия*

* * *

Люблю лампы свет неясный	Как будто кто-то, невзирая
Пред тёмным ликом Божества:	На то, чем жив и грешен я,
В нём словно шёпот ежечасный	Всегда стоит у двери рая
Твердит смиренные слова,	И молит Бога за меня...

21 ноября 1916 года, Могилев

* * *

Мы восходить должны, в течение этой жизни,
 В забытые края, к неведомой отчизне,
 Навевшей нам здесь те странные мечты,
 Где свет и музыка таинственно слить...
 О, низшая ступень! О, лестница к святыне!
 О, вещей, вещей сон Иакова в пустыне!

Январь 1917 года

Третий звонок

Дождь моросит. Из окон мрачных зал
 Сквозь дым тумана льётся отблеск мутный.
 Огни ночные сторожат вокзал,
 Звучит во мгле свисток ежеминутный.

Пронесётся с шипеньем поезда,
 Бежит толпа с цветными узелками.
 Уходят рельсы мокрые – туда,
 Во мрак сырой, пронизанный гудками.

Вздыхает паровоз. Там, в стороне,
 Два воробья заботятся о корме...
 Фуражкой машет офицер в окне,
 И кто-то в чёрном плачет на платформе.

191? год

Из цикла «Великим постом»

Чёрные ризы... Тихое пенье...	Шёпот молитвы... Строгие лики...
Ласковый отблеск алых лампад...	Звонких кадильниц дым голубой...
Боже всесильный! Дай мне терпенье:	Дай мне растаять, Боже великий,
Борются в сердце небо и ад...	Ладаном синим перед Тобой!

Выйду из храма – снова нарушу
Святость обетов, данных Тебе, –
Боже, очисти грешную душу,
Дай ей окрепнуть в вечной борьбе!

В цепких объятьях жизненных терний
Дай мне отвагу смелых речей.
Чёрные ризы... Сумрак вечерний...
Скорбные очи жёлтых свечей...

* * *

Как расцветает сад весеннею порою
И радует глаза безмолвною игрою
Теней лазоревых и солнечных лучей,
Как пробуждается под травами ручей,

Как песня соловья над томностью сирени
Витает, полная певучих повторений,
Как, трепетно горя ликующим огнём,
Небесная лазурь яснеет с каждым днём –

Пусть так же, Господи, в душе моей заснувшей
Отгонит вешний день следы тоски минувшей,
Пусть так же расцветёт для непорочных дней
Сад опечаленный мятежности моей,

И, глядя вновь на мир отрадными очами,
Склонюсь я пред Тобой с покорными речами!

* * *

Благий Господь! Я немощен и грешен,
Звучит печаль в молениях моих...
В былые дни я песней был утешен
Меня пьянил беспечно-лёгкий стих,

Но мне теперь уже не шлёт забвенья
Мучительный огонь духовных сил –

В пенящемся напитке вдохновенья
Я горечи неведомой вкусил.

О, дай с порывом мне воспрянуть новым,
Дай в ближнем мне не видеть только ложь,
Дай мне любить и дай мне быть готовым,
Когда к Себе меня Ты позовёшь!

Март 1917 года

Антихрист

Идёт, идёт из тьмы времён
Он, власть суля нам и богатство,
И лозунг пламенных знамён:
Свобода, равенство и братство!

Идёт в одежде огневой,
Он правит нами на мгновенье,
Его предвестник громовой –
Республиканское смятенье.

И он в кощунственной хвале
Докажет нам с надменной ложью,
Что надо счастье на земле
Противоставить Царству Божью.

Но пролетит короткий срок,
Погаснут дьявольские бредни,
И воссияет крест высок,
Когда наступит Суд Последний.

191? год

* * *

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далёких, милых прожитых минут
Нахлынули в неё воспоминанья...

Всё время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет, кровный враг, латыш, угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий...

За что? За что? Мысль рвётся из души,
Вся эта пытка нравственных страданий,
Тяжёлых ежечасных ожиданий,
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,

Мысль узника в мольбе уносит высоко –
То, что растёт кругом, так мрачно и так низко.
Родные, близкие так страшно далеко,
А недруги так жутко близко.

191? год

* * *

Господь во всём, Господь везде:
Не только в ласковой звезде,
Не только в сладостных цветах,
Не только в радостных мечтах,

Но и во мраке нищеты,
В слепом испуге суеты,
Во всём, что больно и темно,
Что на страданье нам дано...

Господь в рыданьи наших мук,
В безмолвной горечи разлук,

В безверных поисках умом –
Господь в проклятии самом.

Мы этой жизнию должны
Достичь неведомой страны,
Где алым следом от гвоздей
Христос коснётся ран людей...

И оттого так бренна плоть,
И оттого во всём – Господь.

Август 1917 года

Священник Игорь Иванов

«Я написал вам, юноши, потому что вы сильны...»

Александровский парк на Петроградской стороне – романтическое место в центре Санкт-Петербурга. Здесь часто встречается, гуляет и отдыхает молодежь культурной столицы. Здесь на одной из тенистых аллей можно слышать песни вольных «трубадуров» XXI века. Но порой звучат слова, знакомые старожилам по 90-м годам века двадцатого:

А над городом – жёлтый дым,
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом Звезды
По имени Солнце...

Кому-то может показаться, что это бунтарский вызов того, «кто живет по законам другим и кому умирать молодым»; как бы своего рода революционный мотив, свойственный юношескому максимализму, стремящемуся раздвинуть облака, закрывающие «небесный свет». Но для кого-то верность Христу и Церкви также казалась бунтом против «мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6:12).

За какой «свет» и за какую «правду» погибали юноши с обеих сторон в октябре 1917 года при осаде Кремля в Москве и при штурме Владимирского военного училища на Большой Гребецкой улице в Петрограде? Странники победившего «светлого будущего» затем массово расстреливали инакомыслящих юнкеров; в городе – «колыбели революции» это происходило у стен Петропавловской крепости и в парке Лесотехнической академии¹.

Красная, красная кровь –
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами Звезды
По имени Солнце...

Да, внешнее противостояние – это выявление не только противостояния мировоззренческого, но и противостояния духовного. Да, духовная борьба –

дело молодых, людей, юных сердцем и душой, людей горячих, готовых умереть за Правду тогда, когда жизнь, казалось бы, предлагает столько возможностей для реализации талантов и способностей сообразно искусам времени.

И две тысячи лет – война,
 Война без особых причин.
 Война – дело молодых,
 Лекарство против морщин.

На заре христианской эры апостол Иоанн Богослов так обратился к своим ученикам: «Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого» (1 Ин. 2:13). Можно сказать, что эти слова в некотором роде архетипичны. Молодость с ее искренностью, правдолюбием, честностью, отважностью и бодростью, избытком жизненных сил и талантов – лучшее время для победы над искушениями, над моральным злом, корни которого можно успеть вырвать до того, как они углубились в почве души, сформировав в ней пагубные навыки. Но эта борьба прежде всего борьба с самим собой, точнее, борьба с лукавством, которое проникает в сердце и ум и пытается завладеть ими, паразитируя на них, предлагая свое лукавое извращение Правды. И здесь, чтобы не обольститься, требуется духовный разум, духовное просвещение, «Свет Христов, просвещающий всех». Об этом тоже говорит нам апостол Любви и Истины: «Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого» (1 Ин. 2:13). Победить лукавого можно только словом Божиим и силой благодати, силой, которая попирает и физическую смерть. Но прежде воскрешает душу от смерти духовной.

Враги этой духовной победы думают и думали, что, убив тело и, более того, расчленив его, они смогут воспрепятствовать воскресению христианина. Так было, например, при гонениях в Лионе в 177 году, когда мученическую кончину приняла юная христианка Бландина, ответившая честно и твердо своим палачам: «Я христианка, мы ничего плохого не делаем!»

Так было и в годы гонений на Церковь со стороны власти большевиков... Вот строки одного из Алапаевских мучеников, князя Владимира Палея²:

² Поручик лейб-гвардии Гусарского полка, князь Владимир Павлович Палей (9.01.1897–18.07.1918) был сыном Великого князя Павла Александровича и княгини Ольги Валериановны Палей. Несмотря на то что родился и вырос он во Франции, князь Владимир преданно любил Россию. Он был талантливым поэтом, драматургом, прекрасно рисовал. После Октябрьского переворота М. С. Урицкий предложил ему отречься от отца, от Романовых, но для благородного и честного Владимира это было немислимо. В наказание за непокорность большевикам он был отправлен в ссылку в город Алапаевск, а в ночь с 17 на 18 июля 1918 года был сброшен в шахту вместе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной, Великим князем Сергеем Михайловичем, князьями Иоанном, Константином, Игорем Константиновичами, инокиней Варварой и Ф. Ремезом.

Огради меня, Боже, от вражеской пули
 И дай мне быть сильным душой...
 В моём сердце порывы добра не заснули,
 Я так молод ещё, что хочу, не хочу ли –
 Но всюду, во всём я с Тобой...

...Но, коль родины верным и преданным сыном
 Паду я в жестоком бою, –
 Дай рабу Твоему умереть христьянином,
 И пускай, уже чуждый страстям и кручинам,
 Прославит он волю Твою.

Стоит ли говорить о том, что для юного князя честь, благородство и вера были непреложны. Он был воспитан в такой семье, где христианские добродетели и такие душевные качества, как порядочность и честность, ценились выше не только материальных благ и почестей, но и самой жизни.

Но возникает вопрос: как так случилось, что в массе своей русское общество, воспитанное, как казалось, в христианских традициях, явилось беззащитным перед натиском inferнального соблазна построения «светлого будущего» на развалинах «темного прошлого»? Неужели оно было в какой-то мере подвергнуто инфекции «дремучего нечувствия» смыслов – антицерковной и антикультурной по своей сути.

В 1936 году об этом размышляла в своей статье Мирра Ивановна Лот-Бородина³, отметив следующее: «гипертрофированный ритуализм был нашим злым роком, не побоимся сказать: усыпляющим опиумом. Он и корень исторической трагедии раскола, включая сюда не только старoverчество, но и хлыстовский блуд всех видов вплоть до распутинского кошмара, не говоря уже о всевозрастающем влиянии протестантских сект. Он же первопричина отрыва многих поколений интеллигенции от родной Церкви и внецерковных скитаний нашей духовной элиты, а быть может, и самой возможности бесстыдно-позорного истребления национальных святынь на глазах у “христианнейшего” народа. Мистицизм последнего, не утверждённый догматически, основанный на одном религиозном инстинкте, и тут потерпел фиаско: не сумел ни внутренне осмыслить, ни сохранить драгоценное свое сокровище»⁴.

³ Мирра Ивановна Лот-Бородина (1882–1957) родилась 21 января 1882 г. в Санкт-Петербурге в семье известного русского ученого-ботаника Ивана Парфеньевича Бородина (1847–1930) и Анны Перец из крещеных евреев. Мирра получила энциклопедическое образование в женском университете князя Оболенского. Покинув Россию в 1905 г., она продолжила образование во Франции и получила степень доктора в 1909 г. за диссертацию на тему: «Женщина в творчестве Кретьена де Труа». В 1950-е гг. Мирра Ивановна Лот-Бородина активно сотрудничала с Вестником Русского Студенческого Христианского Движения. Она опубликовала в нем пять статей: «Благодать “обожения” через таинства на христианском Востоке» (1953); «О церковной культуре мирян» (1953); «Полнота истины и полнота христианской жизни (По поводу статьи С. С. Верховского “Православие как истина”» (1954); «О Евхаристии» (1956) и «Дух мученичества на заре христианства» (1956–1957).

⁴ Лот-Бородина М. Критика русского христианства // Путь. 1936. № 5. С. 48.

В другой своей статье она так уточняет волевой аспект в деле формирования сознательной церковной духовной жизни: «Даже обновляющее укрепление всего душевно-духовного организма церковными таинствами недостаточно без соучастия *воли* в деле спасения, ибо человек призван Богом к свободному приятию или неприятию дарованной ему благодати. Одно (и притом всегда относительное) познание истин веры не приводит поэтому автоматически к ее осуществлению в земной эмпирии»⁵.

Ключевой момент современной христианской жизни – разумное, здоровое, осознанное укоренение в православном мировоззрении. Но как его воспитать, привить, сформировать и в самом себе, и в тех, кто окружает тебя, будучи в некоторой мере человеком Церкви и человеком светского мира? Церковная культура – вот, наверное, та среда, в которой могла бы органично развиваться личность христианина. Но что на самом деле она собой представляет и была ли (есть ли) она в России?

К этой теме вновь возвращается М. И. Лот-Бородина в 1950-е годы, когда завершилась страшная мировая война, когда новые поколения русских людей стали приходить на смену тем, кто был свидетелем и участником революционных событий.

Хочется привести здесь несколько основных положений ее статьи «О церковной культуре мирян». Во вступлении к ней Мирра Ивановна говорит следующее:

«В настоящей статье удержана только более узкая, специфическая, идея церковной культуры. Сюда вливается и полнота индивидуального опыта, но исключительно на фоне традиционно-коллективного, как единственного верного компаса в земном нашем странствии. Таким образом понимаемая церковная культура неразрывно связана с накопленным в прошлом богатством, т. е. со всей историей Церкви. Следовательно, каждый в меру своих сил, конечно, обязан приобщиться целостному познанию завещанного и доверенного ему сокровища. Иначе он мертвая ветвь вечно зеленеющего древа жизни, несмотря на вышний дар благодати, подаваемый при крещении, ибо дар сей должен быть оплодотворен волей разумного существа, живым участием и сердца и ума его»⁶.

После обозначения такой нормы Лот-Бородина задается вопросом: «*а существовала ли в нашем веками трагически раздираемом отечестве, подлинная православная культура?*»

И далее она приводит несколько ответов-наблюдений из исторических примеров⁷:

⁵ Лот-Бородина М. Полнота истины и полнота христианской жизни (По поводу статьи С. С. Верховского «Православие как истина») // Вестник РСХД. 1954. № 5 (35). С. 3.

⁶ Лот-Бородина М. О церковной культуре мирян // Вестник РСХД. 1953. № 5 (30). С. 26.

⁷ См.: Там же. С. 27–30.

1. Древнерусский период: *«несмотря на все внешние препятствия (включая сюда и татарское иго, лишенное, правда, всякого прозелитизма), не только ростки истинного благочестия, но и церковной культуры быстро всходили и крепили на родной ниве».*

2. Московский период: *«Раскол, разбивший впервые, как бы – зловецим! предзнаменованием, единство нашей Церкви, надолго затормозил ее свободное развитие. Из-за этой лихой национальной беды религиозная жизнь, еще бывшая ключом, разом застыла: на одном полюсе – в мертвенной костности, в обоженной старине, на другом – в подозрительной настороженности и все более агрессивной нетерпимости. И там и тут дебелисть религиозного! самодовлеющего быта постепенно овладевает массами, оттесняя их от участия если не в церковной жизни, то в ее культуре».*

3. Императорский период: *«придушенная властью синодальная Церковь тщетно борется на два фронта: против левого, все растущего безбожия молодой интеллигенции и против всяких лжеучений – равно на верхах и в низах – сектантства или псевдомистики. А правоверный, всегда безмолвствующий народ смиренно бьет поклоны перед иконами и ходит с котомкой по богомолям, отмаливая и свои, и чужие грехи. <...> Зато духовенство, изолированное как особое сословие, едва ли не каста, все меньше и меньше общается с “миром”, все слабее влияет на текущую жизнь, за отсутствием достаточного авторитета».*

Затем М. И. Лот-Бородина делает малоутешительный вывод: *«Это фактическое положение Церкви дает печально-отрицательный ответ на поставленный нами выше второй вопрос о доступности церковной культуры мирянам».*

И добавляет комментарий про духовный ренессанс Серебряного века русской культуры: *«С одной стороны мы видим за “сменой Вех” обращение на путь веры многих писателей и профессоров, иных пришедших к священству и даже к монашеству; с другой находим, увы, немало кинувшихся в объятия оккультизма, тео- и антропософии и того хуже: в настоящий омут оргийного блуда под фиговым листком “дионисийского экстаза”».*

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в эмиграции, она пишет следующее:

«После великого Исхода кающихся марксистов произошло, казалось, подлинное обновление душ. Во всяком случае, здоровое ядро Православия проявило за рубежом огромную энергию, раскинув целую сеть христианских просветительных учреждений и организаций, особенно в Париже, где сосредоточилась почти вся наша элита. Из этих эмигрантских рассадников

специально православной культуры назовем в первую очередь Русский богословский институт Сергиевского подворья, куда сразу вошло столько новых научных сил и откуда вышло так много просвещенных пастырей-миссионеров, а также Русское студенческое христианское движение, не говоря уже о периодических изданиях, созданных в том же духе и с теми же целями.

Тем не менее, несмотря на все затраченные усилия, несмотря на некоторые утешительные достижения, приходится с прискорбием констатировать общий низкий **культурно-религиозный** уровень большинства наших приходов. Налицо искренняя набожность, сравнительно усердное посещение храма, внешняя церковность, но на них лежит печать серой рутины и полного равнодушия к “единому” на потребу: к жизни духа и к сокровищам многовекового христианского творчества. Речь идет здесь не о простой некультурности и даже не об индифферентизме, которые объясняются трудными условиями беженского существования. Зло лежит несравненно глубже: в плоскости сознательного ограничения горизонта; не столько нечувствия, сколько отрицания. Это уж принципиальная религиозная **антикультурность**. Откуда сие? Прежде всего от старочтимых навыков “бытового” православия. Но в ту пору антиинтеллектуализм масс был плодом невежества и не препятствовал духовному росту. В настоящее же время, при инстинктивном недоверии ко всему, что находится за пределами обряда и обычая, налицо настоящее **духоборчество**, в форме воинствующего опрошения и культурной безграмотности»⁸.

Как общий итог статьи М. И. Лот-Бородиной и одновременно призыв к молодежи и будущим поколениям церковных людей мы читаем следующее:

«Поэтому мы решаемся обратиться с призывом к молодому активному поколению невольных апатридов: Духа не угашайте! Отдайтесь сердцем и умом не одному обереганию, но и приумножению истинно христианских ценностей. Боритесь неустанно со всеми видами мракобесия, звеньями одной цепи, сковывающей свободную религиозную православную мысль, боритесь с эгоцентричным, обветшалым национализмом, буквоедством, духовным отупением, культурным нигилизмом... Все это в конечном счете проявления социального мирового регресса. Помните, что мир всегда полон идолами и фанатичными их служителями. А разумные твари созданы “по образу и подобию” единого Бога, им вручившего свою Церковь для приготовления человеческого рода, искупленного Христом, ко грядущей парусин, т. е. к явлению в славе Его Царствия»⁹.

⁸ Лот-Бородина М. И. О церковной культуре мирян // Вестник РСХД. 1953. № 5 (30). С. 31.

⁹ Там же. С. 34–35.

В 2018 году, обращаясь к памяти тех, кто сто лет назад пережил крах культурной, социальной и политической русской жизни, но сохранил в себе христианскую победу над лукавым, можно однозначно сказать (опираясь на афоризм преп. Максима Исповедника: «У человека два крыла для вознесения к Богу: свобода и благодать»), что подлинное народное единство и просвещение (равно как и народная «церковная культура») возможны именно при свободной, убежденной и волевой сопричастности верующих христиан благодати Духа Святого, очищающего людей от всякой скверны, таящейся в уме, душе и сердце.

Источники и литература

Лот-Бородина М. И. Критика русского христианства // Путь. 1936. № 5. С. 45–55.

Лот-Бородина М. И. О церковной культуре мирян // Вестник РСХД. 1953. № 5 (30). С. 26–35.

Лот-Бородина М. И. Полнота истины и полнота христианской жизни (По поводу статьи С. С. Верховского «Православие как истина») // Вестник РСХД. 1954. № 5 (35). С. 2–6.

Петров С. Ю. На берегах реки Ждановки. СПб.: Центрполиграф, 2012. 384 с.

«А душа моя – Божья стезя» О духовном пути монахини Марии (Скобцовой)

От будничной житейской суеты,
От помыслов слепых и суеверных
Иду туда, где расцвели сады
Житъя святых, пророков, старцев верных.

Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Рубль

Смотри, от каких дел душа твоя создается
и от каких разоряется.

*Из письма схимонаха Илариона
другу и собрату
от 30 марта 1892 года*

Е. Ю. Кузьмина-Караваева

В жизни матери Марии, короткой и огнепальной, в начальный ее период, неожиданным образом сочетались бурное земное начало и духовная жизнь, участие в общественно-политической жизни и всепоглощающая любовь, проникновение в тайны богословия и постижение духовной философии.

Не хотелось бы, чтобы это повествование было понято как попытка определения созидательных или разорительных звеньев в цепи событий, слагающихся в зримую канву жизни подвижницы XX века.

При этом в биографическом плане эта дилемма относится по преимуществу к анапскому периоду жизни матери Марии, и при всей двойственности ее она приводит к религиозной аскезе во второй поло-

вине жизни и, значит, всепобеждающему созидательному началу. В чем оно проявилось, где оно явственно обозначилось на этом пути собирания души?

Еще в далекие годы юности Елизавета Юрьевна писала: «Я знаю, что в моей жизни пути только намечаются, но даже и поэтому так ясно, что все двойственно». А в другом письме А. Блоку от 1913 года она говорит: «Если бы я, я человеческая, осмелилась, я бы издала 2-ую книжку, чтобы взять к ней эпитафию: “Каждую душу разбил пополам и поставил двойные замки”».

В автобиографической исповеди «Духов день», одном из последних, как известно, произведений, написанных в эмиграции, она вновь возвращается

к теме двойственности, и уже в философском обобщении эта тема звучит в заглавной части поэмы:

У человека двойственен состав,
Двух разных он миров пересечение, –
Небесной вечности и праха сплав.

Она развивает тему и логически завершает ее словами:

Я говорю лишь о судьбе своей,
Неведомой, ничтожной и незримой,
Но знаю я – Бог отражался в ней.

Памятуя именно об этом, мы видим какую-то логическую завершенность ее чувств, преданности им в тех жизненных ситуациях, которые проявляются в поступках, характере отношений, ее делах. Возможно, в этом смысле и ее подход к А. Блоку и встреча с ним впервые в феврале 1908 года определялись той же стремительной порывистой душой, ищущей и бесконечно верной себе, схожей с образом моря «зимнего, бурного, почти черного», как говорит она сама о себе, когда разговор заходит о понимании характера. И вот как это звучит в строках ее поздних стихов:

Судьба моя. Мертвящими годами
Без влаги животворной спит она.
Но только хлынет океаном пламя,
Но только прокатится гулкий зов
И вестники покажутся меж нами, –
Она оставит свой привычный кров
И ринется навстречу, всё забудет...

В этой связи, по-видимому, следует рассматривать и ее участие в общественно-политической жизни, революционном движении, решающих событиях 1917–1918 годов.

1. «И душе хотелось подвига...»

С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.

Мать Мария. Духов день

По воспоминаниям матери, Софьи Борисовны, юная Лиза включилась в просветительскую деятельность среди рабочих Петербурга еще в гимназии, при этом она уже имела некоторые представления о социальных вопро-

сах со времени 1905 года в Ялте. Став бестужевой, студенткой Высших женских курсов, она переосмысливает многие понятия и о своем настроении того времени говорит так: «Я мечтала встретить настоящих революционеров, которые готовы каждый день жертвовать своей жизнью за народ. Мне случалось встречаться с какими-то маленькими партийными студентами, но они не жертвовали жизнью, а рассуждали о прибавочной стоимости, о капитале, об аграрном вопросе». Брак с Д. В. Кузьминым-Караваевым, бывшим членом социал-демократической партии, безусловно, связан с ее взглядами на главные социальные вопросы. В семье Кузьминых-Караваевых царил «культ Соловьева, милые житейские анекдоты о нем». Культ личности Соловьева был очень силен в студенческой среде Петербурга. Обобщая настроения того времени, Елизавета Юрьевна пишет: «Конечно, не только молодежь чувствовала приближающуюся гибель старого мира. Этим чувством были до конца проникнуты все – многие бессознательно».

И вот на фоне поисков и жизненных перипетий, в которых живет она в ту пору, и происходит, по-видимому, ее встреча с Виктором Черновым. Это событие занимает, на мой взгляд, особое место в определении политической платформы, с которой она приходит окончательно к 1917 году. Сошлюсь на те немногие материалы, которые косвенно подтверждают это положение.

В воспоминаниях А. Д. Бушен, приведенных в статье С. Сенина «Семь веков служат отечеству» (Источник. 1995. № 5), упоминается о том, что после личной драмы Елизаветы Юрьевны, пережившей разрыв с любимым человеком, «Софья Борисовна возила дочь за границу». Эта поездка известна нам и по письму Елизаветы Юрьевны А. Блоку от 24.04.1912. Именно тогда, в эту поездку ее одиночество было нарушено встречей с лидером и идеологом эсеровской партии В. М. Черновым. Яркая и сильная личность, по воспоминаниям друзей и врагов, четкая определенность взглядов – все это нашло отклик в душе Елизаветы Юрьевны, сблизило с В. М. Черновым. О факте ее встречи и поездки с В. М. Черновым за границу сообщает двоюродный брат Елизаветы Юрьевны по материнской линии Б. Н. Делоне (Фонд Анапского музея). Он же пишет, что там, за границей, они расстались, и расстались достаточно бурно. Вот описание этого периода в ее жизни, со слов самой Елизаветы Юрьевны в письме А. Блоку от 28.11.1933: «С мужем я разошлась и было еще много тяжести после этого. Иногда любовь к другим, большая настоящая любовь заграждала Вас, но все кончалось всегда, и всегда как-то не по-человечески, глупо кончалось, потому что вот Вы есть. Когда я была в Наутейме – это был самый большой перелом, самая большая борьба, из нее вышла с Вашим именем. А потом были годы совершенного одиночества, дом в глуши на берегу Черного моря». Возможно, что поездка В. М. Чернова, выезжавшего довольно часто по делам партии эсеров за границу, и совпала с поездкой Елизаветы Юрьевны, о которой пишут Бушен и Делоне, так как о других поездках ее за границу сведений нет.

Пожалуй, если принять 1912 год за основу, можно почти с уверенностью говорить и о становлении ее политических взглядов как члена эсеровской партии, членство которой в тот период не оформлялось документально или уплатами членских взносов, как это было в партии большевиков.

Активизация ее деятельности как члена партии эсеров в 1917 году, как известно, связана с бурным развитием событий, притоком членов партии. Поддерживая демократические институты после свержения царя, Елизавета Юрьевна выступает уже с позиции четкой эсеровской платформы. В связи с этим можно сослаться на ее воспоминания в биографическом очерке «Как я была городским головой». Интересным в этой связи представляется один из документов того времени, относящийся к событиям в Анапе и связанный с Петроградом. Это воззвание Анапского Гражданского комитета, опубликованное в «Кубанской газете» 14 мая 1917 года с приведенным там текстом телеграммы, которая была отправлена из Анапы в Петроград в адрес Временного правительства. Есть основания предполагать, что в составлении ее текста принимала непосредственное участие Е. Ю. Кузьмина-Караваева, входившая в состав Гражданского комитета и ставшая позже товарищем городского головы. Вот ее текст, очень характерный, изложенный явно с позиций эсеровского толка и близкий к тем оценкам, которые звучат в ее очерке, а с апреля 1918 года ставший одной из главных целей в деятельности эсеровской партии, по заданию которой она работает до октября 1918 года: «С тревогой и болью видим мы, что смута и нестроения, свившие постоянное гнездо в Петрограде, расползаются по стране и фронтам. Отечество движется в бездну. Умоляем Вр. пр-во собрать всю полноту власти в свои руки. Спасти родину от разложения, разгрома и позора, довести Россию до Учредительного Собрания, хозяина Земли Русской и, в единении с союзниками, до почетного мира.

Умоляем Петроградский Совет раб. и кр. депутатов явить всей России пример повиновения Временному правительству, в состав которого вошли представители соц. партий, и всеми силами содействовать правительству в установлении порядка, законности, дисциплины в тылу и на всех фронтах».

В состав Временного правительства от партии эсеров входил В. М. Чернов, причем, получив в нем пост министра земледелия, он выступил с целой программой законодательных актов по аграрному вопросу. В этой связи не удивительным и не случайным был и акт передачи Елизаветой Юрьевной участка земли из собственного имения, состоящий из виноградников и пахотной земли в количестве шести десятин, гостагаевским казакам. Это происходит на анапской земле в разгар разрешения аграрных вопросов, а в марте 1918 года Кузьминой-Караваевой поручают надел участков земли для городских жителей. Передача земли гостагаевским казакам – один из фактов, который как доказательство ее сотрудничества с большевиками представлен на суде в Екатеринодаре в марте 1919 года, когда в городе правила белая армия.

Выразительным и, на мой взгляд, почти угадываемым является описание характера отношений, которые могли установиться между Елизаветой Юрьевной и В. Черновым в период бурных событий 1917–1918 годов, и участия ее в активных действиях правых эсеров, о которых невольно расскажет она на екатеринодарском суде 1919 года.

Е. А. Омельченко, гостившая в Анапе летом 1917 года в семье Пиленко, описывает ночной разговор в поезде, когда осенью они вместе с Елизаветой Юрьевной ехали в Петроград. Вот этот разговор-откровение: «Она говорила о чувстве, которое роковым образом может захватить человека, о сомнении, может ли человек отдаться этому чувству, о чем-то запрещенном (о чем? – думала я), о невозможности нарушить какой-то завет, невозможности переступить заветную черту... Она говорила о человеке, вероятно, сильном (имени его она не называла), ей интересном. Говорила о страхе, владеющем ею, перед возможностью попасть под его влияние, потерять свою волю. Она как бы спрашивала у меня совета».

Те «полгода риска и конспирации», по определению Елизаветы Юрьевны, которые возникнут в биографии ее, когда она, уехав в конце 1918 года на совет эсеровской партии, окажется по заданию ЦК участницей потрясающих по важности событий, связанных с созывом Учредительного собрания и с деятельностью в нем В. М. Чернова. О своем участии в антибольшевистских актах расскажет она на суде, когда жизнь ее будет висеть на волоске от гибели.

Смелость и бесконечный риск были данью тому влиянию, под которое она, несомненно, попала, выйдя после анапских событий на арену жестокой борьбы за власть, в которую была вовлечена. Скучны строки корреспондентских сообщений о суде, который происходил в Екатеринодаре, но и они передают тот накал страстей, который возник в ответ на рассказ Елизаветы Юрьевны о действиях на фронте борьбы за Учредительное собрание. Она называет места, где была «несколько раз арестована»: Нижний. Тамбов. Пенза, Хвалынский, Сызрань, Казань, Самара, Как свидетельствуют источники, в этих же местах, по вопросам борьбы за Учредительное собрание, был и В. М. Чернов. Естественно, что пути их перекрещивались, а то и были продиктованы им. В корреспондентской заметке о ходе суда в Екатеринодаре 2–6 марта 1919 года, в разделе «Работа в партии», приводится суть выступления Елизаветы Юрьевны: «Подсудимая дополняет показания свидетеля (агента Добровольческой армии. – *Примеч. автора*), она говорит о своей работе в партии. По отъезде из Анапы в Москву она была делегирована на майский совет партии, затем работала при ЦК, участвовала в организации по охране золотого запаса, заведовала паспортным бюро партии» (Утро юга. 6 марта 1919 г. С. 3). Обнародовав свое участие в деятельности Учредительного собрания по отправке добровольцев на фронт и другие факты, изложив свои убеждения на суде, она тем самым предопределила его исход. В дальней-

шем она соединит свою жизнь с Д. Е. Скобцовым – бывшим министром земледелия в Кубанском правительстве, и окажется в эмиграции, когда победа будет на стороне большевиков.

Вот как охарактеризует ее в своих воспоминаниях митрополит Евлогий: «Мать Мария, в миру Е. Ю. Скобцова (по первому браку Кузьмина-Караваева) – поэтесса, журналистка, в прошлом член партии “с-р”. Необычная энергия, свободолюбивая широта взглядов, дар инициативы и властность – характерные черты ее натуры. Ни левых политических симпатий, ни демагогической склонности влиять на людей она в монашестве не изжила. Собrania, речи, диспуты, свободное общение с толпой – стихия, в которую она чувствует потребность хоть изредка погружаться, дабы не увянуть душою в суетной и ответственной административной работе по руководству “Православным делом”». И далее добавляет о главном, что, отдаваясь общественному служению как монахиня, «она принесла Христу все свои дарования. В числе их подлинный дар Божий – умение подойти к сбившимся с пути, опустившимся людям, не гнушаясь их слабостей и недостатков» (Путь моей жизни. 1947).

Путь ее был сложен, но вел к тому человеческому призванию, которое завершилось подвижничеством. Чувство сострадания, присущее ей с детских лет, глубокое понимание сути, смысла жизни вело ее праведным путем по главной стезе – служению Богу и людям. И, прикасаясь к некоторым вехам его, мы осознаем безусловную самоотверженность ее души.

2. «Вижу в снах Твой сияющий рай...»

Но меж строчек и слов Его книг,
В череде этих ясных событий,
Светлый путь бесконечных открытий
Дух мой с трепетом сразу постиг.

Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Руфь

В воспоминаниях о детстве и юности матери Марии Софья Борисовна пишет, что пламенная вера и любовь к Богу, постоянное желание помогать несчастным, патриотизм и бесстрашие были свойственны ей с детства. И если сострадание – главный знак ее души, свойственный ей от природы, ярко проявившийся в конце жизни и давший ей имя Матери, то пламенная вера в Бога читается в строках ее стихов бесконечным потоком чувств и видений, как бы постоянное стояние перед Богом.

Есть одно очень автобиографичное стихотворение, которое указывает на тот незримый дух общения, который был свойствен ей. Оно связано с годами юности и входит в сборник «Руфь». Рассказывая о чудесном видении, которое она испытала, Елизавета Юрьевна прикасается к тайному, к мечте – услышать Господа, почувствовать Его присутствие как бы воочию:

Слышу иль кажется мне,
 Что кто-то вступил на ступени?
 Причудливо чёрные тени
 Всплывают на лунной стене.
 И шепчет, и шепчет в тиши,
 Склоняясь седыми крылами:
 «Я здесь, на земле, между вами;
 Довольно работать, спеши».
 «Я рада, я рада, Господь,
 Надеяться сердце устало...»

Она воспринимает это дивное видение и сказанное в ночной тиши как знак, как призыв:

...как больно и дивно мне верить
 В твою несказанную весть.

Видеть в снах сияющий райский сад, воспринимать закатные облака над морем как вестников, говорить о знаках, которые приходят все чаще и строже, – вот характерный мотив поэтических образов ее ранней поэзии, и почти слово в слово звучат строчки этого стихотворения в другом, написанном в эмиграции:

Знаю, слышу: Ты здесь между нами,
 Мерой меряешь весь путь наш большой.

Чуткая и трепетная душа, откликающаяся на любой призыв о помощи, она приняла на себя как непреложный завет о любви к Богу и людям, и этот завет жил в ее жизни всегда. В ее произведениях ранней поры предопределен тот путь, по которому она сама пройдет во второй половине жизни. Она как бы проживала его с героями ее повествований задолго до свершения.

Когда читаешь «Юрали», повесть о жизненном пути от юношеских открытий до поры мудрого познания жизни, невольно замираешь от четкой определенности тех законов, по которым живет герой ее повести Юрали, обреченный судьбой. Так, придя в монастырь, чтобы воспринять учение о справедливости, открывает он воинству монастырскому другие законы. Живущие по законам справедливости учат Юрали, чтобы вытравил он из сердца жалость, чтобы знал один закон – справедливость. Но «нагим и нищим стал он. А любовь, острая и уничтожающая, все сильнее завладевала его сердцем». И берет он на себя грех женщины с ребенком, вместо того чтобы покарать ее грех. Ибо любовь и жалость выше справедливости, так как где ее нет – там нет жизни.

«Юрали» – философское повествование в виде притч, написано и издано в 1915 году, потому, наверное, так важны те истины и пути, по которым ведет

она своего героя. Обреченные судьбой «должны сочетать в сердце своем смерть и бессмертие, чудотворение и бессилие», и дорога ведет их в мир, и призваны они пасти стадо земное, а имя этому стаду – Юралины». О «путях человеческих, выбираемых свободным сердцем», говорит учитель Юрали, и одна из истин состоит в том, что жизнь, какая бы она ни была, дает радость, а грех ведет к отчаянию. И, как тяжелую ношу, несет преступник свое преступление, и круто обрывается его дорога, но, приняв кару в самом себе, он волен выбрать новые пути. Учитель Юрали, пройдя многие пути и каждый раз постигая новые истины, говорит пастве: «Я же пришел сказать вам: нет случая. Как зерно не случайно вырастет, как стебель не случайно выкидывает колос свой, так же не случайна дорога человека... Всеми вами властно правит судьба... Судьба каждого его единственная. Великий путь лежит перед каждой судьбой человеческой, и не властен никто изменить его, – властен только отсрочить» (с. 80).

Путь самой Елизаветы Юрьевны шел от поэтического и художественного творчества, занятий философией и общественно-политической деятельностью к глубоким интересам в духовной сфере, зародившим стремление к иному образу жизни, совсем не тому, чем живет она в 1908–1915 годах. В результате она и приходит к монашеству.

Софья Борисовна в своих воспоминаниях о дочери пишет: «По приезде в Петербург Лиза опять затосковала и чувствовала, что надвигается что-то страшное. Как-то она пошла в Александро-Невскую лавру к ректору богословского института. Он сказал, что не может принять ее как слушательницу, так как у них принимают только мужчин, но что он будет присылать ей лекции, а она, подготовившись, может сдавать экзамены на дому у каждого профессора. Так она и делала». «Виданное ли дело, чтобы женщина на богословские курсы шла» – вот резюме одного из двух преподавателей, которые не приняли экзамена. Так Елизавета Юрьевна задолго до монашеского поприща пришла к необходимости богословского образования и была в своем роде единственной.

Как известно, в 1913–1917 годах Елизавета Юрьевна живет по преимуществу в Анапе. К этому времени относится создание «Юрали», «Мельмота-скитальца», цикла поэтических произведений, объединенных в сборнике «Руфь». И при всей разновеликости этих произведений все они проникнуты теми главными понятиями, которые становятся жизненной основой во второй половине ее жизни. Уже в «Юрали» звучит эта истина, по которой любовь выше справедливости. Елизавета Юрьевна строит отношения своих героев согласно той жизненной философии, которую диктует ей глубокая вера, вера в высшие начала жизни. В «Мельмоте-скитальце» Елизавета Юрьевна устами героини, взявшей на себя чужую тяжесть, говорит:

То, что не в силах закон оправдать,
Любовь оправдает.

Или в другом контексте:

Возьми, если любишь, на душу мой грех;
Любовь оправдает.
Любя, ты светлей и безгрешнее всех,
Любя, ты не встретишь ни бед, ни помех:
Любовь оправдает.

Отдать душу даром за муки другого, не прося ни власти, ни богатств, ни каких-либо благ, – вот высший предел, на который ведет душа ее героини, и тема эта так дорога Елизавете Юрьевне, что она снова и снова возвращается к ней и в мистерии «Анна», и в описании жития Иоанникия Великого.

Иоанникий просит прощения у брата и отпущения грехов за тот соблазн, в который он ввел брата, согрешившего из-за благодати Иоанникия, он же, Иоанникий, берет на себя грех женщины, дабы облегчить ее страдания. Он говорит ей: «Беру я, недостойный раб Божий Иоанникий, на себя грех твой, если ты согрешила, и тяжесть твою, если послана тебе в испытание тяжесть, потому что сильнее мои плечи твоих плеч, потому мне, искушенному, легче воевать с врагом. Потому что во имя любви хочу принять труд твоего пути».

Не в этих ли поступках ее героев зарождался идеал того евангельского типа жизни человека, о котором так безусловно преданно, как о самом истинном, скажет мать Мария в своей статье «Типы религиозной жизни». Это путь, но которому пройдет она сама по жизни, завершив его самоотверженной гибелью, то есть положив за людей свою жизнь. Это ли не главный итог жизни по-христиански – самоотречение и любовь к людям, а значит, Богу, пути заповеданном. Как говорит мать Мария, «вместе с собою, в Себе Христос приносит и мир в жертву искупления грехов, как бы требует от него этой жертвы любви, как единственного пути слияния с ним, то есть спасения» (Типы религиозной жизни. С. 48). Так с первыми духовными и творческими исканиями постигает ее душа, сострадательная в сути своей, на главном отрезке жизни сроком в 30 лет те истины, с которыми шла она в жизни своей и завершила свой путь. Не изменяя себе в главном, она жила искренне и страстно, последовательно собирая душу свою для осуществления подвига евангельского пути. Переключка во времени и сути свершенного столь велика, что можно сказать: в главном – в вере своей она, «причастившись благодати прежде, чем глаза открыла», несла в себе истину, которую постигла еще в начале жизни. Еще задолго до монашеского пострига Елизавета Юрьевна стремилась найти подтверждение Божественного начала, прикоснуться к озарению, в котором, как пишет Софья Борисовна, ее мать, она получила бы знак, «что Он есть».

В начале войны 1914 года Елизавета Юрьевна особенно остро почувствовала, что она неразрывна с Христом и, по воспоминаниям матери, вот что писала тогда: «Покупаю толстую, свинцовую трубку, довольно тяжелую. Рас-

плющиваю ее молотком. Ношу под платьем, как пояс. Все это, чтобы стяжать Христа, вынудить его открыться, помочь, нет, просто дать знать, что Он есть. И в Четы-Минях, в свинцовой трубке, в упорных, жарких и бесплодных молитвах на холодном полу – мое военное дело. Это для чего-то нужно, для войны, для России, для народа моего любимого... Для народа нужен только Христос – я это знаю».

Пусть будет день суров и прост
 Над текстами Великой книги;
 Пусть изнуряет тело пост,
 И бичеванья, и вериги...

3. «Вручаясь вере...»

Горы сии, как престолы Божии,
 на них же почивает Господь...
 Удобно возноситься от высоты гор
 на небесах к престолу Вседержителя.
Схимонах Иларион. На горах Кавказа

В конце XIX – начале XX века в жизни людей, населяющих Причерноморье и в том числе его северокавказскую часть, особую роль играл Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, расположенный на самом берегу Черного моря в трех десятках километров от Сухуми.

Мысль об устройстве Ново-Афонской обители как отделения Русского Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в Старом Афоне принадлежала его старцам и относится еще к 1875 году. Древние предания абхазцев и грузин гласят, что там, вблизи развалин древнегреческой Анакопсии (Никопсии) на берегу реки Псыртхи, вблизи дикого и живописного ущелья и развалин крепости был погребен св. апостол Симон Кананит. Его имя связано с деяниями Андрея Первозванного по утверждению веры христианской.

Приток богомольцев в монастырь был большим. В том числе приходили они из Кубанской области и Причерноморья. В Новороссийске, где монастырь имел свое небольшое подворье и пристань, на которой должность агента пароходства исполнял монах, собирались богомольцы, следующие отсюда в Новый Афон. По Новороссийско-Сухумскому шоссе также можно было попасть в Новый Афон. Эти данные важны для понимания той связи, которая возникает между Анапой, Новороссийском, расположенным в 58 километрах от нее, и центром духовной жизни Черноморского края, то есть землей, на которой живет Елизавета Юрьевна, где в любимой ею Анапе прошла большая часть ее жизни в 1913–1918 годах. Следует отметить, что церкви Анапы – Свято-Онуфриевская и Осиевская также входили в подчинение

Сухумской епархии. По изустным источникам, сообщениям сочинских и абхазских краеведов, известно, что между Адлером и Сухуми и по сей день есть железнодорожный разъезд, именуемый Пиленко. Есть основания полагать, что так же, как на территории Анапского района был населенный пункт Пиленково, так и на территории Абхазии было поместье, принадлежавшее некогда деду Елизаветы Юрьевны – генералу Д. В. Пиленко, бывшему начальнику Черноморского округа (с 1867 по 1876 год). Поместье находилось по пути к Ново-Афонскому монастырю, где позже пролегла железнодорожная ветка. Все это необходимо учитывать при анализе исторических и духовных связей в творчестве Елизаветы Юрьевны той поры.

Представляется вероятным, что, живя в Анапе, она посещает монастыри и святые места, читает духовную литературу, следит за перипетиями дискуссии, которая проникает на страницы печати по вопросам духовной жизни. Эта дискуссия 1912–1918 годов связана с движением монашества в Афонском монастыре, перекинувшимся в среду иноков Нового Афона и по скитам пустынножителей на Северном Кавказе. Началась она, как известно, не сразу после выхода в церковной печати книги «На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынножителей о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисус Христову, или Духовная деятельность современных пустынножителей схимонах Иларион, прослуживший 20 лет в Пантелеимоновом монастыре, выдержала три издания, причем, как сообщается в Послесловии к книге, изданной в 1998 году в Санкт-Петербурге, последнее издание было приобретено у автора Киево-Печерской Лаврой и напечатано небывалым для того времени тиражом 10 тысяч экземпляров.

Схимонах Иларион на основе личного опыта пустынножительства, а он обошел весь Кавказ с запада на восток, изображает особенности уединенной жизни, к которой был привержен. Иларион, хотя и был приписан к Ново-Афонскому монастырю, получив благословение старцев монастыря, ушел в леса Кавказа. В своей книге он пишет: «Если безмолвие вообще составляет для духа нашего необходимую стихию, в которой он имеет свою внутреннюю жизнь, свое движение и развитие, то тем более оно видится во всей своей ненарушимости, полноте и необъясненности в горах Кавказа, посреди девственной природы, где нет ничего отвлекающего от Бога, а, напротив, все к нему располагает и привлекает... Как-то ближе слышится присутствие Божества, глубже чувствуется вся суетность мира сего, во зле лежащего, слышнее выступает в душе глубочайшая потребность нашей духовной природы – единения с Творцом».

Беседы двух старцев – схимонаха Илариона и его наставника о. Дисидерия о внутреннем делании и Иисусовой молитве, особое толкование ее в жизни пустынножителей получило огромную поддержку среди иноков, в том числе Афонского монастыря. Резонанс от книги был так велик, что многие монахи стали покидать монастыри с целью пустынножительства,

в их среде образовалось мощное движение так называемых имябожников или имяславцев: «В книге изложено традиционное Православное учение об Иисусовой молитве и умном восхождении, причем подчеркивается, что вне имени Иисуса спасения ни для монаха, ни для мирянина невозможно» (На горах Кавказа. СПб., 1998. С. 904). Началась дискуссия, затем осуждение и, наконец, поддержанное Синодальным управлением гонение имяславцев. Сторонники и противники разделились, и борьба их вылилась на страницы печати. В 1913 году более 600 имяславцев были выдворены из Старого Афона, имели место побои, истязания и даже гибель во имя веры.

Надо полагать, что Елизавета Юрьевна была знакома и с событиями, и с книгой «На горах Кавказа». В поэзии этих лет довольно часто звучит ее обращение к горам. Кстати, предгорья Кавказа, подходящие к Анапе с юга, вписываются в ландшафт города:

И вдаль идя крутой тропкою горной,
Чтобы найти заросший древний рай...

Или другие строки об особой тайне гор:

Там, в горах, могла я близко видеть сроки
И пространств не знать;
Здесь, где я случайный путник одинокий,
Надо долго ждать.

И, уходя от гор к равнинам, нивам, людям, она говорит об откровении, которое пришло к ней в горах:

И мне ли не знающей быть?
И мне ль, уходящей от гор,
Сверкавшие сроки забыть
И синий небесный простор?

Эти строки как бы перекликаются с гимном горам, который снова и снова встречаем в книге «На горах Кавказа». Несомненно, что в поэзии Елизаветы Юрьевны не только присутствует мудрость откровения, которую приносят горы, но ее воображение волнует и образ пустынножителя, того, кто уходит от мира, хотя сама она свою дорогу видит среди людей. Любимый ее герой Юрали обретает в пустыне безводной и желтой второе рождение, когда понимает, что судьбой предназначен ему путь великий. Именно в пустыне приходит к нему каменное стадо и слышит он голос о том, что призван пасти все стадо земное, и из пустыни дорога поворачивает его в мир, к вымышленному и реальному Гастогаю. В житии Иоанникия Великого она повествует о пустыне, в которую уходит он, чтобы свободно подвизаться на Господнем

пути. Она наделяет пустыню силой, которую обретает Иоанникий, «деля между молитвой и трудом» свою жизнь, и постигает там слово Божие и боговдохновенные книги святых и богоносных отцов, как говорит Елизавета Юрьевна. В пустыне он постигает силу молитвы, которая «пламенем своим поалает все страсти человеческие»: «И был Господу верным предстоятелем за мир и верным заложником за мирские страсти и грехи». Но приобретенное Господь велит отдать людям, и Иоанникий должен повиноваться, чтобы «сосуд этот не расплесканный» облегчил скорби мирские. Мысль ведет ее к признанию пути пустынножительства, и в строках стихотворения явственно слышится отзвук этих мыслей:

Совершится священная встреча
 На земле оскуделой и нищей.
 Покидаю земное жилище,
 Потому что познавший – предтеча:
 Ухожу я в пустыню, далече.
 Без питья, и одежды, и пищи.

Слышу звуки голодного писка
 Всех птенцов, что оставлены в гнёздах;
 Ночью небо в рассыпанных звёздах
 Над пустыней склоняется низко.
 Я пришла, чтоб закончить мой искус
 Здесь, где сух и томителен воздух.

Руфь. Гл. Искупитель

Описание гор, звездного неба, сияние, которое она увидела, перекликаются в чем-то с описаниями в книге пустынножителя Илариона. В поэзии Елизаветы Юрьевны есть прямое указание на то, что ее волновала судьба пустынножителей, и она посвящает этой теме стихотворение, помещенное ею в книге «Руфь» в конце, на особицу – это стихотворенье «Монах». Она излагает кратко его судьбу, посвящая основную часть этого большого стихотворения жизни монаха в монастыре и причинам его ухода, причинам, приводящим его к уединению и пустынножительству:

Исчезнувшие дни опять
 Вставали перед ним упорно;
 И мог страстной порыв тлетворный
 Цветы смирения измять.

Усталость, бремя долгих мук,
 Бездолье духа и потери
 Он не забыл, вручаясь вере,
 И низко надвигал клубок.

Рассказывая об этом, Елизавета Юрьевна находит такие слова, которые сообщают удивительную достоверность переживаний этих чувств, как будто сама она обращается с молитвой дать ей силы и научить переносить человеческие желанья, дать разумение. И, пройдя через испытания в монастыре, она, будто кто исповедовался ей во всем, приводит его к решению:

И к настоятелю монах
 Пришел просить благословенья
 На долгий подвиг отречения
 И одиночества в горах...

И здесь возникает мысль об удивительной связи этого стихотворения с книгой «На горах Кавказа» и судьбой схимонаха Илариона, жившего в Теберде, а затем и в предгорьях Кавказского хребта и упокоившегося вблизи Анапы и Новороссийска в местечке Темные Буки... Говоря о жизни в горах, о судьбе пустынножителя монаха в уединении, Елизавета Юрьевна повторяет уже упомянутые в строках выше образы открывшегося перед пустынником неба, и чуткий слух, и ясное зрение во всем, что окружает монаха:

И громко поверять привык
 Он Богу все грехи и думы;
 И листьев шелестели шумы –
 Ответный, явственный язык.

И тих был взмах спокойных крыл
 Летящих ангелов иль ночи;
 И звёздные склонялись очи;
 И мрак монаха не страшил.

Привязка к горам Кавказа очень выразительная: здесь и плющ над пещерой, ветки дикой сливы, на склонах много есть корней, и желтеющий на лозах виноград, и все детали вплоть до родника меж скал – все это кавказская тема. Возможно, это описание скита в районе Нового Афона, Теберды и р. Гуначхир, где прежде жил схимонах Иларион, а может, и какой-то другой образ, хотя думается, что это поэтическое повествование все-таки навеяно судьбой автора книги «На горах Кавказа». Интересна и такая деталь в стихотворении, когда, не касаясь темы об Иисусовой молитве, Елизавета Юрьевна, однако, указывает на образ Спасителя Иисуса Христа. Есть у нее такие строчки:

Там, где бежит меж скал родник
 И плющ раскинут над пещерой.
 На камне он поставит с верой
 Христа Иисуса скорбный лик.

Очень важны детали, указывающие на ощущение гармонии, которая живет в душе пустынножителя:

И кто-то встал в тиши ночной
И облегчил ему вериги,
Перевернул страницы книги
Незримой, тонкою рукой.

Растолковал ему слова –
Монаху больше знать не надо:
Вот райская пред ним ограда,
И ветром клонится трава.

Указанием на то, что Елизавета Юрьевна постигла смысл того, что растолковал невидимый монаху, можно считать стихи, которые были написаны много позже, в эмиграции:

Пусть будет дух тоской убит и смят,
Не кончит он с змеиным жалом битву,
Сто и еще сто раз подряд
Прочту Иисусову молитву.

Постриг. 1937 г.

Известно, что духовный отец матери Марии прот. Сергей Булгаков написал в защиту имяславия работу «Философия имени», закончив ее в мае 1942 года. Конечно же, в беседах матери Марии и о. С. Булгакова эта тема присутствовала.

Источники сообщают, что наиболее многочисленная группа имябожников осела на Кавказе в долине Псху, Туапсе, Сочи, а также горном Причерноморье. Из биографической справки о жизни схимонаха Илариона известно, что, находясь в горах, он только в 1915 году узнал о событиях и обратился в Священный Синод с вопросом о том, действительно ли он отлучен от Церкви. Ответа, как сообщают источники, видимо, не последовало. Старцу Илариону было около семидесяти лет, когда он, старый и немощный, вынужден был поселиться вблизи монастыря в Причерноморье. Он идет к женскому монастырю, основанному им некогда и затерявшемуся в лесах Маркохтского хребта, в Покровскую обитель вблизи местечка Темные Буки, где игуменьей была, как сообщают источники, мать Татьяна, духовная дочь иерусалимского батюшки о. Феодосия (*Ильинская А. Тайна отца Феодосия*). Известно, что автор книги «На горах Кавказа» скончался и был погребен под часовней женского скита Покрова Пресвятыне Богородицы в 1915 году. Можно предположить, что Елизавета Юрьевна, знавшая о книге «На горах Кавказа», знала и о женском монастыре и его обитателях. Интерес ее не был случайным, мысли

ее были о праведниках и предстоятелях, которым открыто зрение в духе, о чем она и пишет в «Руфи».

Практическая деятельность Елизаветы Юрьевны в эту пору в Анапе связана не только с поэтическим творчеством, живописью, виноградниками и другими хозяйственными делами, но и с благотворительностью. По воспоминаниям дочери нормировщицы на виноградниках Пиленко, она создает приют для младенцев-сирот, в Свято-Онуфриевской церкви крестит детей, в том числе в январе 1913 года мальчика Павла из семьи крестьянина И. И. Устименко, а 26 октября 1916 года – Бориса, мать которого А. М. Белоусова записана как девица, а отец не указан. Ее жизнь была под стать ее деятельной натуре, она была верна своему пути сострадания и активной помощи людям.

Говоря о высоких помыслах матери Марии в пору ее духовного становления, мы видим это в ее стихах, где отразились духовные истоки, определившие ту гармонию собирания души, которая была ей свойственна. Жизнь этой земли отражалась в ней.

Читая в небе знак созвездий каждый
И внемя медленным свершеньям треб,
Мне хорошо земной томиться жаждой
И трудовой делить с земными хлеб.

4. Постижение Синего Ока

И дары, что в дороге растратили,
И грехи, что согнули нам спину,
Всё расскажут Отцу предстоятели,
Всё поведают Духу и Сыну.

Кузьмина-Караваева. Руфь

В начале 90-х годов довелось прочитать маленькую книжку о нашем местнотимом святом чудотворце Феодосии Кавказском (ум. в 1948 г.), изданную в серии «Народная библиотека». Старец, подвижник нашего столетия, в начале века жил совсем рядом, в горном местечке в сорока с лишним километрах от Анапы. Разъезд Горный, где неподалеку находится пустынька о. Феодосия, лежит на железнодорожной ветке на Новороссийск. Места там очень живописны – с обеих сторон железнодорожной ветки подступают невысокие горы с ложбинами, заросшие шиповником, боярышником, дикими плодовыми деревьями, кизилом и скумпией. Лес редкий, прозрачный и оттого радостный и добрый. Этот подробный рассказ связан с тем, что с 1910 года в этом ущелье, как сообщает книга, поселился старец Феодосий. Уроженец Пермской губернии, в миру Федор Федорович Кашин, батюшка Феодосий в 1908 году вернулся в Россию по просьбе кубанского генерала. Первоначально он поселился в Платнировке, а затем, уже не по своей воле, перебрал-

ся в наши места, где, как известно, позже закрепились большая группа имяславцев. Как пишет А. Ильинская в книге «Тайна отца Феодосия», «очевидно, старцы Иларион и Феодосий пребывали в общении и на родине, не случайно о. Феодосий устроил свою пустыньку вблизи обители Темные Буки. Иисусову молитву он считал высоким делом и благословлял духовных чад всегда прибегать к ней». Здесь, в ущелье гор, на большом камне он молился, не сходя с него семь дней и ночей, чтобы Господь указал ему, где построить церковь. Ему явилась Матерь Божия и указала это место – оно покрылось ковром из барвинка, который до сих пор зеленеет в этом месте, хотя в других местах ущелья его нет. И хочется думать, что именно этому месту посвящены следующие строки из стихотворения Елизаветы Юрьевны:

Как верится, что здесь ключи от царства
Оставил, уходя, страдающий Господь...

Занимаясь темой, связанной с анапским периодом жизни матери Марии, перечитывая поэтические строки «Руфи», поражаешься точности образов в описании природы, состояний и чувств. Постепенно приходишь к убеждению, что в стихах ее, как в исповеди, все точно, искренне и свято, «как бы перед Богом», как сказал когда-то Блок, определяя суть своего отношения к поэзии. В это очень важно поверить, потому что иногда в отсутствие документа, точных дат и других доказательств именно поэтические строки служат источником. Так случилось и с историей, связанной с Горненской обителью о. Феодосия.

Еще ранее обращали на себя внимание строки стихов Елизаветы Юрьевны, которые не вписывались ни в наши морские и степные пейзажи, ни в образы Петербурга, ни в какие-либо другие, связанные с ее биографией. И однажды, слушая рассказ о современном паломничестве к Горненской пустыньке о. Феодосия, почудилось, что где-то уже встречался этот рассказ о священном источнике, целительном воздухе и удивительном ущелье. Узнаваемость, совпадение образов заставили отыскать уже читанные поэтические строки:

А там, далеко, пробегает рощи
Целебных, освященных вод родник –

и далее:

Спустишь через лесок к оврагу, вниз,
Где жмётся келья к побуревшим склонам.

Так, почти сразу, пришла мысль о том, что эти вот не узнаваемые ранее строки действительно не об обычной чередке дней, они о паломничестве к святому источнику, они об исповеди, с которой пришла сюда в далекие

годы поисков и сомнений Елизавета Юрьевна. Она была там, в ущелье у старца, которого она называет стариком, исповедовалась ему, отдав на суд самое откровенное и тяжелое:

Усталость, слабость, гордость, равнодушие,
Ненужных слов, лукавых мыслей круг...

«Испроси нам, старче Феодосие, все сие у Господа, Спасителя нашего, яко Тебя имеем крепкого заступника и защитника душ наших», – так молились преподобному соловецкие монахи. А вот и неожиданный и точный образ старца в стихах Елизаветы Юрьевны, которого она представляет как ушедшего от мира «сердцеведца»:

Он слушает слова, как старый друг,
Он полон весь смиренного величья...

Уточняя годы написания этого стихотворения («Еще остановилась на пороге...»), понимаешь, что оно, как и многие из этого цикла, входящего в сборник «Руфь», написано под влиянием анапских событий и относится к 1913–1914 годам. В 1914 году Елизавета Юрьевна отдает рукописный сборник на суд А. Блока, а к одной из глав этого сборника она не случайно берет строки из его цикла «Нечаянная радость», строки о главном для нее поиске истинного пути:

И не постигнешь Синяго Ока,
Пока не станешь сам, как стезя.
Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всём не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мёртвый знак.

Новые данные о жизни одного из святых старцев, живших в Горненской пустыньке, – о. Феодосия, не позволяют с безусловной достоверностью говорить о времени ее посещения пустыньки. Но несмотря на все его переезды и другие места жительства на Кубани, о которых сообщает А. Ильинская, можно предположить, что облюбванное после Платнировки ущелье в районе Горного было тем приютом духовной жизни иеросхимонаха батюшки иерусалимского, которое он облюбывал и куда возвращался. По-видимому, не прерывая связь с этой духовной опорой, позже он приходит сюда и живет здесь до 1925 года, когда его арестовали и выслали на Соловки. В 1931 году о. Феодосий был освобожден и поселился в г. Минеральные Воды. Там он принял подвиг юродства и скончался в 1948 году. Мощи местночтимого святого преподобного иеросхимонаха Феодосия Кавказского покоятся в храме Покрова Пресвятой Богородицы.

Тогда же, когда он только поселился в Горненской пустыньке, слава об источнике живой воды, «исходящем из уст благочестивого старца», разошлась по всей Кубани. Возможно, в этот период его посещает Елизавета Юрьевна – будущая монахиня мать Мария¹. Однако в поэтическом рассказе ее о паломничестве первоначально были следующие строки:

Ещё остановились на пороге –
 Вот эти лица, стены, образа
 Уж не увидят более глаза.
 Но я прощаюсь с ними без тревоги...

Ведь исповедь ее происходит в келье у старца, куда приходит она, покинув какую-то церковь или часовню. Идет далеко, отправившись ранним утром, чтобы затемно пройти долгий путь и спуститься через лесок к оврагу, «где жметя келья к побуревшим склонам». Келья старца далека от описания храма, и образ, возникший перед описанием пути, был вначале непонятен. По различным данным, в том числе и от сотрудников музея г. Крымска, который находится в 27 километрах от пустыньки, удалось уточнить недостающие детали. Оказалось, что где-то в десятке километров от пустыньки находился тот самый монастырь Покрова Пресвятой Богородицы, который по месту, где он находился, называли Темные Буки. Местечко это, ныне заброшенное, разоренное, находится километрах в пятидесяти от Анапы и сохранилось лишь в памяти старожилов да документах: «Обитель укрылась на Маркохтском хребте Кавказских гор, в чистом буковом лесу». Основанная в 1899 году схимонахом Иларионом как Покровская община Екатеринодарской епархии, она в 1904 году была преобразована в монастырь.

Так возникла историческая версия паломничества Елизаветы Юрьевны в монастырь и посещения старца. Впрочем, это лишь версия, так как это ближайший к Анапе женский монастырь и там, почти рядом, проживал старец о. Феодосий, причисленный ныне к лику святых.

Кстати, памятуя о мытарстве другого монаха – отца Илариона, избравшего в ту пору для себя прибежище в Темных Буках, с особым чувством читаешь описание часовни в монастыре, под которой в 1915 году был погребен семидесятилетний старец схимонах Иларион:

Показывает в клобуке старик
 В тяжёлых раках праведников мощи,
 И за стеклом лежащие вериги...
 Там, приложившись ко святым иконам...

¹ Впервые статья о багюшке иерусалимском была напечатана в редакционной правке в газете «Анапское Черноморье» в субботнем номере 1997 г. перед Пасхой под заголовком «Встречалась ли Е. Ю. Кузьмина-Караваева с Феодосием Кавказским?» – вместо названия «И жизнь ведет минутам счет» (малоизвестные страницы из жизни Е. Ю. Кузьминой-Караваевой) (авторское название).

Она уходит к старцу, туда, где «пробегает рощи целебных освященных вод родник». И конечно, трудно отделаться от мысли о том, что старик в клобуке – это о. Иларион, который подвизался, быть может, в качестве священника в обители, когда там была Елизавета Юрьевна, написавшая стихотворение «Монах», которым завершила свою поэтическую исповедь в книге «Руфь».

Не претендуя на абсолютную истину в описании конкретных лиц и встреч, связанных с той или иной датой жизни Елизаветы Юрьевны анапского периода, хочется сохранить тот исторический фон и образы тех людей, жизнь и деяния которых здесь, на кубанской земле, пересекались с поисками и открытиями души пророческой и ищущей, какой была в жизни мать Мария в ту пору:

Старик поможет молча побороть
Грядущих дней грядущие мытарства...

Она сама признается в вечном поиске:

Огнём всегда палимая.
Ищу Иерусалима я,
Земли мне богоданной.

А мытарства достались и на долю тех, кто остался на этой земле после установления советской власти; «В 1928 году или начале 1929 года в Кавказских горах была отыскана и расстреляна группа монахов имяславцев, высланных с Афона после известного движения». В 1929 году были изгнаны и монашки из Покровской обители.

Завершая повествование о некоторых часах, которым, по выражению матери Марии, «жизнь ведет счет», приведем рассуждение схимонаха Илариона, высказанное в письме другу и собрату 30 марта 1892 года: «Смотри, от каких дел душа твоя созидается и от каких разоряется. <...> И что меня созидает, то Вас может разорять: того ради каждый смотрит себя, – какие ему даны от Господа духовные дарования, те и развивает, каждый да спешит на прилежащий ему подвиг. Но сущность спасения одна – это любовь к Богу и ближним, чистота души и тела, смирение и покорность воле Божией. Совершенная во всем преданность Богу».

Так жила подвижница мать Мария, собирая душу свою к подвигу.

Сыновья гармонии

Размышления о «Пушкинском венке»

Георгия Свиридова

*Георгий Васильевич Свиридов.
1915–1998*

*Александр Сергеевич Пушкин.
Портрет работы Ореста Кипренского*

В трудные периоды своей исторической судьбы Россия с особенной пытливостью вслушивается в голос своего Поэта. Он – ее эхо, и тайна его живой неисчерпаемости кроется в ее духовных глубинах. Его живой и сердечный отклик на всякое проявление красоты и добра, на всякое сильное движение человеческой мысли или памятное событие, его участливость к человеческой личности, ее судьбе и беде, его способность к чуткому и благодарному постижению гениев не только своего, но и других народов есть отражение ее «всемирно отзывчивого» существа. Утверждаемое им тождество прекрасного и благого, его ориентация на идеалы простоты и правды исходят из родников народной мудрости. В Пушкине Россия сознает себя, встречается с собою.

И такого рода встречи-узнавания на очередном отрезке отечественной истории несут свежие творческие открытия, поскольку каждое время ищет в пророческом даре Поэта разгадку своих самых насущных вопросов.

В жизненной и творческой позиции поэта угадывается некий урок, близкий и необходимый нам сегодня. Для нашего времени, как представляется, особенно важно то, что Пушкин сумел осмыслить грандиозные по своему масштабу и драматизму события своего века, его негативные явления и опасные тенденции с поразительной пронизательностью, однако не помрачившись разумом и духом и сохранив здоровое, цельное, ясное, светлое мировоззрение. Лицо своего времени поэт видел трезво. Характерные черты этого лица он отразил в Алеко, Онегине, Германне, в метких и стремительных зарисовках эпиграмм, афористически точных формулах исторических замечаний и частных писем. «Век девятнадцатый, железный» уже заявлял о себе гордым размахом технических новшеств, охлаждением сердца и ума – уже создавались условия, чтобы «тень Люциферова крыла» (Блок) покрыла землю в веке двадцатом. Но не кто иной, как Пушкин «в веке железном век золотой угадал». Он всюду с замечательной последовательностью искал первоначала, которые следует хранить и на которые следует опираться. Он искал истоки европейской культуры – в Греции и Риме, истоки России – в «преданиях старины глубокой», ее сказках и песнях, ее православии; истоки человека – в законах его совести, истоки мироздания – в извечных законах Богом установленной гармонии. В нынешней близкой к катастрофизму ситуации мужественное утверждение поэтом положительных начал бытия – вопреки потрясениям времени и его трагизму – приобретает особую ценность.

Георгий Свиридов оказался одним из наших современников, кто сумел разглядеть насыщенность пушкинской «положительной программы» и попытался заново, с новой глубиной осмыслить и художественно освоить ее. Об этом свидетельствует его концерт для хора «Пушкинский венок», впервые прозвучавший в 1979 году¹.

К постижению вершин пушкинского творчества Свиридов приближался всю жизнь. Композитор впервые обратился к Пушкину в годы, предшествовавшие 100-летию юбилею со дня смерти поэта, когда он вновь обрел подобающее ему звание национального гения после характерного для 1920-х годов сбрасывания с «корабля современности», неловкой модернизации, нарочито глумливых опытов «снятия покровов», дискредитации его как человека, бесцеремонного вторжения в историю его личной жизни. Возвращение Пушкину места первого русского поэта в следующем десятилетии было прямо связано с преодолением разрушительных тенденций в советской культуре и решительным поворотом ее к классическому идеалу. В те годы и несколько позднее классически совершенные стихи Пушкина привлекли внимание Н. Мясковского, С. Прокофьева, Ю. Шапорина, Д. Шостаковича, В. Шебалина, Ю. Кочурова.

¹ Премьера «Пушкинского венка» состоялась 5 апреля 1979 г. в Большом зале Московской консерватории. Произведение было исполнено камерными хорами Москвы и Новосибирска в сопровождении ансамбля солистов симфонического оркестра Московской филармонии.

В пушкинском цикле романсов Свиридова возник и отправился в странствие по свету главный свиридовский герой – Поэт. Его еще одолевают юношеские элегические настроения, признак возвышенной души («Роняет лес багряный свой убор...»), мрачные предчувствия туч, собирающихся на горизонте («Предчувствие»). Вместе с тем он подкупает своим душевным здоровьем, влюбленностью в жизнь. В нем чувствуется какое-то органическое ощущение своего таланта, своих огромных сил, окрыляющее, несущее его, сообщающее ему неподдельную веселость, «это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров» (XII, 11²).

Пушкинское начало предопределяет классически ясный стиль Свиридова, прежде всего его замечательный мелодический язык – свежий, современный по интонации, оригинальный по звуковому составу, естественный в выражении чувства, точно соответствующий смыслу слова, задушевный и пластичный. Пушкинские романсы на многие годы станут своеобразной метой композитора, эталоном свиридовского стиля, по которому будут проверяться все его последующие сочинения.

В 50-е годы Свиридов обращается к гражданской теме в творчестве Пушкина. В конце 50-х годов возникает сильное по экспрессии сочинение в духе баллады на слова пушкинского перевода с английского – «Ворон к ворону летит», – песня на особо звучавшую в то время тему о человеческом вероломстве.

В следующем десятилетии композитор соприкоснулся с еще одной гранью пушкинского творчества – с «Повестями Белкина». Стиль повестей, их атмосфера, образ рассказчика и герои побудили композитора XX века, исходя из его слухового опыта, как бы вновь воскресить красоту русского музыкального пейзажа, излюбленные в России образы зимней дороги, быстрой езды на тройке, поэтическое настроение вечеров в дворянских усадьбах. Работа над музыкой к кинофильму «Метель» позволила Свиридову заново открыть поэзию музыкального просторечия – в бытовой музыке, задушевной лирике русского вальса и сентиментального романса, военного марша и пасторали. Здесь нашла отражение и пушкинская тема судьбы – едва ли не главная, стержневая линия «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», воплотившаяся в лейттеме «Метели».

Знаменательно было появление музыкальных иллюстраций к «Метели» в 1960-е годы, когда советская музыка переживала полосу исканий. Некоторые композиторы ускоренно, порой некритически, осваивали опыт современной мировой музыки, в том числе и практику европейского музыкального модернизма и авангардизма. Органично усвоив некоторые общие принципы современного музыкального мышления, оценив по достоинству достигнутое, Свиридов тем не менее пошел не подражательным, но своим оригинальным путем, воскрешая с учетом нового опыта пушкинско-глинкинский идеал народности, мудрой простоты и противопоставляя умствованиям

² Здесь и далее в скобках в тексте будет указываться соответственно номер тома.

постмодернизма, его замысловатому эсперанто ясность и правдивость музыкального языка.

В 1970-е годы воображение Свиридова занимала проблематика «Маленьких трагедий». Возник замысел музыкального воплощения «Пира во время чумы»³. Одновременно композитора продолжают интересовать и лирические стихи, и, что, казалось бы, необычно для Свиридова, эпиграммы.

Можно было бы проследить, как в вокальные произведения Свиридова на слова разных русских поэтов вплетаются темы, образы, мысли, восходящие к Пушкину. И это естественно, так как, с одной стороны, Пушкин вошел в кровь и плоть русской поэзии, с другой – Свиридов, художник необыкновенно чуткий к традициям отечественной культуры, несет в своем творчестве, в своем мирозерцании личное, неповторимое «пушкинское» начало.

Весь жизненный, композиторский опыт Свиридова, все, что было им прочувствовано в движении времени, что было им открыто в связи с другими поэтическими мирами, – все это в целом создавало то энергетическое духовное «поле», в котором возник и без которого не мог бы существовать зрелый свиридовский Пушкин.

И вот на этом широком разноголосом фоне, за которым просматриваются бесконечные пространства мыслей и чувств, выросло нечто цельное, монументальное, вершинное: «Пушкинский венок». В определении его жанра угадывается желание композитора зафиксировать эту цельность, значительность: не «цикл», не «хоры», а «концерт». И в самом деле, одно из первых и главных впечатлений, возникающих после прослушивания «Венка», состоит в том, что в нем заключена пушкинская философия жизни. Его назначение – увенчать главу мудреца, проникшего в тайну жизни, тайну отношения человека к миру, к другому человеку и человека к самому себе. В названии произведения отразилась, по всей видимости, и композиционная идея концерта. «Родственные по смыслу и настроению хоры не стоят рядом, а, соприкасаясь друг с другом на расстоянии, образуют “венки” сложной композиционной цепи»⁴, – отметил в своей рецензии композитор А. Николаев.

В концерт входят стихотворения в «антологическом роде» и анакреонтическая лирика. Излюбленные русскими композиторами «Эхо», «Мери» соседствуют с текстом народной песни, записанной Пушкиным. Здесь есть и стихи из цикла «Подражания Корану». А в открытом, полном ожидания, устремленном в бесконечную даль финале звучат фрагменты двух неоконченных стихотворений, соединенных в свое время Мусоргским в романсе «Стрекотунья-белобок»⁵.

³ См., например, песню Мери из трагедии Пушкина «Пир во время чумы», впервые опубликованную в изд.: *Свиридов Г.* Романсы и песни для меццо-сопрано в сопровождении фортепиано. М., 1979. С. 5–10.

⁴ *Николаев А.* С любовью к Пушкину // *Известия.* 1979, 7 апреля.

⁵ К стихотворным отрывкам «Стрекотунья-белобок...» и «Колокольчики звенят...» Свиридов добавил поэтическую строчку из черновика Пушкина: «Вези, не жалей, со мной ехать веселей!»

Да, за целым рядом этих стихотворений уже стояла музыкальная традиция. Но раньше они существовали сами по себе, разрозненно, отдельными жемчужинами. И вот теперь, соединенные, обрели жизнь на каком-то совсем новом уровне, поскольку дали друг другу дополнительный свет и смысл. Самый факт их сплетения в один «венок» заставляет задуматься. В самом деле, здесь, на небольшом, но емком пространстве, образуемом десятью хорами, сошелся, кажется, целый мир: небо и земля, Восток и Европа, античная Греция и православная Русь. И солнце – центр мироздания, средоточие жизни – описало свой круг. От «Зимнего утра» оно склонилось к вечеру, скрылось в ночи и вновь воскресло в надежде нового утра. Точно так же и «день» жизни человеческой миновал различные стадии, испытал смену многообразных движений души – восторженных, лирически нежных, иронически печальных, углубленно медитативных, молитвенных... И все это вместе, сомкнувшись в круг «согласных стройных хоров», создает впечатление удивительной, гармонической полноты бытия.

Судя по «Пушкинскому венку», Свиридову оказался на редкость созвучным универсализм Пушкина, восхищение поэта красотой мироздания, сознание себя неотъемлемой его частью, готовность до конца открыться ему навстречу. Универсальный принцип, лежащий в основе пушкинской гармонической концепции мира и преломленный в свиридовском мирозерцании, просматривается не только в принципе композиции «Пушкинского венка» (приема «собранья пестрых глав»), не только в проблематике «Эха», но и в каждой из частей. Они, как правило, очень лаконичны и в слове, и в звуке, но чрезвычайно объемны по смыслу. Еще Гоголь обратил внимание на скрытую от поверхностного взгляда драгоценность «мелких стихотворений» Пушкина: «Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя... Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который открывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт»⁶.

В музыке Свиридова ощутимо явлена «необъятность», многомерность пушкинского слова. Слово разрастается в звуках, соприродных ему в той степени, в какой дерево соприродно семени, из которого оно родилось. И при этом язык композитора так же сознательно ясен и прост, как и язык поэта. Ибо простота – еще один из неотъемлемых атрибутов мудрости жизни и художественного творчества. Свиридов умеет отличать подлинную простоту от фальшивой, придуманной: «Придуманная простота, – говорит он, – не имеет ровно никакой цены. Придуманная сложность может быть очень и очень интересной. Она таит в себе желание ее разгадать, хотя разгадка при-

⁶ Гоголь Н. ПСС. В 14 т. М., 1948. Т. 8. С. 55.

думанной сложности приносит иной раз разочарование, ибо ты обнаруживаешь духовную пустоту, ее породившую. Простота ценна лишь как озарение, откровение. Элементарная простота озарения, откровения подобна зерну, таящему в себе грандиозную духовную энергию... Опusti зерно через тысячу лет в землю – оно принесет хлеб»⁷.

Истинным художникам дан великий дар в детской, казалось бы, простоте заново, как дивную тайну, открывать окружающий мир. Замечательно, что этот дар сумели увидеть и оценить в Пушкине простые люди из народа. Так, один из них свидетельствует: «О чем бы Пушкин ни писал, все у него пело и торжествовало, пел у него простой русский деревенский плетень... Он зиму суровую превратил в красавицу лучше лета, да и что было бы русскому без родной зимы, подумайте, и кто бы это мог сделать лучше Пушкина...»⁸

С ослепительно солнечного, сияющего алмазами снегов зимнего утра, с торжествующего гимна русской природе, с ликующей осанной красоте мироздания начинается «Пушкинский венок» Свиридова: «Мороз и солнце. День чудесный!»

Патетически приподнятая начальная секстовая фраза. Легкое покачивание и короткий распев последующей строки: в ней и «друг прелестный», и нега, и нежность. Здесь, в этом начале, уже задан высокий тон всего сочинения. В нем «названы» основные герои: мир, поэт, любовь. В нем, наконец, запечатлен русский гармонический идеал, связанный именно с зимней бодростью, энергией, здоровьем, чистотой снега, открытыми необозримыми пространствами, звонким воздухом, быстрой разгоряченной ездой. И – победным сиянием солнца, молодости, «утром жизненного дня» освещены эти пропилены концерта.

В звуках «Пушкинского венка» замечательно воскрешен дух золотого века русской культуры. Стройная, мощная и одновременно легкая колоннада аккордов хорового tutti в «Зимнем утре» невольно ассоциируется с парадными фронтонами дворцов и триумфальными арками эпохи русского классицизма, с блеском и величием петербургского ампира пушкинской поры. Классически благородна гармония с совершенной, консонантной чистотой ее главного аккорда – трезвучия, классичны диатонический мажорный лад и основная тональность белоклавишной гаммы, светлого, «белого» C-dur, начальный аккорд D-dur – тональности финала «Пушкинского венка», тональности света, радости, тональности «Аллилуйи» из генделевского «Мессии», финала Девятой симфонии Бетховена, моцартовской увертюры к «Свадьбе Фигаро» и увертюры к «Руслану и Людмиле» Глинки. Классична ясная, сквозная строфическая форма, точно следующая за развитием стиха, с ее полным соответствием стихового и мелодического кадансов, классична чеканка единого дыхания мелодии, вознесшейся словно монументальная, стремительная арка над всем пространством формы.

⁷ Из беседы с А. С. Велоненко.

⁸ Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1967. С. 93–94.

Подчеркнем при этом, что композитор вовсе не пытается копировать музыкальный язык пушкинской эпохи. В равной степени он далек от постановки стилизаторских задач. Его музыка, в которой отложился опыт, накопленный культурой к концу XX века, по смысловой и художественной емкости своей глубоко современна. И потому в ней не реставрируется стиль «усадебно-дворянской культуры», но создается художественно *обобщенный образ* этого стиля благодаря использованию некоторых его узнаваемых деталей и черт. Так, например, скрытый ритм «польского», с которым прочно связано представление о торжественных выходах пушкинской эпохи, придает началу «Зимнего утра» (тоже в своем роде «выход», высокое вступление в концерт) патетически приподнятый, восторженный характер звучания. Какая-то торжественная легкость слышится в фанфарах, гимнических оборотах заключительной части «Зимнего утра» (в мелодической фразе на слова «Друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня» с ее «нетерпеливой», капризной переменной размера), в энергичных, волевых, ямбически акцентированных интервалах мелодических зачинов и концовок последних строф, в кульминационном взлете мелодии на октаву (на слова «и навестим поля пустые»).

Такова теза «Зимнего утра», заданный в музыке идеал единства природного космоса и человека. Потом, в средней части, когда мысль затуманивается воспоминанием вчерашнего ненастья, начальная секста (тоже знак романсовой культуры пушкинско-глинкинской эпохи), «переведенная» в минор, начинает звучать элегически. Здесь слышится отголосок образов зимнего вечера из раннего свиридовского цикла на стихи Пушкина («Зимняя дорога», «Зимний вечер»). Пространство заполняет совсем другой зимний мир – темный, метельный, бездорожный. В нем – устойчивая для пушкинской поэзии обратная антитеза свету, стройной космической красоте, ясности сознания, уравновешенному спокойствию души.

Намеченное противостояние двух зим, двух зорь – утренней и вечерней – оказывается необходимым для создания внутреннего напряжения. Это противостояние находит воплощение не только в изменении тональности, но и в контрастном соотношении хоровых составов – полнозвучного в зачине и более камерного в средней части, а также благодаря сольной партии первого сопрано, выделенного звучащими на рiано голосами протянутых аккордов сопровождения. И наконец, в заключительном разделе после «прорыва» из элегического настроения вчерашнего вечера в солнечный восторг великолепного сегодня хор достигает необычайной мощи. И кажется, что все звуковое пространство наполняется ослепительным светом утверждающегося «белого» C-dur в заключительных строфах этой открытой, распахнутой формы. «Зимним утром» начинается дорога в жизнь...

...Далеко-далеко, за тысячу верст, устремлен одинокий женский голос:

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один...

Как контраст протяжному сопрано, энергично и экспрессивно звучит мужской хор:

Парень девушку любил,
Колечушком подарил.

Женский хор подхватывает напев и, дождавшись отклика, жалуется:

Колечушко, сердечушко,
Далеко милой живёт.
Во магушке, во Москве,
На Покровской улице...

Так, повторяясь и обретая через повтор все более и более драматическое напряжение (в следующем куплете оно доходит в женской партии до вскрика, до стога), ведется переключка мужских и женских голосов, оторванных друг от друга. Уже в самом диалогическом их противопоставлении, раздробленности, выделении отдельных тембров, сольного голоса из хора в противоположность слитному, мощному хоровому *tutti* первой части слышится несогласие, подчеркнутое диссонантной напряженностью гармонии. Разлад. Разлука. Юноша, бросающий родной дом, уходящий в город; покинутая, одинокая женщина – эта устойчивая тема крестьянской песни в России узнается и отзывается болью по сей день.

На первый взгляд песня «Колечушко, сердечушко...» неожиданно возникает сразу после солнечного гимна первой части. Но ее появление своевременно и чрезвычайно уместно: всей коренной подлинностью стоящей за ней традиции народная песня напоминает о тревогах, боли, маеет земной человеческой жизни, о том, какая глубокая трещина издавна проходит по ней, вновь и вновь порождая разделение и разлад. Без такого напоминания слишком легким, невыстраданным могло бы показаться приятие жизни, окончательное «да», которое является основой отраженного в «Пушкинском венке» мирозерцания.

В песне проявляется предельная для гармонического стиля «Пушкинского венка» диссонантность⁹. Ею обеспечивается возрастание душевного пере-

⁹ Ощущение острой дисгармоничности песни возникает благодаря окружающим частям с их торжественной («Зимнее утро») и мягкой, лирической («Мери») D-мажорной консонантностью. В аккордике «Колечушко, сердечушко...» равномерно присутствуют и консонирующие, и диссоннирующие созвучия, однако диссонансы находятся в ключевых точках, завершая кадансы, и поэтому кажутся преобладающими. Среди диссоннирующих созвучий обращает на себя внимание гармонический комплекс из трезвучия e-moll и увеличенного трезвучия от d, распределенный между двумя женскими хорами, а также трезвучие e-moll с вторгающимся неаккордовым тоном f (бекар) у мужского хора.

живания, готового вот-вот взорваться, выплеснуться в рыдании, в крике. Но этого не происходит: поток чувств обуздывает прочная, веками отработанная, устоявшаяся песенная форма. В ней самой, этой форме, выразился некий стихийно-мудрый уклад народной души, который не дает восторжествовать хаосу и смятению, но учит изживать наболевшее в песенных повторах, переплавлять страдание в красоту.

...И вот после сильнейшего душевного потрясения, после борьбы прорывающейся наружу диссонантности гармонии со сдерживающей, центростремительной песенной формой наступает своеобразный катарсис – и вновь смиренно парит в вышине, устремляется вдаль и как-то просительно-неопределенно замирает одинокий женский голос: *«Не летай, мой соловей, поздно вечером один...»*

Кажется, что эта концовка песни подготовила настроение следующей лирической части – «Мери», которая уже вся исполнена гармонической нежной тишиною.

Лирическая героиня этой песни совсем иная, чем та, которая горевала в «Колечушке...». В легком, грациозном ритме, в прозрачности и стройности классической четырехголосной фактуры прорисовывается изящный женский образ, отличающийся аристократической хрупкостью, воздушностью¹⁰.

Интересно сравнить эту часть с романсом «Мери» Глинки на те же пушкинские стихи. Развитие мелодии у Глинки и Свиридова таково, что они выражают совершенно различное настроение, различное отношение к героине. У Глинки почти фанфарно звучит ключевая фраза «Пью за здравие Мери». Мелодия взматывается вверх – поднят бокал, восторженно льется речь, в которой кипит страсть, обожание, выраженное громко, открыто, победоносно. В свиридовской «Мери» эмоциональным толчком становится совсем другая внешняя и внутренняя ситуация: тихо закрытые двери. Одиночество. Тишина. В этой ситуации, естественно, возникают совсем иные, чем у Глинки, мелодические интонации – нежные, интимные, имеющие тенденцию к понижению, умиротворению музыкальной фразы. И совсем иные повторы, которые задерживают внимание на главных мыслях и словах. Трижды, нарушая стилистический строй песни и тем самым особо выделяясь на общем фоне, звучит нежное имя: *«Ме-ри, Ме-ри, Ме-ри»*. Подобно молитвенному заклинанию, повторяются трогательные слова: *«Ни тоски, ни потери, ни ненастных дней пусть не ведает Мери, пусть не ведает Мери, пусть не ведает Мери, пусть не ведает Мери...»*. Эгоизма страсти здесь уже нет. Его сменило нечто бесконечно более драгоценное, гармоничное: полное растворение в любимой, самоотреченное пожелание ей покоя и счастья. Сила утверждения, за-

¹⁰ Фактура этой части – наглядный образец манеры письма Свиридова. Гомофонно-гармонический тип изложения и классическая функциональная гармония сочетаются с предельной мелодизацией средних голосов при помощи нетрадиционных приемов голосоведения. В результате возникает необычная последовательность аккордов при внешней функциональной определенности опорного аккорда субдоминанты.

ключенная здесь, оказывается не меньшей, чем в «Зимнем утре»; там производилось ликующее «да» красоте мира – здесь же как целый мир, как источник тепла и света утверждается, возвышается до степени идеала прекрасное человеческое существо, «солнце жизни моей».

В свиридовской «Мери», таким образом, оказывается содержательно важным не столько «гений чистой красоты», не столько портрет героини, сколько отношение к ней Поэта, его умение растворяться в другом, забывая о себе. Должно быть, пушкинский бескорыстный гений «любви и дружества» явился главной причиной того, что все, чего бы он ни касался – природы, различные культурные миры, исторические эпохи, наконец, люди, – щедро открывалось ему в своей сути. Необъятность внутреннего мира достижима лишь при условии чуткой отзывчивости души «на всякий звук» живой жизни. В этом, по мысли Пушкина, состоит великий долг поэта, выполнение которого уже одновременно и есть награда – других наград ожидать не следует.

Тема высшего назначения художника разрабатывалась Свиридовым начиная с раннего пушкинского цикла. Она звучит в таких программных его произведениях, как «Поэма памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория», кантата «Снег идет». И вот теперь эта тема с новой глубиной разрешается в «Пушкинском венке». Если народная песня является драматическим узлом концерта, то в хоре «Эхо» завязывается узел философских обобщений, важных как для раскрытия содержания предыдущих частей «Венка», так и для дальнейшего развития его художественных идей.

... Кажется, что вновь происходит великое таинство миротворения: басы «воздвигают» громады гор, слышатся суровые «гласы» бурь и валов, грохочут громаы – разбуженные стихии предстают в какой-то первозданной, дикой своей красоте. Но на самых высоких точках этой грандиозной мистерии возникает резкий динамический и пространственно-акустический «перепад»: в ответ на мощный, необычайно плотный аккорд основного хора, обрушивающийся на нас, как лава, массой звучности, раздается тихое мелодическое эхо в пении за сценой. Оно подхватывает последний звук, «сочувствует» ему и в то же время как бы умиротворяет его. Точно так же подхватывает эхо более спокойные, «цивилизованные» звуки человеческого мира (песню девы за холмом, крики пастухов) – и опять не копируя, но доводя до гармонического совершенства, вознося ввысь, в небо.

«Эхо» своим резким стилистическим отличием от предыдущих хоров, велеречивым зачином мелодизированного речитатива, эффектной, необычной фактурой начальной фразы¹¹ и всем своим высоким строем гармонии, лада, своим застывшим ритмом, в котором отсутствует моторика танца, телесного движения, привлекает слух и держит его в напряженном внимании.

¹¹ Эта фраза отличается суровым, аскетическим звучанием неполных аккордов в низком, зычном регистре мужских голосов при удвоении опорных тонов мелодии (у баса) в партиях баритонов и альтов.

Но, пожалуй, наиболее сильное впечатление производит найденный композитором и примененный с редким совершенством фонический эффект двойного эха, создающий ощущение полного правдоподобия звучащего пространства.

Подобного «Эха» еще не было в богатой традиции музыкальной интерпретации этого текста, связанной с именами Римского-Корсакова, Танеева, Гречанинова. У Танеева, например, ответ поэта миру оказывается почти буквальным копией услышанного. Свиридов подчеркивает его творческую преобразующую роль: кажется, вся боль мира стихает, исцеляясь красотой.

«Сыном гармонии» называл поэта А. Блок, размышляя над существом пушкинской художественной позиции. «Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок – космос, в противоположность беспорядку – хаосу». По утверждению Блока, на художника возложено решение трех крупнейших культурных задач: «Во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих, нести эту гармонию во внешний мир»¹².

Все эти идеи нашли совершенное художественное воплощение в свиридовском образе эха. Особенную полноту и силу выражения получает он после кульминационной фразы об универсальной отзывчивости Поэта («*и илешь ответ*») – именно здесь дан наиболее развернутый, наиболее гармоничный законченный отклик. И вот после всеохватывающего хорового звучания наступает тишина, в которой как-то особенно одиноко, на пустых интервалах – квинта и кварта – звучит мягкий альт соло: «*Тебе ж нет отзыва...*» Этот голос, ясный и спокойно-грустный, приходит как будто с высоты, и высшая его правда подтверждается молчанием паузы. Нет отзыва... «*Таков и ты, поэт*», – заключают в лаконичной итоговой фразе низкие голоса. Они словно бы берут на себя функции хора в античной трагедии – возвещают судьбу, бесстрастно утверждают должное, от которого не уйти: извечно трагическое одиночество поэта.

В смысловых акцентах «Эха» Свиридова, в условной архаике его стиля¹³ явно присутствует ориентация на русский эллинизм, сыгравший чрезвычайно важную роль в оформлении пушкинского мировоззренческого и эстетического идеала. В наивысшей полноте, в наиболее существенных своих гранях предстает этот идеал в «Греческом пире».

Композиционно и по смыслу «Пир» – центр концерта, его сердцевина. В античной философской традиции понятие «центр» находится в прямом родстве с такими понятиями, как «середина», «умеренность» (избегание

¹² Блок А. О назначении поэта // Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 161.

¹³ Преимущественно за счет лада с его сурово звучащей «фригийской» II ступенью минора, подчеркнутой целотонным тетракордом второй фразы на словах «трубит ли рог, гремит ли гром».

крайностей), «мера». И они все восходят к категории гармонии, учат здоровому и мудрому отношению к жизни. Они призывают приникать к ее чаше, отдаваться ее радостям, не теряя при этом благородно сдержанной красоты поведения, умения властвовать собой. Не в этом ли нравственно-мировоззренческом зерне следует искать содержательные первоосновы пушкинской поэтики, не отсюда ли происходит «стройный и строгий лик» его творений, державное течение речи, «одетой» в гранит четких фраз, точных и лаконичных эпитетов? Музыкальная поэтика Свиридовского «Пира» ей сродни.

...Тихий вечерний звон колокола долетает до пира мудрецов. В тембре и призывах этого чарующего звона проступает даль открытого пространства, слышится мерное дыхание южного моря, мерный бой часов, ведущих отсчет незаметно и неумолимо текущего времени. Углубленная закатная тишина. Покой. «Согласный, стройный хор» запекает песню, построенную на диатонике с ясной гармонической фактурой, с аккордами классической народно-ладовой гармонии.

Каждой из трех чаш, поднятых мудрецами – «во имя граций», «краснощекого здоровья» и «дружбы многолетней», находится свой точный музыкальный образ, переданный всего лишь несколькими лаконичными деталями, выразительными штрихами. А в конце под куполом неба, образ которого композитор передает в своем излюбленном аккорде «синевы», возникающем в слитном звучании хора и колокола¹⁴, происходит погружение в «золотой сон», «возвышающий обман», каким стала для России, для Европы античная Греция. Но «обман» этот дорог, ибо в нем, как это ни парадоксально, запечатлена истина о высшем гармоническом идеале красоты, здоровья, радости, без которого не может существовать человечество.

В «Греческом пире» акцентирована одна из важнейших сторон этого идеала – мудрость меры. И в тихом вечернем звоне, «обрамляющем» строфы хоровой песни, мера жизни поддерживается, реализуется в образе колокола. Колокольностью, так же как и звучанием хора, ладами, гармонией, образным строем ряда частей «Пушкинского венка», Свиридов подчеркивает ставшую для него идейно значимой связь, родство русской и греко-византийской культуры. Вот почему композитору оказались близкими последовательно отстаиваемые Пушкиным в его зрелом творчестве «закон меры», ориентация поэта не только на золотой век Античности, но и на одну из центральных ценностей отечественной культуры – православную «трезвенность», духовный реализм.

¹⁴ Впервые водимые в этой части концерта инструменты (античные тарелочки, колокола, гонг, рояль, арфа, тарелка), смещение их тембров, использование особых фактурных приемов создают красочный эффект многоцветного звука, как бы воспроизводящего обертоновую шкалу удара колокола. Звуки, образующие аккорд колокольного звона, так же как и опорные тона мелодии хора «Греческий пир», представляют собой излюбленный Свиридовым бесполутоновый звукоряд-аккорд f – as – c – es – b, который условно назовем аккордом «синевы».

В «Пушкинском венке» присутствует та особая пушкинская «живая мера и гармония» (Ап. Григорьев), которая охраняла русское искусство от крайностей, от утраты меры, потери трезвого взгляда на жизнь.

Итак, с античными мотивами в поздней лирике Пушкина неразрывно связано для русского сознания представление о мере обращения с «чашей жизни» (в восприятии различных явлений, в отклике на них, в бытовом и творческом поведении). Нарушение этой меры влечет за собой потерю жизненного равновесия, утрату мудрости.

Своеобразная шуточная иллюстрация такого отклонения от меры дана в следующей части концерта, получившей название «Камфара и мускус» (на пушкинский текст «От меня вечер Леила...»).

...Солнце, которое так победоносно ликовало в «Зимнем утре», теперь, погрузнев, неуклонно заскользило вниз. В человеческую жизнь прочно вошла стихия вечера. С неумолимыми законами природы не захотел считаться фатоватый старик, увязавшийся за молодой красавицей. Облик его передан в очень комической пустой квинтовой фразе характерного мужского хора, томной, ноющей и одновременно нелепой (пример б).

В пустоте квинты угадывается немощ, слабость старика – и тем забавней воспринимается его подпрыгивающая, «заигрывающая» походка с поскрипыванием, побряхтыванием, которые переданы звуками щелкающих, пристукивающих ударных¹⁵. А остроумный портрет-характеристика «красавицы нескромной» на мгновенье мелькает во взлетающем аккорде инструментального сопровождения, когда она дает хлесткую отповедь старику. «Камфара и мускус» – это жанр, сценка, обладающая почти зримой достоверностью. В ее комизме есть чуть заметная щепотка «вечерней» грусти. В ней есть и своя мудрость, ибо она научает той мере самокритичности, самоиронии, с которой человеку следовало бы относиться к самому себе, чтобы снимать излишнюю грусть, излишнюю жалость к себе при столкновении с теми сторонами жизни, которые на самом деле не так уж веселы. С этой части начинается перелом в эмоциональном и сюжетном строе концерта: в него все прочнее и глубже входят вечерние темы, настроения, думы. И все более погружается внутрь себя человек.

Зорю бьют... из рук моих
 Ветхий Данте выпадает.
 На устах начатый стих
 Недочитанный затих –
 Дух далёко улетает.

Несколько скупых сдержанных фраз. Никогда не были они осмыслены и пережиты с такой глубиной, как в музыке Свиридова. Тихое пение закрытым

¹⁵ В отличие от инструментария предшествующей части, здесь используются преимущественно ударные инструменты без определенной высоты и обладающие сухим, плоским звуком.

ртом одних и тех же торжественно-печальных аккордов создает образ ночного мира, огромного небесного купола над головой. Этот мир, это небо существовали и еще, быть может, будут существовать миллионы лет. В протяжных аккордах чаконы, их постоянно возвращающейся, замкнутой последовательности – символ часов, замкнутого круговращения жизни. И «ветхий» Данте, которым еще полна душа, ведет ее по своим кругам... Откуда-то издали, настойчиво и тревожно, нарушая ночной покой, запела труба¹⁶. И душа человеческая, застывшая в созерцательном сосредоточении, восторженно, восприняла на подготовленную почву ее зов – он прозвучал как острое напоминание о временности жизни, как знак судьбы. Тогда сошлись концы и начала: чтобы понять дальнюю весть, душа возвратилась вспять, к истокам – в них предопределена личность и предначертана судьба. Но вот неожиданно громко, тревожно воспрянул хор и сигнал «зори» зазвучал совсем рядом – крыло близкой судьбы на какой-то миг коснулось сердца, и оно рванулось в трагическом предчувствии.

А потом труба отдалилась, и в ее звуках появилось что-то новое – не тревожное, но благородно-мужественное, «итоговое». Душа примиренно затихла – и просветлела...¹⁷

После огромного напряжения этой части следует психологически необходимая разрядка – пастораль, лирическое интермеццо «Наташа», написанное на слова раннего юношеского стихотворения лицейской поры. Здесь тот же, что и в «Мери», глинкавский трехдольный ритм баркароты (ритм «Венецианской ночи»), та же классического типа мелодика. Но в отличие от «Мери» тут – легкий бег воспоминания в поисках неуловимой женской тени, которой нет «*ни над озером волнистым, ни под кровом лип душистым*» и без которой этот мир, уже тронутый осенью, совсем не тот, что был прежде. «*Свет Наташа! Где ты ныне?*» Нет отзыва...

И вот за этой краткой передышкой начинается труднейшее восхождение к духовной вершине произведения. Уже догорела вечерняя заря. На земле – глубокая ночь. Угасли краски внешнего мира, угасли и его волнения. Душа осталась наедине с собою, ушла в себя. Силы тьмы, сгустившись, стремятся одолеть ее «печальными мыслями», «лукавыми снами», страхом. Чтобы победить их, нужно огромное волевое напряжение, нужна внутренняя борьба, нужно доходящее до предела усилие духовного выпрямления, высветления. И вот мы почти зримо наблюдаем эту схватку души с мировой тьмою. «*Востань, боязливый*», – тихо и требовательно звучит хор. Язык его воззвания –

¹⁶ Как и в хоре «Эхо», здесь используется акустический эффект пространственно-звуковой перспективы, сочетания планов дальнего и близкого звучания. Но в отличие от «Эха», в хоре «Зорю бьют...» такой эффект служит совершенно иной образной задаче. Кроме того, в этой части важную смысловую нагрузку несет впервые прозвучавший в концерте солирующий голос баса. «Зорю бьют...» – ночные думы, размышления человека наедине с ночным небом.

¹⁷ Это ощущение забрезжившего рассвета, просветления возникает благодаря неожиданной для слуха остановке на аккорде доминанты, трезвучии C-dur, которое превращается в заключительную тонику хора.

суровый и возвышенный: архаический переменный лад, полифоническая тема в старинном духе, построенная по тону мажорного гексахорда, и фугообразный прием ее изложения. «*Восстань, боязливый*», – настойчивее, требовательнее, выше и сильнее звучит хор. «Восстань» метафорически олицетворено уже в начальном восходящем квинтовом шаге темы, в устремленности формы вверх: тема благодаря тональной разомкнутости поднимается четырежды по квинтам ввысь. Словно волны набегают одна на другую имитации постепенно сокращающейся и обретающей ритмическую активность темы, к призыву подключаются все новые голоса, идет их «восстание» от низкой, басовой партии к верхней, сопрановой. Призыв мужает, становится все увереннее, активней, непоколебимей – и кажется, что вместе с ним укрепляется, «воздвигается» дух человеческий. Логическим завершением этого мощного вертикального движения становится кульминационное стретто и уже чисто гармоническое повелительное заключение первого раздела формы: «*Восстань! Восстань!*» Потом начинается вторая часть – кода на органном пункте. Здесь передано совсем иное внутреннее состояние: молитвенная сосредоточенность, постепенное «затихание» души. В обретенном покое слышится словно с высоты проникновенное соло альты:

Сердечной молитвой, пророк, удали
Печальные мысли, лукавые сны...

И с высоты еще более значительной нисходит сопрано, дивный вестник рассвета:

До утра молитву смиренно твори;
Небесную книгу до утра читай!

А потом стихает и этот голос. Обновленный, очищенный «внутренний человек» достигает «безмолвной молитвы». На постепенном *crescendo* звучит протяжный аккорд – в душе разрастается свет (пример 7)¹⁸.

И вновь наступает утро. Опять зима, мороз и веселое, безоглядное, дух захватывающее дыхание. Кольцо «Пушкинского венка» вот-вот замкнется: звучит последняя часть – «Стрекотунья-белобока».

Но вслушаемся – и тогда окажется, что все-таки это совершенно новое утро – иное, чем в начале. Новое, небывалое, неведомое. Оно еще только раз-

¹⁸ Свиридов в некоторых своих хоровых сочинениях поручает важные образно-смысловые кульминации «безмолвному» (бессловесному) хору, поющему закрытым ртом или на гласный звук, как, например, заключительный аккорд хора «Повстречался сын с отцом» на слова Л. Прокофьева или середина хора «Любовь святая» из музыки к трагедии А. И. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Выразительность этого приема и его образная трактовка композитором с особой силой проявились в его полностью бестекстовом «Концерте памяти А. А. Юрлова». Об этом сочинении, как и о стиле хоровой музыки Свиридова в целом, см.: Паисов Ю. И. Хоры а сарреliа Свиридова // Георгий Свиридов: Сборник статей и исследований / Сост. Р. Леднев. – М.: Музыка, 1979.

горается – только засверкал луч зари, только начался стремительный разбег. Красота этого утра еще не утвердилась, как в первой части, – она предчувствуется. Да, ныне все соткано из предчувствий, предсказаний, пророчеств:

За калиткою моей
скачет пёстрая сорока
и пророчит мне гостей...

Часто-часто настойчиво бьется, стучит барабанчик таинственной цыганочки – что-то она напроорочит, нагадает, куда заманит? И все вокруг неясно лепечет, звучит, исполнено волнующим движением и ожиданием – какой-то светлый гость едет! *«Колокольчик небывалый у меня звенит в ушах...»* Вот ключ «Стрекотуњи-белобоки», вот откуда родился этот нежно-серебристый, мерцающий звуковой фон, эта пульсирующая «музыка сфер».

Жизнь для Поэта – тайна, и все в ней чудо, непостижимое и в то же время все-таки ждущее постижения, открытия, «эха» в пылливой человеческой душе. Жизнь – тайна. Слово – откровение тайны. А неясный звук, вдруг неведомо откуда посещающий душу, – посланец жизни, частица ее тайны. Это предчувствие, предвестие, зарождение слова.

Моих ушей коснулся он,
И в них раздался шум и звон...

Таков пушкинский Пророк на самом пороге откровения.

Шумом и звоном – тайной бытия – полон финал свиридовского концерта. Звуковой фон перестает быть только фоном – он становится основной содержательной и конструктивной доминантой. Он предопределяет оркестровую трактовку хора, использование таких приемов хорового письма, которые создают иллюзию инструментальной звучности¹⁹. Из него возникают отдельные выкрики, возгласы, вырастают отдельные партии, ансамбли, сольные голоса. Из него выплывает и в нем же растворяется затейливая, игривая мелодия цыганочки. Так возникает звук, таинственная, внутренняя музыка самой жизни, и пульсирующий ритм временами заполняет собой все пространство, достигая в кульминации небывалой силы, превращаясь в белое звуковое пятно, в звенящее марево света.

¹⁹ Заключительный хор «Пушкинского венка» отличается чисто оркестровой трактовкой хора. Женские голоса и тенора, имитирующие инструментальное сопровождение, обеспечивают необходимые по образному смыслу легкость, полетность, стремительность движения, на фоне которого отчетливо, рельефно звучат полирующие голоса (три или одно сопрано, басы), исполняющие основную мелодию хора или имитирующие звуковые реалии (выкрики, шумы, говор толпы, птичьего голоса). Характер инструментальной оркестровки обретает здесь и прием двухорности, благодаря которому достигаются яркие тембровые и динамические аффекты, как, например, необычно красочное crescendo в динамической кульминации этой части (см. с. 68 партитуры «Пушкинского венка». – М., 1980).

И если в «Зимнем утре» ослепительно сияло природное солнце, то здесь победу одерживает свет, идущий изнутри. Если в начале «Венка» природа представляла во всей своей явленной красоте, то его завершение выводит нас к проникновению в тайную, заветную красоту, в глубину мира, в суть вещей. И это потому, что не просто музыка, но «дух музыки», «душа мира», как говорили романтики, присутствует здесь, напоминая еще об одной, быть может, самой сердцевинной, «мудрой» стороне гармонии. Томас Карлейль, современник Пушкина, писал: «Греки выдумали фантазию о гармонии сфер; фантазия эта выражает чувство, которое испытывали они, заглядывая во внутреннее строение природы; она показывает, что душу всех голосов, всех их способов выражения составляет чистая музыка... Проникайте в вещи достаточно глубоко и перед вами откроются музыкальные сочетания; сердце природы окажется во всех отношениях музыкальным, если только вы сумеете добраться до него»²⁰.

Та утренняя дорога, с которой начинался «Пушкинский венок» Свиридова, оказалась не только дорогой вдаль, но и движением внутрь, в глубину жизни и творчества, к сердцу природы, к музыкальной, гармонической сути бытия. Да и сам путь, само движение связано с гармонией, с музыкой, с живой жизнью и ее тайной – вот отчего оно достигает такой стремительности в финале концерта. Этот финал открыт в будущее, в нем ощутимо проявляется преемственная связь культур – прошлой и современной. Пушкинский мир рассматривается здесь как бы из «прекрасного далека», через призму позднейших поэтических открытий – и тогда «колокольчик небывалый», загадочная цыганочка, ее барабанчик обретают символический смысл. А напряженно звенящий, светящийся, чрезвычайно подвижный «фон» словно облекает в звуковую плоть мысли Блока о «духе музыки» как основе «всеединства», как созидательном, динамическом, творческом и светлом начале жизни.

Ощущение тайны мироздания, выраженное современным композитором, углубляется, усиливается. Но непреложным остается пушкинское прозрение о том, что эта тайна радостна, прекрасна, полна смысла. И сам Пушкин, его детски мудрая душа предстает как вечно живая тайна, гармоничная в своей сути и неисчерпаемая в постижении. Об этом говорил Достоевский в конце своей знаменитой речи: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»²¹.

В разгадку вносил свой вклад едва ли не каждый большой русский художник. И каждый – Гоголь, Лермонтов, Глинка, Даргомыжский, Чайковский, Мусоргский, Достоевский, Блок, – раскрывая тайну Пушкина, раскры-

²⁰ Карлейль Т. Герои и героическое в истории // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Вып. 1. С. 48.

²¹ Достоевский Ф. Собр. соч. В 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 459.

вали вместе с нею главное в себе, в своем времени, в своем понимании сущности «русского духа и мира».

Свиридов всю жизнь следовал этой устойчивой отечественной традиции: каждый этап творчества связан для него с очередной попыткой постижения тайны Пушкина и самопостижения в Пушкине. «Пушкинский венок», созданный в пору творческой зрелости, содержит в себе обобщение этого процесса. В нем сфокусированы, пожалуй, основные особенности мировоззренческой и эстетической программы композитора. Каковы эти особенности?

Прежде всего, обостренное чувство жизни, восторг перед нею, восприятие ее как чуда и великого дара – при трезвом и честном видении теневых и трагических ее сторон. Да, эти стороны никак не сглажены в свиридовском творчестве – напротив, они предстают во всей масштабности своей, присущей веку. Еще герой бёрнсовского цикла увидел, как «всю землю тьмой заволкло», а герой блоковского «Видения», «содрогаюсь», разглядел «черты мучений невозможных». «Душа»²² «рыдающей лироку» оплакивает «замученных живьем». «Голос из хора» с суровой печалью размышляет об апокалиптических признаках грядущих дней. Поступь чумы сотрясает землю.

Но вот какая деталь представляется нам принципиально важной для позиции Свиридова: его «Пир во время чумы» начал складываться с «Песни Мери» – предельно наивной, прозрачной и в то же время несущей в своей простоте откровение о жертвенной женской душе, перед лицом смерти забывающей о себе ради любимого. Для Свиридова песня Мери оказалась сердцем трагедии, ибо в ней сосредоточена вера в торжество любви над смертью, над страхом чумы, вера в победу света над тьмою. Эта вера необходима. При ее отсутствии художник, который выступает, казалось бы, с самым радикальным обличением темных сторон действительности и показывает тотальное господство холода, распада, хаоса, на самом деле незаметно для себя становится союзником разрушительных сил, поскольку абсолютизирует и эстетизирует эти силы. Пагубные следствия такого холодного критицизма – при отсутствии положительного идеала – предвидел Пушкин. Ему принадлежит непревзойденный по точности диагноз: «...нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви» (XII, 36).

Пушкинский Сальери, сердце которого лишено любви, был тем самым отлучен и от истины. Более того – он не верил в ее существование (с программы неверия – «нет правды на земле, но правды нет и выше» – он начал свой первый монолог, заявляя, так сказать, свое credo). Он подвергал глубокому сомнению необходимость высшей красоты (досадовал на бесполезность «песен райских»). И наконец, на пьедестал, назначенный добру в искусстве, пытался воздвигнуть зло (породнить гений и злодейство)...

Тот же глубокий скепсис по отношению к идеалам истины, добра и красоты несет в себе сальеризм XX века – современная «музыка безверия».

²² Средняя часть кантаты «Снег идет» на слова Б. Пастернака.

До последней крайности доведены в ней черты, которые Пушкин выделил в антагонисте Моцарта: «алгебраический» рационализм, звуковое гурманство, цеховая надменность, презрение к человеку.

И Пушкин в этом смысле – неизменный «камертон-Поэт», который помогает не сбиваться в метельных вихрях времени, не поддаваться ночным настроениям, страхам, отчаянью, противостоять искушениям «лукавых снов» искусства. Композитор ориентируется на Пушкина прежде всего как на хранителя ясного дневного сознания в нашей культуре, ее разумной «художественно-нравственной меры», предупреждающей крайности.

Этос и стиль Свиридовского творчества восходят к пушкинской формуле «цель художника есть идеал, а не нравоучение» (XII, 70. Курсив Пушкина. – А. Б., О. С.). Идеал – это высшая цель человечества, это мечта о всеобщем согласье, это принцип гармонии, положенный в основу природного космоса и человеческой души. Наиболее существенные стороны этого идеала раскрыты Свиридовым в «Пушкинском венке». Здоровому, гармоническому мироощущению, которым проникнуто это сочинение, соответствует его поэтика: в ней проявляется последовательная верность гармонии в узкомузыкальном смысле. Ее главные приметы – своеобразно развиваемые принципы классической тональной гармонии, диатоническая в своей основе ладовая система, мелодическое «песенное» мышление.

Пушкинское начало обнаруживается в стремлении композитора к ясности, лаконизму, точности. Составляя концерт из простейших элементарных форм, Свиридов добивается при этом поразительной их гибкости и разнообразия. Им присуща именно простота откровения. О золотом веке музыкальной культуры напоминает их безыскусная наивность, сердечность. О нем свидетельствует и то обстоятельство, что при всей камерности, лиризме этих песен они звучат не в сольном, а в хоровом исполнении. Ориентация на хоры принципиальна: в хоровом начале отражена гармония человеческих отношений, оно несет в себе напоминание о согласье, «ладе» народной жизни.

Но вот что примечательно: все «архаические» формы, к которым обращается Свиридов, обретают у него удивительно свежее, современное звучание. Сама «элементарность» этих форм, равно как их предельно осмысленное использование (в концерте нет никаких «архитектурных излишеств», никаких «наростов», переходов, связок, заставок), напоминает о том художественном аскетизме, к которому стремится музыка XX века. С другой стороны, для Свиридова характерно утонченное по тембровой окраске хоровое письмо. Свежо, совсем по-новому звучит его изысканный аккорд... И в данном случае композитор следует эстетическим заветам Пушкина – сочетать в творчестве верность первоосновам искусства и совершенное владение художественным языком своей эпохи. Здесь проявляется еще одно замечательное свойство гармонии: в древности считалось, что непременным условием ее существования является парадоксальное на первый взгляд согласование постоянства и подвижности. Вот отчего там, где воцаряется гармония, веч-

ное предстает в живом захватывающем движении, неуловимом для неподвижных формул, неисчерпаемом даже в самых емких, но все-таки имеющих предел, границы, о-предел-ениях.

«Гармонией, лирическим движением, истиной чувств» (XII, 83) отмечен «Пушкинский венок» Свиридова. Поэтому нет возможности во всей полноте выразить словом его живую тайну. Будь это осуществимо, не нужна была бы музыка. К ней мы отсылаем своего читателя. А в заключение задержим его внимание на том, что «Пушкинский венок» при всей его ясности, цельности, просветленности, спокойной углубленности лишь на первый взгляд кажется замкнутым, отрешенным от боли мира и проблем времени произведением. На самом деле оно обладает скрытой нравственной активностью. В нем отстаетается твердая вера в ценности и идеалы, которые необходимо хранить и проповедовать сегодня. В нем содержится напоминание о возросшей ответственности художника в трудных условиях современного мира, напоминание о его главной, извечной задаче, ныне ставшей остро насущной: искать гармонию в глубине жизни и ею исцелять людей.

Христианство в художественном мире Новалиса

Творчество Новалиса (настоящее имя – Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801) связано с рождением немецкого романтизма, возникшего из содружества писателей, философов и теоретиков нового направления, нашедших друг друга в небольшом университетском городке Йена. Новалис, отличавшийся необычайной всесторонней одаренностью, был центральной фигурой этого литературного объединения, а его идеи и образы стали неким каноном для всего романтического искусства.

Герман Гессе, один из самых глубоких немецких писателей XX века, признававшийся в своей благодарности Новалису, сказал о своем наставнике так: «Этот поразительно богатый, гибкий, дерзновенный ум, этот подлинный провидец и сердцевед, на целое столетие опередив свое время, как в пророческом сне творил идеал немецкой культуры духа, а идеал синтеза научной мысли с душевным переживанием он разработал и развил с такой мощью, с какой это удалось разве одному только Гёте. В нем к нам обращается голос той овечьей легендами Германии самоуглубленной духовности, которую сегодня многие отрицают, ибо уже не она господствует на поверхности немецкой жизни»¹.

В советское время труды немецкого романтика практически не издавались, и только в 1995 году появился первый сборник его произведений, включивший образцы различных жанров, – роман «Гейнрих фон Офтердинген», повесть «Ученики в Саисе» и отдельные фрагменты². В следующих изданиях были представлены его поэтические произведения «Гимны к Ночи», «Духовные песни», а также философско-исторический очерк «Христианство, или Европа»³. Последней по времени стала книга «Фрагменты», которую можно считать наиболее полным⁴ и первым научным изданием философского наследия романтического гения.

Отличительной особенностью творчества Новалиса, как и всей литературы раннего йенского периода, было стремление к философской рефлексии и символизации: умозрительные идеи облекались в образные одежды, роман «Гейнрих фон Офтердинген» превращался в философскую сказку,

¹ Гессе Г. Новалис // www.hesse.ru.

² Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995.

³ Новалис. Генрих фон Офтердинген / Пер. В. Б. Микушевича. М., 2003. (Литературные памятники).

⁴ Новалис. Фрагменты / Пер. А. Л. Вольского. СПб., 2014. Рец.: Болтовская Л. Н. Незнакомый Новалис // Христианское чтение. 2015, № 4.

а повесть «Ученики в Саисе» воспринималась как «опоэтизированные философские разговоры»⁵. По убеждению теоретиков и творцов романтизма, стремившихся к универсальному охвату жизненных явлений, поэзия должна войти в соприкосновение не только со всеми видами искусств, но прежде всего с философией: «Филология и философия – одно и то же», – читаем у Новалиса⁶. Из этой теории синтеза искусств в литературе немецкого романтизма рождается жанр фрагмента как основная форма осмысления бытия, ибо «выразить бесконечное в конечном, по мнению романтиков, можно только фрагментарно»⁷. Новалис сознательно и упорно «культивировал» свой разум, считая, что с развитием и совершенствованием мышления возрастает свобода, и фиксировал живое движение собственной мысли в записях, которые вел до последнего дня своей недолгой жизни. «Фрагменты» Новалиса – это мысли поэта и философа: в них как бы оживает метафорическая природа слова, раздвигающая логические пределы мышления и устремляясь к мерцающим тайнам изначальных смыслов. Эти фрагменты нельзя воспринимать буквально: «Общаться только ради содержания – грубо и вульгарно. Информация, материал не должны нас тиранить» (с. 72). Сам автор видел в них «литературные семена», которые должны прорасти в сознании человека, приобщая его к философскому размышлению и «осмыслению», указывая «определенное направление к истине» (с. 179).

Это «направление» в раннем романтизме носило характер исключительной вертикальности, устремленности к метафизическому измерению жизни, выражавшемуся в религиозном чувстве. Исследователь немецкого романтизма В. М. Жирмунский пишет: «Характерной чертой романтического восприятия мира является неудовлетворенность окружающим нас конечным и тоска по бесконечному, далекому и вечно родному для бесконечной души человеческой»⁸. Эта мировоззренческая доминанта определяла не только характер творчества, но и весь жизненный путь молодых энтузиастов, создававших новое искусство. «Романтизм перестает быть только литературным фактом. Он становится прежде всего новой формой чувствования, новым способом переживания жизни. Человек, для которого весь мир божествен, для которого божественное является вместе с тем высшей целью, будет смотреть и действовать, желать и жить уже по-новому...»⁹. Новалис выразил это ощущение так: «Самый чудесный и вечный феномен – *собственное существование*. Человек – великая тайна для самого себя. Разгадывание этой бес-

⁵ Карлейль Т. Новалис // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 216.

⁶ Новалис. Фрагменты. СПб., 2014. С. 241. Далее «Фрагменты» будут цитироваться по этому изданию с указанием страниц в тексте.

⁷ Вольский А. Л. «Фрагменты» Новалиса: поэтическое познание универсума // Новалис. Фрагменты. С. 26.

⁸ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 59.

⁹ Там же. С. 9.

конечной загадки образует мировую историю» (с. 79). В человеческом образе он видел «священный, неисчерпаемый иероглиф» (с. 274). Отсюда и высота его размышлений: «Все лучшие свойства человеческой природы сконцентрированы подле духа и красоты» (с. 273), «Поклониться человеку – означает восславить откровение во плоти. Касаясь человека, прикасаешься к небу» (с. 273).

Но духовное виденье человеческой личности ко временам Новалиса уже оспаривалось магистральным направлением современного ему научного знания. На протяжении XVII века в европейском обществе формируется научный, а значит, материалистический тип миропонимания, и уже концу XVIII столетия концепция личности была радикально пересмотрена западноевропейской философией. Христианский «сокровенного сердца человек» был переведен еще Декартом в «мыслительную субстанцию», что привело к абсолютизации рассудочного сознания в Европе. Обожествивший себя человеческий разум, оторвавшись от духовного центра, захотел заместить собой целое, философы-просветители открыто проявили свою враждебность к религии. Об эпохе Просвещения в очерке «Христианство и Европа» Новалис выразился так: «Франции посчастливилось оказаться лоном этой новой веры, слепленной из чистого знания. Жрецы новой церкви неумоимо старались очистить от поэзии природу, землю, человеческие души и науки – изгладить малейший след святости, отравить сарказмами само воспоминание о всех возвышенных событиях и людях...»¹⁰. Они превратили «бесконечную творческую музыку вселенной в однообразный стук чудовищной мельницы»¹¹.

Когда религиозное мышление переводится в строго научное, направленное на изучение законов материи, то и человек превращается в психофизический объект, из которого изымается духовная субстанция. В просветительско-рационалистической картине мира нет места представлению о живой, извечно таинственной душе, потому что ученому исследованию она недоступна, «ибо расчленению подлежит лишь систематическое, а определению – лишь понятия с помощью понятий», – пишет О. Шпенглер¹². Психолог даже не замечает, что он превращается в «физика внутреннего мира», обозначая функции сознания: «Ассоциации, апперцепции, аффекты, побудительные причины, мышление, чувствование, воление – все это суть мертвые механизмы, топография которых составляет ничтожное содержание науки о душе»¹³, – все эти слова коренятся в круге представлений естествознания. Ученая психология не способна открыть сущность души или хотя бы только коснуться ее: «Скорее можно разложить с помощью скальпеля или кислоты какую-нибудь

¹⁰ Новалис. Гимны к ночи / Пер. с нем. В. Микушевича. М., 1996. С. 173.

¹¹ Там же. С. 172.

¹² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 478.

¹³ Там же. С. 482.

тому Бетховена, чем душу средствами абстрактного мышления»¹⁴. Новалис отделяет от Шпенглера больше чем столетие, но и он сетует: «Странно, что внутренний мир человека созерцался до сих пор так убого и трактовался так пошло. Так называемая психология – еще одна личина, вытеснившая из святилища божественный лик. <...> Рассудок, фантазия, разум – таков убогий каркас той Вселенной, которая заключена в нас» (с. 279).

Романтическая философия ввела в дуализм научное/образное, размышляя о способах познания. По глубочайшему убеждению романтиков, разум не способен дать целостное представление о мире, используя только одну из многочисленных способностей человека – мыслительную и не обращаясь к совокупности всех его духовных сил. Более глубокой и всеохватной формой познания они провозгласили искусство: «Поэзия противостоит холодному, мертвому Шпицбергену кабинетного рассудка» (с. 180)¹⁵. Здесь столкнулись понятийно-логическая система познания и «мышление в образах» как универсальный язык искусства. Изначально в библейской традиции слово обладало духовной сущностью, оно было Словом как воплощенным Логосом. Онтологическая сущность слова проявлялась в его способности хранить целостное знание универсума как единства конечного и бесконечного, природы и духа. Если ориентироваться на истоки европейской культуры, на Античность, то сакральная память слова оживала прежде всего в поэтическом искусстве, которое было наиболее древним по происхождению и на многие сотни лет предвляло появление прозаических жанров. Язык же поэзии – слово-образ, слово-метафора. Можно сказать, что в искусстве гения обнаруживает себя мистическая, творческая сила языка, возводящая человеческое сознание к тайне сокрытого, которое волшебным образом проявляется в поэтическом образе и воздействует не только на ум, но захватывает воображение, пробуждает чувства, проникает в глубины подсознания.

Новалис: «Поэтическое чувство имеет много общего с мистическим. Это чувство самобытного, личного, неизвестного, таинственного, сокровенного, необходимо-случайного. Оно изображает то, что изобразить невозможно. Оно видит невидимое, чувствует сверхчувственное и т. п. Поэтическое чувство близкородственно пророческому и религиозному, чувству прорицания вообще» (с. 305).

Итак, поэзия есть «откровение души» (с. 303), а поэт как «высший уровень мыслящего и ощущающего человека» (с. 242) становится центральной фигурой немецкого романтизма. Эту традицию ввел Новалис своим единственным и незавершенным романом «Гейнрих фон Офтердинген», в который он вложил весь комплекс идей и образов, свойственных романтическому духу. Друзья Новалиса, оставившие воспоминания о нем, неизменно отмечали светлость его облика: он был наделен высокой мистической душой,

¹⁴ Там же. С. 478.

¹⁵ Новалис. Гимны к ночи. С. 180.

сильным философским умом, неизменной и глубокой верой, это был «юноша, неустанно взыскующий цели и смысла»¹⁶. Таким духом, чающим сокровенного смысла, наделяет автор и своего героя, будущего легендарного поэта, которому в романе только 20 лет, и он еще не ведает о своей гениальной одаренности. Великая душа входит в мир, чтобы познать в нем свое назначение: «Мы пойдем мир, если пойдем самих себя, ибо мы и мир – две половины, без которых целое не существует» (с. 154).

Действие романа Новалис переместил в немецкое Средневековье XIII века и этим заложил еще одну традицию в романтическом искусстве: многие европейские романтики обращались к далекой духовной родине, они не любили изображать современность. Новалис пояснил: «Сравнительно с прошлым позднейшее время, более состоятельное, представляет однообразную и более серую картину будничности»¹⁷, средневековая же эпоха обладала более высокой духовной силой и воспринималась как «золотой век религиозной жизни». Новалису принадлежит уникальная статья «Христианство и Европа», в которой он дал образную характеристику средневекового христианства: «Были прекрасные, блистательные времена, когда Европа была единой христианской страной, когда *единое* христианство обитало в этой части света, придавая ей стройную человечность; единый великий общий интерес объединял отдаленнейшие провинции этого пространного духовного царства»¹⁸. А затем он анализирует причины распада этого первоначального единства, называя дух протестантизма главным источником разделения европейского человечества на расколотых «сектантской непримиримостью» католиков и реформаторов. «Мятежники» с полным основанием назвали себя протестантами, но «они упустили из виду неизбежный результат своих действий, расторгли нерасторжимое, разделили нераздельную Церковь, дерзко отпали от всеобщего христианского единения»¹⁹ и, не осознавая того, стали проводниками революционных идей эпохи Просвещения. Ф. И. Тютчев так обобщил этот исторический процесс: «Движение реформы, христианской в своем зарождении, уклонилось с пути и наконец дошло до отрицания авторитета Церкви, а затем и самого принципа всякого авторитета. Через эту брешь, проделанную протестантизмом, так сказать, бессознательно, и вторглось позднее в западное общество антихристианское начало»²⁰. Крупнейший богослов XX века Г. Флоровский замечает, что «именно Реформация была главной причиной секуляризации новой европейской мысли»²¹.

¹⁶ Шульц Герхард. Новалис, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Томск. 1998. С. 58.

¹⁷ Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 19.

¹⁸ Новалис. Гимны к ночи. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 165.

²⁰ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем. В 6 т. Т. 3. М., 2003. С. 164.

²¹ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 429.

В очерке «Христианство и Европа» Новалис, воспитанный в протестантской Германии, опережая свое время, провидчески вглядывается в суть явлений, разрушающих христианскую религию: «Лютер вообще обращался с христианством произвольно, извратил его дух, ввел иную буквальность и другую религию, а именно священную абсолютизацию Библии <...> Поэтому в истории протестантизма мы более не находим великих прекрасных явлений неземного, лишь у его истоков блещет преходящий небесный огонь; вскоре после того чувство священного уже заметно иссякает; мирское берет верх <...> приближается время, когда органы высшей жизни совершенно атрофируются, период практического неверия. Реформация покончила с христианством. С тех пор его не стало»²². В Германии, замечает с горечью Новалис, «просвещением занимались основательнее, реформировали воспитание, пытались придать старым верованиям новый, разумнейший, общедоступнейший смысл, тщательно очищая их от всего чудесного и таинственного...»²³ – «отсюда роковое восприятие мира с обыденной (равнодушной), прагматической, прозаической точки зрения» (с. 217).

В этой статье Новалис рассказывает о том, чего лишилась религия, основанная на рациональных началах, чего в ней не хватает верующей душе. И сразу же отмечает отсутствие «всего чудесного и таинственного», главенствующего в католических храмах: он вспоминает об «избранных мужах, обладающих чудотворными силами», слова их внушали «благоговение и послушание», «о давно почивших небесных человеках, освященные останки которых хранились в драгоценных раках», в них «проявлялась великолепными чудесами и знаменьями божественная доброта и всемогущество», о том, «какую радость доставляли людям прекрасные собрания в таинственных церквях, украшенных благодетельными образами, наполненных сладостными ароматами, оживленных святой восхищающей музыкой»²⁴. Лишившись церковных таинств, протестантская культура породила новый литературный жанр, служащий суррогатным заменителем, при помощи которого можно частично удовлетворять изначально присущее человеку тяготение к мистической тайне. Речь идет о детективных или «логических рассказах», родоначальником которых стал американский романтический поэт и новеллист Эдгар По, обладавший сильным аналитическим умом и безотрадным сознанием. Естественнаучное миропредставление постепенно замещает тайну проблемой. По словам современного французского философа Габриэля Марселя, проблема – «это то, с чем мы сталкиваемся, что преграждает нам путь. Она вся передо мной <...> тайной же в силу ее сущности я не могу владеть, не могу распоряжаться»²⁵.

²² Новалис. Гимны к ночи. С. 168.

²³ Там же. С. 174.

²⁴ Там же. С. 159.

²⁵ Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск, 1994. С. 124.

С обытовлением Церкви («мирское берет верх») в ней иссякает «чувство священного», «неземного» и прекрасного. Новалис оставляет запись: «Механическое богослужение. Католическая религия куда более зрима, тонка, интимна, нежели протестантская» (с. 173). Вместе с традиционной сакральной обрядностью из протестантизма уходит возвышенная красота иконных лиц – человеческих лиц, преображенных божественным светом. Мир начинает восприниматься с «прозаической точки зрения». Но искусство не может вдохновляться горизонтальным измерением жизни, классическая культура всегда являла истину вещей, и романтический художник начинает презирать обыденность как пошлость, прибегая к язвительной иронии. Гротескное творчество Гофмана, показывающее мир людей как мир животных, – самый мрачный тому пример. Душа Фридриха фон Гарденберга была свободна от иронического чувства, более того, он видел в этой склонности признаки разложения души: «Светлые души лишены остроумия. Остроумие свидетельствует о дисбалансе, является следствием душевного расстройства... Состояние полного распада – отчаяние или духовная смерть – есть выражение самого жуткого остроумия» (с. 92).

Но вернемся к «духовному царству» Средневековья, которое художественно воссоздается в романе, к «чутким душам», преисполненным «волшебными чаяниями» и уверенностью в чудесной силе веры, ибо «всякая вера чудесна и чудотворна», она есть «ощущение, что мы пробудились, действуем и мыслим в ином мире» (с. 244). Творческий замысел Новалиса и состоял в том, чтобы привести своего героя к этому высшему из человеческих состояний. Роман можно назвать историей души поэта, «изображением души» как «внутреннего мира в его целостности» (с. 291). Поэтому в тексте Новалиса отсутствует телесность и преобладает язык символов. Недаром высшим видом искусства романтики называют музыку: бестелесные звуки передают струение самой жизни, ее дыхание. В романе нет портретов, четко очерченных характеров, герой – скорее фигура символическая, он носитель идеи, которую можно выразить словами о. Александра Шмемана: «Прекрасно, в сущности, каждое человеческое лицо, и каждое “являет”, “доказывает” существование Божье; нет некрасивых, когда они отдаются, как в хоре, чему-то высшему и лучшему в себе»²⁶.

Центральным же символом не только творчества Новалиса, но и всего немецкого романтизма стал в романе образ испускающего голубое сияние цветка, который увидел Гейнрих в предутреннем сне. Он долго разглядывал благоухающий цветок с «невыразимой нежностью», но «цветок вдруг зашевелился и вид его изменился; листья сделались более блестящими и прижались к растущему стеблю, цветок склонился к нему, и лепестки образовали широкий голубой воротник, из которого выступало нежное личико»²⁷. Это

²⁶ Шмеман А., *прот.* Дневники (1973–1983). М., 2005. С. 402.

²⁷ Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб, 1995. С. 13. Далее ссылки на это издание будут обозначаться как «Офтердинген».

странное превращение вселило в Гейнриха «радостное изумление», которого он уже не сможет забыть. Он почувствует, что чудесный сон захватил его душу, как «большое колесо, и властно мчит ее вдаль»²⁸. В одном из фрагментов Новалис запишет: «Цветок – это символ тайны нашего духа»²⁹. Образ цветка лучится многочисленными смысловыми уподоблениями: вертикаль роста устремляет его чашечку вверх, голубой цвет роднит с небом, в тайне невзрачного бутона, как и малого зерна, сокрыто будущее великолепие созревшей красоты. Юного Гейнриха можно сравнить с таким еще не распустившимся бутоном: он пока просто существует, ум и сердце его дремлют, но душа готова проснуться, ибо в ней отныне поселилось чувство, которое романтики назвали «томлением духа», – чувство неудовлетворенности реальностью собственной жизни и стремление обрести то, что заполнило бы образовавшееся внутреннее зияние. Это стремление связано с символикой странствий, с дорогой, уходящей вдаль и влекущей романтического героя с неодолимой силой.

Тема странничества – очень старинная тема, начало ей в европейской литературе положил Гомер, связав долгое возвращение Одиссея домой с различными приключениями. В границах античной культуры позднее появится жанр приключенческого романа, который будет подхвачен и средневековой рыцарской поэзией, создавшей романы в стихах с любовной и приключенческой тематикой. Символика странствий изначально связана с испытаниями, которые претерпевает герой: через них приходит познание не только мира, но и собственной души. Одиссея часто настигают смертоносные события, требующие от него предельного напряжения всех его внутренних сил, рыцари вступают в опаснейшие поединки ради той совершенной доблести, которая является их целью. Таким образом, передвижение героев в пространстве через совершение подвигов является как бы «ключом» (при-ключением) к их внутреннему движению по вертикали иерархической лестницы ценностей.

Новалис тоже отправляет Гейнриха в путь: они с матерью направятся в недалекий город Аугсбург, на ее родину. В этом недолгом и мирном путешествии вместо неожиданных событий путникам будут подарены незабываемые встречи, открывающие «окна души» Гейнриха и ведущие его к тайне самопознания: «Глубины нашего духа нам неведомы – внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами – прошлое и будущее. Как можно знать в чем-либо толк, если не хранить в себе зерно такого знания?» (с. 88)

Эту весть несут Гейнриху люди, которых он встречает на своем неспешном пути. Они разные (купцы, рыцарь, рудокоп, отшельник), но все отмечены преклонным возрастом и с готовностью делятся нажитым опытом и той тайной, которую им открыла жизнь. Новалис: «Бога надо искать среди людей.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Там же. С. 145.

В человеческих деяниях и ощущениях Святой Дух проявляется отчетливее всего» (с. 272). Особенно впечатляет Гейнриха рассказ рудокопа, прошедшего большую часть своей жизни под землей в глубоких шахтах: «Горное дело, – сказал он, – пользуется благословением Господним <... > Никакое другое дело не укрепляет до такой степени веры в небесную мудрость, ничто так не сохраняет детскую невинность сердца, как работа в рудниках. Бедный, скромный рудокоп спокойно работает в своем глубоком отшельничестве, вдали от мятежной суеты дня, воодушевленный только любознательностью и любовью к единению и миру. Но каким дивным цветом расцветает на этих страшных глубинах истинное доверие к Небесному Отцу, рука и забота которого открываются рудокопу ежедневно в самых несомненных знаках. Сколько раз я сидел в глубине рудника, благоговейно рассматривая при свете моей лампы простое распятие! И тогда только я вполне понял священный смысл этого таинственного изображения и проник в самый благородный тайник моего сердца, из которого мог потом черпать без конца»³⁰. Теперь он с легким сердцем дожидается «великого расчетного дня» – таков итог «простого величия» прожитой жизни. Выслушав это изумительное признание, Гейнрих почувствовал «как в его отзывчивой душе раскрываются новые силы»³¹, слова старика как бы отомкнули перед ним «потайную дверь», ведущую в вечность.

В конце путешествия в Аугсбурге произойдет самая удивительная встреча: в доме своего деда Гейнрих будет представлен знаменитому поэту Клингзору, а подле него увидит дочь его Матильду и узнает тот милый облик, что явился ему в ночном видении. А далее последует рассказ о любви двух юных существ, в котором будет выражена романтическая философия любви.

Все романтические писатели прозревали в любви мистическое чувство, как небесное откровение, как весть из вечного мира. Любовь, говорил Новалис, есть «таинственная гармония нашей самой таинственной сущности»³², и причислял ее к одному из самых прекрасных метафизических цветов жизни. Что открывает человеку ниспосланный ему дар любви? Божественную красоту другого человека, потому что видеть по-настоящему может только любовь. Хорошо об этом сказал митрополит Антоний Сурожский: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нем неувыдаемую красоту. И когда мы так посмотрим на нашего ближнего, нашего родного, на самого любимого, тогда начнем мы различать в нем ту неизъяснимую красоту, которую в нем видит Господь, и начнем себя забывать ради созерцания другого человека и служения ему»³³. В романе Гейнрих и Матильда, познав неведомое им дотоле чувство, пытаются выразить его невыразимость, прибегая к духовной символике: «Я не понимаю вечности, – говорит Матильда, – но мне кажется, что вечность это то, что я испытываю, когда думаю о тебе». Гейнрих в ответ произ-

³⁰ «Офтердинген». С. 55.

³¹ Там же. С. 69.

³² Там же. С. 92.

³³ Антоний Сурожский, митрополит. Человек перед Богом. М., 2000. С. 179.

носит: «То, что меня так неразрывно влечет к тебе, что разбудило во мне вечное стремление к тебе, то не во времени. Если бы ты могла видеть, какой дивный образ проникает сквозь тебя и светится мне отовсюду, ты бы не боялась старости. Тот образ – вечный прообраз, частица неведомого святого мира»³⁴. Своих героев Новалис наделяет способностью философствовать, вернее, через них выражает свои самые глубокие обобщения о сути земной любви, назначение которой – вести человека еще выше, открывая ему врата небесной любви: «Твоя любовь поведет меня в святилище жизни, в святую святых духа; ты вдохновишь меня на самые высокие мысли. Как знать, не претворится ли наша любовь в пламенные крылья, которые поднимут нас и понесут на нашу небесную родину, прежде чем смерть достигнет нас»³⁵. Это уже не просто речь – это образная речь поэта, который был разбужен в Гейнрихе силой любви. В XX веке другой писатель, Клайв Льюис, выразит эту мысль так: «Мечта о том, что цель наша – рай земной любви, заведомо неверна; или же неверна вся христианская жизнь. Мы созданы для Бога. Те, кого мы любим в этой жизни, потому и пробудили в нас любовь, что мы увидели в них отблеск Его красоты, доброты и мудрости»³⁶.

Еще одна черта такого представления о любви связана с нежностью, в тексте это слово встречается много раз и, соседствуя с «ласковостью» и «приветливостью», создает совершенно уникальную атмосферу умиротворяющего общения человеческих душ. Таков облик Гейнриха, потому что и сам Новалис обладал теми же качествами: «Долг по отношению к людям – внимательность – любовь – уступчивость» (с. 63). Г. Гессе отзываясь о нем как о самой нежной поэтической душе немецкой литературы. Романтический тип любви обычно ассоциируется с «пламенной» страстью, которую культивировали Гофман, Байрон, Лермонтов, Тютчев. Но вот одно из размышлений о «всемогущей любви», которое Новалис вкладывает в уста Гейнриха: «Это не пожирающее пламя, а рассеивающееся благоухание, и как ни тесно единение нежных душ, все же оно не сопровождается резкими движениями и всепожирающим неистовством, как у животных»³⁷. Матильда, прислушиваясь к своей душе, признается: «...я чувствую отчетливо, как во мне горит тихий огонь; как знать, может, он преобразит нас и разобьет земные оковы»³⁸. В романе эта любовь завершается браком, и у юной четы рождается дитя. Многие европейские романтики предпочитали изображать «свободные», не связанные никакими «узами» отношения исходя из культа революционной свободы, так пленившей их воображение³⁹. Самый яркий пример тому –

³⁴ «Офтердинген». С. 91.

³⁵ Там же. С. 92.

³⁶ Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992. С. 260.

³⁷ «Офтердинген». С. 127.

³⁸ Там же. С. 92.

³⁹ См.: Болтовская Л. Н. Образ свободы в творчестве А. С. Пушкина и Д. Г. Байрона

жизнь и творчество Ж. Санд. Она покинула дом, мужа и детей, остригла волосы, надела мужской костюм и уехала в Париж за славой и волнующими впечатлениями, наделив своих героинь такими же феминистскими стремлениями. Но священная традиция мила сердцу Новалиса, он сам мечтал о семье и очень любил свою мать.

И все же романтический автор не завершает своего повествования семейным счастьем Гейнриха, он ведет его дальше к новым встречам, начиная вторую, недописанную часть романа, состоящую из одной главы. Из нее мы узнаем, что Матильда умерла, а Гейнрих предстает тоскующим странником, для которого все краски жизни поблекли и слились в пепельно-серый цвет. После откровения любви, которая является высшей ступенью самопознания, Гейнриху суждено пройти через опыт смерти, приобщающий человека к самой сокровенной тайне бытия. В этом рассказе Новалис опирается на личный опыт. Обратимся к свидетельству Людвиг Тика, биографа и друга поэта. Новалису было двадцать три года, когда он впервые увидел тринадцатилетнюю Софию фон Кюн. Это событие оказалось для него решающим и стало главным содержанием всей его жизни. Что пленило поэта в ней? Детская «невинность сердца» и ясность облика. У романтиков был культ детства, они впервые стали понимать ребенка не просто как «взрослого маленького формата»⁴⁰, но видели в детском сознании то, что потом, по мере взросления, будет утеряно. Людвиг Тик, тоже романтический поэт и писатель, воссоздавая облик Софии, писал так: «Иногда во взгляде и чертах лица ребенка запечатлено выражение такой грации и душевной красоты, что мы должны назвать его неземным, ангельским. Обыкновенно, при виде таких ясных, почти прозрачных лиц нами овладевает страх, что они слишком нежны и слишком тонко сделаны для этой жизни»⁴¹. София умерла ранней весной, вскоре после своего дня рождения, в тот год ей исполнилось пятнадцать лет. Сохранилось несколько писем Новалиса, написанных около этого времени: «Моя печаль так же беспредельна, как и моя любовь... Вместе с ней для меня все погибло, так как лично для себя я почти не существую»⁴². Несколько недель провел он близ могилы Софии, в доме ее родителей. А затем странное спокойствие нашло на него: «Из недр его глубокой скорби явилось такое чувство душевного мира и чистой радости, какого он до тех пор еще никогда не испытывал»⁴³. О том, что произошло с ним в те печальные дни, он рассказал в «Гимнах к ночи», написанных осенью того же года.

В качестве небольшого комментария к этому произведению, где проза и поэзия живут рядом, надо отметить, что романтизм был эпохой преимущественно поэтической и лирической, устремленной к тому, чтобы, как и музыка, воспроизводить самые тонкие переливы чувств, вглядываясь в по-

⁴⁰ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 42.

⁴¹ «Офтердинген». С. 200.

⁴² Там же. С. 202.

⁴³ Там же. С. 203.

таенные глубины души, открывая как бы «ночные», мистические стороны человеческого сознания. Отсюда эта характерная дихотомия дня и ночи, особенно ярко и сильно проявленная в творчестве Ф. И. Тютчева, откликнувшегося на многие философские идеи немецких романтиков: «День – сей блистательный покров – / День – земнородных оживленье, / Души болящей исцеленье, / Друг человеков и богов!» («День и ночь»). Ночь – «мир таинственный духов», когда человек «В душе своей, как в бездне, погружен» («Святая ночь на небосклон взошла»). В русской литературе Тютчев – поэт лунной ночи, а Пушкин – сияющего дня. Вернемся к Новалису, для которого ночь – «безмолвный вестник неисчерпаемой тайны» (с. 51). В третьем гимне он воспроизводит одну из ночей, проведенных близ могилы своей Софии: «Однажды, когда я горькие слезы лил, когда, истощенная болью, иссякла моя надежда и на сухом холме, скрывавшем в тесной своей темнице образ моей жизни, я стоял – одинокий, как никто еще не был одинок <...>, когда в беспредельном отчаянье тщетно держался за жизнь, ускользавшую, гаснущую <...> Ты, вдохновенье ночное, небесной дремой меня осенило; тихо земля возносила, над нею парил мой новорожденный, не связанный более дух. Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой. В очах ее опочила вечность, – руки мои дотянулись до рук ее, с нею меня сочetaли, сияя, нерасторжимые узы слез. – Это пригрезилось мне однажды и навеки, и с тех пор я храню неизменную вечную веру в небо Ночи, где светит возлюбленная»⁴⁴.

Итак, Фридрих фон Гарденберг, известный миру как Новалис, открывает нам, сегодня живущим, сокровенный опыт собственной души, уверившейся в человеческом бессмертии. В письме к Ф. Шлегелю он размышляет о том, что ему становится все яснее, *какой божественной случайностью* была смерть Софии, *ключ ко всему*⁴⁵. Их внутреннее единение, родившееся из душевного сближения, позволило ему принять от любимой самый высокий дар ее любви – «уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Она уподобилась дантовской Беатриче, став для него проводником в более высокий мир: «Как несказанно счастлив был бы я уже и здесь, если бы она по временам открывалась мне – поправляла и укрепляла меня – одним-единственным полным любви взглядом»⁴⁶. В дневнике Новалиса есть запись: «К Сонечке у меня религия, а не любовь. Абсолютная любовь, которая не зависит от сердца и основана на вере, есть религия» (с. 81). Такое чувство выходит за границы любви естественной, оно приобретает духовные черты. Фрагмент Новалиса: «Любовь – конечная цель мировой истории – неизбежность универсума. Бог есть любовь»⁴⁷.

В своем романе Новалис воспроизводит ту чудесную мистическую историю, которую пережил сам. Погруженному в скорбь Гейнриху-страннику

⁴⁴ Новалис. Гимны к ночи. С. 53.

⁴⁵ Цит. по: Шульц Г. Указ. соч. С. 109.

⁴⁶ Там же. С. 97.

⁴⁷ Там же. С. 311.

однажды слышится голос Матильды, он падает на колени, молясь, и тогда взора его коснулся сквозь ветви длинный луч, и сквозь этот луч он узрел «далекую дивную красоту» и свою возлюбленную, которая с ласковой улыбкой кивнула ему и приложила руку к левой стороне груди. «Вид ее был бесконечно отраден, и странник долго еще лежал в блаженном восторге, когда видение исчезло. Святой луч извлек все страдания и заботы из его сердца; душа его сделалась снова чистой и легкой и дух свободным и веселым. Ничего не оставалось, кроме тихого глубокого томления и грустного отзвука на самой глубине <...> смерть представилась ему высшим откровением жизни; на свое собственное быстротечное существование он глядел теперь с детским чувством светлой растроганности. Грядущее и минувшее соприкоснулись в нем и заключили тесный союз»⁴⁸.

Всякая человеческая мысль с подсознательным страхом возвращается вокруг темы смерти как явления иррационального, не подвластного никаким логическим усилиям нашего смертного ума. Такое внутреннее смятение запечатлено в записях Блез Паскаля: «Когда я размышляю о мимолетности моего существования, погруженного в вечность, которая была до меня и пребудет после, и о ничтожности пространства, не только занимаемого, но и видимого мной, пространства, растворенного в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, – я трепещу от страха и спрашиваю себя, – почему я здесь, а не там, ибо нет причины мне быть здесь, а не там, нет причины быть сейчас, а не потом или прежде. Чей приказ, чей промысел предназначил мне это время и место?»⁴⁹ Страдание ума заставило гениального ученого отречься от научных исследований, улавливающих лишь «смутную видимость явлений», не ведущих к истине, и уйти в монастырь, чтобы разрешить для себя мучительность неразрешимого. И вот появляется такая запись: «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем: именно сердце помогает нам постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца»⁵⁰. И лишь «нерассуждающая вера», к которой склонилось сердце человека, способна воспринять откровение, посылаемое свыше, ибо «Дух Божий нисходит на тех, кто полон сердечной веры, и только на них»⁵¹, – так завершает свои размышления Б. Паскаль.

Новалиса называют немецким Паскалем. Т. Карлейль, знаменитый английский писатель, находит сходство между ними в том, что оба «обладают самой чистой, любящей, нравственной натурой; у обоих возвышенный, благородный, тонкий ум; оба математики и натуралисты, однако занимаются преимущественно религией; лучшее, что написали оба, осталось в форме

⁴⁸ «Офтердинген». С. 121.

⁴⁹ Паскаль Блез. Мысли. СПб., 1995. С. 205.

⁵⁰ Там же. С. 219.

⁵¹ Там же. С. 333.

«Мыслей»⁵². Можно добавить, что совпадает и целевая направленность их стремлений. Блез Паскаль к концу жизни отрекся от науки, Фридрих фон Гарденберг – от художественного творчества ради осуществления истинного человеческого призвания. «Мышление не было для Новалиса самоцелью, да и поэзия оставалась для него всегда только средством, пусть высшим, утонченнейшим, сильнейшим, на пути к еще более высокой цели – *возвышению человека над самим собой*»⁵³. Такой же путь был предназначен и Гейнриху в недописанном романе. По словам Л. Тика, во второй части, озаглавленной «Свершение», Гейнрих, став поэтом, проникает в самую суть своего искусства, и для него через волшебство фантазии «чудеса исчезают и все превращается в чудо», «вера, фантазия, поэзия раскрывают самую сокровенную глубину внутреннего мира» и из «понимания мира и себя у него рождается стремление к преобразению»⁵⁴.

Свидетельство своей глубокой веры в Живого Бога оставил Новалис и в «Духовных песнях», которые пелись в церкви и после его смерти. Его друг Ф. Шлегель отозвался об этих стихах следующим образом: «Он читал нам и христианские песни; они – самое божественное из того, что он когда-либо делал»⁵⁵. Эти стихи свидетельствуют о том, что душа поэта была готова к последней, величайшей встрече: «Оплакивать усопших – грех, / Живое не умрет: / Согреет всех, утешит всех / Свиданье в свой черед»⁵⁶. Это «нездешнее томление» посещало поэта с детства, тому способствовали печальные семейные обстоятельства. У родителей Новалиса было одиннадцать детей, но только один ребенок пережил их, остальные же умирали от туберкулеза между двадцатью и тридцатью годами. Эта же участь ждала и его самого: признаки болезни стали проявляться за несколько лет до смерти. И пока пальцы могли держать перо, он фиксировал каждый день уходящей жизни, наблюдая за состоянием собственного духа. Фридрих фон Гарденберг «был, пожалуй, первым немецким философом, кто попытался философски осмыслить болезнь и сделать ее началом познания»⁵⁷. Вот несколько таких размышлений: «Болезни, несомненно, составляют *важнейший предмет человечества*, ибо болезней бесчисленное множество, и каждому человеку так много приходится бороться с ними. Искусством использовать болезни мы в совершенстве еще не овладели <...> Болезнь отличает человека от животных и растений – человек рожден для страдания. Чем он беспомощнее, тем восприимчивее к морали и религии» (с. 301). «Болезни, особенно хронические, – это годы, отпущенные на то, чтобы научиться жить и воспитать душу <...> Чем больше человек научается жить не мгновеньями, а годами и т. д., тем благодарнее он

⁵² Карлейль Т. Новалис // «Офтердинген». С. 238.

⁵³ Шульц Г. Указ. соч. С. 257.

⁵⁴ «Офтердинген». С. 139.

⁵⁵ Цит. по: Шульц Г. Указ. соч. С. 195.

⁵⁶ Новалис. Духовные песни // Новалис. Гимны к ночи. С. 143.

⁵⁷ Вольский А. Л. Указ. соч. С. 51.

становится <...> Религия и нравственность – оплот нашего бытия – торжествуют все больше. Угнетение природы есть воспоминание о высшей родине и высшей природе, более родственной нам» (с. 306). Спустя полтора века другой знаменитый соотечественник, писатель и врач Стефан Цвейг, опираясь на собственный опыт, напишет о болезни: «Она научает больного спрашивать, думать и молиться, поднимать полный испуга взор в пустоту и обретать там существо, коему можно поведать о своем страхе. Только страдание создало в человеке религиозное чувство, мысль о Боге. От начала времен, поэтому, явление болезни связано с религиозным чувством»⁵⁸.

Особой сконцентрированности достигают мысли Новалиса в предсмертных записях 1800 года, которые принято считать его духовным завещанием. Основная тематика их – Бог, дух, грех, болезнь, смерть. В эти записи вчитываться трудно – открывается высокая и красивая душа еще совсем молодого человека, полного надежд и творческих замыслов, но обреченного покинуть мир. За несколько дней до смерти Новалис произнес: «Если б мне снова стало лучше, вот тогда вы бы узнали, что такое поэзия, у меня в голове чудные стихи и песни»⁵⁹. Но одновременно возникает и все пересиливает восхищенная благодарность этому удивительному человеку за великий урок веры, с какой он принимает общечеловеческую судьбу: «Умирание – подлинно философский акт» (с. 80). «Жизнь дается ради смерти. Смерть есть и конец, и начало – разделение и более интимное соединение с самим собой» (с. 88). «Если бы все были счастливыми, я был бы вполне утешен; примирять же счастливую судьбу на себя одного я не могу. Если получится, скоро я должен начать новую жизнь – б о л е е в ы с о к у ю. Ранняя смерть – мой великий жребий, продолжение жизни – другой выигрыш» (из письма Ф. Шлегелю)⁶⁰.

Фридрих фон Гарденберг рано осознал смысл жизни: «Быть совершенным человеком, личностью – таково назначение и изначальное стремление человека» (с. 60). В студенческие годы он уже знал, чему посвятит жизнь: «Мой дух и его формирование – самая святая моя цель»⁶¹. Но «высокое искусство стать человеком» формируется не собственными усилиями, здесь нужен могучий кормчий: «Бог хочет богов» (с. 166). И когда воля человека сопрягается с высшей волей, рождается этот потрясающий опыт сознательного «преодоления жизни» (с. 270). За полгода до смерти Новалис оставляет такую запись: «Сегодня у меня был в высшей степени благословенный день. Только рано утром небольшие приступы страха. После этого весь день невыразимо спокойно, сильно, мужественно и легко. Я от всего сердца благодарил Бога»⁶². О чем он думает в эти предсмертные дни? «Мученики – религиозные герои. Вероятно, у каждого человека свои годы мучений. Христос – велико-

⁵⁸ Цвейг Стефан. Врачевание и психика. СПб., 1992. С. 3.

⁵⁹ Цит. по: Шульц Г. Указ. соч. С. 253.

⁶⁰ Там же. С. 166.

⁶¹ Там же. С. 55.

⁶² Там же. С. 249.

мученик человеческого рода. Через него мученичество обрело бесконечный смысл и стало священным. О! Если бы я имел чувство мученичества! Мой долг быть радостным и спокойным» (с. 307).

О смерти Новалиса сделал краткую запись в дневнике его брат Карл, но вот как передал эти подробности в символической интерпретации Г. Гессе: «В свои последние дни Новалис был хотя и болен, однако полон жизни, полон интереса к жизни: он расхаживал, разговаривал, занимался работой, а в одно прекрасное утро, при звуках фортепьянной музыки, он заслушивается, присаживается, улыбается дремотной улыбкой и умирает. Не кажется ли, что эта благородная, удивительно глубокая и живая душа перешла голубые горы своей ностальгии без муки, без прощания, следуя за легкими звуками, в ритме звучавшей музыки, чтобы обрести край неспетых песен? Загадка Новалиса как человека – его тихая улыбка, его голубоглазая веселость, под покровом которой его душа и тело были тайно снедаемы тяжелой мукой. Таким описывают его друзья, и таким предстает он перед нашим внутренним взором со страниц своих сочинений – стройный, благородный облик, отмеченный бросающимся в глаза достоинством, без единой обыденной черты, но и без всякого пафоса. Когда я думаю о нем, мне видится его дружелюбное, серьезное лицо, полное внимания к звукам музыки его смертного часа, привлекающее к себе сердца выражением сдержанной нежности, и на лице этом мне видится та улыбка, просветленная мягкость которой составляет самое тайное очарование его незавершенного творчества и его незавершенной жизни».

В жизни и творчестве Новалиса проявилась глубочайшая сущность христианского виденья мира, полнота осуществленного человеческого призвания, запечатленного и в этих, как бы итоговых строчках, так отрадно для нас звучащих: «...умерший – это человек, возвышенный до абсолютной тайны» (с. 214), «Мы – дети Божьи, семя Божье. Однажды мы станем такими, как Отец наш небесный» (с. 154), «Вся наша жизнь – богослужение» (с. 172). Это напутствие оставил Фридрих фон Гарденберг и нам, живущим сегодня.

Источники и литература

Антоний Сурожский, митр. Человек перед Богом. М., 2000.

Берковский Н. Я. Новалис // Н. Я. Берковский. Романтизм в Германии. Л., 1973.

Болтовская Л. Н. Неизвестный Новалис // Христианское чтение. 2015, № 4. С. 186–200.

Вайнштейн О. Б. Язык романтической мысли. О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля. М., 1994.

Вольский А. Л. «Фрагменты» Новалиса: поэтическое познание универсума // Новалис. Фрагменты. СПб., 2014.

Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма. М., 1978.

Гессе Г. Новалис // www.hesse.ru.

Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л., 1991.

Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.

Карлейль Т. Новалис // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995.

Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992.

Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск, 1994.

Микушевич В. Б. Миф Новалиса // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М., 2003. (Литературные памятники).

Новалис. Фрагменты. СПб., 2014.

Паскаль Блез. Мысли. СПб., 1995.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.

Цвейг С. Врачевание и психика. СПб., 1992.

Шмеман А., прот. Дневники (1973–1983). М., 2005.

Шульц Г. Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Томск, 1998.

Русская музыкальная культура и православная духовность

Сергей Феликсович Тухленков – преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского при Отделе религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, автор курсов лекций по теме «Музыка и православная культура». За годы исследования русской музыкальной культуры им собран богатейший материал различной тематики во всех ее областях: богослужбном пении, русском фольклоре и русской классической музыке. Мы спросили Сергея Феликсовича отдельно по каждой сфере и сегодня предлагаем к прочтению беседы о целях музыки вообще, о церковном пении и народной песне. Разговор о наиболее глубоко рассматриваемой им русской классике обещает быть долгим. Он еще впереди...

Беседа 1. Цель музыки. Культура и антикультура

Первая беседа-знакомство посвящена роли музыки в жизни человека и проблеме противостояния культуры и антикультуры в сфере музыкального искусства.

– Сергей Феликсович, расскажите, пожалуйста, о себе. Вы читаете лекции по теме «Музыка и православная культура», исследуете взаимосвязь внутренней, духовной жизни человека с музыкой. Как вы к этому пришли?

– В прошлой, доцерковной, скажем так, своей жизни я оформлял различные музыкальные проекты: всевозможные шоу, телепередачи, театральные постановки и т. п. Занимался роком, джазом, электронной музыкой, классикой... Но в какой-то момент неожиданно для себя увидел, что все это – «пустое», причем в категорию «пустого» тогда у меня попала и классика. Возникло чувство некой бесцельности: вроде бы в музыке есть что-то красивое, но эта красота очень далека от тебя, ты не понимаешь, зачем она нужна. В это время у меня сильно заболел отец, я начал за него молиться, пришел в храм, воцерковился. И понял, что нужно менять сферу деятельности, избавляться от своей огромной фонотеки, резко, можно сказать, одномоментно перестал слушать практически всю музыку. Единственное, что меня, образно говоря,

держало на плаву в музыкальном отношении, – творчество И. С. Баха и А. Пярта (современный эстонский композитор, пишущий много хорошей музыки на духовные тексты).

А потом произошло следующее. Я, по сути, не знал русской оперы – только на том уровне, на котором ее преподавали в учебных заведениях, и она меня не трогала, не откликалась в душе. Но было желание послушать оперу Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») с оригинальным текстом. Ведь в советское время тексты наших выдающихся классических произведений подвергались обработке и изменялся их внутренний смысл. И вот мне попала запись И. Маркевича 1957 года с Борисом Христовым в главной партии. И когда я ее послушал, она меня просто потрясла. Я не могу передать словами то чувство, которое испытал. Я вдруг понял, что мы совершенно не знаем своей музыкальной культуры, не постигаем ее внутренних смыслов, не сознаем ее важности в деле формирования человека...

Мне захотелось в этом разобраться, познать русскую музыкальную культуру в трех ее основных составляющих: богослужебном пении, русском фольклоре и русской классической музыке (прежде всего XIX века, бывшей ответом на отступление высших слоев общества от веры и национальных традиций). Со временем накопился определенный опыт и материал, которым я и делюсь сейчас со своими слушателями.

– *А зачем человеку вообще нужна музыка, какова ее роль в нашей жизни?*

– Цель музыки – формировать в человеке правильный образ красоты. И этот образ красоты должен способствовать преображению человека и всей его жизни. Есть такое выражение: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Применительно к музыке его можно перефразировать так: «Скажи мне, что ты слушаешь, и я скажу, кто ты». Почему? Потому что наш вкус вмещает в себя то, чем мы внутренне подпитываемся, то, к чему мы стремимся, и даже те желания и склонности, которые мы сами в себе не осознаем. То есть музыка – это лакмусовая бумажка нашей внутренней жизни, проекция внутреннего бытия. Говорят: «О вкусах не спорят». Нет, о вкусах спорят, потому что человек должен быть человеком в высшем понимании этого слова.

Если обратиться, например, к современной поп-музыке, то любой певец, выходя на сцену, не просто поет, но он несет свой образ. И эти образы бывают разные. С одной стороны, современная поп-индустрия это прежде всего бизнес, и бизнес более серьезный, чем мы думаем. Это мода, это одежда, это аксессуары... С исполнителями заключаются контракты, которые очень жестко соблюдаются. Надевая какую-то одежду, обувь, украшения, человек рекламирует определенный стиль. Но в конечном итоге он рекламирует тот или иной образ жизни. Почему у нас на улицах так много девушек, похожих на куклу Барби? Это наглядный пример того, что происходит с обществом под влиянием современной поп-индустрии. Какие женские образы нам предлагают современные исполнители? Вот та самая Барби. Или – женщина-вамп: самовлюбленная, надменная, агрессивная, жестокая... И это не просто образ на сцене, это образ бытия, который продуцируется и воспринимается людьми. А мужские типы? Мачо – знойный, раскрепощенный, безнравственный... Или его русский аналог – прибалтанный рубаха-парень. То есть, по сути, все эти образы – та или иная проекция самолюбования, которым проникнуто все: от внешнего облика певцов и певиц до их всевозможных томных интонаций.

Приведу цитату музыковеда Вячеслава Вячеславовича Медушевского, который очень хорошо об этом написал: *«Аполлоническая рок-музыка является собой сферу дьявольской прелести. Неверный плавающий тон ее с обилием подвываний, сладких эротических замираний в окружении электронных колдовских звучаний чужд святой простоты и безлукавствия истинной любви. За мнимой „нежностью“ скрывается железная хватка „любви“ хищнической, любящей на самом деле не другого, но лишь свои восхитительные, упоительные состояния и ненавидящей свою жертву, – чувство поистине сатаническое».*

Внутренняя суть популярной музыки – это не любовь к человеку, а любовь к себе любимому, к своему состоянию, к этому «кайфу», гимн похоти. А это страшно – человек превращается в вещь. Я хорошо запомнил слова одной песни, которую услышал в общественном транспорте, – они меня про-

сто потрясли. Вдумайтесь: «Сегодня в белом танце кружиться, наверно, мы с тобой подружимся. И ночью мы вдвоем останемся, а утром навсегда расстанемся». Превращение человека в жвачку: попробовал и – тьфу! – выплюнул. Человек, который должен хранить чистоту, быть образом Божиим, становится вещью. Вершина цинизма! Внутренняя пустота и похоть – вот квинтэссенция поп-музыки.

– Что касается попсы, наверно, с вами все согласятся. Но вот относительно рока есть и другие мнения, в том числе и у православных...

– Начать нужно с того, что вся популярная музыка имеет в своей основе языческие корни. Те, кто как-то интересовался джазом, знают, что корни джаза уходят в африканскую культуру. Отсюда же пошли и блюз, и рок-н-ролл – в 1950-е годы. Да и танцевальная поп-музыка замешана на языческих ритмах. Давайте вспомним: Православная Церковь негативно относилась к музыкальным инструментам именно из-за их применения в ритуалах. Рок-концерты и танцевальные шоу с беснованием публики тоже наводят на ассоциацию с языческим ритуалом.

Но ныне в церковной среде мы сталкиваемся с двумя диаметрально противоположными точками зрения. С одной стороны, есть устойчивое убеждение, что это нечто непотребное. Но в то же время отдельные священнослужители благословляют выступления рок-музыкантов, дают положительные отзывы об их творчестве, даже сами пишут и исполняют рок-музыку. Поэтому давайте разберемся: что это за явление – рок, что оно несет и нужно ли оно воцерковляющемуся и верующему человеку.

Рок-культура – это культура, ориентированная в первую очередь на подростковый возраст, на возраст протеста. Многих волнует такой вопрос: почему в православных семьях дети-подростки часто уходят из Церкви. Конечно, здесь много причин. Но одна из самых существенных – это именно протест. Дело в том, что не всегда мы у себя дома такие же, как на людях. И вот если дома люди православные регулярно молятся, и вся семья в этом участвует, все к этому привыкли, молятся за столом, перед каждым делом – то я сомневаюсь, что там дети начнут увлекаться роком. Но в современной практике очень часто бывает так: в храме мы молимся, а дома – ленимся. И ребенок улавливает это моментально: как мы ведем себя в быту и какие принципы мы демонстрируем в обществе. Он видит несоответствие, которое и вызывает неприятие, протест, бунт. Растущий человек видит лицемерие родителей, лицемерие учителей в школе и начинает искать «настоящее». Поэтому рок-музыка, на мой взгляд, это прежде всего форма выражения протеста и диагноз, показатель болезни общества.

А второй момент: любая рок-музыка, как и попса, это тоже проект коммерческий. Конечно, начинается она как самостоятельная – гаражный рок, андеграунд. Но как только музыканты становятся известными, их творчество предусматривает продажу. А коммерция связана с такими понятиями, как «саунд» и «драйв».

Саунд – это некая звуковая картинка, которая предстает нашим ушам, когда мы слушаем популярную музыку. А драйв – то, что нас при этом заряжает. И это очень важно! Потому что если в духовной музыке, в колокольном звоне, в фольклоре и классике мы сталкиваемся с ритмом вечности, вечной красоты, божественного порядка, то слушая рок, мы впитываем ритмы и энергетику мира сего.

Представьте себе человека, который родился в городе, у его родителей нет дачи, и он не выезжает за город. И возьмем двух выдающихся русских композиторов XX века – Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина. Это люди, которые тесно соприкасались с деревенской средой, хорошо знали крестьянский труд, крестьянские песни. Почему у них сейчас фактически нет последователей? Очень интересный вопрос. А ответ кроется в одном печальном явлении – умирании деревни. В поколении, которое идет за нами, уже очень многие никогда не видели, например, как доят корову. Эта молодежь растет в бетонных комплексах и, посаженная на компьютерную технику и прочую электронику, впитывает «красоту» мира сего. И вот они выходят в мир и воспринимают его агрессию. Живут по принципу «человек человеку волк», пытаются так или иначе найти себя, самоопределиться. Поэтому постоянно нуждаются в некоей подзарядке.

Вот как об этом пишет Медушевский: *«На место истинной окрыляющей силы – духовной – приходит сила демонической духовности. И тогда от исполнения дух захватывает, а сердце в тоске сжимается. Ибо это окрыление – из ада, это бесы всю жмут на педали гордыни, а человеку кажется, что он находится в состоянии божественного восторга. Такое состояние нравится слушателям, ибо устроены подобно. Ведь и на стадионах цель рок-музыканта – заставить стадион реветь от восторга. Искус силы на православном языке есть грех любоначалия, стремление подавить свободу воли ближнего своей волей, в том числе и артистической. И тогда она уже не своя, но потерявшая себя, одержимая чуждой силой, вовлекается в вихрь страстей».*

Конечно, православный человек не должен быть каким-то хмурым, безучастным, бездеятельным. Нет, он должен быть деятельным и, несмотря ни на что, всегда радоваться, благодарить Бога за все. Но эта радость – иная, она светлая, чистая. Признаком настоящей культуры является ее светоносность в духовном понимании этого слова. А современная рок-культура – антикультура – имеет характерную черту – гипертрофированную чувственность, что для православного человека неприемлемо. Чувственность противоположна духовности, и чем больше мы ее развиваем, тем сильнее удаляемся от духовного, то есть от истинного смирения и трезвения. Христианин, живущий в миру, должен знать и понимать его опасности, иметь трезвенный взгляд на мир. Такой взгляд формирует Церковь, храм, где мы обретаем истинную свободу – свободу от греха, подчиняясь духовному порядку. А чувственный че-

ловец – это человек ведущийся, подвластный любым манипуляторам. Цель сатаны, князя мира сего, – воспитать человека не думающего, потребителя. Почему, скажем, во время революции такое гонение было на Церковь? Во многом именно потому, что Церковь всегда несла истинную свободу, а боготворцы стремились превратить человека в часть толпы, которая готова ломать, крушить, выполнять все, что ей прикажут...

– Но почему тогда рок-музыка и рэп находят сторонников в среде верующих? Причем это не единичные случаи...

– Вы знаете, конечно, о таком свойстве современных верующих, как теплота. В чем это проявляется? В некоем лукавстве. Мы ходим на исповедь, причащаемся, и кто-то даже часто. Но внутренне не меняемся, потому что мы этого не хотим. Не хотим изживать в себе раба мира сего. Чтобы начать борьбу со страстями, необходимо четко себе сказать: я не хочу с этим жить! И если человек, придя к вере, продолжает слушать и исполнять современную музыку, это значит, что он хочет жить в ритмах мира сего. Но тогда он не может нести образ Божий, образ истинной красоты, если в нем живет образ мира, порочный по сути своей. Господь сказал в Евангелии: «Отвергнись себя, возьми крест свой и иди за Мной». Вот мы вроде и крест берем. Например, кто-то выбирает путь священника – это же нелегкий крест. Но очень часто мы не отвергаемся себя, не хотим расставаться с тем, к чему привыкли, ищем некие лазейки. А нужно все измерять Евангелием, и то, что как-либо ему противоречит, должно отвергаться. Мы должны именно вытравливать из себя раба мира сего. Изживание в себе мира – первый шаг на нашем аскетическом пути. Изживание! Без этого мы можем сколько угодно исповедоваться, причащаться, совершать какие-то хорошие дела, но сущность свою мы менять не будем, а это же самое главное.

– Какая в таком случае есть альтернатива современной популярной музыке? Как вы относитесь к авторской православной песне?

– Альтернатива – духовная музыка, фольклор и музыка классическая, которая ведет человека к преображению, к истинной красоте.

Основой православной музыкальной культуры является напев. Это комплексы мелодических попевок, которые пришли из церковной или народной традиции. Причем я сознательно не делаю разницы между знаменным распевом и современным церковным напевом, гласовым. Потому что речь идет о едином пространстве духовного порядка. Оно присутствует в любых гласовых попевках и напевах – византийских, московских, петербургских... И эта система внутренне воспитывает человека. Во-первых, в напеве нет личного. То есть ты приходишь в храм и слушаешь только то, что там поется – подчиняешь себя соборному духу. Во-вторых, напев – это концентрация опыта Церкви, это воспитание чувств, потому что церковное пение есть образ молитвы, который человек вбирает в себя в храме. И со временем этот

образ начинает жить у него внутри, становится его внутренней сущностью и как бы неким щитом, барьером, защищающим от негативных внешних влияний. Такой человек может где-то услышать современную музыку, но она в него уже глубоко не проникнет. Напев – это тот самый образ мирного духа, который мы призваны стяжать, культивировать в себе.

А что касается современной православной авторской песни, то, на мой взгляд, она представляет определенную опасность. Сейчас многие авторы записывают песни с ансамблями или под электронное сопровождение. С одной стороны, у них замечательные тексты – о святых, о Богородице... Но в чем опасность? У тех, кто часто слушает такую музыку, может сложиться впечатление: «Ой, какие мы хорошие! Какие мы правильные песни слушаем!» Но на самом деле музыка-то, простите, чаще всего остается та же самая – популярная! Сладенькая, успокаивающая, которая не несет в себе составляющей высшего порядка, не помогает духовному росту. Эти песни сообщают состояние расслабленности: прослушав их, возникает чувство, что ты как будто помолился, хотя на самом деле не молился, никаких усилий не прилагал. А, как пишет святитель Григорий Нисский, у души есть свойства напряжения и расслабления, и человек должен следить, насколько расслаблена или напряжена его душа, регулировать ее состояние: «Музыка есть не что иное, как призыв к более возвышенному образу жизни, наставляющий тех, кто предан добродетели, не допускать в своих нравах ничего немзыкального, нестройного, несозвучного, не натягивать струн сверх должного, чтобы они не порвались от ненужного напряжения, но также и не ослаблять их в нарушающих меру удовольствиях: ведь если душа расслаблена подобными состояниями, она становится глухой и теряет благозвучность».

Подводя итог нашему разговору, скажем, что каждый человек должен всегда внутренне оценивать то, что он слушает, задаваться вопросом, нужно ли оно ему или не нужно и чему оно служит. В. В. Медушевский так говорит о критерии этой оценки: *«Истинная красота... не возносится над волей слушателя, не угашает в ней божественные стремления тепла, надежды, веры и любви, вдохновение света, а радостно возводит человека к истинной свободе. Красота распускается в нашей душе как дивный цветок сущностной свободы и увеличивает в нас тяготение к чистоте»*. Вот это последнее – тяготение к чистоте – и должно присутствовать во всем, что мы слушаем и чем наполняем свою душу.

Беседа 2. Церковный напев – образ мирного духа

На этот раз в контексте взаимосвязи музыки с духовной жизнью человека рассматривается богослужбное пение.

– Сергей Феликсович, готовясь к разговору о богослужбном пении, я попросила вас обозначить его основные положения. И вы назвали: 1) обиход как звуковой образ внутреннего бытия; 2) композиторские

песнопения как отражение вкусов общества и духовного уровня авторов и 3) так называемое концертное пение как средство отвлечения от молитвы. Давайте начнем с первого пункта.

– Музыка, как мы говорили в прошлый раз, выражает внутреннюю сущность явлений, внутреннее состояние автора и исполнителя. И обращаясь к церковному пению, хочется прежде всего показать, что происходит в финале, то есть для чего нам нужен церковный напев, что он нам дает.

Христос говорит: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6). А можем ли мы здесь, на земле, познать Жизнь Вечную? В общем, наверное, не можем, потому что мы не способны себе это представить. А можем ли мы познать здесь, на земле, истину в полноте? Конечно же, нет. Хотя мы ее познаем, но познаем в основном через путь, заповеданный нам Господом нашим Иисусом Христом. А вот церковный напев отображает как раз внутреннюю сущность этого пути.

Приведу небольшую цитату, имеющую отношение к сравнению музыки духовной и народной, главным образом скоморошьей. Она взята мной из книги, посвященной скоморохам. Нина Серегина, санкт-петербургский исследователь, пишет: *«В народных жанрах музыкального творчества присутствует существеннейший момент, который по природе и по потребностям отсутствует или, вернее, чрезвычайно слаб в певческом искусстве. Это фактор движения»*. И вот что она отмечает по поводу скоморохов: *«Инструментализм русского Средневековья – ближайший, непосредственный спутник скоморошьей сферы, плясовой стихии – стихии ритма, веселья, телесных радостей»*. О чем говорит эта цитата? Об основном свойстве церковного напева. Опять же, как сказал Господь в Евангелии: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18: 36). То есть об отсутствии в церковном напеве той ритмической и мелодической основы, которая характеризует, если можно так выразиться, музыку мира, музыку телесную.

Музыка мира... Когда мы слушаем любые произведения классической музыки, мы слышим в них спады и подъемы, ускорения и замедления, динамические и интонационные контрасты. Причем эти контрасты, служащие раскрытию художественного образа, характеризуются определенными точками спадов и напряжений, где наивысшим пиком напряжения является кульминация. А вот для мелодий древних церковных распевов характерно то, что напряжение, которому чужда всякая излишняя чувственность, разлито внутри всей ткани песнопения. И имя этому напряжению – собранность.

И второй момент. Церковный напев, как вы знаете, подчинен всегда тексту, то есть нацелен на донесение текста до верующего человека. И поэтому распевщики, музыканты, создававшие напевы, которыми пользовались христиане в древности и впоследствии на Руси, были сориентированы как раз на

отсутствие таких «вяжущих» с миром выразительных средств. В церковном пении присутствует ритм вечности, замкнутость на богообщении, молитве: «*Всякое ныне житейское отложим попечение*». Оно должно нести в себе неотмирность и бесстрашие.

– А кроме этой неотмирности, еще что характерно для церковного напева? Каковы его функции?

– Когда мы задаем себе вопрос, что же такое церковный напев и какую роль он играет и должен играть, нужно помнить следующее. Как возникли гласы? Первые христиане хотели воздать хвалу Господу, стремились выразить радость, переживаемую ими в ходе празднования Воскресения Христова. Вспомните, и в посланиях апостолов часто звучит призыв: «*Радуйтесь!*» То есть напев – это всегда отражение радости пребывания в Боге.

А следующий важный момент – функция передачи многовекового соборного молитвенного опыта Церкви. Первые христиане собирались и воздавали хвалу Господу, как кто мог. Что-то при этом отвергалось, что-то принималось и постепенно становилось традицией. Впоследствии, с формированием устава службы, возникли различные чинопоследования, в которых определенную роль играло богослужebное пение. Затем на Трулльском Соборе 691–692 годов было принято правило, что петь в храме должны специально обученные певчие. С чем это было связано? Дело в том, что богослужebное пение служило одним из средств борьбы с ересями. Потому что ересиархи активно использовали пение для проповеди своих взглядов, еретических учений. Они не только сочиняли свои тексты, но использовали и мелос, то есть мелодии, которые действовали искушающе, потому что музыка – это сильное средство для привлечения людей. И одной из причин появления осьмогласия является именно стремление к упорядочению богослужebного пения. Первые четыре гласа возникли достаточно рано на Востоке, а уже в конце IV века их ввел в употребление Западной Церкви святитель Амвросий Медиоланский. А окончательное формирование корпуса осьмогласия принадлежит таким столпам Церкви, как преподобный Иоанн Дамаскин (на Востоке) и римский святитель Григорий Великий Двоеслов.

Еще одна функция богослужebного пения – символ незыблемости канона. Сейчас вот ведутся разговоры о том, что нужно ликвидировать церковнославянский язык, перевести службу на русский – якобы так будет понятнее. Но те люди, которые к этому стремятся, не понимают, что таким образом будет разрушено пространство многовекового молитвенного опыта. То, что мы за каждым богослужением поем канонические распевы, созданные как раз с целью донесения текста – неважно, древние или современные, – являет нам принцип преемства опыта и незыблемости канона.

– *Что дает этот многовековой опыт тем, кто к нему приближается?*

– Когда регент приходит на службу и перед ним стоит выбор: поставить ли ему гласовое песнопение или песнопение вольносочиненное, свободносочиненное, – по сути, он решает: подчиниться Церкви или проявить своеволие. И человек, когда приходит в храм, где звучат чаще всего обиходные песнопения, что проявляет? Послушание! То есть напев, кроме прочего, – это символ послушания.

Напев аскетичен. Часто люди, которые впервые попадают на богослужение, где звучит знаменное пение, говорят: «Ой, как скучно, как нудно, одно и то же...» А что такое, простите, молитва? Это постоянное понуждение себя: тебе не хочется, а ты должен молиться. Ведь канонические богослужебные напевы формируют молитвенный навык, при этом и певчий, и молящийся проявляют послушание.

Еще что такое напев? Как я сказал вначале, это образ спасительного пути и очищения сердца. Потому что в ходе послушания мы отмечаем свое и прикрепляемся сердцем к соборному, к соборной молитве. Напев является выражением многовекового соборного опыта Церкви, и человек, подчиняясь ритму богослужения, слушая, выстаивая службы, молясь, прикрепляется к этому спасительному пути. И мало того – образ этого спасительного пути постепенно, если человек стремится и думает о нем, становится его сущностью, формирует его христианскую сущность. Музыка ведь не сообщает каких-то знаний как таковых. Но она помогает внутреннему осознанию. Если почитать молитвы по Святом Причащении, то одна из их главных идей – человек должен хранить полученную благодать. Напев как раз помогает эту благодать поддерживать, не угасать этот дух. Он формирует в нас некий внутренний стержень. Почему православный человек так отличается от человека западного? Почему он не столь падок на различные соблазны? Потому что в нем существует вот этот стержень, формирующийся через молитву, службу, участие в таинствах и, естественно, через внимание к напеву и тому внутреннему строю, который он дает.

Когда мы погружаемся в богослужение и обретаем этот стержень, мы научаемся отмечать всевозможные неподобающие вещи и облакаемся в некую броню. Например, человек заходит в общественное помещение, где звучит рок-музыка, – верующий ее вроде как слушает чисто механически, ведь уши не заткнуты, но, по сути, не слышит. Это для него только шумовая масса на заднем плане.

В итоге праведная жизнь обуславливает правильное пение, а правильное пение обуславливает праведную жизнь. Цель же каждого христианина – обретать через церковную службу, через напев тот щит, ту внутреннюю броню, которая помогает ему отстраняться от греховности мира сего и идти путем, заповеданным нам нашей Церковью.

Конечно, это не значит, что мы вообще не можем слушать светскую музыку. Но нужно понимать ее отличие от богослужебной – разницу священного и светского. И при этом руководствоваться, например, такими прекрасными словами из «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника: *«Поведал мне некто об удивительной и высочайшей степени чистоты. Некто, увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца, и от одного этого видения возгорел любовью к Богу и пролил источник слез. <...> Так должны мы поступать и при слушании духовных песнопений и мирских песней. Боголюбивые души, когда слышат пение мирских или духовных песен, исполняются чистейшего утешения, любви божественной и слез; между тем как в сластолюбивых возбуждаются совсем противные чувства»* (Гл. 15, ст. 59–60).

– А композиторские песнопения и концертное пение – в чем их особенностями и отвечают ли они названной вами цели?

– Что касается композиторского творчества как элемента богослужебного пения, на Руси его не было до второй половины XVII века. У нас существовали распевщики, но распевщик, распевавший службу, делал это в сложившейся традиции, которая, не являясь неизменной, соответствовала церковному канону и сохраняла преемственность многовекового опыта. Композитор же творит свои произведения исходя прежде всего из стиля, господствующего в его время. Например, такой композитор XVIII века, как Дмитрий Степанович Бортнянский, учившийся в Италии, воспринял музыкальный язык Запада и наряду с другими авторами, творившими в это время, внедрил его в нашу богослужебную практику. Особенностью его творчества является отрыв от канонического напева и замена его на авторский мелодический материал. Подобные индивидуальные характеристики можно найти в соответствующей литературе касаясь творчества большинства авторов, писавших церковные песнопения (например, в известной работе И. Гарднера). Так, Алексей Федорович Львов был ориентирован на немецкий протестантский хорал. А в творчестве Павла Григорьевича Чеснокова зримо ощущается влияние светской романсной интонации. И как бы ни были красивы песнопения этих и иных авторов, их соответствие богослужебному канону сомнительно. Хотя многое из числа произведений, созданных ими, считается своего рода классикой в нынешней богослужебной практике.

Но, кроме прочего, у композиторского творчества есть еще одно существенное качество: оно чаще всего комментирует текст. Если мы послушаем «Всенощное бдение» Сергея Васильевича Рахманинова – это именно композиторский художественный комментарий к тексту. Он прекрасен, он великолепен как концертное произведение, но он абсолютно не соответствует духу богослужения. Почему? Потому что там, например, происходит наложение одних слов на другие, что затрудняет понимание их смысла.

А главное – этот комментарий уводит молящегося в сферу художественного, в сферу чувственного сюжета, заложенного композитором. Тогда как напев, со своей аскетичностью, являет в себе принцип внутреннего порядка и обуславливает большее внимание к слову. Сюжет в принципе может присутствовать в тексте песнопения, допустим, «Ныне отпускаеши» – там есть определенные события. Но когда мы этот текст слушаем в обиходном напеве, мы воспринимаем текст напрямую, без художественного комментария, как единое целое. То есть композиторская, концертная музыка мешает восприятию слова, а слово – это основа богослужения.

Служба с авторскими песнопениями превращается в своего рода лоскутное одеяло: сейчас веселенькое, потом грустненькое... Получается нечто вроде концерта в храме. Моя знакомая, посетив престольный праздник в одном из петербургских храмов в центре города, сказала: «Знаете, есть опера „Князь Игорь“. А я присутствовала на опере „Александр Невский“». Явление это на самом деле опасное. Человек не понуждает себя, привыкает к расслабленности и думает, что так и должно быть. И только если он внимательно читает Евангелие, святых отцов – начинает сознавать, что здесь что-то не так, неправильно.

Недаром же в XVIII–XIX веках шла борьба с так называемыми запричастными концертами в храмах, которые поются после причастного стиха. Противником такой практики был святитель Филарет Московский. Почему исполнение этих концертов нежелательно? Может быть, только в праздничные дни – на Рождество, Пасху – в какой-то степени это еще приемлемо. Но не более. Потому что в храме человек приходит на встречу с Богом. У него перед Причастием максимальное внутреннее напряжение. Он исповедал свои грехи и должен сейчас вкушать Святых Таин. И тут на него обрушивается нечто, что, мягко говоря, не способствует сохранению этого напряжения. Ведь недаром после причастного в большинстве храмов принято читать молитвы перед Святым Причащением. Зачем? Чтобы человек еще раз понял, с чем он пришел ко Господу. Да, он исповедал свои грехи, но ведь нужно еще принести плоды покаяния...

– Какие практические выводы можно сделать из нашей беседы? К чему следует стремиться священнослужителям, регентам, верующим в плане богослужебного пения?

– Итак, сейчас в богослужебном пении наличествуют: обиход, который является господствующим в наших храмах; авторские песнопения и знаменное пение, которого, к сожалению, мало. Но как бы там ни было, существует церковный устав, система осьмогласия. И следование хотя бы ей дает определенный результат.

Конечно, знаменный напев иконичен, это идеал. Есть мнение о необходимости употребления в богослужебном пении исключительно «знамени».

Но известный музыковед Владимир Иванович Мартынов, который тоже является поборником знаменного распева, причем, я бы сказал, жестким поборником, в одном из своих интервью заметил: *«Состояние богослужебного пения соответствует состоянию молитвенного напряжения в обществе»*. Состояние молитвенного напряжения в нашем обществе равно, простите меня, практически нулю. Так откуда же нам ждать возрождения знаменного пения и служб «как было»? Помните книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» – когда человек ходил и искал молитву? Вот когда у нас народ начнет массово искать молитву, когда она станет воздухом нашего бытия – тогда и начнется это возрождение. А принудительными мерами, какими-то указами мы ничего не добьемся. Человек должен научиться жить молитвой...

Что говорит Христос? *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17: 21), *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18: 36), *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11: 12). Что это означает? *Царствие Божие внутри вас есть* – значит, мы должны искать этот внутренний образ бытия. *Царство Мое не от мира сего* – мы должны удаляться от мирских ритмов, жить в духовном пространстве, постоянно носить его в себе. А для этого надо прилагать усилия – как на службе, так и в обыденной жизни.

Беседа 3. Народная песня – источник русскости

Мы продолжаем разговор о духовных смыслах в русской музыкальной культуре и рассматриваем следующую ее составляющую – фольклор.

– Сергей Феликсович, не секрет, что народная культура, традиционная культура на сегодняшний день – «неформат». Почему?

– Дело в том, что народная традиция – в основном крестьянская, и в крестьянской среде она должна и жить. Ведь как передавалась культурная традиция? В больших семьях дети из года в год слышали, что пели взрослые, и так запоминали, впитывали. Недаром про традицию говорят, что она – «живая»: она действительно воспринимается в ходе повседневной жизни. А сейчас этого практически нет. Потому что нет деревни, нет традиционных способов хозяйствования, нет большой общины, где бы жили и развивались народные обычаи...

Конечно, есть люди, которые ездят в экспедиции, собирают фольклорные образцы, как, например, сказитель и исполнитель Александр Маточкин. Но это, к сожалению, лишь отдельные энтузиасты. В музыкальных училищах и вузах присутствует фольклор, открыты кафедры народного пения. Но проблема именно в том, что это не впитано с молоком матери, не усвоено в повседневной жизни. Фольклорные, народные, казачьи коллективы проводят вечерки, концерты, фестивали. Но это все для большинства, опять же, просто

мероприятия, а не жизнь, не образ жизни. Как один мой друг выразился – «музей». Мы пришли на вечерку, посмотрели, послушали, но этих песен мы не знаем, не поем. А мы должны не просто знать и понимать свою народную песенную традицию, но она должна в нас звучать. У человека должна быть потребность петь народную песню.

– А для чего? Что дает народная песня, какова ее роль в жизни современного человека?

– Зачем нам нужен фольклор? Сейчас, при отсутствии традиционного жизненного уклада, главная его функция – это красота: понять и насладиться красотой нашего народа. Это питательная среда той народной силы, которая позволяла и до сих пор позволяет нашему народу преодолевать все трудности. Обогащение красотой русской души!

Мы должны знать и понимать, кто мы есть. Или мы народ – истинно народ русский, или мы Иваны, не помнящие родства. У нас, в общем-то, и выбора нет, мы ведь, по сути, гибнем, вымираем! Благо еще в православных семьях иметь троих-четверых детей становится нормой. А в деревне наличие большого количества детей обуславливалось даже чисто практически: чем больше рук, тем легче вести хозяйство, обрабатывать землю... Но какие нормы диктует город с его клетушками? Один ребенок, ну, ладно, два – есть какая-то отдушина у родителей, и все...

Конечно, каждый человек может, так или иначе, менять свой образ жизни. Но для этого он должен сначала изменить хотя бы свой взгляд на жизнь. Понять, что город при всей его привлекательности – это явление неправильное и по большому счету несправедливое. Вспомните, где появились города: это же путь Каина. Да даже продукты в городах – уже серьезная проблема. Давайте сравним, например, нынешнее время и 1960-е годы: я и не помню, чтобы тогда звучало слово «аллергия». А сейчас – она почти через одного...

Значит, тут еще вопрос и экологии. Причем экологии как внешней, материальной, так и внутренней – экологии души. Город – это ритм ненормальный, разрушительный; мы говорили об этом в первой беседе. А деревня – ритм спокойного, размеренного течения жизни, когда – да, ты много работаешь, но живешь в гармонии с окружающим миром, ты здоров и внешне, и внутренне. Вся народная культура сориентирована на естественный ритм жизни человека. Это пульс, это шаг, это дыхание, это внутренняя свобода...

– Какая конкретно важная для русского человека информация содержится в народном пении?

– Возьмем огромный пласт так называемых календарных песен. Мы здесь знакомимся с особенностями уклада, внешнего порядка жизни наших предков. У них все было четко: если ты вовремя не вспашешь поле – ты не посеешь зерно, ничего не вырастишь, и тебе нечего будет есть...

С другой стороны, через народную песню мы познаем душу народа, его открытость (вспомните, во многих местностях еще до 50-х годов люди не закрывали двери, уходя из дома!), хлебосољство, умение и потрудиться, и повеселиться. Но и плясовая наша культура, культура праздника в основе своей очень целомудренна. И она также направлена на упорядочение жизни человека. Например, есть хороводы, где тексты песен предполагают знакомство парней и девушек. Ведь как непросто в наше время целомудренным юноше и девушке познакомиться, найти себе пару, – это же действительно проблема в современном обществе. А в традиционной культуре различные обряды от весны до осени способствовали знакомствам, чтобы молодые люди могли присмотреться друг к другу и создать хорошую семью. Потому что ничем не оправданное безбрачие осуждалось: существовал даже обычай «вешать колodку» – парню или девушке, не вступившим в брак, вешали на шею или привязывали к ноге деревянное поленце – как бы вместо мужа или жены.

В народной традиции все устроено мудро, все зиждется на порядке, уважении к старшим, почитании предков, любви к труду. Причем нельзя сказать, что наша традиция совсем умерла, – нет, она отчасти жива. Посмотрите, допустим, на наших бабушек: в основном они занимаются внуками, как и принято в традиционном обществе. Вот на Западе иная практика: большинство людей пожилого возраста живут в свое удовольствие, путешествуют. А у нас много развлекающихся бабушек вы видите?..

Традиционная культура помогает понять народный характер и мудрость и красоту жизни на земле. А земля – наше главное богатство, наши бескрайние русские просторы, которые сейчас заброшены и запущены... Именно отношение к земле отражает то запустение в душах, которое мы сейчас наблюдаем. Как сказал Георгий Васильевич Свиридов, «*Россия – страна простора, страна песни, страна минора, страна Христа*». В этих словах сущность нашего пути – пути преображения себя через труд, через смирение и терпение скорбей, через возрождение христианской и национальной традиции. Это именно то, что свойственно нашему народу, что в нем живет. И оно может, кстати и очень быстро, возобновиться, если народ вернется к деревенской жизни. Но для этого необходимы серьезные изменения...

– Хочется услышать подробнее о характере музыки и смысловом наполнении народной песни.

– Сначала скажу о напеве, который является важнейшей особенностью русской традиционной культуры. Именно русской! Европейская традиция, в силу своей оторванности от христианской аскетической традиции и огромного влияния культуры города, не сформировала в себе такого феномена, как лирическая песня. Я сталкивался, например, с традиционной культурой прибалтов – это типичные вальсики, полечки... Там нет этой глубинной духовной заправки, которую вмещает наша культура. В русской культуре напев служит прежде всего символом порядка и сдерживающим фактором, неким

остовом, не позволяющим человеку раскиснуть, когда его одолевают какие-то скорби. С одной стороны, человек может себя выразить, выплеснуть свою скорбь (или радость – в празднике), но в то же время он пребывает в состоянии внутренней устойчивости. То есть напев – это некий костяк, обуславливающий духовное здоровье русского народа.

Особенно ярко это отражено в русской лирической песне. Эта традиция стала складываться в конце XVI века; древности в основном присущи календарно-обрядовые песни. Лирическая песня помогала человеку переживать всевозможные жизненные трудности, как говорится, *«песня горе раскаивает»*. Тематика ее близка всем людям: разлука, измена, несчастный брак, несчастная любовь, смерть... Пели ее, в отличие от календарных песен, практически всегда (за исключением того времени, когда пение вообще запрещалось – в первую неделю Великого поста) и чаще коллективно: высокая степень соборности, позволяющая человеку переживать различные невзгоды на людях, вызывала у него чувство защищенности.

Мир лирической песни очень разнообразен: от песен Русского Севера с их часто одноголосным принципом изложения до богато распетых казачьих с их «рубленной» манерой исполнения. И несмотря на то что во многих из них присутствует печаль (вспомним приведенные выше слова Г. В. Свиридова), а часто и надрыв, готовый выплеснуться в плаче и крике, этого «срыва» не происходит. Как пишут в своей статье О. Б. Сокурова и А. С. Белоненко, *«...поток чувств обуздывает прочная, веками отработанная, устоявшаяся песенная форма. В ней самой, этой форме, выразился некий стихийно-мудрый уклад народной души, который не дает восторжествовать хаосу и смятению, но учит изживать наиболее в песенных поющих, переплавлять страдание в красоту»*.

Вы имеете некоторое представление о музыке, знаете, что такое музыкальные лады – мажор и минор? Так вот, слушая многие лирические песни, не ощущаешь их ладовую окраску. Лады как бы уравнивают друг друга, создавая впечатление внутреннего баланса.

Нужно также сказать о символике, свойственной русскому национальному сознанию. В русской культуре есть устоявшиеся звуковые символы национальной картины пространства и времени. Вспомните: *«Однозвучно гремит колокольчик... Разливается песнь ямщика»*. *«Песнь, которая разливается, подразумевает широкое, даже бескрайнее, и при этом ровное... пространство – поле, в облике которого крестьянину предстает „мать сыра земля“*. Колокольчик, который гремит однозвучно, представляет не подверженный изменениям и перемещениям, навечно установленный купол неба... [За песней ямщика] *стоят дорога и путник. Дорога связывает дом и даль (предел дали в народной мифологии – „тот свет“), то есть опосредует оппозицию „рождение/смерть“...»* (Чередниченко Т. В.).

Императив пути – важнейший в русской культуре. Как мы уже отмечали, музыка – это вообще форма определенного внутреннего движения. В Еван-

гелии Господь говорит: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6). И мы сказали в прошлой беседе, что познать истину и Жизнь Вечную в полноте на земле невозможно. Остается путь: человек в культуре, через музыку, через песню познает прежде всего путь человеческий, с его терниями, его ошибками, его победами и поражениями... Наиболее ярким отражением этого пути является как раз русская лирическая песня: *«В лирической песне проявились важные черты русского национального характера. В них ярко и правдиво отразился душевный мир русского народа. Именно поэтому протяжные песни вдохновляли многих писателей, поэтов. Особенное значение протяжные песни имели в формировании музыкального языка русских композиторов от XVIII до XX века»* (Владышевская Т. Ф.).

Отдельная тема – наш эпос, эпические произведения, былины, запечатлевшие представления русского человека об идеале. Какие там герои? Это Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович – древнерусские богатыри, Садко... Сила добрая, но умеющая постоять за себя, за страну, за свою землю, удаль, щедрость...

Но не только идеальные образы героев были близки русскому человеку, но и образы смирения, терпения, покаяния – все то, что принесло на Русь христианство, евангельские смыслы. Это хорошо отражено, в частности, в духовных стихах...

Вообще, что касается текстов – они различны, но во всех проявляется в первую очередь любовь. Любовь к человеку, воспевание его достоинств, его красоты. Любовь к ребенку как дару Божию, хотя присутствовало и понимание: Бог дал – Бог взял (пример – так называемые смертные колыбельные). Кстати, колыбельные песни – одна из моих любимейших тем. Считаю, что любая мать должна знать колыбельные, потому что они дают ребенку здоровье – во всех отношениях: это ритм укачивания, мерность пения, привитие с рождения естественных ритмов жизни. Это и назидание, присутствующее во многих текстах. Самый простой пример – *«не ложися на краю»*, то есть не переступай определенную черту, иначе будет беда, будет плохо...

Очень точно подметил академик Борис Владимирович Асафьев: *«Каждый человек и каждый народ спасается или гибнет в зависимости от того, каковы его стремления, какие идеальные, влекущие к себе образы создает его воображение»*. Любовь, красота – вот смыслы, позволяющие людям сохраняться, оставаться людьми. Чистота народной традиции – великая сила, которая может и должна влиять на наше мирознание. В обществе должно побеждать то целомудренное, нравственное начало, которое заложено в нашей культуре.

– **Сергей Феликсович, давайте подытожим наш сегодняшний разговор.**

– Подытожить можно так: народная песня – это свидетельство глубокого, глубочайшего духовного величия нашего народа. Старайтесь по возмож-

ности ее слушать, чтобы всегда помнить: кто мы, зачем мы, почему мы. Чтобы понимать, что такое русский человек, каким он был, каким он должен быть. Это как с верой – мы выбираем: или мы со Христом, или мы нехристи. Или мы русские, или мы никто, Иваны, не помнящие родства.

Да, мы не можем сейчас изменить обстановку в нашем государстве, но мы вполне способны приобщаться к богатейшему наследию наших предков и постепенно становиться по-настоящему русскими. Правильно говорится: хочешь изменить мир – начни с себя. Это отправная точка – отсюда все начинается: и упадок, и возрождение.

Беседовала Серафима Смолина

Продолжение следует...

Библия глазами соцреалиста¹

Библейский цикл Гелия Коржева

1986 год. Народный художник СССР, лауреат Государственных премий, академик живописи, профессор, заведующий кафедрой живописи Суриковского института, один из «генералов от искусства» оставляет все общественные посты, завершает преподавательскую деятельность и затворяется в мастерской.

Через несколько лет он отказывается от избрания президентом Академии художеств СССР и от получения престижной государственной награды.

Новый жизненный этап... Новая, немислимая ранее, работа...

Гелий Михайлович Коржев родился в 1925 году в интеллигентной семье: отец – архитектор, мать – учитель русского языка и литературы.

После окончания Суриковского художественного института молодой художник начал преподавательскую деятельность. «Уча других, я учился сам», – вспоминал впоследствии живописец. И эта деятельность принесла свои плоды. В конце 1950-х годов Гелий Коржев на Пятой выставке произведений молодых художников Москвы показал картину «Влюбленные». Один из столпов советской живописи Борис Иогансон назвал Гелия Коржева «художником мысли, художником глубокого настроения».

А в 1961 году живописец был награжден Золотой медалью Академии художеств СССР за триптих «Коммунисты», который вскоре был выдвинут на соискание Ленинской премии.

Затем последовал пронзительный цикл «Опаленные огнем войны», благодаря которому художник вошел в число ведущих советских живописцев.

На своих полотнах Коржев никогда не изображал значимых исторических личностей. Как, впрочем, не писал и портретов начальствующих персон. Все его герои – люди из народа, а сюжеты – сцены повседневной жизни: иногда сугубо бытовые, иногда лирические, а зачастую и полные трагизма. «Художник русской беды» – так определил эту грань творчества Коржева искусствовед Александр Боровский. Но ощущение «русской беды» в 1960–1970-е годы еще не доминировало в творчестве художника. Это придет значительно позже, в конце 1980-х годов, и окончательно сформируется уже в «лихие девяностые».

¹ Название цикла картин, данное самим художником.

Пока же, в период оттепели, художник пытается увидеть и осознать волнующие его вопросы смысла бытия через изображение обыденных, привычных сюжетов. И это позволяет художественным критикам отнести творчество Гелия Коржева к направлению, получившему название «суровый стиль».

Суровый стиль... Искусство, в основе которого – правда о человеке. Бескомпромиссная правда, противопоставленная отлакированному миру пафоса, героизации как системе «политизированной лжи», созданной методом социалистического реализма.

Главным ориентиром для мастеров сурового стиля было изобразительное искусство 1920-х – начала 1930-х годов: творчество А. Дейнеки, П. Кончаловского, А. Осмеркина, А. Лентулова и др. Несомненное влияние оказал итальянский неореализм, всколыхнувший всю художественную жизнь послевоенной Европы. И не только в живописи, но и в кинематографе. По словам яркого представителя поколения «шестидесятников» поэта Евгения Евтушенко, «нет маленьких страданий, нет маленьких людей – вот чему научил нас <...> итальянский неореализм».

Но картины Коржева выходят за границы этого стиля. На полотнах «Проводы» и «Старые раны» мы видим не жанровую двухфигурную композицию, а, по сути, портрет главного героя, взгляд которого устремлен не на другого персонажа, а внутрь себя. Это, конечно, не монашеская «умная» молитва, но это попытка самопознания, осмысления своего предназначения в мире, нравственный анализ прожитых лет – метанойя.

Художник не говорит напрямую о христианстве, но оно пронизывает многие его полотна, как, например, картина «Обреченная», где рутинная сцена врачебного осмотра вырастает в подлинный исповедальный акт.

И неспроста художник обращается к светлой и трагической фигуре Дон Кихота. Одно из самых христианских произведений мировой литературы нашло выражение в цикле картин, одна из которых вошла в ряд работ, удостоенных Государственной премии СССР.

Дон Кихот в полотнах Коржева не добрый, смешной романтический чудаков, пытающийся найти свой недостижимый идеал и борющийся с ветряными мельницами. Это воин, вооруженный духовным оружием, мученик,

Проводы. 1967

Дон Кихот. 1997–1999

сознательно идущий на глумление и насмешки, но не отступающий перед лицом зла. И поэтому светлые глаза рыцаря печального образа так напоминают наполненные нетварным божественным светом глаза святых с древнерусских икон.

«...Я совершенно перестал замечать смешные и нелепые стороны характера Дон Кихота, и наоборот, глубина его возростала по мере вживания в образ», – писал художник.

Начало перестройки художник воспринял крайне негативно. И, конечно, не в плане политическом. Свобода самовыражения в искусстве превратилась во вседозволенность. В широкие ворота с надписью «Все мож-

но!» хлынули пошлость, неприкрытый непрофессионализм и жажда скандальной, сиюминутной славы.

«Сколько мерзких физиономий промелькнуло передо мной в эти дни! <...> Мораль, порядочность, терпимость, доброжелательность – все повергнуто в прах.

<...> Искусство, подлинное искусство живет только утверждением добра, света, будущего, человечности. Все остальные деяния деятелей искусства выходят за границы искусства.

<...> мастера высокопарной лжи. Они и сейчас живут в нашем искусстве и преуспевают. Наверное, с самого зарождения изобразительного искусства заказчики требовали от него лжи. Некрасивая дама требовала от него преобразить ее черты до совершенства, жалкий властитель заказывал изображение триумфа своей мудрости, а сластолюбивый кардинал требовал для себя высокого духовного экстаза и соседства с самим Богом.

<...> Некоторые (именитые современные художники. – С. А.) давно и успешно определили своего зрителя, потребителя своего творчества – мещанина.

<...> Эта международная фигура – главный потребитель подделок. Они съедобны и не беспокоят совесть. И эта линия подхвачена рядом молодых художников. Печально и грустно сознавать происходящее.

<...> Под предлогом „развлекательности“ беспардонная пошлость мутным потоком хлынула, укрепляя мещанское, потребительское отношение к жизни» (Гелий Коржев).

Именно поэтому в творчестве художника появился страшный цикл «Тюрлики» – своеобразная коллекция уродцев, представляющая самые тем-

ные стороны человеческого бытия. Эти написанные с предельной детализацией, материализованные грехи восходят к живописной традиции художников Северного Возрождения – Брейгелю, Босху и к великому живописцу более позднего времени Франсиско Гойе.

Параллельно с этим циклом появляются полные сострадания и боли картины, которые как раз и оправдывают мнение искусствоведа Боровского, что Коржев – «художник русской беды» («Встань, Иван», «Адам Алексеевич и Ева Петровна», «Внучка солдата» и другие).

В 1995 году художнику присудили почетную награду – орден Дружбы.

Но он от нее отказался.

«Люди, определяющие ход дел в стране, мне глубоко несимпатичны. Те процветающие круги, которые вышли сейчас на арену, мне неинтересны, и я как художник не вижу ни малейшего смысла исследовать эту часть общества. И принятие государственной награды будет означать для меня признание в лицемерии. Прошу с пониманием отнестись к моему отказу» – так обосновал свой отказ художник.

Удалившись еще в 1986 году от активной общественной деятельности, Гелий Коржев целиком посвятил себя новой работе – циклу картин, который он назвал «Библия глазами соцреалиста».

Основное направление всего советского искусства – «соцреализм» он понимал по-своему: «Политический термин „социалистический“ не подходит к слову реализм, который работает в области культуры. Я для себя определил термин „социальный реализм“, что означает жизнь человека во всей сложности. И сразу появилась общность с русской культурой, ее пронизательная человечность».

Наверное, в этот период недруги художника рассуждали о крахе его коммунистического мировоззрения, о том, что Гелий Коржев теперь способен только злостствовать в своих сюрреалистических «тюриках», но...

«... Любовь – основа развития искусства. Нам нужны не звания, а любовь. Но любовь нужна не всякая, не слепая, не агрессивная, не исключаящая. Нужна высокая, <...> верная, тихая и нестигаемая. Замены любви нет» – так выразил свое творческое кредо художник.

Именно такой любовью и наполнен библейский цикл. К сюжетам Священного Писания Гелий Коржев обратился после долгих поисков смысла жизни и смысла творчества. После обретений и разочарований, после стремительного профессионального взлета и позднего огульного критиканства, после личных потерь. И толчком к этой завершающей его земной путь работе во многом послужили юношеские впечатления от картин Рембрандта, в особенности от его полотна «Возвращение блудного сына».

«Мне казалось тогда, что я вижу самую вершину искусства, выше которой человеку нельзя подняться. Этих вершин не так много: Акрополь, капелла Сикста, Мадонна Рафаэля, Леонардо и, конечно, Рембрандт, „Возвращение блудного сына“.

Прозрение. 1985–1999

Несение креста. 1985–1999

Все остальные работы Рембрандта показались мне тогда только подходами к вершинам „Возвращения блудного сына“.

Позже я пересмотрел эту позицию и в каждой картине нашел свои достоинства, но тогда „Возвращение блудного сына“ стало главным потрясением».

Полотна библейского цикла для человека, мало знакомого с историей изобразительного искусства, могут вызвать непонимание и даже неприятие. Вместо красивых, возвышенных, академических фигур мы видим обычных людей, зачастую даже неказистых. Но как одухотворено испещренное морщинами лицо слепого с картины «Прозрение», как пронзительны его невидящие глаза! И, вглядываясь в каждое полотно цикла, зритель невольно становится соучастником подобного прозрения, начинает видеть в лицах персонажей величественный отблеск Творца.

Картины цикла, как правило, малофигурные. Прародители, Христос, Божия Матерь, апостолы изображены крупно и фрагментарно, нет дальних планов. Этот характерный для всего творчества Гелия Коржева композиционный прием приобретает особую выразительность именно в полотнах Библейского цикла.

Помимо сюжетов, которые строго отображают евангельские события, можно увидеть и картины-размышления, такие как «Искушение», «Пророк», «Отец и Сын».

Религиозную живопись ни в коей мере нельзя приравнивать к иконописи. Икона – творение соборное, иконописец – лишь выразитель образов и идей, возникших в церковном сообществе, постепенно превращенных в строгие каноны. Главное предназначение иконы – способствовать молитвенному диалогу человека и Бога. Живописное произведение способствует диалогу человека с человеком. Если икона – свидетельница опыта духовного – принадлежит миру горнему, то картина – свидетельница опыта душевно-

Искушение. 1985–1990

Иуда. 1985–1990

Отец и Сын. 1985–1990

эмоционального – существует в мире дольном. И надо сказать, живопись, да и любой другой вид искусства, тоже очень важная составляющая для формирования человеческой сущности. Трудно сразу шагнуть в мир духовный, не воспитав и не облагородив свои чувства и эмоции.

Но искусство может не только облагораживать, но и способствовать разрушению. И своим библейским циклом Гелий Коржев противостоит этой разрушительной силе. «Любовь – основа развития искусства...» – уже упомянутая мысль художника явственно читается в каждой картине цикла.

Выдающийся художник Павел Корин мечтал написать свою главную картину – «Русь уходящая». Но огромный холст так и остался нетронутым. Сохранилось множество эскизов к картине, большинство из которых было посвящено представителям духовенства – уходящего навсегда, по мнению автора, сословия. Но, может быть, потому и не было закончено это эпическое полотно, что сам художник внутренне сопротивлялся своему замыслу и не верил, что воспитанная веками высочайшая духовность окончательно уйдет из современной русской жизни?

И подобного «ухода» не произошло.

Примером тому может служить последний этап творчества Гелия Коржева. Человек, в начальный период своей жизни мало интересовавшийся христианскими ценностями и веривший в идею социально справедливого устройства общества, в конце пути пережил удивительную перемену своих морально-нравственных взглядов.

Уже после смерти художника, в декабре 2013 года, картины были представлены на выставке «Библия глазами соцреалиста. Гелий Коржев», которая проходила в Институте русского реалистического искусства. Затем полотна библейского цикла вошли в большую ретроспективную экспозицию (более 150 работ) в залах Государственной Третьяковской галереи.

На выставке картин Гелия Коржева

Гелий Михайлович Коржев... Один из последних великих русских реалистов второй половины XX века... Сложная, противоречивая личность... Но личность ищущая, стремившаяся к единственной Истине...

Литература

Г. М. Коржев: Художник и время: Альбом / Авт. вступ. ст. Н. Баркова. – М.: Сов. художник, 1976.

Манин В. С. Гелий Михайлович Коржев: Альбом-монография. – М.: Новый Эрмитаж, 2002.

Карпова К. Библия глазами соцреалиста. Гелий Коржев. Каталог выставки произведений. – М.: Сканрус, 2012.

www.tg-m.ru/articles/3-2016-52/bibleiskii-tsikl-geliya-korzheva-trudnye-shagi-k-istine

Наиболее полный реестр работ художника на сайте «Фонд Гелия Коржева»:
http://korzhev.com/tvorchestvo/reestr_rabot/

«Памятник русской культуры» – Феодоровский городок в Царском Селе¹

Феодоровский городок в Царском Селе – комплекс построек в «неорусском стиле» является уникальным памятником «православно-национального направления».

Духовным и композиционным центром Феодоровского городка является Феодоровский Государев собор, воздвигнутый архитектором Владимиром Александровичем Покровским в 1909–1912 годах. В непосредственной взаимосвязи с ним оказались соседствующие сооружения: здание офицерского собрания и вокзал императорской ветки железной дороги, построенные тем же Покровским, Ратная палата С. Ю. Сидорчука и комплекс казарм для полка казачьего конвоя и сводного пехотного полка В. Н. Максимова.

Проект городка разрабатывал Степан Самойлович Кричинский. Он включает в себя дома для причта и служащих, императорский павильон, Ратную палату, казармы Собственного Его Императорского конвоя.

Строительство имело общегосударственное значение, так как в 1895 году в Царское Село перенесли императорскую резиденцию, в связи с чем само Царское Село начали рассматривать как центр возрождения исконно русских традиций.

Начало городку положил Феодоровский Его Императорского Величества конвоя и Собственного Его Величества пехотного полка Государев собор.

В протоколе Комитета по постройке Феодоровского городка говорилось: «Сооружение в Царском Селе Феодоровского Государева собора, в котором пещерный храм представляет собрание русской церковной старины, а верхняя церковь дает воспроизведение в новом храме икон и утвари по древним подлинникам, по всей справедливости следует считать крупным шагом в деле воскресения в русском искусстве начал древнерусского художественного творчества <...> Московская Русь была проникнута по преимуществу началами церковными, но, конечно, имела и гражданскую жизнь, поэтому естественным дальнейшим шагом при обращении к источнику художественной красоты, завещанной нам предками, является воссоздание и в гражданской архитектуре форм древнего русского зодчества. Такая попытка ныне предпринята... в постройке домов при Феодоровском Государевом соборе»².

¹ Статья печатается по тексту главы из книги: Гусакова В. О. Русское православно-национальное искусство XIX–X веков. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 708–728.

² РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 7.

Д. Н. Ломан.
Фото 1910-х гг.

Возведение собора связано с именем Дмитрия Николаевича Ломана (1868–1918).

Выпускник Павловского военного училища, Д. Н. Ломан с 1901 года состоял в должности штаб-офицера для поручений при дворцовом коменданте и являлся доверенным лицом императрицы Александры Федоровны. Будучи высокообразованным и разносторонне одаренным человеком, Ломан на досуге изучал историю России и Православной Церкви, активно вел общественную, просветительскую и издательскую деятельность. Наибольшую известность приобрела его книга «Достопримечательности Петербурга», изданная в 1898 году и посвященная преимущественно храмам и монастырям столицы. С 1903 года Ломан состоял казначеем Санкт-Петербургского общества грамотности, а с 1904 года – председателем правления Обще-

ства и председателем Комитета народного чтения. В 1905 году его перевели в сводно-гвардейский батальон в Царское Село, где спустя несколько лет он инициировал учреждение Общества возрождения художественной Руси.

До этого, в 1901 году, Ломана назначили ктитором полковой походной церкви во имя Серафима Саровского, основанной по предложению императрицы Александры Федоровны в Царском Селе. Церковь и размещавшейся в здании учебной команды. Ее оформлением в древнерусском духе занимался архитектор В. А. Покровский. Первоначально в ней находился походный иконостас лейб-гвардии Преображенского полка. Вскоре по просьбе Ломана князь Михаил Сергеевич Путятин исполнил чертеж нового иконостаса, а известный московский иконописец Н. С. Емельянов написал иконы в манере XVII века. Консультантом по религиозным и художественным вопросам стал знаток и ценитель русских древностей князь А. А. Ширинский-Шихматов.

Но Ломан этим не ограничился. Он мечтал возвести собор. Его сын Юрий вспоминал: «Используя религиозно-мистический настрой Николая II и особенно его жены Александры Федоровны, мой отец и князь А. А. Ширинский-Шихматов – активные члены одного из научных обществ по изучению истории, археологии, филологии и этнографии стран Ближнего Востока, то есть Православного Палестинского общества, – выдвинули идею создания в непосредственной близости от дворца (Александровского. – В. Г.) храма в стиле XVII века»³.

³ Крылов А. К., Крылова О. Ю. Об «Автобиографических записках» Ю. Д. Ломана // Воспоминания крестника императрицы. СПб., 1994. С. 36.

Император Николай II поддержал Ломана. В конце 1908 года он дал Высочайшее согласие на строительство собора, а 7 марта 1909 года «лично изволил указать <...> место между офицерским собранием, фермерской и новой дорогами для сооружения церкви для частей охраны»⁴. Сам Ломан писал: «Живо помнится, как Государь Император вышел из дворца <...> и лично по глубокому снегу указал место для будущего храма»⁵.

20 августа 1909 года в присутствии государя Николая II, великого князя Михаила Александровича и великих княжон Ольги и Татьяны состоялась торжественная закладка собора.

Для его возведения был образован специальный Строительный комитет под председательством командира Собственного Его Величества пехотного полка генерал-майора В. А. Комарова. Фактическое руководство осуществлял Ломан – один из самых активных членов Комитета.

Первоначальный проект Феодоровского собора в формах московской архитектуры XVII века составил архитектор Александр Никанорович Померанцев. Но в 1910 году его отстранили от работ ввиду того, что формы «нарышкинского барокко» не отвечают архитектурным идеям начала XX века, а сам проект требует слишком больших затрат.

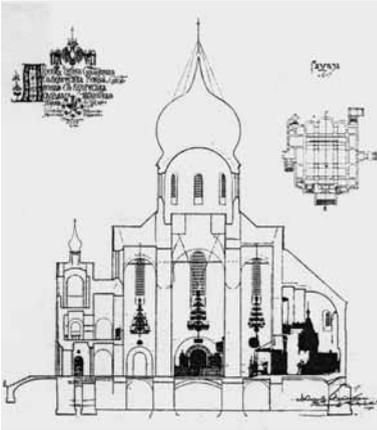
Окончательный план и строительство собора выполнил Владимир Александрович Покровский. Его помощником стал архитектор Владимир Николаевич Максимов. Он регулярно вел переговоры с подрядчиками, заказывал материалы, самостоятельно делал рисунки многих не разработанных Покровским деталей, включая оконные решетки. В марте 1912 года Максимов составил детальный календарный план выполнения работ, а впоследствии ежедневно бывал на стройке, следя, чтобы этот график неукоснительно соблюдался и главный престол был освящен, как планировалось, 20 августа. Сооружение Феодоровского храма велось в ускоренном темпе. Кроме Максимова, за всеми этапами работ наблюдала особый Строительный комитет, состоящий из офицеров. Его председателем был назначен командир Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка генерал-майор В. А. Комаров, а членами стали полковник В. В. Перепеловский, капитаны Д. Н. Ломан и Н. В. Шереховский, штаб-капитан Н. Н. Андреев и подъяесаул А. Д. Тускаев.

1 августа 1910 года проект храма, созданный Покровским, получил Высочайшее утверждение.

Годом ранее архитектору Александру Ивановичу фон Гогену заказали проект здания Офицерского собрания Его Императорского конвоя, которое планировалось возвести в ста саженях (213 м) от будущей церкви. Когда в 1910 году командир конвоя генерал-майор Юрий Иванович Трубецкой решил утвердить чертежи у государя, император Николай II выразил желание,

⁴ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 110. Л. 6–6 об.

*В. Покровский.
Феодоровский Государев собор.
Разрез*

*В. Покровский.
Феодоровский Государев собор.
Южный фасад*

чтобы здание Офицерского собрания гармонировало с Феодоровским храмом. Доработку проекта поручили Покровскому, и он справился с заданием за несколько дней. 10 августа 1910 года его проект здания Офицерского собрания был Высочайше одобрен.

В задачи Покровского входило возвести двухпридельный храм в духе церквей XV столетия на уже заложенном Померанцевым фундаменте. В качестве образца Покровский выбрал Благовещенский собор Московского Кремля. В своей пояснительной записке к проекту зодчий указал, что Благовещенский собор «впоследствии делается любимой дворцовой церковью первых царей дома Романовых, в особенности царя Алексея Михайловича, который, любя церковный обиход, довел его до полного расцвета. При нем этот храм получает первенствующее значение, он является дворцовой церковью, молельней Государя и его семьи, местом, где они раздавали милостыню, и в свое время служил образцом для Москвы, а с нею и для всей тогдашней Руси»⁶.

Архитектор исходил из традиционной схемы одноглавой кубической в плане церкви с обходной галереей. Его постройка была меньше по размеру, чем храм Померанцева, и составляла сорок три метра в высоту. Поэтому зодчий установил основной объем на внутренних выступах фундамента, а на освободившемся пространстве устроил второстепенные помещения (входы, галереи, ризницы). В юго-западной части собора он поместил часовню.

Храм увенчан позолоченным куполом и крестом, выполненным по рисунку Покровского в традициях Владимиро-Суздальского зодчества XIII–XIV веков. Его ослепительно белые фасады, украшенные кокошниками, ар-

⁶ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6. Л. 232.

катурным поясом, висячими гирьками и мозаиками, расчленены плоскими лопатками и завершены стилизованными килевидными закомарами. Они целиком демонстрируют характерную для «неорусского стиля» тенденцию к переосмыслению русской национальной традиции в духе модерна и приспособлению форм древнерусского зодчества к требованиям современного строительства.

Феодоровский собор имел три престола: главный – во имя явления Феодоровской иконы Божией Матери, второй – в честь святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси, небесного покровителя цесаревича Алексея, а третий – в нижнем пещерном храме во имя святого Серафима Саровского. Сейчас вход в нижний храм обозначен на фасаде мозаикой с образом преподобного.

С разных сторон в собор ведут несколько входов. Все входы Покровский оформил разнообразными шатровыми крыльцами и, за исключением главного на западном фасаде, расположил так, «чтобы каждая категория молящихся: Высочайшие особы, г.г. офицеры, духовенство, городская публика и нижние чины – входя через свои двери, непосредственно попадали в места, отведенные для них в церкви»⁷.

Большое значение имело монументально-декоративное убранство фасадов над входами, они были украшены мозаиками, созданными по картонам Н. Емельянова в мастерской В. А. Фролова.

Вход для царственных особ на юго-восточном углу храма прикрыт невысоким шатром с синим верхом, увенчанным орлом на скипетре – точной копией орла в Патриаршей палате Московского Кремля. Над входом помещены иконы святых благоверного князя Александра Невского, Марии Магдалины и Александры. Внутри лестница ведет в маленькую прихожую, из нее на солею, где предусматривалось место для «высоких молельщиков», затем в маленький покой Их Величеств и, наконец, через диаконник – в алтарь.

Вход для офицеров и чинов конвоя расположен с южной стороны храма. Он решен в виде трехступенчатых арок и украшен мозаичным образом святого Георгия Победоносца на коне. От входа ведет лестница в небольшую переднюю. Здесь господа офицеры оставляли верхнюю одежду, а затем проходили в церковь на специально отведенный участок, поднятый над уровнем пола на одну ступень, для лучшего созерцания богослужения.

Вход для духовенства устроен на северо-востоке. Его лестница ведет как в алтарное помещение, так и в подвальный этаж, а из передней можно пройти в ризницу.

Низшие чины и другие прихожане входили тоже с северо-восточной стороны собора, где помещалась мозаичная икона архангела Михаила, а теперь – преподобного Серафима Саровского. Этот вход вел прямо в подвал, где располагалась «шинельная» – гардероб. Отсюда люди поднимались по внутрен-

⁷ Там же. Л. 232 об.

ней лестнице и занимали середину храма или могли спуститься в пещерный храм.

Вход для горожан располагался с севера. Помещение входа от непосредственно храмового пространства отделял особый барьер, а пол был также поднят на одну ступенью. Здесь вместо иконостаса устроили нишу, в которую поместили плащаницу с лампадами, а у самого входа поставили свечной ящик, чтобы люди могли приобретать свечи и просфоры.

Главный западный вход с лестницей из красного гранита считался парадным. Он использовался при праздничных богослужениях и предназначался для крестных ходов. Поэтому над ним нет навесов, могущих помешать несению хоругви или крестов. Вход декорирован большим мозаичным панно с изображением Феодоровской иконы Божией Матери и предстоящими святыми. Над ним находится небольшая звонница с тремя арками и колоколами, а по сторонам в стене вделаны доски с датами закладки и освящения храма и именами строителей.

Зимой, во избежание сильного притока холодного воздуха в храм, прихожане пользовались двумя парами малых боковых дверей при входе и средними створками при выходе.

Феодоровский собор оборудован хорами, открывающимися во внутреннее пространство тремя проемами. В центральной части размещаются певчие, а в боковых – молящиеся.

Верхний храм расписать не успели. Первые пробные росписи на четырех столпах, начатые художником Н. С. Емельяновым, были прерваны начавшейся Первой мировой войной. Рисунок с них, изображавший цветочный и травяной орнамент, в причудливую вязь которого виртуозно вплетались фантастические птицы, перевели на кальку и показали императору. Государь, обладавший тонким художественным вкусом, остался довольным. Он, как и строители храма, увидел в подобном оформлении синтез конструктивного и декоративного начал.

В полной мере этот синтез проявился в убранстве нижнего пещерного храма, предназначенного непосредственно для царской семьи. Идея о его устройстве в подвальном этаже здания возникла в процессе строительства Феодоровского собора. Но подвал был слишком мал, и его пришлось углублять, то есть прорывать пещеру в ограниченном фундаментом подземелье. Отсюда пошло название «пещерный храм». Он находился ниже уровня земли, не имел окон и потому был лишен естественного освещения.

Разработчиком интерьера был В. Н. Максимов. Государь ценил его творческое дарование и благоволил ему. Когда летом 1912 года у архитектора родился сын, император стал крестным отцом младенца.

Пещерный храм роскошно украшен. Роспись – копию стенописи ярославской Претеченской церкви в Толчкове – на сводах и распалубках исполнили художники Г. П. и Н. П. Пашковы по эскизам В. С. Щербакова.

Помимо живописи в оформлении интерьера введена темно-синяя с яркими красными вкраплениями мелких стилизованных цветов набойка, закрывав-

шая стены на высоту от пола до основания сводов. Она органично сочетается с отливающими золотом окладами икон-рядниц и узорчатой басмой небольшого иконостаса. Впервые в Серафимовском пещерном храме был восстановлен древнерусский обычай – украшать иконы «драгоценными пеленами, шитыми шелками, золотом и изнизанными жемчугами». Пол покрывали ковры темно-красного цвета с широкой зеленой дорожкой посередине.

Такой интерьер в неярком свете лампад создавал в храме мистически-чарующее настроение. Оно импонировало внутреннему молитвенному состоянию императора и императрицы, горячо любивших свою «уютную пещерную церковь»⁸.

Убранство церковного интерьера дополняли резные деревянные скамьи, стулья и табуреты, исполненные по образцам XVII века. Их покрывали полавочки из темно-синей набойки.

По замыслу строителей в Серафимовском храме должна была находиться старинная утварь, а в верхнем – новая, стилизованная под старину. Поэтому в пещерный храм из временной полковой церкви, помещавшейся в доме полковой команды, перенесли престол, старинную утварь и однарусный иконостас, исполненный палехскими мастерами на средства князя Алексея Николаевича Лобанова-Ростовского. «Платы-пелены», лампы, светильники и подсвечники Ломан и Максимов приобретали в ходе поездок по древнерусским городам и селам.

В пещерном храме хранились святыни: ковчег с частицей мощей преподобного Серафима Саровского; дарохранительница из Саровской обители, изображающая сень над ракою с мощами преподобного; крест – точная копия того креста, который подвижник носил на груди как материнское благословение; частица гроба, в котором святой Серафим почивал до прославления; часть одежды, в которой его положили в гроб.

На правом клиросе помещалось Царское место, рядом, как продолжение солеи, – Царская молельня, за ней – диаконник и молельня императрицы.

В верхнем храме Покровский задумал установить большой пятирусный иконостас. После Высочайшего утверждения императором Николаем II изготовлением иконостаса занимались мастера фабрики Товарищества Хлебникова. Иконы в манере XV века написал Н. С. Емельянов.

Несколько святынь передали из церкви Зимнего дворца. Большое количество изводов пожертвовала императорская семья. Государыня Александра Феодоровна преподнесла в дар три воздуха и епитрахиль, шитые шелком и серебром, а император Николай II передал бухарские и текинские ковры, подаренные ему эмиром Бухарским.

Известно, что эскизы одежды для служащих и певчих собора выполнял Виктор Васнецов. Его рисунки получили Высочайшее одобрение как «одеяние действительно русское».

⁸ Из письма Николая II к Александре Федоровне от 8 августа 1916 г. // Переписка Н. и А. Романовых. Т. IV. М.; Л., 1926. С. 54.

Служащие Феодоровского собора очень заботились о благолепии храма. Для соблюдения чистоты был приобретен электрический пылесос, вокруг храма высадили цветы и выложили плиточные дорожки, а внутри постоянно стояли вазы с букетами. Перед южным фасадом Феодоровского собора устроили парадную площадь, на которой установили резные фонари, а во время праздника древонасаждения все члены императорской семьи посадили здесь по одному дубку.

Феодоровский верхний храм освятили в назначенный срок 20 августа 1912 года, а пещерный во имя преподобного Серафима Саровского – 27 ноября этого же года. По сути, он стал последней домовою церковью династии Романовых.

Первым настоятелем Феодоровского собора был духовник царской семьи и преподаватель Закона Божия у цесаревича Алексея, протоиерей Александр Васильевич Васильев, а церковным старостой – Ломан, которого в 1913 году удостоили звания полковника и назначили штаб-офицером для поручений при Царскосельском дворцовом управлении.

Примерно в это же время В. Н. Максимову поручили проект часовни во имя святой равноапостольной княгини Ольги, строительство которой было приурочено к семнадцатилетию великой княжны Ольги Николаевны, и сооружение рядом с ней фонаря «в виде звонницы». Часовню предполагалось возвести «при въезде на дорогу к храму от Офицерского собрания». Оба проекта не осуществились, но эскиз часовни и акварельный набросок фонаря сохранились в семейном альбоме Максимовых.

Вскоре Покровский уехал за границу, а все дела по возведению Феодоровского собора завершал Максимов. Именно он подписал сдаточную (техническую) опись здания церкви при передаче его в Ведомство дворцового коменданта в марте 1913 года.

16 мая 1913 года Приказом по военному ведомству № 223 храму для Сводного Его Императорского Величества (СЕИВ) конвоя и СЕИВ пехотного полка присвоили статус собора во имя Феодоровской иконы Божией Матери – родовой святыни царствующего дома.

26 января 1914 года к этому названию официально добавили наименование Государева.

В начале 1915 года в Москве был издан роскошный альбом «Феодоровский Государев собор в Царском Селе», посвященный истории постройки и описанию пещерного храма. Альбом стал настоящим произведением книжного искусства. В его оформлении участвовали В. М. Васнецов и Б. В. Зворыкин. Впервые здесь опубликовали цветные репродукции с картин художника Л. А. Сырнёва, изображающие интерьер пещерного храма. Текст к альбому написали историки Борис Александрович Надеждин и Василий Тимофеевич Георгиевский.

Собор имел значение полкового храма СЕИВ пехотного полка и конвоя и являлся приходом императорской семьи.

Как и его отдаленный прототип – Благовещенский собор Московского Кремля, Феодоровский собор служил дворцовой церковью. В нем регулярно проводились службы с участием Николая II и его семьи. Татьяна Евгеньевна Мельник, дочь лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей в Екатеринбурге в 1918 году, вспоминала: «Нижний Пещерный храм был весь уставлен старинными иконами, и полумрак, царивший там, придавал еще больше молитвенного настроения. Помню всенощную в Великом Посту во время говения Их Величеств <...> Я никогда не забуду этого впечатления, которое меня охватило под сводами церкви: молчаливые стройные ряды солдат, темные лики святых на почерневших иконах, слабое мерцание немногих лампад и чистые, нежные профили Великих Княжон в белых косынках наполняли душу умилением, и жаркие молитвы без слов за эту семью из семи самых скромных и самых великих людей, тихо молившихся среди любимого ими народа, вырывались из сердца. Верхний храм производил большое впечатление красивой живописью царских врат, массивных колонн, поддерживающих свод. Блеск золотых иконных риз, великолепие облачения духовенства, величественные распевы хора как нельзя лучше гармонировали с ярким настроением больших праздников, когда хочется побольше торжественности и необычайности. <...> Царская семья приезжала очень рано и проходила на свои места на солее, минуя публику через маленькую боковую дверь. Государь и Наследник стояли всегда на виду у публики, большая колонна скрывала места Государыни и Великих Княжон. Около алтаря была маленькая молезна для Ее Величества, в которой всегда горели неугасаемые лампы и приносились к образам живые цветы»⁹.

Накануне важных дел государь и члены его семьи обязательно посещали Феодоровский собор. Камердинер Ее императорского Величества Алексей Андреевич Волков писал: «...Перед объездом лазаретов Государыня и Великие Княжны заезжали помолиться в церкви Феодоровской и Знаменской Божией Матери»¹⁰, а фрейлина и подруга государыни Анна Вырубова вспоминала, как перед первым отъездом в Ставку в качестве главнокомандующего «государь с семьей причастился Святых Таин в Феодоровском соборе»¹¹.

В 1918 году «в среду 22 февраля, Государь, выехав утром из Александровского дворца на Императорский Павильон, проехал мимо Феодоровского собора, в котором, по обыкновению, за час до отъезда Его Величества служился молебен. Звон колоколов Феодоровского Государева собора в последний раз проводил Белого Царя»¹² – писал дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков.

⁹ Мельник Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 35.

¹⁰ Волков А. А. Около царской семьи. М., 1993. С. 60.

¹¹ Фрейлина ее величества Анна Вырубова / Сост. А. Кочетов. М.: Орбита. 1993. С. 256.

¹² Воейков В. Н. С Царем и без Царя. М., 1994. С. 121.

В 1922 году Феодоровский собор разорили, а в 1933 – закрыли. Часть икон продали иностранным коллекционерам, а часть передали в музей. Иконостас верхнего храма сейчас находится в экспозиции Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге. В конце 1930-х годов в верхнем храме разместили кинозал, а в нижнем – архив кинофотодокументов и склад киноплёнки, а после Великой Отечественной войны там устроили овощехранилище.

В 1941–1944 годах фашисты практически уничтожили храм. После прямых попаданий снарядов и бомб купол обрушился. Уцелели только остов здания и несущие конструкции.

В 1980-х годах «Леноблреставрация» провела восстановительные работы. Весной 1991 года Феодоровский Государев собор передали Русской Православной Церкви. С 15 января 1992 года возобновились регулярные богослужения в пещерном, а с 29 августа 1996 года – в верхнем храме.

Параллельно с разработкой проекта и строительством Феодоровского собора появилась идея устройства вокруг него комплекса зданий разных по функциональному назначению, но единых по художественному замыслу – своеобразный заповедник русской культуры, расположенный на противоположном берегу пруда, напротив собора.

Таким заповедником стал Феодоровский городок – дома для причта и служащих Феодоровского Государева собора.

Инициатором его строительства тоже стал полковник Д. Ломан. Его поддерживали многие представители «православно-национального направления». Среди них В. М. Васнецов и А. В. Щусев – они проявили особую заинтересованность и активность.

Разработку проекта городка поручили архитектору С. С. Кричинскому, а руководство возложили на Комитет по строительству домов при Феодоровском соборе, утвержденный 27 января 1914 года под председательством полковника Ломана.

Одновременно был образован Комитет по художественно-историческим вопросам под председательством князя А. А. Ширинского-Шихматова. Постоянными членами этого Комитета стали В. М. Васнецов, В. В. Суслов, П. П. Покрышкин.

Первое заседание Комитета в составе председателя и членов: священника Алексея Кибардина, капитана сводного пехотного полка Н. Н. Андреева и архитектора С. С. Кричинского состоялось летом 1913 года¹³. На нем Ломан выступил с докладом, в котором аргументировал необходимость постройки церковных домов и указал, что строить их предполагается в стилистике эпохи «московских царей», то есть XVII века. Кроме того, он предложил обратиться за финансовой помощью к частным лицам, сочувствовавшим идее воскрешения русской старины.

¹³ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

Предложения Ломана были приняты, а разработанный Кричинским проект дворцовый комендант, генерал-адъютант Владимир Александрович Дедюлин передал на Высочайшее усмотрение. Вскоре через него же было представлено ходатайство о предоставлении места для строительства на частные средства – напротив Феодоровского собора на берегу пруда.

Первую крупную сумму денег на строительство городка пожертвовал статский советник А. Н. Заусайлов. Его взнос обеспечил постройку первого дома, торжественная закладка которого состоялась 25 сентября 1913 года. Дальнейшее строительство всех домов соборного причта осуществлялось благодаря крупным пожертвованиям купцов Елисеевых и А. К. Воронина.

3 августа 1913 года император Николай II одобрил проект и отметил его местоположение на генеральном плане Царского Села с условием, чтобы «древесные насаждения подлежали сохранению»¹⁴.

Император пожелал, чтобы здания строились в духе Ростовского кремля XVII столетия и не диссонировали с расположенным неподалеку классицистическим Александровским дворцом, построенным архитектором П. В. Неловым по проекту Дж. Кваренги.

При обсуждении этой проблемы члены Строительного комитета и художественного совещания «пришли к мысли о строгом соблюдении в домах чистоты форм древнерусского зодчества. Если постройка будет удачна, то она будет хорошо сочетаться. <...> Чистота форм является основным условием»¹⁵.

30 октября 1913 года на третьем заседании Комитета Ломан указал, что «постройка домов в древнерусском стиле будет сопряжена с необходимостью разрешать вопросы художественно-исторические, поэтому важно привлечь лиц, сведущих в этой отрасли знаний»¹⁶. В результате решили пригласить члена Государственного Совета князя А. А. Ширинского-Шихматова, академика В. М. Васнецова, В. В. Сулова и П. П. Покрышкина. Им предоставлялось право назначать совещательные заседания, решения которых имели рекомендательный характер для Комитета.

Хроника возведения Феодоровского городка указывает, что 26 августа 1913 года начались работы, 25 сентября заложили первый дом для причта, в марте 1914 года С. С. Кричинский представил окончательный проект, летом 1914 года вчерне завершили дома для священников, причетников и некоторые другие постройки, к сентябрю 1915 года возвели Трапезную палату. До 1917 года в трапезной продолжалась отделка интерьеров, а до июля 1918 года соорудались баня и прачечная и другие здания.

Вскоре было принято решение строить городок в формах XVI века. Оно оправдывалось сложившейся в России политической ситуацией: учрежде-

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 45. Л. 10–10 об.

¹⁶ Там же. Л. 3 об.

*Д. Ломан и А. Ширинский-Шихматов
в рабочем кабинете Ломана.
Фото 1916 г.*

*М. С. Пуятин, князь А. А. Ширинский-
Шихматов, С. С. Кричинский.
Фото нач. XX в.*

ние Государственной думы ограничило абсолютную власть императора и ориентировало статус русского монарха на образец XVI века, когда самодержец на престоле являлся царем, государем и великим князем – военачальником. Так как Феодоровский городок рассматривался как официальная резиденция российского императора, то его архитектурный облик должен был олицетворять статус государя и ориентироваться на постройки XVI столетия.

В пояснительной записке к проекту архитектор С. С. Кричинский указал: «Вся композиция обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, поставленной мне задачей составить проект в стиле указанного периода русского зодчества, во-вторых, необходимостью распланировать на отведенном участке земли формы неправильного многоугольника и, наконец, в-третьих, характером самих помещений, обуславливающим проектирование отдельных домов-особняков, отделенных один от другого палисадами и дворами»¹⁷.

За основу Кричинский взял идею «старинных монастырских или боярских усадеб, состоящих обычно из ряда палат, теремов, изб, обнесенных тыном или оградой с бойницами, башнями на углах и проездными воротами в стенах»¹⁸. Эта идея наилучшим образом отвечала целевому назначению построек Феодоровского городка.

В России монастыри имели живописную планировку, но с обязательным соблюдением символики монастырского устройства. Православные обитатели уподоблялись небесному граду – горнему Иерусалиму, и потому предусматривали определенный путь движения паломника, посетившего их пространство. Пройдя через «святые ворота», посетитель сразу видел собор – доминанту монастырского ансамбля, по соседству с которым находились

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 45. Л. 33–34.

трапезная и архиерейский корпус, соединенные между собой переходами. За ним на некотором отдалении располагались монашеские кельи. В целом территория монастыря делилась на две основные зоны: парадную и хозяйственную, которая всегда находилась на расстоянии от главного входа, у стен, и имела свои служебные ворота.

Феодоровский городок, обнесенный, как и монастыри, каменной стеной с башнями по углам, в плане представляет собой неправильный треугольник площадью 2,5 гектара.

В его проекте доминирующий объем отсутствует, но принцип разделения на парадную и хозяйственную территорию соблюден. По одной линии в комплексе установлены трапезная и дома для священников – Белокаменная палата, образующие парадную зону, а по другой – дом для причетников – Желтая палата и лазарет, хозяйственные постройки: баня, прачечная, гаражи, сарай, составляющие хозяйственную зону. На границе двух зон располагается дом диаконов.

Как и в старинных монастырских усадьбах, Кричинский стремился сохранить композиционную иерархию построек, но символическое значение этой иерархии не учел.

Главные сооружения Феодоровского городка выделены размерами и особо выразительным декоративным оформлением. Для проекта трапезной архитектор использовал роскошные мотивы московского зодчества XVII века, для домов священников и диаконов – формы ростовской архитектуры, а для менее значимых зданий надворных служб – строгие детали новгородско-псковской архитектуры XVI века.

В отличие от Феодоровского городка, в монастырских ансамблях скромно и строго оформлялись те сооружения, которые по своему назначению были приближены к мирским благам – второстепенным по отношению к духовному благу. К их числу относились трапезные палаты.

В ансамбле Феодоровского городка, напротив, основным и наиболее интересным в художественном плане сооружением стала трапезная. В пояснительной записке к проекту Кричинский писал, что «для проекта трапезной взяты мотивы трапезной Симонова монастыря, Крутицкого терема, Костромских палат и пр.»¹⁹, то есть мотивы XVII века, а в протоколе совместного заседания членов Строительного комитета городка и членов художественного совещания говорится, что здание спроектировано «в стиле Московской Грановитой палаты»²⁰, то есть в формах московской архитектуры конца XV века.

В данном случае оба свидетельства верны, так как здание Грановитой палаты оказало огромное влияние на памятники XVII века, в числе которых и указанные Кричинским постройки.

¹⁹ РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 45. Л. 33.

²⁰ Там же. Л. 13.

В трапезной Феодоровского городка Кричинский полностью отошел от архитектурной традиции. Если монастырская трапезная предназначалась для совместной братской трапезы и представляла собой комплекс из большого столового зала и обслуживающих его помещений (поварни, скатертной, хлебодарни, кладовых), то трапезная Феодоровского городка устраивалась для собраний духовенства. Она состояла из столовой, квартиры ктитора Феодоровского Государева собора и канцелярии. Трапезная городка была самым крупным зданием ансамбля, с лестницей, ведущей на террасу второго этажа, и возвышающейся над ней восьмиугольной шатровой башней, покрытой зеленой глазурированной черепицей. Цоколь и лестница здания исполнены из серого финляндского гранита, а главный, обращенный к Феодоровскому собору фасад облицован белым старицким камнем.

Внутри Трапезной палаты располагались парадная двусветная зала на 200 человек, домовая церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, гостиная, бильярдная и библиотека с проходными помещениями, вестибюль и проходные галереи.

Парадный зал трапезной перекрыт сомкнутым сводом с орнаментальной росписью, исполненной Григорием Павловичем Пашковым, выходцем из семьи иконописцев и впоследствии известным автором первых почтовых марок СССР. Его роспись также покрывала свод церкви преподобного Сергия Радонежского с вызолоченным алтарем и деревянным резным иконостасом. Храм освятить не успели.

Квартира ктитора Феодоровского собора из девяти комнат располагалась на двух этажах и имела отдельное парадное крыльцо. Стены комнат были оклеены обоями, коридоры окрашены светлой краской, а потолки расписаны. Столовая имела выход на террасу с садом.

Остальные постройки Феодоровского городка выполнены в большем соответствии с устоявшимся обычаем подобных сооружений. Особенно ярко заимствованные стилистические черты прочитываются в обрамлении окон, декоративных колонках и орнаментах на фасадах. Немногочисленные декоративные детали в зданиях надворных служб, например, лопатки, одновременно выполняют конструктивную функцию и соответствуют тектонике здания.

Дома священников и диаконов напоминают постройки Ростова и Сергиева Посада.

Дом священников, или Белокаменная палата, предназначался для настоятеля и священников Феодоровского собора. Он расположен по линии главного фасада Трапезной палаты и соединен с ней переходом. Его главный фасад облицован старицким камнем, а дворовый фасад, украшенный камнем, оштукатурен. Цоколь и ступени выполнены из серого финляндского гранита. Крыша была железной с рисунком «в шашку».

В здании находились четыре пятикомнатные квартиры, кухни, людские, ваннные комнаты, кладовые и веранды. Потолки лестницы и гостиных комнат украшали росписи на церковные темы.

С началом Первой мировой войны здание приспособили под офицерский лазарет.

Дом диаконов, или Розовая палата, в южной части внутреннего двора предназначался для диаконов Феодоровского собора. Он представлял собой двухэтажное здание с оштукатуренными и окрашенными в розовый цвет фасадами, включающими фрагменты из старицкого камня и украшенными декоративными арками с гирьками. Цоколь крыльца и лестницы облицованы ревельскими плитами, крыша покрыта железом с рисунком «в шашку». На углу здания расположены лоджии.

В Доме диаконов располагались четыре четырехкомнатные квартиры и кухни. Но после постройки здесь разместилась канцелярия, а диаконы жили в квартирах на Магазиной улице.

Церковнослужители размещались в Доме причетников, или Желтой палате, находившейся на восточной стороне городка и обращенной главным фасадом на Академический переулок. Ее цоколь, полы вестибюля и лестницы облицованы путиловской плитой, стены оштукатурены и окрашены в желтый цвет, крыша покрыта железным плоским фальцем. К моменту окончания строительных работ в Желтой палате устроили солдатский госпиталь.

От Желтой палаты ведет крепостная стена к другому зданию – Белой палате, включающей одноэтажную прачечную и трехэтажные бани. Далее вдоль Академического переулка расположены одноэтажные здания служб, гаражи, конюшни, сараи и ледники.

К ним в северо-восточной части Феодоровского городка примыкает дом для нижних чинов. Простой по отделке, он состоит из двух частей – одноэтажной и двухэтажной с мансардой и башней. Его стены оштукатурены, цоколь облицован «рваным» камнем, а крыша покрыта дранкой старинного рисунка.

Во время Первой мировой войны здесь жили низшие служащие лазаретов, среди которых были Сергей Есенин, Николай Клюев, Константин Корвин и Георгий Нарбут.

Отдельный одноэтажный дом вдоль северной стены комплекса предназначался для смотрителя зданий, дворников, сторожей и других служащих. Во время строительства городка в нем изготавливали мебель для палат Феодоровского городка.

Феодоровский городок уподоблен кремлю. Он окружен белокаменной зубчатой стеной с шестью шатровыми башнями и четырьмя воротами: главными, между Трапезной и Белокаменной палатами, большого размера, но лаконичной отделки; каменные ворота с резным декоративным завершением, ведущие в Киторский сад; белокаменные и служебные ворота.

Наибольший художественный интерес представляют белокаменные роскошно декорированные рельефами ворота, расположенные на одной линии с трапезной и домом священников. Все детали выполнены из старицкого известняка, привезенного с берегов Волги.

В решении ворот Кричинский вдохновлялся резным декором Дмитриевского собора во Владимире, но и здесь зодчий просто заимствовал орнаментальный мотив, без учета его символично-догматического содержания.

В частности, граф Сергей Григорьевич Строганов полагал, что фантастические фигуры на фасадах Дмитриевского собора воспроизводят гербы македонских городов: лев, раздирающий оленя, кабана или быка, встречается на медалях города Аханта; кентавры, волю, стрелец с луком – на медалях Амфиополя; осел – на медалях Менда; бык – Пеллы; коза и кентавры – Солуни, а изображения бойцов и людей, закалывающих животных и зверей, указывают на ристалища амфитеатра. Ответ на вопрос, почему на Дмитриевском соборе во Владимире изображены македонские гербы, граф Строганов связывал с тем, что святой Дмитрий Солунский – небесный покровитель храма, являлся проконсулом Македонии и управлял Солунью²¹. Еще одно объяснение происхождения данных рельефов представил Никодим Павлович Кондаков. Он считал, что они изображают образ мирового устройства или преобразенный мир – Небесный град, описанный в Книге пророка Иезекииля, и отражают народные представления, сложившиеся под влиянием сказаний «Голубиной книги»²².

В отличие от рельефов Дмитриевского собора, декор ворот Феодоровского городка не несет какой-либо смысловой нагрузки и может рассматриваться как дань памяти искусству Владимиро-Суздальской земли.

В целом комплекс построек Феодоровского городка не может быть назван ансамблем потому, что в нем отсутствует единая стилистическая линия или принадлежность к какой-либо определенной школе древнерусского зодчества.

Обращение Кричинского к разнообразным мотивам московской, ростовской, владими́ро-суздальской, псковско-новгородской архитектуры XVI–XVII веков имеет свои причины. Первая из них заключается в своеобразной иерархии городка. Главная постройка, трапезная, выполнена богато и нарядно, второстепенные, хозяйственные, – скромно. Вторая причина связана с целевой установкой инициаторов городка – возродить традиции Древней Руси в целом, а не отдельно взятой школы. В этом смысле Феодоровский городок представляет собой памятник русской культуры.

В соответствии с Феодоровским городком находились и прочие здания «неорусского» ансамбля Царского Села, построенные другими архитекторами в разных традициях.

Например, архитектор В. А. Покровский исполнил «Императорский павильон» (1910–1911) и казармы конвоя и сводного пехотного полка в духе московской архитектуры XVI–XVII столетий, а в решении бокового фасада

²¹ *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). М., 1849.

²² *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. VI. СПб., 1899. С. 34, 36.

здания Офицерского собрания применил мотивы Пскова и Новгорода XV–XVI веков.

В 1913–1916 годах в непосредственной близости от Феодоровского городка на границе Фермерского парка была сооружена Ратная палата. Ее проект составил гражданский инженер Семен Юлианович Сидорчук, а средства пожертвовали частные лица, среди которых была дочь основателя Третьяковской галереи Вера Павловна Третьякова.

Первоначально в Ратной палате предполагалось организовать музей истории русских войск. Но с началом Первой мировой войны ее переименовали в Государеву Ратную палату и решили разместить в ней галерею портретов георгиевских кавалеров и трофеи «текущей войны», доставленные с полей сражений.

В плане Ратная палата образует замкнутый неправильный пятиугольник с внутренним двором, а снаружи представляет собой двухэтажное здание с большим двуглавым орлом на фасаде и примыкающей к нему восьмигранной трехъярусной башней, увенчанной высоким шатром. Вход в Ратную палату оформлен крыльцом.

Главный корпус состоял из двух вестибюлей – парадного и второстепенного для ввода и вывода воинских команд, распределительной комнаты, «третьяковских» галерей и большого двухъярусного зрительного зала на 400 мест с эстрадой, с экранами для чтения лекций и показа кинофильмов. Эстрада отделялась аркой. На втором ярусе размещалась «царская ложа» и «царская гостиная», в которой предполагалось поместить портреты «августейших особ».

«Третьяковские галереи» включали: зеленую, названную по цвету стен галерею, служившую для хранения исторических документов; «образную палату», в которой разместили иконы; «розовую» галерею, завершавшуюся на фасаде шестигранной башней и служившую хранилищем музейных коллекций; портретную галерею георгиевских кавалеров, которая заканчивалась большой башней-ротондой, предназначенной для крупных предметов военного снаряжения и артиллерии. Из ротонды проход вел в жилое помещение хранителя музея. В трехэтажной башне располагались парадная лестница и библиотека.

Внутреннее убранство составляла мебель, стилизованная под старину, и полихромные настенные росписи в «масляной технике по штукатурке», исполненные художником Н. П. Пашковым предположительно по эскизам И. Я. Библина. Они включали изображения по мотивам былин и русской истории, гербы российских губерний и Георгиевские кресты с лентами.

Для создания портретов георгиевских кавалеров был образован специальный штат художников, в который вошли: И. Б. Стреблов, В. А. Пярков, С. Е. Девяткин, М. Г. Кирсанов. Им вменялось написание героев с натуры, либо по фотографии, либо по описанию сослуживцев. Для установления списка героев, живых и павших на полях сражений, командование воинских ча-

стей направило в Строительный совет «Сведения о награжденном Георгиевским крестом чине, удостоенном помещения портрета в галерею Государевой Ратной палаты» и его фотографию (либо негатив) с указанием основных примет: цвета лица, глаз, волос, бровей, ресниц, усов и бороды. Если кавалер был ранен, то его госпитализировали в лазареты Петрограда или Царского Села, где герой позировал лично.

В итоге было написано около 500 портретов размером 40×30 см. Среди портретируемых были лица, заслужившие Георгиевский бант – три или четыре Георгиевских креста, полный комплект георгиевских медалей и награжденные георгиевским оружием. Но количество портретов было ограничено. Каждый пехотный полк мог заказать только по одному портрету от каждого батальона или команды (пулеметной, связи, конных или пеших разведчиков), кавалерийский полк – от каждого эскадрона или сотни, артиллерийский – от каждой батареи.

Стоимость каждого произведения была очень маленькой – 30 рублей. Это объяснялось тем, что художники, желая принести пользу Отечеству, брали за свою работу пятую часть от всей оплаты.

Портреты являлись собственностью императора Николая II и были его личным вкладом в музей военной истории – Государеву Ратную палату. В свою очередь воинские части могли приобрести цветные или монохромные копии портретов своих героев для иллюстрирования страниц полковых историй, оформления помещений и создания открытых писем.

В 1915 году начальник царскосельского Дворцового управления князь Михаил Сергеевич Путятин по Высочайшему распоряжению запросил в войсках материалы для музея. В январе 1916 года по указу императора Николая II в Петрограде состоялось совещание для выработки стратегии по сбору, регистрации и хранению трофеев «текущей войны». В феврале того же года государь лично осмотрел Ратную палату и передал на хранение знамя 1-го Венгерского маршевого батальона, взятое 30-м пехотным Полтавским полком в бою 23 июня 1915 года, с приложением рапорта великого князя Николая Николаевича, ленту от знамени 46-го пехотного Австрийского полка с приложением всеподданнейшего доклада генерала от инфантерии Н. Н. Янушкевича, штандарт 33-го Кавалерийского полка и др.

22 марта император возложил руководство по организации сбора экспонатов на генерал-адъютанта Д. А. Скалона, а 22 июня утвердил штат новой Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивания ее в памяти потомства. Вскоре на склады воинских частей были командированы специально подготовленные офицеры и члены Императорских Русского военно-исторического общества и Общества ревнителей истории. Они выявляли ценные военные трофеи и составляли их описи для будущего музея.

В 1918 году в Ратной палате открылся народный музей войны 1914–1918 годов, который дополнительно включал произведения литературы и искус-

ства, документы и фотографии. В 1919 году его упразднили, а экспонаты передали в другие музеи и хранилища.

В непосредственной близости с Феодоровским городком на северо-востоке Фермерского парка был построен большой комплекс казарм для полка казачьего конвоя и сводного пехотного полка. Его возведение было обусловлено частым присутствием здесь царского двора в 1890–1900-х годах.

Комплекс казарм, представлявший собой каре с протяженными фасадами, декорированными многочисленными шатровыми башенками, тоже строился в «неорусском стиле» архитектором Максимовым. До нас он дошел в перестроенном виде. Сейчас в нем располагается Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Кроме указанных Ратной палаты и комплекса казарм, планировалось возведение казарм железнодорожного полка и домов для иностранных правительственных делегаций. Но эти проекты остались на бумаге.

В годы Первой мировой войны приказом по Управлению дворцового коменданта Царского Села от 13 сентября 1914 года и Высочайшего соизволения при Феодоровском соборе открылся лазарет для раненых солдат № 17, а в 1916 году – для офицеров. Комендантом лазарета назначили Д. Н. Ломана, шефство приняли великие княжны Мария и Анастасия Николаевны. В числе персонала служили в качестве заведующего делопроизводством в канцелярии преподаватель художественного чтения В. В. Сладкопеев, а санитарями – артист Петроградского театра музыкальной драмы Н. С. Артамонов, художник П. С. Наумов, поэт С. А. Есенин.

По инициативе Д. Н. Ломана в Феодоровском городке устраивались концерты для раненых. На них выступали Великорусский оркестр струнных, духовых и ударных инструментов В. В. Андреева, балерина А. Я. Ваганова, читал стихи С. А. Есенин, в сценических мозаиках из былин, сказок, песен, присказок и поговорок «Вечер в тереме боярыни XVII века» играла Л. Д. Блок.

До революции Феодоровский городок именовали «Китежем XX века».

Еще во время его строительства члены «Общества возрождения художественной Руси», образованного по инициативе князя А. А. Ширинского-Шихматова и художника Б. В. Зворыкина в 1915 году, предложили открыть в одном из зданий Музей древнерусского искусства и зодчества. Коллекция музея, включавшая собрание оружия XVI века, парчи, древнерусских орнаментов, икон и церковной утвари XVI–XVII веков, пополнялась очень быстро. После революции все ценности были вывезены.

На квартире Д. Н. Ломана, ктитора собора, часто собирались деятели культуры. Постоянными гостями были братья В. и А. Васнецовы, М. Нестеров, И. Билибин, Н. Рерих, А. Щусев, А. Померанцев, В. Андреев и Н. Лихачев.

Феодоровский городок считается уникальным памятником архитектуры начала XX века, хотя с художественной точки зрения ансамблем его назвать

трудно. Все его постройки стилистически не взаимосвязаны между собой и в целом отражают «разностилье» или сочетание мотивов разных эпох русской культуры, а именно «неорусского стиля» с явными тенденциями к воспроизведению мотивов древнерусского зодчества. В «неорусском стиле» работал В. А. Покровский, а к древнерусским формам тяготели С. С. Кричинский, В. Н. Максимов и С. Ю. Сидорчук.

По воспоминаниям Ю. Д. Ломана, «...истинное значение Городка, по мнению его авторов, <...> создать городок – “живой” музей старины, творчески внесенный в новую эпоху – эпоху XX века»²³.

Кроме того, располагаясь в императорской резиденции, он стал образцом для всей России.

Эта идея нашла выражение в декоре построек городка, в котором сохранены черты, придавшие различным зданиям характер средневековой архитектуры крупнейших культурных центров Древней Руси, в которых складывались традиции российской государственности, – Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Ростова, Москвы.

Главное художественное преимущество городка – крепости в миниатюре – заключалось в его близости к старинным русским кремлям, застраивавшимся стихийно на протяжении многих исторических веков и, по сути, отражавшим настроения прошедших времен.

Феодоровский собор и Феодоровский городок, сооруженные накануне величайших потрясений, стали памятниками «русской православной культуры» и центром возрождения православия и традиций Древней Руси в предреволюционной России.

²³ Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника императрицы. СПб., 1994. С. 45.

И. Б. Гаврилов

«Патриотический подвиг» Михаила Никифоровича Каткова

*К 200-летию со дня рождения выдающегося
русского мыслителя*

Михаил Никифорович Катков

В 2018 году Россия отметила 200-летие со дня рождения выдающегося общественного деятеля, мыслителя, издателя, публициста Михаила Никифоровича Каткова. Личность и деятельность этого «профессора философии, сделавшегося журналистом»¹, вызывали и до сих пор вызывают самые противоречивые оценки. Как писал вдове Каткова князь Н. П. Мещерский, «поистине, все в нем и все его касавшееся было необычайно. Необычайна была вражда против него, необычайна благодарность к нему»².

Идейные противники давали ему насмешливые и презрительные клички: «громовец Стратного бульвара», «будочник русской прессы», «жрец мракобесия», «проповедник сикофанства», «московский Менцель» или даже «герцог Альба» (по свидетельству автора посмертной биографии Каткова Р. И. Сементковского); «самый гадкий и вредный человек на Руси» (из письма И. С. Тургенева А. А. Фету, 1874 г.); «лейб-гоф-обержурналист» (А. В. Никитенко); «полицейский содержатель публичного листа в Москве» и «публичный мужчина вся Русь»

¹ [Некролог.] La Republique Française. Отзвы французской, бельгийской и итальянской печати. Памяти М. Н. Каткова // Русский вестник, издаваемый С. Катковой. М., 1887. Т. 190. [№ 7.] Июль. С. 205.

² Мещерский Н. Воспоминания о Каткове (Письма в Тверитино) // Воспоминания о Михаиле Каткове. М., 2014. С. 85.

(А. И. Герцен). Историк-западник Б. Н. Чичерин оценивал деятельность Каткова как «грязный союз наглого журналиста с беззащитной властью». Другой представитель либерального лагеря, историк П. В. Долгоруков так характеризовал ненавистного публициста: «Вечно беснующийся Катков, которому непременно нужно вечно лаять и всегда кого-нибудь кусать, который в своих наездах всегда идет далее самого даже правительства и всякого, кто не разделяет его мнения, объявляет государственным преступником и даже изменником отечеству»³. Противники московского публициста не могли поверить в искренность его патриотических воззрений. «Либеральный публицист... бросил за борт либерализм, конституционализм, поклонение Европе и пр. и внезапно почувствовал себя неистовым патриотом, неистовым самодержистом»⁴, – иронизировал Герцен.

Представители консервативного и национального направления в большинстве своем, напротив, стремились отдать должное талантам и образованности знаменитого просветителя: «телохранитель единства России» (Ф. И. Тютчев); «дивный мастер слова, великий Антей, знавший тайну прикосновения к матери-земле», «истинный царь слова» (В. В. Розанов); «апостол национальной русской политики» (А. С. Суворин); «создатель русской политической печати» (Н. А. Любимов); «первый и величайший русский публицист» (К. Н. Леонтьев); «человек глубокого и разностороннего образования, владеющий словом почти с пушкинской свободой», принесший «себя в жертву ежедневной публицистике» (П. К. Петров); «голос России» (В. А. Гринмут). К. П. Победоносцев видел в Каткове «единственного умного и чуткого к истинно русским интересам и к твердым охранительным началам» журналиста, «борца за русскую правду».

Многие современники (В. Г. Белинский, А. В. Никитенко, К. Н. Леонтьев, Н. П. Гиляров-Платонов и др.), в том числе и настроенные не либерально, порой неодобрительно отзывались о личных качествах редактора «Московских ведомостей». Но даже видевшие в Михаиле Никифоровиче «гениального оппортуниста» не могли не признать его «практическим гением» (К. Н. Леонтьев), незаменимым для России: «Этот железный столп русского охранения, этот щит и меч Царства и Церкви, этот человек, подобно Цицерону, вполне заслуживающий имени отца отечества за неустанную борьбу против наших хамов-Катилин»⁵. В письме отцу Иосифу Фуделю в 1891 году Леонтьев отмечал: «Катков лично производил на меня впечатление самого не прямого, самого фальшивого и неприятного человека; но, как я уже говорил, фальшивость характера ничуть не исключает глубокой искренности общих убеждений. Я не сомневаюсь ни на минуту, что Катков положил бы героем на плаху голову свою за Россию; если бы оказалось это нужным»⁶.

³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 299.

⁴ Герцен А. И. Правительственная агитация и журнальная полиция // Он же. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. М., 1962. С. 269.

⁵ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 438.

⁶ Он же. Полное собрание сочинений: в 12 т. Приложение. Кн. 1. СПб., 2012. С. 281.

В то же время близко знавшие Михаила Никифоровича люди свидетельствовали о нем: «Одинаково чуждый приемов оппортунизма, который так в ходу теперь, и всякого доктринерства – славянофильского или раболепствующего пред Европой» (кн. Н. П. Мещерский)⁷; «В деятельности М. Н. Каткова было особенно дорого то, что он служил делу, а не людям» (Л. Н. Воронов, сотрудник «Московских ведомостей»); «...он являлся и нежным семьянином, и заботливым другом, и человеком общительным, в высшей степени благотворительным, самым добрым и снисходительным» (Н. А. Любимов)⁸.

Уже этот краткий обзор показывает тот глубокий раскол, который происходил в русском обществе в 1860–1880-е годы, а также указывает на очень важное, если не центральное, положение М. Н. Каткова в общественной жизни России.

На фоне приведенных противоречивых оценок российских современников Каткова интересны отзывы зарубежных журналистов и писателей. Английская газета *Pall Mall Gazette* в статье по поводу кончины Михаила Никифоровича отмечала: «Национальное чувство сделало его творцом направления, получившего название русской национальной политики. По отношению к общественному мнению от роли выразителя его он быстро перешел к роли его вождя. Не он следовал за общественным мнением, а общественному мнению приходилось следовать за ним»¹⁰. Особенно замечателен отклик лично знавшего Каткова французского историка, профессора Анатоля Леруа-Болье (1842–1912), автора фундаментального труда «Империя царей и русские» (Париж, 1882–1889. Т. 1–3)¹¹, написанного по итогам четырех путешествий автора по Российской империи: «В этом москвиче, страстно любившем все свое национальное, не было ничего восточного и еще менее варварского. Он никогда не принадлежал к слепым ненавистникам „гнилого Запада“. Своим воспитанием, своими вкусами, всею своею личностью этот ярый защитник славянства был западником, настоящим европейцем»¹².

Попыткам разобраться в религиозно-философском и общественно-политическом мировоззрении Каткова положила конец не соответствующая реальности негативная характеристика «вождя мирового пролетариата»

⁷ Мещерский. Н. Воспоминания о Каткове (Письма в Тверитино). С. 103–104.

⁸ Воронов Л. Финансово-экономическая деятельность М. Н. Каткова // Воспоминания о Михаиле Каткове. С. 175.

⁹ Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям) // Воспоминания о Михаиле Каткове. С. 226.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 219.

¹¹ Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. P., 1991. В своем труде А. Леруа-Болье рассматривает самодержавие как единственный двигатель русской истории, поэтому, по его мнению, оно смогло взять на себя миссию модернизации страны. А. Леруа-Болье вошел в историю как антипод маркиза А. де Кюстина, автора другого знаменитого труда – «Россия в 1839 году». Он встречался или переписывался с И. С. Тургеневым, В. С. Соловьевым, Л. Н. Толстым, Ю. Ф. Самариним, С. Ю. Вите, П. А. Столыпиным и др.

¹² Леруа-Болье А. [Б. н.] «Journal des Debats». Отзывы французской, бельгийской и итальянской печати. Памяти М. Н. Каткова. С. 201.

В. И. Ленина, ставшая в советские годы хрестоматийной: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х гг. XIX в.) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»¹³.

Широкое изучение огромного литературного наследия мыслителя и публициста начинается только в 1990–2000-е годы на волне разочарования в социалистических и либеральных ценностях и появления интереса к философии консерватизма.

* * *

Михаил Никифорович Катков родился 1 ноября 1818 года в Москве. Не-разрывная связь с древней первопрестольной столицей православной Руси, сохранявшаяся на протяжении всей его дальнейшей жизни, отразится и на мировоззрении мыслителя. Детство Каткова прошло в обстановке крайней бедности и нужды. Потеряв в пять лет отца, титулярного советника Никифора Васильевича Каткова (ум. 1823), он вынес множество лишений. Мать – Варвара Акимовна, урожденная Тулаева (1778–1850, из обедневшего грузинского дворянского рода) – вынуждена была работать кастеляншей (надзирательницей) в Бутырской пересыльной тюрьме. Но, глубоко верующий православный человек, Варвара Акимовна сделала все возможное, чтобы дать сыну не только твердое нравственное воспитание, но и самое лучшее классическое образование. Известная мемуаристка Т. П. Пассек свидетельствовала: «Варвара Екимовна была женщина умная, добрая, самостоятельного характера и образованная. Она сама дельно воспитывала своего сына и давала ему первые уроки из русского, французского языка и арифметики. Ребенок учился хорошо. В умных чертах маленького мальчика меня поражали глаза его – бледно-голубые, до крайности прозрачные, временами точно с изумрудным отливом и со взором, до того как бы погруженным внутрь самого себя, что не знаешь, что в нем таится»¹⁴.

Катков с отличием закончил словесное отделение Императорского Московского университета (1834–1838), где слушал лекции Н. И. Надеждина, М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и др., получив степень кандидата. Преподаватели часто восхищались его блестящими ответами на экзаменах и ставили их в пример прочим студентам.

В годы учебы мыслитель входил в знаменитый философский кружок Н. В. Станкевича, в котором также состояли К. С. Аксаков, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, М. А. Бакунин и др. Участники кружка видели в Каткове «замечательное литературное дарование и большое расположение к философ-

¹³ Ленин В. И. Карьера // Он же. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 22. М., 1973. С. 43–44.

¹⁴ Пассек Т. П. Михаил Никифорович Катков // Она же. Сочинения: в 3 т. СПб., 1878. Т. 3. С. 324.

ским занятиям»¹⁵. Как отмечает М. О. Меньшиков, «если Катков впоследствии разошелся, и подобно Достоевскому – с большою резкостью, с членами станкевического кружка, зато он мог сказать, что всех их хорошо знал еще в их зачатии, всех изучил в натуре. По таланту и образованию Катков был не в хвосте кружка, а по характеру превосходил многих товарищей. Он не довольствовался, как Белинский, „схватыванием“ философских тезисов из устной передачи более просвещенных приятелей. Он сам был „более просвещенным“, углубляясь в первоисточники тогдашней философии»¹⁶.

В эти годы Катков увлекался философией Гегеля и познакомил с ней других участников кружка. В 1838 году он опубликовал в журнале «Московский наблюдатель», идейно возглавляемом В. Г. Белинским, перевод статьи Г. Ретшера «О философской критике художественного произведения», в которой открыл русскому читателю эстетику Гегеля. Белинский, переживавший в то время увлечение гегельянством, рассматривал эту статью как эталон философской критики.

Поддержка «всесильного» в литературном мире Белинского оказала решающее влияние на направление литературной деятельности Каткова в студенческие годы. Он начинает активно сотрудничать с западническими журналами «Московский наблюдатель» и «Отечественные записки». Великолечно владея несколькими иностранными языками, Михаил Никифорович переводит «Историю Средних веков» О. Демишеля, трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта», произведения Гёте, Гейне, Купера и др. В «Отечественных записках» он ведет раздел библиографии¹⁷. Однако и по объему, и по характеру его статьи и рецензии значительно возвышаются над общим уровнем. Среди программных материалов Каткова в то время выделяются «Песни русского народа, изданные И. Сахаровым» (1839) и «Разбор книги М. Максимовича „История древней русской словесности“» (1840).

Почти каждую новую публикацию молодого приятеля Белинский встречал восторженно. «Статья Каткова – прелесть, – писал он Боткину по поводу рецензии на Максимовича, – глубоко, последовательно, энергически и вместе спокойно, все так мужественно, ни одной детской черты». В своих хвалебных строчках знаменитый критик не только предсказывает начинающему коллеге большое будущее в сфере литературы и науки, но и первым отмечает его философский талант: «Я вижу в нем великую надежду науки и русской литературы... Преобладание мысли в определенном и ярком слове есть отличительный характер его статей и высокое их достоинство; а отсутствие сосредоточенной непосредственной теплоты сердечной – недостаток... Общее поглощает его дух и, так сказать, обезличивает его индивиду-

¹⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 146.

¹⁶ Меньшиков М. О. Памяти великого гражданина // Он же. Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 397.

¹⁷ См.: Галахов А. Д. Список статей М. Н. Каткова в «Отечественных записках» 1839 и 1840 годов // Исторический вестник. СПб., 1888. № 1. С. 111–112.

альность... Я читаю его статьи с особенным уважением – наслаждаюсь ими и учусь мыслить»¹⁸.

Кроме того, уже в ранних сочинениях Катков проявил недюжинный журналистский талант, огромное трудолюбие и стремление довести каждую строку до видимого совершенства. Один из лучших биографов публициста Н. А. Любимов писал, что «тщательная отделка статей... свидетельствует о замечательной усидчивости Каткова; энергия и неутомимость в работе были одной из основных черт в характере его». Любимов отмечает и другую характерную особенность, «проявленную Катковым на первых шагах его литературного поприща и затем сохраненную им на всю жизнь: это глубокий и искренний патриотизм, вера в силы и великую будущность России»¹⁹.

Как и многие молодые русские мыслители того времени, испытывавшие влияние немецкой философии, М. Н. Катков, помимо Гегеля, проникся учением Шеллинга, для углубленного знакомства с которым даже совершил путешествие в Германию. «Искренность его увлечения германской философией и поэзией выразилась в том факте, что он, будучи лишен всяких средств к существованию, предпринял поездку за границу и прожил около двух лет в Германии в самом бедственном положении», – свидетельствует Р. И. Сементковский²⁰. Несмотря на материальные трудности, 19 октября 1840 года в компании с начинающим литературным критиком из круга Белинского, впоследствии известным пушкинистом и мемуаристом-западником П. В. Анненковым Катков отправляется на пароходе из Кронштадта в Любек, имея конечным пунктом Берлин.

Процесс становления философских воззрений мыслителя отражен в его дневниковых записях и письмах берлинского периода: «Изучение логики не есть, стало быть, просто изучение: это сообщение с Творцом, высшее священнодействие; влияние его объемлет всего человека, и на каждом шагу он должен становиться чище и достойнее»²¹; «Живое и серьезное занятие философией, не так, как прежде – пошлое, брошюрочное, благотворно и глубоко подействовали на меня. Но надобно еще много и много поработать мне: в течение каких-нибудь трех месяцев никакая сила не может овладеть таким предметом, – лекции же летели так быстро, так ярко, так ослепительно – ни на минуту нельзя остановиться и укрепиться»²².

После смерти в 1831 году Гегеля к Шеллингу было устремлено внимание всей интеллектуальной Европы. Слушателями берлинского властителя умов были А. фон Гумбольдт, С. Кьеркегор, А. Тренбеленбург, Ф. Энгельс, Л. фон Ранке

¹⁸ *Белинский В. Г.* Ах, брат, что это за человек! Из писем о М. Каткове // Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. СПб., 2012. С. 8.

¹⁹ Цит. по: А–в С. Катков М. Н. // Русский биографический словарь А. А. Половцова: в 25 т. Т. 8. СПб., 1897. С. 551.

²⁰ *Сементковский Р.* Михаил Катков. Его жизнь и литературная деятельность // Воспоминания о Михаиле Каткове. С. 541.

²¹ *Катков М. Н.* Из писем к матери и брату // Русский вестник. М., 1897. № 8. С. 162–163.

²² Там же. С. 160.

и др. Огромный интерес к немецкой философии проявляли и многочисленные гости из России. В начале 1840-х годов в Берлине успели побывать М. Бакунин, Т. Грановский, Н. Огарев, В. Одоевский, И. Тургенев, Н. Станкевич и др. Однако молодого философа М. Н. Каткова, в отличие от многих современников, близкое знакомство с религиозной философией Шеллинга не только не отвратило от России, а, наоборот, еще более сблизило с родиной. «О России я думаю и мечтаю очень часто, – писал он, – и всякий раз более чувствую крепость связей, соединяющих меня с моим народом; знаю, знаю, но все же убежден – самую лучшую награду за все мои труды, разумеется, в будущем, была бы хоть какая-нибудь польза, принесенная с моей стороны»²³.

Фридрих Вильгельм
Йозеф Шеллинг

За полтора года пребывания за границей Катков, кроме усердного посещения лекций в Берлинском университете, успевает побывать в Бельгии и во Франции, а также написать две большие философские статьи для журнала «Отечественные записки» – «Германская литература» (1841, № 3, 5, 6) и «Первая лекция Шеллинга в Берлине» (1842, № 2).

По точному замечанию современной исследовательницы, «в лекциях Шеллинга по философии Откровения, соединявших идеализм и Священное Писание, он нашел созвучие своим собственным взглядам на мир, еще недостаточно сформированным, но в основе своей консервативным»²⁴.

По возвращении в Москву мыслитель резко и окончательно расходится с Белинским. Разрыв этот имел глубокий духовный корень – различное отношение к вере и Церкви. Белинский в то время страстно увлекается революционно-демократическими идеями и приходит к атеизму. В 1845 году он пишет Герцену: «Истину я взял себе – и в словах „Бог“ и „религия“ вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю

М. Н. Катков в молодости

²³ Цит. по: Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002. С. 11.

²⁴ Санькова С. М. Обучение М. Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 12. Калининград, 2008. С. 25.

теперь эти два слова как следующие за ними четыре»²⁵. А в своем знаменитом письме Н. В. Гоголю (1847 г.) «неистовый Виссарион» утверждал, что России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением Церкви, а со здравым смыслом и справедливостью»²⁶. Катков же даже в своих юношеских исканиях сохранил взращенную матерью глубокую религиозность²⁷.

1840-е годы вошли в историю русской мысли не только как эпоха философского пробуждения, по выражению отца Георгия Флоровского, но и как время окончательного размежевания двух непримиримых «партий» – западников и славянофилов. Философия, бывшая ранее в России одной из многих наук, ограниченных узким кругом учителей и учеников, превращается в основной интерес поколения, вовлекает в свой круговорот все силы общества, а главное – происходит поиск «существа русского и нерусского в мировоззрении, в жизнепонимании, в духе»²⁸. Как отмечает протоиерей Г. Флоровский, вопрос национального призвания, «вопрос о месте России» в плане всемирной истории становится главной темой пробудившейся русской философии²⁹.

Выйдя из литературного круга Белинского, Михаил Никифорович начинает посещать славянофильский салон Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы В. А. Жуковского и матери братьев Киреевских. Однако подлинного духовного сближения с представителями этого направления не происходит. Он не мог закрепиться в рядах какой-либо «партии», так как с самого начала ощущал себя независимым мыслителем. О своем идейном одиночестве и об отношении к славянофильским кружкам Катков ярко свидетельствует в письме к А. Н. Попову: «С интересами, которые теперь... господствуют в Петербурге и Москве, я нахожу в себе мало сочувствия... Здесь [в Москве] теперь я совсем бесприютен, не к кому прислониться, не с кем быть откровенным; но я, впрочем, не больно и горюю об этом. Хорошо иметь кружок единомысленный, с одною одинаково понимаемой целью; но хорошо также и уединенный труд и более искренняя беседа с самим собою. Я здесь [в Москве, среди славянофилов] молчу и только слушаю. Там [в Петербурге,

²⁵ Белинский В. Г. Письмо А. И. Герцену, 26 января 1845 года // Он же. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 205.

²⁶ Он же. Письмо Н. В. Гоголю 15 июля 1847 года // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М., 1953. С. 244.

²⁷ См.: Санькова С. М. Обучение М. Н. Каткова в Берлинском университете как переломный момент в становлении его мировоззрения. С. 21–26.

²⁸ Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 48–49.

²⁹ Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 247. Об атмосфере этого времени и специфике западничества и славянофильства см., напр.: Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. СПб., 2016. № 1. С. 254–258; Он же. Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840 гг.) // Христианское чтение. СПб., 2017. № 1. С. 238–262.

среди западников] слышишь, что Россия гниет; здесь – что Запад околеваает, как собака на живодерне; там – что философия цветет теперь в России и надо бы держать ее как можно далее от жизни, заключить ее в формулы, чтобы толпа не смела в нее вмешиваться; здесь – что философия... есть не более как выражение немецкого филистерства»³⁰.

Защитив в 1845 году магистерскую диссертацию «Об элементарных формах русского языка», М. Н. Катков был принят адъюнктом по кафедре философии и читал лекции по истории философии, логике и психологии на словесном отделении³¹. Сохранились противоречивые мнения о его преподавании. Будущий известный правовед и философ-гегельянец и западник Б. Н. Чичерин, в те годы студент университета, вспоминал, что «никто из слушателей не понял ни единого слова из всего того, что читал профессор». Н. А. Любимов, П. М. Леонтьев, Е. М. Феокистов, напротив, считали эти лекции выдающимся явлением в жизни университета. Сам Катков в беседе с С. М. Соловьевым выразил специфику исторической ситуации, в которой он читал свой первый курс, так: «Вся эта толпа ничего не понимает из моих лекций, а ждет, не ргнут ли я Бога»³².

Под влиянием концепции позднего Шеллинга мыслитель выбирает основной темой для научной работы философию досократиков. Итогом его историко-философских занятий стали «Очерки древнейшего периода греческой истории» (М., 1853). Ценность труда заключалась, прежде всего, в опоре на первоисточники, самостоятельно переведенные Катковым. По словам автора, он был одушевлен «тем общим воззрением, которое дает жизнь... мысли и вынесено... из Положительной Философии Шеллинга, старался сблизиться с предметом и изучать его в самой действительности»³³. Давая общую характеристику исследуемого периода греческой мысли, Катков отмечает: «Все направления, все роды мышления находятся здесь в первом непосредственном синтезе, в этой первой философии, где собственно философское еще не пришло к своему самосознанию и не успело отличить себя от всего нефилософского»³⁴. Для понимания общей атмосферы эпохи написания этой книги и философского метода молодого исследователя характерно и другое его признание во вступлении: «История философии стала в наше время решительною потребностью, однако же ни задача, ни способы ее не приведены в достаточную ясность»³⁵.

³⁰ Катков М. Н. Избранные письма. А. Н. Попову (1843–1857) // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 2012. С. 542–543.

³¹ См.: Он же. «Логика». Конспект курса, читанного на юридическом факультете Московского университета, сост. Михаилом Николаевичем Островским. 1 октября 1845 года // ОР РНБ. Ф. 1123. Эдельсон Е. Н. Ед. хр. № 130.

³² Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 315.

³³ Катков М. Н. Очерки древнейшего периода греческой философии // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 2011. С. 342.

³⁴ Там же. С. 164.

³⁵ Там же. С. 161.

П. М. Леонтьев и М. Н. Катков

В 1847 году в Московском университете Катков познакомился с молодым ученым, филологом-классиком Павлом Михайловичем Леонтьевым (1822–1874), ставшим на многие годы его ближайшим другом и верным соратником. Последний только что вернулся из Германии, где среди прочих слушал и лекции Шеллинга, что отразилось в его магистерском сочинении «О поклонении Зевсу» (М., 1850), написанном под влиянием шеллинговой «философии мифологии».

Представление об отношениях двух друзей можно составить из некролога П. М. Леонтьеву, написанного Катковым в 1875 году: «В продолжение всей зрелой поры нашей жизни мы были неразлучны с ним до последних тайников мысли и сердечных движений... Симпатические отношения установились между нами сразу и до конца ни на мгновение не поколебались. В течение почти двадцати лет нас со-

единяла совокупная деятельность, и семнадцать лет мы жили, почти не расставаясь, под одним кровом. Между нами не было никакой розни. Мысль, возникавшая в одном, непосредственно продолжала действовать и зреть в другом»³⁶.

Успешная университетская карьера талантливого философа была прервана волной революций в Западной Европе. Опасаясь распространения революционных идей в России, император Николай I в 1850 году издает Высочайшее повеление, согласно которому вводились значительные ограничения на преподавание политической философии в российских университетах. В частности, запрещалось читать лекции по философии преподавателям, не имеющим духовного сана, и Катков был вынужден покинуть кафедру. Повидимому стремясь сохранить талантливого и образованного сотрудника, руководство университета в 1851 году вверяет ему редакторство газеты «Московские ведомости». Одновременно по протекции графа С. Г. Строганова он становится чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения.

Получив, наконец, постоянное казенное жалованье и выйдя из нужды, Катков женится в 1852 году на княжне Софье Петровне Шаликовой (1832–1913), младшей дочери известного русского писателя-сентименталиста, жур-

³⁶ Он же. Характеристика Леонтьева П. М. // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 2010. С. 680.

налиста и издателя Петра Ивановича Шаликова (1768–1852)³⁷, который в течение 25-ти лет был редактором «Московских ведомостей» (1813–1838), и обретает прочное семейное положение и личное счастье, став впоследствии отцом большого многодетного семейства³⁸. По свидетельству Н. П. Мещерского, «у Михаила Никифоровича... лучшие стороны его души являлись достоянием семьи и близких»³⁹; «Он был, если можно так сказать, страстный семьянин, с сердцем, отзывчивым на дружбу и на все добро»⁴⁰.

* * *

Настоящим водоразделом в истории русского самосознания стала Крымская война 1853–1856 годов, поражение в которой вынудило российскую элиту обратиться в поисках технического и идейного обновления к политическому и экономическому опыту передовых либеральных держав Запада – Англии и Франции⁴¹.

Новый период в истории Российской империи многими современниками характеризовался как «оттепель» (Ф. И. Тютчев и др.)⁴², что проявилось в даровании Высочайшим манифестом по случаю коронации императора Александра II амнистии декабристам, петрашевцам, участникам Польского восстания 1830–1831 годов; в свободной выдаче заграничных паспортов, ликвидации военных поселений и т. п.

³⁷ П. И. Шаликов, по воспоминаниям современников, был своего рода достопримечательностью Москвы: «Мне сказывал Загоскин, что во время малолетства случалось ему с родителями гулять на Тверском бульваре. Он помнит толпу, с любопытством, в почтительном расстоянии идущую за небольшим человечком, который то шибко шел, то останавливался, вынимал бумажку и на ней что-то писал, а потом опять пускался бежать. „Вот Шаликов, – говорили шепотом, указывая на него, – и вот минуты его вдохновения“» (*Вигель Ф. Ф. Записки: в 3 т. Т. 1. М., 1928. С. 344*). В письме к П. А. Вяземскому от 19 февраля 1825 года А. С. Пушкин дает литератору следующую характеристику: «Он – милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна» (*Пушкин А. С. Письма 1824 года // Он же. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.; Л., 1951. С. 90*).

³⁸ В деле о дворянстве рода Катковых по фонду департамента герольдии Сената (РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2251) хранится формулярный список Михаила Никифоровича и копии метрик о рождении его детей. Супруги имели девять детей, многие из которых и их потомки оставили заметный след в истории Отечества. Старший сын Павел дослужился до генерала, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, умер в эмиграции. Внуки Михаил и Андрей погибли на фронте в Первую мировую войну в 1914 году. Внучка Ольга была замужем за одним из вождей Белого движения бароном П. Н. Врангелем.

³⁹ *Мещерский Н.* Воспоминания о Каткове (Письма в Тверитино). С. 76.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ См.: *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. М., 2001. С. 452.

⁴² Князь Д. Оболенский, размышляя о начале правления Александра II, писал в дневнике, что 1856 год «ярко отличается от предшествующих годов, как перед наступлением весны бывают дни, хотя еще холодные, но с весенним запахом, предшественником наступающей оттепели. Свободно дышала Россия в этом году» (*Оболенский Д. А., кн. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. СПб., 2005. С. 154*).

Как вспоминал Н. Н. Страхов, «неопределенный, общий либерализм был у нас тогда в большом ходу. Им пробавлялись все журналы, им больше и больше проникалось общество и даже правящие сферы... Самые реформы прошлого царствования имели преимущественно освободительный характер, снимали юридические и административные стеснения, связывавшие народ и общество. Понятно, что либеральный дух овладел всеми, и так как сперва в этом движении не замечалось ничего дурного, то оно росло все больше и больше»⁴³. Однако, как отмечает Страхов, «либеральные начала оказались недостаточными для управления нашим обществом... Наступило быстрое и ужасное разочарование. Чем кончилась либеральная эпоха, так называемая „заря возрождения“? Вдруг стали являться прокламации, взывавшие к бунту и разрушению; за прокламациями следовали пожары; за пожарами – польское восстание, а через три года – первое покушение на жизнь государя»⁴⁴.

Император Александр II

Реформы, начатые Александром II, по грандиозности их масштаба часто сравнивали с реформами Петра I, однако большинство из них не были доведены до конца. Главным преобразованием стала отмена крепостного права, послужившая импульсом для проведения последующих реформ: военной (1862, 1874), финансовой (1863), образовательной (1863), земской (1864), судебной (1864), печати (1865), городской (1870) и др. После опубликования Царского манифеста

об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года император Александр II признавался в письме к прусскому королю Вильгельму I: «У меня сознание, что я выполнил великий долг».

Некоторые мемуаристы и исследователи, характеризуя идейную эволюцию Каткова во второй половине 1850-х годов, отмечают его «англоманию»: «В Англии он находил симпатичную ему преданность монархии, соединенную с широкой свободой, находил общественный строй, выработанный и проверенный вековым опытом»⁴⁵. По этому поводу Е. М. Феоктистов, журналист, а впоследствии главный цензор России и сенатор, в мемуарной книге «За кулисами политики и литературы» писал: «Катков задался

⁴³ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 428.

⁴⁴ Там же. С. 429.

⁴⁵ А-в С. Катков М. Н.

мыслью, что для России необходима система самоуправления в широких размерах... Самоуправление дало пышный цвет на английской почве – отсюда преклонение Михаила Никифоровича перед Англией»⁴⁶.

Оригинальную интерпретацию «англофильства» мыслителя дает М. О. Меньшиков: «Поклонник Англии, Катков именно в ней видел живое воплощение обоих начал [истинного либерализма и истинного консерватизма] – разных, но нераздельных, одинаково законных, одинаково необходимых, как внешняя и внутренняя сторона того же предмета. Все вечно истинное должно быть осуществлено – вот основание либерализма. Все вечно истинное должно быть сохранено – вот основание консерватизма. Катков застал Россию в глубоком извращении обоих начал. Свобода, основное условие органического роста, была раздавлена чиновничеством, захватившим власть. Охранялись же рабские, то есть искаженные, формы жизни. Катков не только был англофилом, но он первый и начал действовать как англичанин в области своего призвания. Он вступил в серьезную, упорную, систематическую борьбу с обеими неправдами русской жизни: с отсутствием свободы и с излишествами свободы»⁴⁷.

Воспользовавшись в 1855 году поддержкой товарища министра народного просвещения князя П. А. Вяземского и статс-секретаря графа Д. Н. Блудова, Катков получает разрешение выпускать журнал «Русский вестник» – по предложенной им программе, но с одним ограничением: чтобы летопись политических событий представляла собой «без всяких рассуждений со стороны редакции, лишь связный выбор известий сего рода из периодических изданий, в России выходящих»⁴⁸. Обращаясь в 1855 году к министру народного просвещения А. С. Норову с докладной запиской о возможности издания нового журнала, Михаил Никифорович указывает на потребность современного российского общества с пробудившимся национальным самосознанием иметь печатный орган, благодаря деятельности которого прояснялся бы «русский взгляд на вещи, чтобы русский ум так же сверг с себя иго чуждой мысли, как уже сверг с себя иго чуждого слова. Чтобы наша литература, созревая и обогащаясь, могла доставлять удовлетворение всем умственным потребностям русского человека. Особенно важное значение могут иметь в этом отношении живые органы литературы, повременные издания»⁴⁹.

Представляя издание, редактор так формулирует его патриотическую программу: «В настоящих обстоятельствах, напоминающих великую эпоху двенадцатого года, мы не имеем ни одного издания в роде „Вестника Евро-

⁴⁶ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 108–109.

⁴⁷ Меньшиков М. О. Памяти великого гражданина. С. 399.

⁴⁸ Цит. по: А–в С. Катков М. Н.

⁴⁹ Катков М. Н. Записка к А. С. Норову. Цит. по: Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям). С. 249.

РУССКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1866

ЮЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. СЛОВАНИЕ СЛА ПУДЪ ПРИБУРГОМЪ. В. П. Пашковъ. Жезуитовъ.
- II. ИВЪ ПАШКОКЪ СЕРТЪЯ ПИНОДАВЧИЧА ГЛНИКЪ.
- III. ДВА СОНЪТИ ВЪ САРЪ-ФРАНЦИСО ВЪ 1825 А 1826 ГОДУ. Ташковъ. Олександръ. А. Любомилинковъ.
- IV. ЗАМЪТКА О ГОРНОМЪ ДЪЛЪ НА КАВКАЗЪ. А. Иванченко.
- V. СУДЪБА ПРАВИТЕЛЬСКОЙ ФАМИЛИИ ВЪ РОССИИ СЪ КОНЦА 1741 ПО 1820 ГОДЪ. В. И. Погодинъ.
- VI. МЪЗЫКА У СЛАВЯНЪ. Оксанава. А. И. Висоцковска.
- VII. ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ КАСПИЙСКАГО МОРЯ. I—IV. В. Струковскаго.
- VIII. РЕЛИГИОЗНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СОЕДИНЕННЫМЪ ШТАТЪХЪ. II. I. I. Ваксманова.
- IX. ПЕРВАЯ ХОЛЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. Показанья на мавзолеи Завидова.
- X. «МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛЪ» КАРАМЗИНА. Очеркъ изъ биографіи. М. П. Погодина.
- XI. ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНИЕ. Романъ. Часть вторая. Гл. 2—XIV. Ф. М. Достоевскаго.
- XII. ПАВУШКИНО ГОРЕ. Романъ. Гл. I—VII. Переводъ съ англійскаго.
- XIII. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ЗАМЪТКИ. Паркъ. Алава.

«Русский вестник»

половине 1850-х годов выделяются имена писателей С. Т. Аксакова, Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова, И. И. Лажечникова, А. Н. Майкова, Д. Л. Мордовцева, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, М. Е. Салтыкова-Щедрина; ученых И. К. Бабста, О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, И. Е. Забелина, К. Д. Кавелина, К. П. Победоносцева, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина; критиков и публицистов К. С. и И. С. Аксаковых, П. В. Анненкова, А. В. Дружинина и др.

В мемуарной и исследовательской литературе широко распространено мнение, что в первое время существования журнала, то есть в 1855–1862 годах, Катков придерживался либеральных взглядов. Такое представление ярко выразил в своих воспоминаниях Н. Н. Страхов: «„Русский вестник“, начавшийся с 1856 года, был, можно сказать, школою либерализма; по его книжкам вся Россия училась глядеть на вещи с этой точки зрения, подвергать критике те следствия, какие проистекали от принудительных мер и порядков»⁵⁰. Однако в последние годы предпочтительнее становится иная трактовка, согласно которой союз Каткова с либеральными западниками был чисто тактическим⁵¹. Это подтверждает и тот факт, что уже в 1858 году временные либеральные союзники (Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, А. В. Стан-

пы“ и „Сына Отечества“, с которыми связано столько патриотических воспоминаний. Умы всех заняты теперь великой борьбой, из которой Бог поможет нашему Отечеству выйти с такой же славой, как и в ту вечно памятную эпоху. Было бы желательнее, чтобы благородное одушевление, ныне господствующее в нашем обществе, нашло особый орган и в литературе. Вследствие сего издание, предполагаемое в Москве, состояло бы из двух существенных отделов, политического и литературного»⁵⁰.

Биографы отмечали, что новый журнал сосредоточил в себе все лучшие силы русской интеллигенции, причем «взгляды редакции отличались необычайной широтой», соединяя вместе «корифеев славянофильства и западничества»⁵¹. Среди ведущих авторов «Русского вестника» во второй

⁵⁰ М. Н. Катков как редактор «Московских ведомостей» и возобновитель «Русского вестника» (Письма его к А. В. Никитенко) // Русская старина. СПб., 1897. № 12. С. 573–574.

⁵¹ А—в С. Катков М. Н.

⁵² Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 429.

⁵³ См.: Маркелов Е. В. Пути исканий русской интеллигенции: оформление охранительной концепции М. Н. Каткова // Обозреватель. М., 1996. № 10–12 (81–83). С. 99–105.

кевич) покинули редакцию и Михаил Никифорович полностью сосредоточил руководство изданием в своих руках.

С первых же номеров журнал занял твердую патриотическую позицию. Программное значение имела статья «Пушкин». В ней не только ярко раскрывается талант Каткова как литературного критика, защищающего главного русского поэта от нападков доморожденных утилитаристов из «Современника», но и сама поэзия представляется знанием, ибо «первая цель искусства есть истина». Затрагиваются автором и вопросы народности. Поэт превращается в знамя русской народности и государственности, собирателя всех народов в единую империю: «Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они Российскому государству»⁵⁴.

Но еще отчетливее идейные основания «Русского вестника» и его главного редактора проявились в полемике с революционно-демократическими журналами, прежде всего – со знаменитым «Современником». Журнал был основан еще в 1836 году А. С. Пушкиным, однако с конца 1850-х годов, когда «Современник» возглавил «триумvirат» в составе поэта-народника Н. А. Некрасова и двух бывших семинаристов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, из литературного издания он превратился в политическую трибуну радикальных революционно-демократических материалистических идей и «утилитаризма» в эстетике. По этой причине отсюда ушли Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и другие авторитетные литераторы. Тургенев называл Чернышевского и Добролюбова «литературными Робеспьерами», которые «хотят стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, все эстетические наслаждения и водворить свои семинарские грубые принципы»⁵⁵.

Чернышевский и Добролюбов стали идейными вождями целого поколения «новых людей шестидесятых годов», отпрысков мелких чиновников, священников, социальных меньшинств, носителей зачастую сектантской религиозности, своего рода иконоборцев, по выражению Д. Биллингтона, проповедовавших материализм Фейербаха и утилитаризм Бентама, «равенство полов», «свободную любовь» и «святость» естественных наук; решительно отмежевавшихся от прошлого – как от идеализма дворянской культуры, так и от православной церковной традиции⁵⁶. А. Валицкий считает, что появление этой новой социальной группы разночинцев в сфере публичной жизни вызвало настоящую интеллектуальную революцию в России⁵⁷.

Известный ученый-физик и публицист, основной помощник Каткова по изданию «Русского вестника» Н. А. Любимов так оценивал труды Каткова-просветителя по разоблачению лжепророков российской интеллигенции:

⁵⁴ Катков М. Н. Пушкин // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. С. 275.

⁵⁵ Цит. по: Биллингтон Д. Х. Икона и топор. С. 458.

⁵⁶ См.: Там же. С. 456–458.

⁵⁷ См.: Валицкий А. История русской мысли: От Просвещения до марксизма. М., 2013. С. 201.

«Деятели „Современника“, претендовавшие быть общественными учителями и вождями, изобличались в невежестве, сводились с пьедесталов; великаны обращались в размер ничтожеств»⁵⁸.

На страницах «Русского вестника» были опубликованы главные шедевры русской классической литературы второй половины XIX века – художественная проза И. С. Тургенева («Накануне, 1860; «Отцы и дети», 1862; «Дым», 1867), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1868; «Братья Карамазовы», 1879–1880), Л. Н. Толстого («Казачьи», 1863; первые главы «Войны и мира», 1865–1869; «Анна Каренина», 1875–1877), А. К. Толстого («Князь Серебряный», 1863), П. И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1871–1874; «На горах», 1875–1881), Н. С. Лескова («На ножах», 1870–1871; «Соборяне», 1872; «Запечатленный ангел», 1873; «Захудалый род», 1874).

Политика редактора была направлена на широкое освещение религиозной жизни русского народа, пробуждение в российском обществе интереса к церковной и духовно-нравственной проблематике. Это осуществлялось благодаря публикации произведений с положительными образами священников, монахов, старцев и в целом русского Православия (примеры – роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и роман-хроника Н. С. Лескова «Соборяне» с живыми и глубокими изображениями православных священнослужителей – старца Зосимы, протопопа Савелия Туберозова, священника Захарии Бенефактова и диакона Ахиллы Десницына⁵⁹).

Если отношения Каткова с Тургеневым, Л. Толстым и Лесковым были достаточно сложными, а пути их в конце жизни серьезно разошлись, то случай с Ф. М. Достоевским являет противоположный пример. В начале 1860-х годов Достоевский, будучи редактором журнала «Время», выступал оппонентом московского публициста, но позднее – уже в середине 1860-х – он стал ведущим сотрудником «Русского вестника» и оставался им до конца своей жизни. Автора «Преступления и наказания» все более привлекала бесстрашная борьба издателя с нигилизмом и защита национальных интересов России и русского народа, так что в итоге они стали ближайшими единомышленниками в консервативном движении.

Важное место в идейной концепции и содержании журнала отводилось произведениям антинигилистической направленности – так называемому антинигилистическому роману: «Взбаламученное море» (1863) А. Ф. Писемского (1820–1881); «Марево» (1864) В. П. Ключникова (1841–1892); «На ножах» (1870–1871) Н. С. Лескова (1831–1895); «Панургово стадо» (1870) и «Две

⁵⁸ Любимов. Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям). С. 317.

⁵⁹ См.: Андреев М. А. Редакторская деятельность М. Н. Каткова и проблемы религиозной жизни в российском обществе второй половины XIX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2013. № 4. С. 135–137.

силы» (1874) В. В. Крестовского (1840–1895), «Скрежет зубовой» (1878) и «Злой дух» (1881) В. Г. Авсеенко (1842–1913) и др.

Среди постоянных авторов и доверенных сотрудников Каткова особо следует выделить талантливого, но в наши дни совершенно забытого петербургского прозаика, публициста и литературного критика Болеслава Михайловича Маркевича (1822–1884), практически все важнейшие произведения которого были опубликованы в «Русском вестнике». Начиная с 60-х годов он принимает активное участие в катковских изданиях как романист, театральный и литературный критик (циклы статей «Из Петербурга», 1863–1873; «С берегов Невы», 1878–1883). Большой популярностью пользовались его романы «Типы прошлого» (1867, № 8–12), «Забытый вопрос» (1872, № 1–4), «Марина из Алого Рога» (1873, № 1–3); повести «Две маски» (1874, № 12), «Княжна Тата» (1879, №7) и, наконец, наиболее значительное произведение писателя – трилогия: «Четверть века назад» (1878, № 4, 6–8, 10–12), «Перелом» (1880, № 2–10; 1881, № 1–12), «Бездна» (1883, № 1–11; 1884, № 5–11).

Болеслав Михайлович Маркевич

Как отмечал С. В. Флеров, «никто в такой полноте и последовательности не раскрывал» развития «новой смуты», как Маркевич. «Четверть века назад» художественно отражает в себе «дореформенной строй» и подготовку его крушения. «Перелом» дает картину погрома, а «Бездна» представляет уже одни развалины, в которых гудит ликующий вой: *vae victis*⁶⁰,⁶¹.

Несмотря на польские корни⁶², Маркевич глубоко ощущал свою духовную принадлежность к русскому народу, и это более всего сближало его с издателем «Русского вестника». В одном из писем графу А. К. Толстому Болеслав Михайлович замечал: «Я счастлив сознанием, что я русский в душе, то есть принадлежу сердцем к единственной нации, с негодованием протестующей против отвратительного образа действий просвещенной Европы относительно греков и славян на востоке»⁶³.

Благодаря Каткову жанр антинигилистического романа обрел широкую популярность в обществе, и к схожим темам стали обращаться и другие издания. «Вестник Европы» опубликовал романы И. А. Гончарова «Обрыв»

⁶⁰ *Vae victis* (лат.) – горе побежденным (Тит Ливий. История. V. 48, 9).

⁶¹ Флеров С. В. Болеслав Михайлович Маркевич // Русский вестник. М., 1886. № 3–4.

⁶² Писатель происходил из шляхетского рода с Волыни.

⁶³ Маркевич Б. М. Письмо к графу А. К. Толстому // Он же. Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и другим. СПб., 1888. С. 138.

Федор Михайлович Достоевский

(1869) и И. С. Тургенева «Новь» (1876); «Отечественные записки» – роман Н. С. Лескова «Обойденные» (1865). Князь В. П. Мещерский в своем журнале-газете «Гражданин» напечатал романы «Тайны современного Петербурга» (1875–1876), «Курсистка» (1886–1887) и др.

Но, безусловно, вершиной этого жанра стал роман-пророчество Ф. М. Достоевского «Бесы» («Русский вестник», 1871–1872), по поводу которого автор признавался: «То, что пишу, – вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что ретроград!) Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь»⁶⁴. В другом письме Достоевский замечал: «Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую

и Бога. Ну, если хотите знать, – вот эта-то и есть тема моего романа»⁶⁵.

В своем новом произведении Федор Михайлович стремился представить Петра Верховенского и его кружок идейными наследниками и прямыми последователями, с одной стороны, западников 1840-х годов (Белинского, Грановского, Петрашевского), а с другой – Добролюбова, Чернышевского и прочих «властителей дум» молодежи.

В посланном вместе с отдельным изданием романа письме к наследнику престола, великому князю Александру Александровичу от 10 февраля 1873 года писатель так разъясняет данную им в «Бесах» концепцию поколений: «Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления – не случайность, не единичны, а потому и в романе моем нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности... А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если бы им сказали, что они – прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и пре-

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 110.

⁶⁵ Там же. С. 145.

емственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем».

Редактор «Русского вестника» полностью поддерживал замыслы писателя. Достаточно указать на то огромное внимание, с которым и Катков, и Достоевский следили за громким и длительным судебным процессом по обвинению тайного общества «Народная расправа» во главе с С. Г. Нечаевым в Санкт-Петербурге в убийстве слушателя Петровской земельной академии И. П. Иванова.

Сергей Геннадьевич Нечаев (1847–1882) – автор радикального «Катехизиса революционера», устава революционной организации «Народная расправа», в котором впервые в России формулировалась программа тотального террора ради «светлого будущего всего человечества». Уже в названии была заложена полная антитеза христианскому катехизису, своего рода выражение принципов псевдорелигии. В первых же пунктах этого документа Нечаев провозглашает: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить»⁶⁶. Отношение своего революционного товарищества к народу (четвертый раздел) автор видел в том, чтобы для его «освобождения» подтолкнуть народ к «поголовному восстанию», сблизившись с элементами, наиболее подготовленными к бунту: «Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

Катков неоднократно обращался к делу нечаевцев на страницах «Московских ведомостей». В передовице от 24 июля 1871 года он писал, что публично зачитанный на суде «Катехизис революционера» «правдив и точен до конца»: «Зачем спорить? Послушаем, как русский революционер сам понимает себя. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей. Что обыкновенно не доказывается, расплываясь в неопределенных фразах, то приходит здесь к бесстыдно точному выражению; что другими не доделывается, то деятелями вроде Нечаева совершается с виртуозной отчетливостью»⁶⁷.

«С кем в родстве эта революционная партия, руководимая людьми без правил и чести... имеющая целью разрушение и только разрушение? Кто

⁶⁶ Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 244.

⁶⁷ Катков М. Н. Процесс нечаевцев // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 2011. С. 319.

в русском народе ей пособники и союзники? – вопрошает московский публицист и сам же отвечает: – Разбойничий люд, то есть грабители и жулики, говоря собственным наречием этих досточтимых деятелей. Вот, говорит катехизис, истинные русские революционеры.

Итак, вот куда по прямой линии вливается этот прогресс, у истока которого стоят наши цивилизованные либералы! Вот фазы этого прогресса: ослабленная жалким полуобразованием и внутренне варварская часть нашего общества с чиновничьим либерализмом; затем – отъявленный нигилизм с его практическим и теоретическим развратом, который, в сущности, то же, что и программа Нечаева; затем – формальная революционная организация, создаваемая людьми, свободными от предрассудков всякой нравственности и чести; наконец, – лихой разбойничий люд, который обходится без всяких теорий⁶⁸.

Желание любыми средствами «разбудить Россию», пробудить в ней «социальную революцию» стало навязчивой идеей Нечаева и многих его последователей. В частности, «титаном революции» называл Нечаева В. И. Ульянов (Ленин), приложивший много усилий для воплощения в жизнь его катехизиса. Но если большинство либеральных и социалистических изданий воспринимали Нечаева и нечаевцев как нелепое исключение в ряду «благородных пламенных революционеров», «борцов за свободу народа», то Катков и Достоевский в этом судебном деле и особенно в фигуре автора катехизиса видели ключ к пониманию революционных процессов в России. «Нечаевское дело» послужило мощным толчком для создания романа «Бесы», задуманного Федором Михайловичем в конце 1869 года как произведение о Нечаеве и нечаевцах. В начальных черновиках главный герой романа указан как Студент или Нечаев, а его основная идея – «у него одно: устроить истребление».

Серьезное критическое восприятие русскими консерваторами идей нигилизма было связано с огромной их популярностью в 1860-е годы. По выражению одного из вождей нигилизма, приятеля Чернышевского, ученого-лесоведа, революционно-демократического публициста Н. В. Шелгунова (1824–1891), 60-е явились моментом «небывалого еще развития критической мысли»: «Умственная революция, которую мы пережили в 60-х годах, была не меньше умственной революции, которую переживала Франция с середины XVIII века»⁶⁹. Ясное представление об этой революции дает и прокламация «К молодому поколению», написанная Шелгуновым вместе с М. Михайловым: «Если для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого»⁷⁰.

⁶⁸ Там же. С. 319–320.

⁶⁹ Цит. по: *Валицкий А.* История русской мысли: От Просвещения до марксизма. С. 202.

⁷⁰ *Шелгунов Н. В.* К молодому поколению // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 113.

Но главным проводником идей нигилизма в то время, после ранней смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, становится Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868), энтузиаст естественных наук, проповедовавший веру в утилитарную этику «разумного эгоизма». В отличие от большинства его подельников-разночинцев, он происходил из богатой дворянской семьи. В своих статьях, написанных начиная с 1860 года для петербургского журнала «Русское слово» (1859–1866), он восхищается образом тургеневского Базарова, представляя его примером для молодого поколения. Нигилизм Писарева доходит до самых крайних пределов в отрицании исторической России. В нелегальной прокламации 1862 года в защиту Герцена «О брошюре Шедо-Ферроти» он прямо призывает к уничтожению монархии: «Низвержение... династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла... На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать. Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; и нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»⁷¹.

М. Н. Катков еще в 1869 году писал о нигилистических настроениях в кругах российской студенческой молодежи, связывая ее политическую, интеллектуальную и духовную незрелость с несовершенством отечественной системы образования. В 1870-е годы в его публицистике эта тема становится центральной: «Вред нигилизма заключается главным образом в миазмах его существования, а не в способности к самостоятельно организованному политическому действию. Искренними нигилистами могут быть только совершенно незрелые молодые люди, которых, к сожалению, благодаря фальшивой педагогической системе... в таком обилии выбрасывали на свет наши учебные заведения»⁷².

В научной литературе неоднократно отмечалось, что именно Михаил Никифорович и ввел термин «нигилизм» в современном его значении в русскую мысль⁷³. Проблема этого явления в литературе и в жизни чрезвычайно

⁷¹ Писарев Д. И. [О брошюре Шедо-Ферроти] // Он же. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 126.

⁷² Катков М. Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Он же. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М., 1897. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_besporadki_v_vyshshih.html (дата обращения: 15.05.2018).

⁷³ Шириняни А. А. Катков Михаил Никифорович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005. С. 232.

занимала мыслителя. Так, «Отцам и детям» он посвящает две программные рецензии – «Роман Тургенева и его критики» (1862) и «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» (1862). В последней Катков определяет нигилизм как «отрицательный догматизм», «религию отрицания» со своими авторитетами, культами и догмами: «Отрицательное направление есть своего рода религия, – религия опрокинутая, исполненная внутреннего противоречия и бессмыслицы, но, тем не менее, религия, которая может иметь своих учеников и фанатиков»⁷⁴. Уже в этой ранней антинигилистической полемике публицист намечает свою антиреволюционную программу просвещения – «философию жизни»: «Есть только одно верное радикальное средство против этих явлений – усиление всех положительных интересов общественной жизни. Чем богаче будет развиваться жизнь во всех своих нормальных интересах, во всех своих положительных стремлениях, религиозных, умственных, политических, экономических, – тем менее будет оставаться места для отрицательных сил в общественной жизни»⁷⁵.

В 1866 году, размышляя об источниках и причинах распространения нигилизма, Катков в очередной раз корректно, но твердо указывает на духовную атмосферу Николаевской эпохи с ее засильем цензуры и отсутствием возможностей для развития свободной мысли: «Все эти лжеучения, все эти дурные направления родились и приобрели силу посреди общества, не знавшего ни науки, свободной, уважаемой и сильной; ни публичности в делах, касающихся самых дорогих для него интересов, – посреди общества, находившегося под цензурой и полицейским надзором во всех сферах своей жизни. Все эти лжеучения и дурные направления, на которые слышатся теперь жалобы, суть плод мысли подавленной, неразвитой, рабской во всех своих инстинктах, одичавшей в своих темных трущобах»⁷⁶.

Но Михаил Никифорович хорошо понимал и западноевропейские корни новейших лжеучений. Так, еще в ранней статье 1858 года «Русская сельская община» в «Русском вестнике» он пророчески предупреждает читателей о мировой опасности радикальной революционной утопии: «В коммунизме исчезает все человеческое, всякая возможность человеческого существования. Если бы какая-нибудь магическая сила, послушавшись прельщения этих утопий, решила вывести их из фантазии в действительность, то совершилось бы нечто совершенно противоположное ожиданию; возвратилось бы мгновенно то состояние, из которого таким медленным, таким тягостным трудом вырабатывалось человечество; вместо исцеления от недуга исчезло бы только то, что чувствует его, исчез бы самый организм, который

⁷⁴ Катков М. Н. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. С. 512.

⁷⁵ Там же. С. 527.

⁷⁶ Он же. По поводу гневных выходок газеты «Весть» // Московские ведомости. М., 1866. № 205. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_po_povodu_gnevnyh.html (дата обращения: 15.05.2018).

ищет здоровья, и безгранично разлилась бы та самая стихия, которой не вполне замирное присутствие в современном обществе составляет всю силу его недуга. Насильственный передел собственности возобновил бы все варварство завоевания, воскресил бы эпоху переселения народов, и человечеству предстоял бы старый путь, который при благоприятных условиях через целый ряд веков мог бы привести опять только к тому же состоянию недуга, с тем, может быть, чтобы снова подобным же самоубийством избавляться от болезненного чувства и снова совершать тот путь возрождения, как по учению Будды, а также и по учению друидов, совершается переселение душ. Что же касается до уничтожения всякой собственности, как равно всякой личности, в теориях коммунизма, – то из этой бездны отрицания невозможен никакой исход, кроме разве волшебных представлений à la Fourier⁷⁷»⁷⁸.

Катков был прекрасно осведомлен о тех планах в отношении России, которые активно формировались в Западной Европе в середине XIX века: «Наши заграничные *refugies*⁷⁹ (мы хорошо знаем, что это за люди) находят, что Европа отжила свое время, что революции не удаются в ней, что в ней есть много всякого хлама, препятствующего прогрессу, как, например: наука, цивилизация, свобода нрава, собственности и личности, – и вот они возымили благую мысль избрать театром для своих экспериментов Россию, где, по их мнению, этих препятствий нет или где они недостаточно сильны, чтобы оказать успешный отпор. Они пишут и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она позволит делать с собою что угодно, что она стерпит все, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций. Они уверены, что на нее можно излить полный фиал всех безумств и всех глупостей, всей мертвечины и всех отседов, которые скопились в разных местах и отовсюду выброшены, что для такой операции время теперь благоприятно и что не надобно только затрудняться в выборе средств. Все эти прелести с разными гримасами появлялись в русских заграничных листках, – все они воспроизводятся и развиваются в подметных прокламациях, которые появляются в самой России и которые были бы невозможны нигде, кроме России»⁸⁰.

Противники, в свою очередь, зачастую видели в фигуре московского публициста более опасного врага, чем в безвольном и играющем в либерализм правительстве. Неслучайно в 1860-е и 1870-е годы Каткова считали первым врагом К. Маркса в России. Во многом именно благодаря публицистике

⁷⁷ *A la Fourier* – в духе Фурье (*фр.*). Шарль Фурье (1772–1837) – французский философ, один из представителей утопического социализма.

⁷⁸ Катков М. Н. Русская сельская община // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. С. 53–54.

⁷⁹ *Refugies* – нашедшие убежище, беженцы (*фр.*).

⁸⁰ Катков М. Н. Наши заграничные *refugies*... // Современная летопись. 1862. 6 июня. № 23. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_nashi_zagranichnye_regugies.html (дата обращения: 31.07.2018).

Михаила Никифоровича теоретик коммунистической революции воспринимался в российском обществе как главный идеолог нигилизма. Так смотрел на него и автор «Бесов»⁸¹.

В передовой статье 1871 года Катков писал: «Что за человек этот Карл Маркс? Нам это тем интереснее знать, что, по последним известиям, которые мы нашли в сегодняшних английских газетах, Карл Маркс избран заведовать вместе и Германией, и Россией. Это, значит, наш благодетель»⁸². Интересен комментарий советского партийного идеолога В. Шульгина: «С тревогой следит за жизнью „Интернационала“ Катков – этот бешеный черносотенец, по определению Ленина. Каткова интересует не только деятельность „Интернационала“, но и подготовленные рядом правительства меры по его удушению. В каждом революционном акте, совершаемом в России: в студенческом движении, в стачках рабочих и даже в Нечаевском процессе, – Катков склонен был видеть руку интернационала»⁸³.

К сожалению, большинство современников Каткова, и в особенности органы государственной власти, не осознавали той опасности, которую несли идеи Маркса для России. Как свидетельствует советский исследователь, «царские власти, и это было характерно для цензурных органов в течение многих лет, не понимали революционного существа экономической теории Маркса и считали, что его научные труды не могут оказать сколько-нибудь вредного воздействия на умы»⁸⁴.

Нельзя не согласиться с А. Николюкиным в том, что Катков глубже многих современников смог осознать антихристианскую суть и опасность грядущего коммунизма⁸⁵. Но высшей кульминацией его борьбы с революционным духом стало разоблачение кумира российских интеллигентов А. И. Герцена, издававшего в Лондоне журнал «Колокол».

Один из богатейших людей России Александр Иванович Герцен (1812–1870) еще в юности наряду с гегельянством усвоил идеи утопического социализма Сен-Симона и Фурье, а в 1840-е годы стал вождем западников. В 1847 году он эмигрировал в Западную Европу, где под влиянием кровавой революции 1848 года и общения с Прудоном из республиканца превратился в убежденного социалиста, а в 1857 году обосновался в Лондоне и начал издавать еженедельную газету «Колокол». В первые пять лет, несмотря на ее официальное запрещение в России, Герцен добился большой популярности. Газета рассылалась всем крупным чиновникам Российской империи, включая даже импе-

⁸¹ См.: Баршт К. Повесть безвременных лет. СПб., 1994. С. 58–59.

⁸² Катков М. Н. [Передовая статья] // Московские ведомости. М., 1871. № 220.

⁸³ Шульгин В. Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма // Исторический журнал. М., 1940. № 4–5. С. 69.

⁸⁴ Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969. С. 37.

⁸⁵ См.: Николюкин А. М. Н. Катков и его современники // Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 6. С. 793–812.

ратора Александра II. «Скажите Герцену, чтобы он не бранил меня, иначе я не буду абонироваться на его газету», – мрачно шутил государь.

Катков был убежден, что готовивший отечеству «кровавые реформы» Герцен и прочие революционеры – это лишь марионетки «в руках европейски организованной против нас революции», жалкое орудие внешних врагов России⁸⁶. В напряженные месяцы польского восстания, когда российское революционное движение выступило с поддержкой повстанцев, издатель оценивал их деятельность так: «Может ли быть что-нибудь позорнее, что-нибудь презреннее той роли, которую играли эти наши преобразователи человечества с их „Колоколом“, с их революционными прокламациями, в которых добродушно предлагалось вырезать до 100 000 помещиков и провозглашалась демократическая и социальная республика, с их малороссиянизмом, с их планами раздробить Россию и покрыть ее фаланстериями?...»⁸⁷

Н. П. Мещерский в своих воспоминаниях доходит до библейской патетики, изображая торжество Каткова над Герценом как победу ветхозаветного героя Давида над великаном Голиафом: «И вот в это время, в эпоху безграничного владычества Герцена, вдруг грянул гром. Среди раболопного безмолвия послышалась речь Каткова, твердая, мудрая, властная... Камень, брошенный мощной рукой, попал прямо в цель. Скудельный божок дал трещину с самой макушки до подножия. Вскоре новый удар – и божок рухнул в прах. Остались одни черепки. Как ни старались потом ему близкие склеить черепки, божка уже не удалось воскресить: черепки остались черепками. Появление нового Давида вызвало в России неопишемое изумление... Редко в жизни приходилось быть свидетелем такого разительного и быстрого торжества правды над неправдою, света над тьмою. Лондонский кошмар исчез. Оставался тот же Герцен, печатался тот же „Колокол“, но значение его было утрачено – его не читали. Паломники исчезли»⁸⁸.

Православный священник Иосиф Фудель так описывал впоследствии впечатление, которое произвели на российское образованное общество статьи Каткова против Герцена: «В „Заметке для издателя „Колокола“ русские читатели увидели в обнаженном виде не только Герцена, но и самих себя, потому что заметка наносила удар и тому „хамскому настроению русского общества, которое делало возможным и питало эту пропаганду“»⁸⁹.

Известный философ и издатель Н. П. Гиляров-Платонов рассматривает поход Каткова против Герцена как рубеж, «за которым в бывшем теоретике, доктринере, преклонявшемся перед английскими идеалами, проснулся рус-

⁸⁶ Катков М. Н. Письмо П. А. Валуеву, 12 мая 1863 года // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. С. 297.

⁸⁷ Он же. Проект польского восстания, подписанный Мерославским и найденный у графа Андрея Замойского // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. С. 167.

⁸⁸ Мещерский Н. П. Воспоминания о М. Н. Каткове // Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 6. С. 423.

⁸⁹ Русское обозрение. М., 1895. № 6. С. 904. Цит. по: Николюкин А. М. Н. Катков и его современники. С. 798.

ский человек, узревший опасности для Русской Земли, надвигавшиеся от тех самых доктрин, которые, отвлеченно взятые, казались неоспоримыми положениями. Но которые в применении к Русской стране грозили сгубить ее»⁹⁰.

* * *

1863 год стал главным рубежом не только в общественной и издательской деятельности М. Н. Каткова, но и в эволюции его консервативного мировоззрения, окончательно освободившегося от пут либеральных идей.

В этом году Катков берет в аренду «Московские ведомости», быстро превратив скромное университетское издание в самую влиятельную политическую газету Российской империи. Его трудами она становится предметом внимательного чтения двух российских императоров – Александра II, а затем и Александра III (считавших газету «своей»), чиновничьей элиты, видных общественных деятелей и литераторов, крупнейших журналистов, дипломатов и политиков Западной Европы. Ф. М. Достоевский в одном из писем 1866 года к Каткову признавался: «Вы не поверите, с каким восторгом читаю я теперь „Московские ведомости“. Все увидели и узнали теперь, что они всегда были независимым органом...»⁹¹ Е. Феоктистов вспоминал, что «под влиянием громовых статей „Московских ведомостей“ рассеивался мало-помалу хаос в понятиях общества»; Катков, по его словам, «создал здоровое общественное мнение..., имя его гремело по всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такой славой»⁹².

Князь В. П. Мещерский, первое произведение которого «Россия под пером замечательного человека» появилось в «Русском вестнике» в конце 1860-х годов, полагал, что сначала Катков был искренним либералом, но ход общественно-политического развития России сделал его консервативом: «Что удивительного, если, молодой, он своим чутким и восприимчивым умом принимался обожать какого-нибудь философа или какой-нибудь политический строй как политический идеал; но в день, когда он зашел в свою келью редактора „Московских ведомостей“, Катков всем своим умом до такой степени почувствовал себя и осознал себя не только в Москве, но и в России, что сразу воспринял все политические идеалы ее жизни. Его к тому прищипило, так сказать, сумбурное в своем глупом поклонении пошлому либерализму время, и, с жаждою борьбы за порядок в мыслях, он всего себя отдал на борьбу за порядок в жизни»⁹³.

Возглавив издание накануне своего 45-летия, «трибун Страстного бульвара» оставался у его руля на протяжении почти четверти века – до конца жизни.

⁹⁰ [Гилларов-Платонов Н. П.] Современные известия. № 202. Отзывы русской печати. Памяти М. Н. Каткова. С. 151.

⁹¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1985. С. 153.

⁹² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. С. 143–144.

⁹³ Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 262.

Все это время он ежедневно писал в свежий номер одну-две, иногда три статьи, так что за год их собиралось до 600–700. После его смерти вдова опубликовала 25 томов этих передовиц, распределив их по годам и снабдив книги ценным тематическим указателем.

Близкий сподвижник Каткова профессор Н. А. Любимов отмечал: «Обозреть деятельность Михаила Никифоровича с эпохи 63-го года – значит проследить, как из публициста с великим запасом ума, знания, характера национальное чувство, проникнувшее все существо его, образовало государственного деятеля без государственной должности, властного одним орудием – пером»⁹⁴.

«Катков никогда ничего не делал для угождения публики, – говорил другой постоянный автор «Русского вестника», романист и критик В. Г. Авсеенко, – для внешнего успеха своих изданий. Раз в чем-нибудь убеждаясь, он высказывал свою мысль до конца, резко и ярко, хотя бы и знал заранее, что в данную минуту общественная масса будет против него. Впрочем, он редко говорил к массе. Его лучшие, самые обдуманые и обработанные статьи всегда были обращены к властным правительственным сферам; это был публицист не столько газетный, сколько государственный»⁹⁵.

Острые бескомпромиссные передовицы Каткова производили резонанс в обществе и создавали публицисту множество опасных и влиятельных врагов, среди которых были не только либеральные журналисты, но и их высокопоставленные и могущественные покровители (младший брат императора великий князь Константин Николаевич, министры П. А. Валуев, Н. Х. Бунге, А. В. Головин, М. Т. Лорис-Меликов и др.). Однако среди представителей государственной элиты имелись и его союзники. Одним из главных был обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, который очень высоко оценивал публицистику Михаила Никифоровича, – по словам Феоктистова, «зачитывался». Особенно активным их сотрудничество стало в период общественно-политического кризиса рубежа 1870–1880-х годов. Победоносцев писал тогда Каткову: «Читаю с отрадой Ваши прекрасные статьи, которые бьют молотом в больное место. Дай Боже Вам подвизаться крепко на защиту правды русского чувства и русских интересов»⁹⁶.

Дом № 10 на Страстном бульваре, где жил и трудился М. Н. Катков

⁹⁴ Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям). С. 218.

⁹⁵ Цит. по: А–в С. Катков М. Н.

⁹⁶ Цит. по: Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 201.

Константин Петрович
Победоносцев

Характерно, что Константин Петрович ставил знаменитого издателя много выше другого видного публициста, князя В. П. Меццеского. Он называл его «борцом за русскую правду» и, будучи наставником и особо приближенным к наследнику, великому князю Александру Александровичу, впоследствии императору Александру III, лицом, неоднократно поддерживал Каткова при императорском дворе. Как отмечает А. Ю. Полунов, именно Победоносцев служил своего рода связующим звеном между Катковым и наследником престола, рекомендуя последнему для чтения катковские передовицы, а также выступал защитником московского публициста от монаршего гнева из-за вмешательства того в дела внешней политики, которую русский император счита-

лал только своей прерогативой⁹⁷.

Современники часто сравнивали «Московские ведомости» с неофициальным департаментом, обладавшим собственным ни на кого не похожим независимым голосом. Н. П. Гиляров-Платонов писал: «„Московские ведомости“ образовали своего рода департамент, в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике, – департамент неофициальный, с голосом независимым и невластным, но к звукам которого нельзя было оставаться глухим, и которого сила удваивалась настойчивым повторением раз поставленных положений и беспощадно полемикой с противниками, кто бы они ни были и где бы ни стояли, – в рядах ли публицистики, на верхних ли ступенях государственной иерархии»⁹⁸.

В Польском восстании 1863 года и открывшихся в свете его слабости столичной бюрократии и предательстве российской интеллигенции М. Н. Катков первым увидел большую угрозу «тысячелетнему делу» русского народа: «Какое русское сердце не сожмется болезненно при одной мысли, не говорим – о разрушении, а только о серьезной опасности, которая стала бы грозить делу тысячелетней, исполненной тяжких трудов, лишений и испытаний, исторической жизни русского народа? Пока почти все, чем только может дожить наш народ, было принесено в жертву одному великому делу – делу собирания Русской земли в одно целое, делу созидания этого громадного государственного тела: проливались для этой цели потоки крови, гибли целые

⁹⁷ См.: Там же.

⁹⁸ [Гиляров-Платонов Н. П.]. Современные известия. С. 150.

поколения; для укрепления единой государственной власти народ отказывался от всех своих прав и вольностей, одушевляемый инстинктивной верой, что за собиранием земли Русской не замедлит последовать созидание ее внутреннего благосостояния путем разумного развития свободы, столь свойственной нашему народному быту. И вдруг все это великое многотрудное дело должно поколебаться, должно подвергнуться опасности»⁹⁹.

Не менее серьезной проблемой Катков считал активное распространение столичными журналистами ложных, по его мнению, понятий о России, по которым иностранные наблюдатели заключали, что «Россия есть призрак и должна исчезнуть как призрак»¹⁰⁰. Публицист не жалел жестких слов для обличения как петербургских, так и эмигрантских журналистов – «предателей русского народа» из лондонского «Колокола»: «Эти выродки перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию и осыпают циническими ругательствами русских, выразивших за границей робкое сочувствие русскому делу подпиской в пользу раненых русских воинов, – они ругаются над русским народом вообще и объявляют Россию не чем иным, как „глупой выдумкой“, которая должна бесследно исчезнуть с лица земли»¹⁰¹. Редактор «Московских ведомостей» верил, что этим «предателям» и их «глупым выдумкам» может противостоять свободная сила общественного мнения: «Общественное мнение есть великая сила нашего времени», – писал он в своей знаменитой статье «Что нам делать с Польшей»¹⁰².

М. О. Меньшиков сравнивал прозвучавший в тот момент на всю Россию «мощный голос» Каткова со словом патриарха Гермогена в Смутное время: «Именно громовые статьи Каткова... спасли тогда Россию, разбудили власть, ободрили ее, вызвали огромный патриотический подъем, который заставил отступить слагавшуюся было на Западе коалицию. В своем роде это был голос патриарха Гермогена, как бы воскресший через два с половиной века в сходственных обстоятельствах польской смуты. На призыв Каткова отозвалось дворянство, старообрядчество и все наши политические классы, кроме заведомых предателей, – и Россия была спасена»¹⁰³.

Предложенная Михаилом Никифоровичем в газете программа действий в отношении Польши получила одобрение на официальном государственном уровне. 12 марта 1867 года царство Польское было преобразовано в Привисленские губернии с упразднением существовавших элементов политической автономии.

⁹⁹ Катков М. Н. Отзывы и заметки. Польский вопрос // Русский вестник. 1863. № 1. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html (дата обращения: 3.08.2018).

¹⁰⁰ Он же. Ложные понятия иностранцев о России почерпнутся из нашей журналистики // Он же. Империя и крамола. М., 2007. С. 22.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Он же. Что нам делать с Польшей // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. С. 47–81.

¹⁰³ Меньшиков М. О. Памяти великого гражданина. С. 400.

Н. А. Любимов определил «исторический подвиг Каткова в эпоху польского восстания» центральным событием его жизни: «Пройдут века, и в отдалении прошлого эпоха, среди которой действовал Катков, представится как новое смутное время, когда историческое течение могло взять то или другое направление, и решение поставленной историей задачи зависело от сил, присутствующих в государственном организме и способных выйти на зов событий. Катков был такой силой, и русская земля обязана ему вечной благодарностью. Он имеет право на государственный памятник наравне с людьми, наиболее послужившими России»¹⁰⁴.

Сам Михаил Никифорович в статье под характерным названием «Патриотизм – залог победы над крамолой» писал: «Польское восстание разбилось о пробудившийся в нашем обществе патриотизм»¹⁰⁵. Впоследствии Катков неоднократно обращался к событиям 1863 года. «Что случилось? – спрашивали «Московские ведомости» в мае 1869 года. – Ничего более, как то, что русский народ подал признаки жизни и духа, которых в нем не ожидала введенная в обман Европа. Тогда они думали, что Россия находится в состоянии полного разложения, что в ее недрах кишит бессмысленная революция, что русский народ утратил всякий смысл и дух, что русское общество неспособно к самостоятельной политической жизни, что каждый так называемый русский есть изменник своему Отечеству и готов продать его за бесценок... Теперь взгляд Европы изменился: она видит пред собою не мертвую массу, а живую силу, с которой должно считаться и которая не уступит ничего без жестокого смертного боя. Европа не хочет сомневаться в искренности того высокого патриотического чувства, которое у нас овладело всеми классами общества и слило всех и вся в одно живое, крепко-могущественное целое...»¹⁰⁶

В. А. Грингмут также был убежден, что, если бы могучий голос Каткова «не раздавался, постоянно будя совесть России и призывая ее к исполнению ее нравственно-исторического долга, история России приняла бы совершенно иной оборот на радость внешним и внутренним врагам ее славы, могущества и единства»¹⁰⁷: «Среди общего малодушия, уныния и либерального злорадства он возвысил свой голос, который тотчас же стал голосом России, и начертал ей ясную и последовательную программу действий по отношению как к ее внешним, так и к ее внутренним врагам; и как только Россия бесповоротно усвоила себе эту программу, – тотчас же рассеялся мучивший ее кошмар, исчезла угрожавшая ей опасность, и она самым простым, естествен-

¹⁰⁴ Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям). С. 524.

¹⁰⁵ Катков М. Н. Патриотизм – залог победы над крамолой // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. С. 482.

¹⁰⁶ Цит. по: Любимов Н. А. Михаил Никифорович Катков (по личным воспоминаниям). С. 212.

¹⁰⁷ Грингмут В. А. М. Н. Катков как государственный деятель // Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 6. С. 475.

ным путем вышла из кризиса, который казался столь безысходным»¹⁰⁸. Гринмут называет эту государственную заслугу Каткова «патриотическим подвигом», ставшим основой его высокого авторитета и достоянием истории.

Когда после польской смуты в печати стали горячо обсуждаться остзейский, финляндский и другие национальные вопросы, знаменитый публицист неизменно выступал как защитник русской государственности, противник сепаратизма и федерализма, несущих гибель русскому государственному организму. В феврале 1884 года он писал императору Александру III: «В противность лживой и коварной доктрине, которая развивалась и поддерживалась в тогдашних правительственных сферах, об искусственном обособлении разноплеменных фрагментов и разложении Империи на автономные области политические, я поднял знамя государственного единства России и русской национальной политики»¹⁰⁹.

Категорически отрицал Катков федерацию как возможную форму территориальной организации государства: «Нет ничего противнее здравому политическому смыслу, как эта „федеральная“ или „федеративная“ форма, выдаваемая за идеал государственного устройства... Злейший враг не может придумать для России ничего хуже этой мысли, ничего более противного политическому чувству русского народа, которое он воспитал и выстрадал всею своею историей»¹¹⁰.

В связи с возникавшими позднее «сепаратистскими тенденциями» выдающийся охранитель напоминал об атмосфере событий Польского восстания: «Всеми овладело бешенство, как бы раздробить и ослабить Россию, как бы выкроить из нее несколько государств. Самое существование русского народа отрицалось. Важные правительственные лица, не стесняясь, заявляли, что русский народ есть фикция, что его не наберется и десятка миллионов, что весь он заключается только в подмосковных населенных, в пределах бывшего Московского великого княжества, что все прочее населено другими народами, которые требуется-де выделить в особые автономные политические тела, и что усилия правительства как в законодательстве, так и в администрации должны клониться не к тому, чтоб укреплять и поддерживать единство России, а к тому, напротив, чтобы все в России обособлять, выделять, отделять, ставить врознь, из каждого племенного фрагмента, никогда не имевшего самостоятельной политической жизни и никакой культуры, из каждого оттенка народного говора создавать особый язык, особую политическую национальность»¹¹¹.

¹⁰⁸ Там же. С. 477.

¹⁰⁹ Катков М. Н. Избранные письма. Александру III // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. С. 653.

¹¹⁰ Он же. Московские ведомости. № 196. 9 сентября 1863 года // Он же. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». 1863 год. М., 1887. С. 751.

¹¹¹ Он же. «Нас хотели бы возвратить к тому времени...» // Он же. Имперское слово. С. 410–411.

Как точны и актуальны оказались эти замечания и предостережения применительно к последовавшему в будущем переустройству России!

* * *

Важное место в авторской публицистике и в изданиях М. Н. Каткова в целом занимает тема православия. Существует множество свидетельств современников Михаила Никифоровича о его глубокой личной религиозности и твердой приверженности Православной Церкви. Так, даже идейно неблизкий московскому публицисту В. С. Соловьев вспоминал разговор с ним «о воскресении мертвых и о духовной телесности», после которого у него не осталось «никаких сомнений в искренности и глубине его личных религиозных убеждений»¹¹². По словам современной исследовательницы, «Москва знала Каткова набожным человеком. Его уважали как храмоздателя и старосту лицейской церкви. Было общеизвестно, что в любой час он пешком ходит на Остоженку в церковь Лицея, чтобы помолиться уединенно, а в дни престольных праздников Катковы направляются туда всей семьей»¹¹³. Кроме того, будучи человеком не просто верующим, но верным сыном Церкви, издатель участвовал в различных общественных церковных организациях – к примеру, был членом Православного миссионерского общества, а также почетным членом Московской духовной академии, которую в письмах называл «родным приютом, куда отныне, среди борьбы, могу я мысленно обращаться, ища освежения и укреплении сил в минуты их упадка»¹¹⁴.

В руководимых им изданиях Катков всесторонне отражал жизнь Церкви, имеющей «особо важное значение в объединении государства и единении нации» в силу приоритета «нравственных законов над всеми государственными и общественными институтами»¹¹⁵. Он и сам неоднократно писал статьи на церковные темы и привлекал к сотрудничеству известных церковных авторов, прежде всего – профессоров Московской духовной академии: профессора по кафедре истории и обличения русского раскола Н. И. Субботина, профессора по кафедре церковной истории А. П. Лебедева, протоиерея Д. Ф. Касицына, С. К. Смирнова, заслуженного экстраординарного профессора В. Н. Потапова, И. Н. Корсунского, В. Г. Назаревского и др. Также в журнале публиковались профессор Киевской духовной академии: историк религиозного искусства, археолог Н. И. Петров, профессор по кафедре общей церковной истории А. Д. Воронов, многие православные священнослужители. Михаил Никифорович печатал публицистические и научные

¹¹² Соловьев В. С. Несколько личных воспоминаний // Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 6. С. 554–555.

¹¹³ Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. М., 2004. № 4. С. 89.

¹¹⁴ Первалова Е. В. Защита Православия в изданиях М. Н. Каткова: журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости» // Проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2016. № 4. С. 74.

¹¹⁵ Там же. С. 73.

статьи, обзоры и рецензии на церковную литературу, воспоминания, письма и записки пастырей.

Особое внимание уделялось проблеме сект и раскола. Катков был противником насильственных методов в отношении старообрядцев и указывал на их положительные качества – приверженность «охранительным началам старорусских устоев», несклонность к революционной деятельности и атеистическому нигилизму и материализму. Перечислим лишь некоторые принадлежащие перу самого публициста передовицы «Московских ведомостей» на тему раскола: «Веротерпимость, ее сущность и границы. Раскол» (1864), «Причина происхождения раскола и путь к его уничтожению» (1864), «Историческое обозрение старообрядческого раскола и о необходимости изучения различных раскольничьих сект» (1866), «Отношение Православия к единоверию» (1869), «Старообрядческий школьный вопрос» (1872), «Вопрос о раскольничьих браках» (1874), «Шаткость воззрения на единоверие и нужды единоверия» (1874), «Дарование льгот раскольникам» (1883) и т. д.

Достойны внимания многочисленные публикации в изданиях Каткова и по греко-болгарской церковной распре: «Решение болгарского вопроса» (1870) Т. И. Филиппова, «Панславизм и греки» (1873) К. Н. Леонтьева и проч.

Нельзя не согласиться с Е. В. Переваловой, что материалы «Московских ведомостей» и «Русского вестника» по церковной тематике отличались «подлинно православным пониманием вопросов и неподдельной озабоченностью судьбами Православной Церкви в России и в мире»¹¹⁶.

Большинство мыслителей и публицистов-консерваторов были противниками отделения Церкви от государства. Так, К. П. Победоносцев утверждал, что государство, «отрешенное от Церкви, становится бездуховным, равнодушным к верованию». А обособленную Церковь обер-прокурор Святейшего Синода представлял как бы повисшей в воздухе – «без почвы, без ограды, без органической связи с обществом»¹¹⁷. Как отмечал современник Каткова Аверкиев, в своей деятельности журналиста он «постоянно поддерживал интересы Православия, с которым считал неразрывно связанным величие России»¹¹⁸.

В советское время утвердился взгляд на публициста как на государственного идеолога, стремившегося подчинить Церковь государству, использовать ее для достижения чуждых ей политических целей. Но обращение к текстам самого Михаила Никифоровича позволяет поставить под вопрос этот догмат современной «катковианы». Укажем названия только некоторых статей публициста: «Превращение христианской Церкви в бюрократический

¹¹⁶ Там же. С. 80.

¹¹⁷ Победоносцев К. П. Церковь и государство // Он же. Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1996. С. 83.

¹¹⁸ [Аверкиев Д. В.] О значении М. Н. Каткова // Воспоминания о Михаиле Каткове. С. 28–40.

механизм» (1868), «Гнет, тяготеющий над русской церковной жизнью» (1871), «Огрубление нашего церковного быта. Польза допущения всенародного пения в церквах» (1873), «Новая выдумка: русский „клерикализм“» (1882), «Гонение на Православие в России» (1884).

Например, в 1868 году Катков писал: «Что бы ни говорили защитники папства, ей (Церкви. – *И. Г.*) не может принадлежать государственная власть, но потому же самому она не может быть также и полицейским учреждением, не слабая в своем существе, не лишаясь своего духа. Ошибочно было бы думать, что Церковь, опираясь на силу, ей не свойственную, может в то же время сохранять в себе и ту силу, которая ей свойственна. Нет, одно из двух. Чем более Церковь, как и всякое духовное дело, опирается на силу, ей внешнюю, тем более бездействует она внутренне. Дух, без которого люди начинают обходиться, отлетает от них, и дело, лишённое жизни, подпадает под закон механизма. Истина только там, где есть убеждение в ней, где есть вера в ее силу. Если люди привыкают поддерживать свое дело механическими способами, то дело мертвеет в их руках, и они теряют веру в него»¹¹⁹. В одной из поздних передовиц «Московских ведомостей» издатель провозглашает: «Церкви и с ней всему народу – свобода, а власть, полная и нераздельная, – Царю, – вот наша система»¹²⁰.

Для понимания мировоззренческой позиции мыслителя важно замечание д. ф. н. О. Л. Фетисенко, согласно которому Катков хотел не разрушить, а реформировать синодальный строй – предлагал ослабить государственный присмотр за Церковью, «полицейскую опеку», оживить церковную жизнь; мыслил Церковь как свободную, но не обособленную¹²¹.

Взгляды Михаила Никифоровича на Православную Церковь и ее роль в обществе формировались под влиянием многих выдающихся церковных деятелей: митрополита Филарета (Дроздова), архиепископа Николая (Касаткина), епископа Игнатия (Рождественского), сербского митрополита Михаила (Йовановича), архиепископа Леонида (Краснопевкова), ректора Московской духовной академии (1878–1886) протоиерея С. К. Смирнова и др.

Остановимся на взаимоотношениях московского публициста с митрополитом Филаретом. Катков неоднократно писал о владыке как о великом святителе и первым заговорил о необходимости публикации и изучения его литературного наследия: «Отныне он (свт. Филарет. – *И. Г.*) становится неотъемлемым предметом изучения, которое не преминет внести новые силы в наше сознание, в наше просвещение. Прошедшая жизнь великого ума, сле-

¹¹⁹ Катков М. Н. Необходимость уничтожения касты в православном духовенстве // Московские ведомости. М., 1868. № 40. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_neobhodimost_unichtojeniya.html (дата обращения: 15.05.2018).

¹²⁰ Он же. Величие власти русского царя // Московские ведомости. М., 1883. № 129. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_velichie_vlasti_russkogo_carya.html (дата обращения: 15.05.2018).

¹²¹ См.: Фетисенко О. Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 301–302.

дившего за всем, на все отзывавшегося и во всем принимавшего участие, снова вступит в действие для созерцающей мысли и разумения»¹²². При жизни митрополит внимательно следил за литературной и общественной деятельностью просветителя, особенно с 1863 года, когда тот возглавил «Московские ведомости» и получил от него на свои труды архипастырское благословение. Патристическая позиция издателя «не могла не привлечь на его сторону святителя... который и сам же держался тех же воззрений... и издавна руководился теми же началами русской государственной жизни»¹²³.

В статье 1867 года, рассуждая об исторической роли святого, Катков отмечает, что «мы не должны забывать его государственное значение... При высоком и ясном политическом разумении живо и крепко всегда принимал он к сердцу интересы России... В церковной жизни нашего народа были от начала великие деятели и великие дела, и если мы мало знаем их и мало умеем ценить их значение и пользу их труда, то они, тем не менее, составляют богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуем»¹²⁴. В том же году, отзываясь на кончину владыки, публицист пишет, что «в Бозе почивший архипастырь был крепкий хранитель – хранитель, по преимуществу остерегавшийся касаться даже того, что застывает чистоту и славу хранимого»¹²⁵. Позднее он констатирует: «Если бы Бог продлил до сего дня жизнь митрополита... назидания Филарета, обращенные к гражданскому смыслу, не казались бы теперь только умозрением, а были бы прямым ответом на горячие вопросы жизни»¹²⁶.

Святитель Филарет Московский

¹²² Катков М. Н. По поводу погребения митрополита Филарета // Он же. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1867 год. № 262. М., 1897. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_po_povodu_pogrebenia_mitr_filareta.html (дата обращения: 15.05.2018).

¹²³ [Некролог.] Сергиев Посад. Письменные заявления. Памяти М. Н. Каткова. С. 119.

¹²⁴ Катков М. Н. Государственное значение митрополита Филарета // Московские ведомости. М., 1867. № 172. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_gosudarstvennoe_znachenie_mitr_filareta.html (дата обращения: 15.05.2018).

¹²⁵ Он же. Кончина митрополита Филарета // Московские ведомости. М., 1867. № 255. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_konchina_mitropolita_filareta.html (дата обращения: 15.05.2018).

¹²⁶ Он же. Столетний юбилей митрополита Филарета // Московские ведомости. М., 1882. № 357. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_stoletniy_ubiley_mitropolita_filareta.html (дата обращения: 15.05.2018).

Михаил Никифорович с самого начала был одним из главных идеологов так называемых великих реформ императора Александра II, стремясь соединить социальное реформаторство с верностью традиционным началам русской жизни – православию и самодержавию. Он так или иначе направлял движение государственных преобразований во многих областях – судебной, крестьянской, военной и т. д. Но, пожалуй, главным его достижением стала грандиозная реформа системы российского образования – от начального и гимназического до университетского. Именно в усовершенствовании образования бывший университетский профессор видел основу для борьбы с нигилизмом и усиления положительных элементов в общественной жизни.

Активно занимаясь разработкой университетской реформы, Катков не меньше внимание уделял развитию начального образования. В 1884 году он писал: «Если с прямого пути сойдут лишь некоторые классы общества, так называемая интеллигенция, то в благоприятное время сама жизнь еще как-нибудь исправит зло и создаст новую интеллигенцию. Но если помутятся здравый смысл народа и народная совесть, если поколеблется материк, то исправление трудно и тяжкие катастрофы станут неизбежными»¹²⁷. Говоря о народной школе в пореформенной России, мыслитель связывал ее развитие с Православной Церковью: «Ни к чему иному не может примыкать народная школа, как к Церкви. Только священнослужитель может быть по преимуществу призванным народным учителем. Итак, Церковь – вот истинная опора народной школы»¹²⁸.

Огромное значение для судеб отечественного образования и русской культуры имела полемика «классицистов» и «реалистов» в 1860–1870-е годы. М. Н. Катков, признанный лидер «классицистов», стал основным вдохновителем реформ министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. Большинство его противников принадлежало к либеральному лагерю и активно пропагандировало свою позицию в столичных изданиях – «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе», «Вестнике Европы». (Хотя среди оппонентов были и такие консервативные мыслители, как Д. И. Менделеев, И. С. Аксаков, князь В. П. Мещерский, Н. П. Гиляров-Платонов и др.)

Катков выступал сторонником системы классического образования не только на словах, но старался доказать ее преимущества и практически. Для этого 13 июля 1868 года вместе с П. М. Леонтьевым он создает Лицей цесаревича Николая (в честь рано умершего старшего сына Александра II), получивший покровительство наследника престола Цесаревича Александра Александровича, будущего императора. Свою задачу основатели заведения

¹²⁷ Он же. Церковно-приходские школы // Московские ведомости. М., 1884. № 347, 348.

¹²⁸ Он же. Церковь и народная школа // Московские ведомости. М., 1882. № 290. С. 2.

сформулировали в «Московских ведомостях» так: «Провести детей, которые будут вверены заведению, через крепкую и здоровую школу и выпустить их зрелыми, готовыми к жизни юношами, которые в своем звании русского были бы в полной силе детьми Европы, – вот заявленная цель нашего предприятия, для достижения которой мы не пожалеем усилий. Эти юноши должны получить образование как приготовительное (в гимназических классах Лицея), так и специально ученое (в его университетских классах), не уступающее по высоте и силе своей образованию других стран цивилизованного мира и в то же время соответствующее коренным потребностям нашего общества»¹²⁹.

*Московский Императорский лицей
в память Цесаревича Николая*

Помимо теснейшей связи с Православной Церковью и опоры на классические языки, в Лицее велась работа с одаренными детьми. В специально созданную при нем Ломоносовскую семинарию со всей страны отбирались самые талантливые ученики – выходцы из крестьян и мещан. Заведение имело свои домовую церковь, баню, больницу... Как отмечает О. Л. Фетисенко, «уникальным для России было внимание, которое уделялось в Лицее физическому воспитанию, играм на воздухе, прогулкам. А главной целью учебного заведения ставилось воспитание русских европейцев, слуг Государя и Отечества»¹³⁰.

Вот лишь некоторые знаменитые имена выпускников катковского лицея: Ю. А. Кулаковский (1855–1919, выдающийся византолог), И. Ф. Романов-Рцы (1859–1913, публицист и литературный критик), А. Н. Волжин (1860–1933, предпоследний обер-прокурор Святейшего Синода), князь А. Н. Лобанов-Ростовский (1862–1921, председатель Совета «Русского Собрания»), А. Я. Головин (1863–1930, известный художник), И. Э. Грабарь (1871–1960, живописец и искусствовед), С. В. Симанский (1877–1970, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий I), Н. С. Арсеньев (1888–1977, религиозный философ-эмигрант), С. В. Бахрушин (1888–1950, российский историк, член-корреспондент АН СССР).

¹²⁹ *Он же.* Главнейшие основания, на которых предполагается открыть Лицей Цесаревича Николая // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1868 год. М., 1897. С. 21.

¹³⁰ *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев и Катковский лицей // Литературоведческий журнал. М., 2013. № 32. С. 131.

Последнее десятилетие правления Александра II М. Н. Катков оценивал критически. В статье 1883 года, посвященной памяти Тургенева, он писал, что уже в начале 1870-х годов наступило «печальное время антирусской реакции; дух в обществе упал, и к началу нового десятилетия снова овладело им растление. 70-е годы были периодом возраставшего ослабления правительства, упадка государственного духа, революционной пропаганды, которая охватила своей сетью всю страну и стала властью, с которой спорить было нелегко»¹³¹. В письме императору Александру III от 3 февраля 1884 года Катков признавался: «В последние годы минувшего царствования тяжело было оставаться в положении праздного наблюдателя, который явно видит зло и пути его, но не может ничего сделать и только печально убеждается в верности своих бесполезных предвидений и предостережений»¹³².

Ответственность за убийство государя 1 марта 1881 года публицист возложил не столько на «ничтожную кучку ошалелых мальчишек», сколько на общество в целом, которое, «гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, попало в рабство, и притом в самый худший из видов его – в духовное рабство»¹³³. Давая нелицеприятную оценку ситуации в российском обществе накануне 1 марта, Михаил Никифорович констатировал: «По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти»¹³⁴, имеющие вполне понятную цель.

После взрыва 1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Санкт-Петербурге начинается иной исторический период, известный как эпоха контрреформ. По слову великого князя Александра Михайловича, «ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о царе, как этот богатырь с русой бородой»¹³⁵ – взошедший на престол Александр III. В письме к брату великому князю Владимиру Александровичу новый монарх так изложил свое политическое кредо: «Я никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной для России»¹³⁶.

Катков горячо приветствовал Царский Манифест 29 апреля 1881 года о незыблемости самодержавия – как торжество проводимых им идей: «Как манна небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского Царя самодержавного, от Бога приявшего власть свою и лишь пред Богом ответственного. Посрамлены ковы наших врагов и поползновения малодушных в нашей среде

¹³¹ Катков М. Н. Тургенев // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. С. 718.

¹³² Он же. Избранные письма. Александру III // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. С. 656.

¹³³ Он же. Постом и молитвою искупим свою вину // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. С. 525.

¹³⁴ Он же. Событие 1 марта // Он же. Московские ведомости. М., 1881. № 63. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_sobytiya_1_marta.html (дата обращения: 3.08.2018).

¹³⁵ Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. М., 1999. С. 61.

¹³⁶ Корольков А. Жизнь и царствование императора Александра III. Киев, 1901. С. 92.

умалить и унижить священную власть и отнять у нашего народа его драгоценнейшее достояние, наследие его многовековой страды и крови, силу его жизни, залог его будущего»¹³⁷.

В передовице «Московских ведомостей» от 16 июля 1881 года «По поводу приезда Императора Александра III в Москву» мыслитель определяет единую власть самодержавного монарха как «великое благо русского народа, завещанное ему предками и добытое их трудом и кровью»: «С самодержавной властью русского Государя неразрывно соединено самое существование России. Незыблемая и свободная Верховная власть, какая Богом дарована русскому Государю, всего вернее обеспечивает народное благо и всего лучше может способствовать ему. Зато все, что есть в России русского и здравомыслящего, и честного, – все должно стоять на страже этого великого начала. Вот правильное и истинно русское отношение между Царем и народом: Царь – за весь народ, весь народ – за Царя»¹³⁸.

Император Александр III

В передовице от 7 сентября 1882 года Катков формулирует и церковное значение власти русского царя как особого служения по защите, распространению и укреплению православия, какое несли и византийские императоры, начиная со святого Константина Великого: «Всякая власть от Бога, учит наша Церковь. Но русскому Царю дано особое значение, отличающее его от других властителей мира. Он – не только государь своей страны и вождь своего народа, – он Богом поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви, которая не знает над собой земного наместника Христова и отрелась от всякого действия, кроме духовного, предоставляя все заботы о своем земном благосостоянии и порядке освященному ею вождю великого православного народа. Русский Царь есть более чем наследник своих предков; он – преемник кесарей восточного Рима, строителей Церкви и ее Соборов, установивших самый Символ христианской веры. С падением Византии поднялась Москва и началось величие России. Вот где тайна той глубокой особенности, которой Россия отличается среди других народов мира.

Высоко призвание Государя России, но и обязательно – более обязательно, чем всякая другая власть на земле. Носить этот сан требуется не только с достоинством, но с благоговением. Его обязанности выше всех его прав.

¹³⁷ Катков М. Н. Высочайший манифест 29 апреля // Он же. Империя и крамола. С. 249.

¹³⁸ Он же. По поводу приезда Императора Александра III в Москву // Он же. Имперское слово. С. 393.

Для народа, составляющего Православную Церковь, русский Царь – предмет не просто почтения, на которое имеет право всякая законная власть, но – священного чувства, – в силу его значения в домостроительстве Церкви»¹³⁹.

В. А. Грингмут так комментирует переход власти от Александра II к Александру III и переломные первые годы правления нового императора: «В 1881 году Россия обогнула тот опасный мыс, о который она могла разбиться и потерпеть крушение, а в 1884 году перед ней уже расстился широкий „царский“ путь, по которому ее совершенно безопасно вел гений Александра III»¹⁴⁰.

1881–1887 годы для московского публициста были ознаменованы его широким влиянием на все сферы русской жизни. Один из биографов Каткова, Семен Григорьевич Щегловитов (псевдоним С. Неведенский) отмечает, что сам он «называл взгляды последнего периода своей деятельности русскими... Назвавши свое направление русским, Катков, пожалуй, правильно охарактеризовал его»¹⁴¹.

Наряду с К. П. Победоносцевым и князем В. П. Мещерским, Михаила Никифоровича считали одним из главных идеологов нового курса «контрреформ». Государь высоко оценил заслуги знаменитого издателя перед Отечеством, пожаловав ему чин тайного советника (1882) и ордена Св. Анны 1-й степени (1883) и Св. Владимира 2-й степени (1886).

В письме императору в феврале 1884 года Михаил Никифорович как бы подводит итоги своих многолетних трудов на посту редактора «Московских ведомостей»: «Моя газета была не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались. Она участвовала в событиях, и пред историей она будет свидетельствовать не только о том, что сделано, но и о том, что следовало делать и чего делать не следовало»¹⁴².

В марте 1887 года, незадолго до смерти выдающегося просветителя, Победоносцев писал царю: «Катков – высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинно русским интересам и к твердым охранительным началам... Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка... Вся сила Каткова – в нерве журнальной его деятельности как русского публициста, и притом единственного, потому что все остальное – мелочь или дрянь, или торговая лавочка»¹⁴³.

¹³⁹ Он же. По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. С. 496.

¹⁴⁰ Грингмут В. А. М. Н. Катков как государственный деятель. С. 490.

¹⁴¹ Неведенский С. Катков и его время // Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 6. С. 393.

¹⁴² Он же. Избранные письма Александру III. С. 654.

¹⁴³ Победоносцев К. П. Письма к Александру III // Он же. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 490–491.

М. Н. Катков завершил жизненный путь 20 июля 1887 года в своей подмосковной усадьбе Знаменское Подольского уезда Московской губернии. Кончина его была истинно христианской: во все время предсмертной болезни (рак желудка) он неоднократно приобщался Святых Таин и был напутствован елеосвящением. Коренной москвич, он упокоился в любимой им первопрестольной столице на кладбище Алексеевского монастыря. В слове на отпевании митрополит Московский и Коломенский Иоанникий (Руднев) отметил уникальность роли Михаила Никифоровича в российской и мировой истории: «Человек, не занимавший никакого видного высокого поста, не имевший никакой правительственной власти, делается руководителем общественного мнения многомиллионного народа; к голосу его прислушиваются иностранные народы и принимают его в соображение при своих мероприятиях»¹⁴⁴.

Михаил Никифорович Катков

Узнав о смерти издателя, император Александр III послал его вдове телеграмму, которая была напечатана в «Московских ведомостях»: «Вместе со всеми истинно русскими людьми глубоко скорблю о вашей и Нашей утрате. Сильное слово покойного мужа вашего, одушевленное горячею любовью к Отечеству, возбуждало русское чувство и укрепляло здравую мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуги, и все соединяются с Нами в единодушной молитве об упокоении души его»¹⁴⁵.

Протицируем еще несколько откликов церковной и светской прессы. «Московские церковные ведомости» писали, что публицист «обнаружил всю глубину зол, в которую впал наш учащийся мир, то праздношатательство, тунеядничество, постыдное презрение честного труда... в руководителях этого мира... Во дни ложного либерализма возвышал могучий голос против разрушения священных уз семьи, против безначалия»¹⁴⁶. Автор церковной газеты свидетельствует, что Катков беспощадно громил «злокозненно пере-

¹⁴⁴ Памяти М. Н. Каткова. С. 25.

¹⁴⁵ *Александр III, имп.* [Телеграмма.] Памяти М. Н. Каткова. С. 3.

¹⁴⁶ [Некролог.] Московские церковные ведомости. Отзывы русской печати. Памяти М. Н. Каткова. С. 146.

данные нам извне затеи „правового порядка“ и как бы грудью целого русского народа отстаивал драгоценное наследие его истории – Православную веру и самодержавную власть... Раскрывал всю глубину обуявшего нас зла и заглушал собою бесстыдное рукоплескание убийцам и разрушителям веками сплотившейся жизни Русского Царства». При этом он «смотрел на русского человека не только как на гражданина, но и как на христианина, которого высшие идеалы есть Бог и вечность»¹⁴⁷.

Историк и филолог-славист П. А. Кулаковский на страницах «Варшавского дневника» отмечал: «Катков был не только великий сын Русской земли – это был деятель европейский, мировой. Его слово было взвешиваемо, ценимо как в старом, так и в новом свете... Удивительная сила логики, замечательная сила выражения, глубина знания поражали всякого в статьях Михаила Никифоровича Каткова»¹⁴⁸.

Действительно, на смерть Каткова откликнулись не только отечественные, но и практически все ведущие европейские издания. В частности, французский историк А. Леруа-Болье очень точно разглядел самобытность и самостоятельность московского мыслителя и публициста: «Катков весьма отличался от славянофилов, с которыми его часто смешивают на Западе»; он «не принадлежал ни к какой партии и ни к какой школе: для этого он был слишком своеобразен, слишком независим, слишком исключителен... Он был скорее трибуном, могучий голос которого вдохновлялся национальными чувствами, а не политическими формулами или отвлеченными теориями. Это был ум положительный, не заботящийся о доктринах, пользовавшийся ими вместо того, чтобы служить им»¹⁴⁹.

Итак, для многих современников Катков – «образец христианина и гражданина», «охранявший духовно историческую личность русского народа», «представитель и выразитель» народных мыслей¹⁵⁰. В нем видели «явление небывалое, беспремерное, положение исключительное... Постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице, самое понимание обязанностей публициста как стража государственных интересов»¹⁵¹.

* * *

Личность и труды М. Н. Каткова оказали существенное влияние на его современников и рассматривались ими как пример деятельности по укреплению традиционных начал русской жизни, а сам Михаил Никифорович занимал центральное место как в политической жизни Российской империи 1860–1880-х годов, так и в развитии идей русского консерватизма, являясь, по точному выражению К. Н. Леонтьева, «щитом и мечом Царства и Церкви».

¹⁴⁷ Там же. С. 147.

¹⁴⁸ Кулаковский П. А. [Передовая статья] // Варшавский дневник. Варшава, 1887. № 157.

¹⁴⁹ Леруа-Болье А. [Б. н.] «Journal des Debats». С. 201.

¹⁵⁰ Аверкиев Д. О значении М. Н. Каткова. Памяти М. Н. Каткова. С. 131–141.

¹⁵¹ [Гиляров-Платонов Н. П.] Современные известия. С. 150.

Но драматические события нашей истории почти на столетие вырвали из отечественной культуры многие достойнейшие имена, в том числе и имя Каткова. В результате возможность осмысления трудов мыслителя и публициста – уникального опыта его полемики с нигилистическими и антигосударственными силами, защиты Православной Церкви и русской культуры и проч. – отсутствовала. Необходимо продолжать серьезное научное исследование религиозно-философского наследия и литературно-издательской деятельности Михаила Никифоровича Каткова и, отказавшись от сложившихся стереотипов и поверхностных взглядов, по достоинству оценить его вклад в развитие отечественной религиозно-философской мысли и русской культуры.

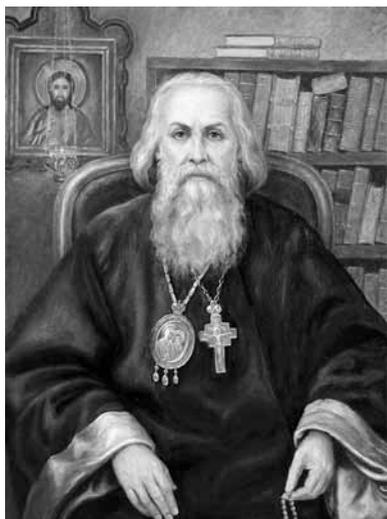
Приведем в заключение строки, написанные одним из наиболее верных и преданных «птенцов гнезда Каткова», Владимиром Андреевичем Грингмутом, ставшим после смерти своего учителя директором Лицея и редактором «Московских ведомостей»: «Блестящие статьи Михаила Никифоровича, которые казались такими меткими по отношению лишь к тем специальным инцидентам нашей государственной жизни, которыми они были вызваны, окажутся теперь – на расстоянии... лет – проявлениями не минутной, а вечной истины, так как они, по существу своему, столь же применимы к настоящему времени, как и к прошедшему, а следовательно, и к будущему»¹⁵².

¹⁵² Грингмут В. А. М. Н. Катков как государственный деятель. С. 481.

А. Н. Удалов

Письменное наследие святителя Игнатия (Брянчанинова) с точки зрения воспитания христианина (православной педагогики)

Свт. Игнатий. Худ. И. Гайдук

Святитель Игнатий (Брянчанинов) – выдающийся духовный писатель и учитель христианской жизни XIX века, которого можно назвать апостолом наших дней. Особая актуальность его сочинений обуславливается тем, что святитель переработал множество творений святых отцов древности и оставил в наследие своего рода концентрат святоотеческого опыта для нашего времени.

Анализируя труды святителя Игнатия, надо отметить, что они являются плодом его внутреннего подвига саморазвития и самовоспитания, истинность которого проверялась всей его жизнью. Достоинство его произведений с педагогической точки зрения заключается в том, что в первую очередь он был прак-

тик-аскет, истинный богослов, а потом уже – писатель и воспитатель. Сочинения святителя Игнатия стали результатом деятельного изучения опыта святых отцов и его личного положительного опыта, что является бесценным даром для желающих научиться основам духовной жизни.

* * *

Святитель Игнатий (Брянчанинов) учит, что любое дело нужно начинать с начала, а не середины или конца, а также что каждое делание имеет свою постепенность. Руководствуясь этими словами, начнем анализ произведений святителя в контексте темы православной педагогики с начала, а именно с двухтомника «Аскетические опыты», изданию которого владыка придавал огромное значение.

Об уникальности и значимости этого труда можно судить из письма святителя Игнатия к И. И. Глазунову, который занимался его изданием: «Эта книга в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из святых отцов Православной Церкви... “Аскетические Опыты” – книга практическая. Она – единственная, потому что со времени введения в России образования никто еще не писал в этом роде»¹.

Вполне закономерно, что открывает учебник духовной жизни святителя Игнатия статья «О последовании Господу нашему Иисусу Христу». Человек при Святом Крещении берет на себя обязанность стать служителем Господа Иисуса Христа, то есть последовать за Ним должен каждый христианин. Для последования Христу необходимо знать его голос. «...овцы слушаются голоса Его... овцы за Ним идут, потому что знают голос Его» (Ин. 10: 3–4). Голосом Христа святитель называет Его учение, отраженное в Евангелии. Для последования Христу крайне необходимо изучить Евангелие. и тогда сможешь жизнью последовать Ему.

Начинать путь ко Христу необходимо с «отречения от мира». Святитель Игнатий миром называет привязанность к мирским улаждениям и искания счастья в мирских утехах, суету, направленную на приобретение только материального блага, а не необходимость уйти в «пустыню», оставив семью, свои обязанности по отношению к своим близким и т. п. «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного». (1Тим. 5: 8).

Многие загораются желанием познать Господа, но немногие решаются последовать Ему. Они читают Евангелие, улаждаются им, восхищаются высотой и святостью учения его, но далеко не все направляют свое поведение по правилам, которые законополагает Евангелие. Самое сложное – научиться исполнению евангельских заповедей по отношению к своим ближним; от человека, который стремится к этому, требуется твердая решимость и последовательность на избранном пути. Вся сложность этого пути заключается в том, что грех настолько усвоился нам, что фактически стал нашим естеством, пропитав все свойства нашей души. Отвержение греха, который усвоился душе, становится отвержением души. Однако святитель Игнатий настаивает, что такое отречение от своей души крайне необходимо для ее спасения. Это отречение заключается в отвержении своего разума и воли, которые повреждены грехом.

Для последования за Христом необходимо взять крест свой и нести его. Взятием креста называется «покорность суду Божию» при нашествии на нас различных скорбей, которые попускаются нам промыслом Божиим. Принимать их надо как лекарство для врачевания наших духовных недугов. Ропот и негодование при скорбях и напастях святитель называет отречением от креста.

При самоотвержении и ношении своего креста безропотно Господь дает нам силы для прохождения этих испытаний, которые попускаются нам в той мере, в которой мы их можем понести, ничего сверх наших сил нам не дается.

Нашествие скорбей и напастей связано с нашим самолюбием, которое не позволяет нам произвольно отречься от себя и «мира», потому-то это отречение совершается как бы вынужденно. Святитель Игнатий дает четкое определение этой пагубе: «Самолюбие есть извращенная любовь к себе. Безумна и пагубна эта любовь. Самолюбивый, пристрастный к суетному и переходящему, к греховным наслаждениям – враг самому себе. Он – самоубийца: думая любить себя и угождать себе, он ненавидит и губит себя, убивает себя вечною смертью»². Он называет бессмысленной жизнь человека, который служит своим прихотям и страстям, а стремление к земному преуспеянию – чудовищным. Нашим душам присуще стремление к бесконечным благам. Но мы находимся в падшем состоянии, и ослепленное падением сердце ищет во времени и на земле того, что существует в вечности и на небе.

Далее в статье «Видение Христа» святитель разъясняет, как можно увидеть Господа. Он говорит, что Христос пребывает со своими учениками, которые последовали Ему в Святом Евангелии и таинствах Церкви. Наше усыновление Христу запечатлено таинством Святого Крещения, а единение с Ним происходит в таинстве Причащения Святых Даров. Святитель рекомендует охранять себя от мечтательности, которая может дать ложное видение Господа нашего Иисуса Христа или же чувство Его осязания, что является самообольщением. И выход из этого состояния крайне тяжел, потому что обольщенный представляет эти ощущения благодатными, они удовлетворяют его страстные стремления. Увидеть Христа в себе можно только тщательным исполнением евангельских заповедей. Святитель поясняет, что Божественная любовь – это дар Святого Духа, который человек получает путем очищения своего сердца покаянием, а не свойство падшего человека.

В статье «О чтении Евангелия» святитель Игнатий наставляет по данной теме. Он рекомендует не искать наслаждений, восторгов и блестящих мыслей, а только стремиться познать Истину. Познание Евангелия происходит не просто через чтение, а посредством дел, исполнения заповедей, то есть читать Священную Книгу нужно жизнью. Делать это следует с благоговением и вниманием. В Евангелии нет ничего маловажного, каждое его слово – «луч жизни».

При чтении о прокаженных, расслабленных и больных, которых исцелял Господь, нужно осознавать, что наша душа находится в таком же болезненном состоянии и для исцеления ее необходим Спаситель. Для получения исцеления нужно стяжать такое же расположение души, какое имели те уврачеванные больные. Гордецу, не видящему своей греховности, Спаситель не нужен. Зрение своей греховности «есть особенный дар Божий», его должно испросить в молитве – тогда Евангелие становится наиболее понятным. Нужно стараться, чтобы Евангелие усвоилось уму и сердцу, чтобы ум как бы плавал в нем, – это достигается постоянным чтением Евангелия и понуждением себя к жительству по его заповедям.

Святитель Игнатий предостерегает от самопроизвольного толкования Евангелия и Священного Писания. Писание произнесено не произвольно, а по внушению Святого Духа пророками и апостолами, и познавать его необходимо в толкованиях святых отцов Восточной Православной Церкви. Кто пытается истолковывать Евангелие и Святое Писание произвольно, тот, по словам святителя, отвергается истолкования его святыми отцами и Святым Духом.

Статья «О чтении святых отцов» знакомит читателя с правильным подходом к этому душеспасительному занятию. Святитель Игнатий приводит в пример то, как мы в беседе с тем или иным человеком, который имеет определенные таланты и навыки в каком-либо деле, научаемся чему-то и перенимаем его опыт. Как от путешественников узнаем о странах, от ученых приобретаем знания и сведения в определенных областях – так и от святых отцов мы научаемся духовной небесной жизни. Не может быть ближе знакомства, нет теснее связи, как только связь единством мыслей, единством духа, единством цели. Святой рекомендует усвоить мысли и дух отцов, чтением святоотеческих творений, и как они получили спасение, так и человек, который станет единомысленным и единокордным им, достигнет той же цели.

Святитель Игнатий отмечает, что все святоотеческие писания составлены под воздействием Святого Духа. Он восхищался чудным согласием отцов, утверждая, что руководствующийся ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святого Духа.

Святоотеческие творения учат, как правильно читать и понимать Евангелие, что помогает и что мешает к его разумению. Поэтому святитель рекомендует вначале больше читать святых отцов, после же приобретения святоотеческого опыта чтения Евангелия перейти преимущественно к чтению Евангелия. Тут же он предупреждает, что желание читать Евангелие без чтения святых отцов является мыслью гордой и опасной. Но Священное Писание не допускает к себе гордых, а раскрывается только смиренным.

В связи с «умалением духоносных наставников» в наши дни святитель рекомендует для достижения христианского совершенства руководствоваться святоотеческими писаниями. Читать их нужно тщательно, со вниманием и постоянно. На этом поприще следует знать, что враг рода человеческого не оставит такого делателя и будет всячески ему в этом вредить различными гордыми и хульными помыслами, будет стараться втянуть подвижника в суетные попечения, отвлечь его от спасительного чтения, мучить унынием, скукою, забывчивостью.

Каждому человеку следует избирать святоотеческие писания, соответствующие его образу жизни. Наставления святых отцов, которые писали для безмолвников и пустынников, будут не только бесполезны, но могут и повредить человеку, не проводящему соответствующий образ жизни. Он будет наполняться мыслями хотя и святыми, но неосуществимыми, возбуждаю-

щими бесплодную деятельность в воображении и желании; дела же благочестия, подходящие его образу жизни, будут ускользать из рук.

В статье «Об удалении от чтения книг, содержащих в себе лжеучение» святитель Игнатий рекомендует, по совету святых отцов, хранить ум и сердце от лживых учений. Даже не беседовать с людьми, которые заражены ложными мыслями, а тем более не читать книги, написанные лжеучителями. Только Истине сопутствует Святой Дух, только Он является Духом Истины. Лжи соприсутствует и содействует дух диавола, который является отцом лжи. Читая такие книги, в соответствии со святоотеческим учением, человек приобщается духу лжи.

По требованию Восточной Православной Церкви можно читать только те книги, которые написаны «отцами Вселенской Восточной Церкви». В требнике сказано, что при совершении исповеди положено спрашивать, не читает ли человек книг еретических. Святой Православной Церковью позволяется читать книги лжеучителей лишь тем членам ее, у которых мысли и сердечные чувства исцелены и просвещены Святым Духом, и в результате этого они могут безошибочно отличить зло от истинного добра. Духоносные святые отцы читали еретическую литературу вынужденно, с целью обличения ее и сохранения чистоты христианства. Душе может навредить всего одна мысль, которая содержит какое-либо богохульство, тонкое и сразу неприметное для неопытного человека. Не стоит прельщаться красивыми названиями книг, великолепными изданиями, картинками и особенно красотой слога и личностью писателя, который якобы доказал свою святость различными чудесами. Признаком книги существенно душеполезной является святой писатель, член Восточной Православной Церкви, одобренный и признанный Святою Церковью.

В статьях «О молитве» и «О молитве Иисусовой», которая написана в форме беседы старца с учеником, святитель Игнатий наставляет читателей, как правильно молиться. Этому деланию нужно учиться, и в научении есть свои начало, постепенность и конец. Нельзя начинать с середины или с конца, а необходимо приступить к научению молитве с начала и постепенно двигаться вперед. Начинают с середины, говорит он, те, которые без предварительной подготовки стараются взойти умом в «сердечный храм», а с конца – те, кто пытается своими силами раскрыть в себе благодатные дары молитвы. Эти состояния являются благодатными дарами Святого Духа и ниспосылаются только милостью Божией, а своими силами приобрести их невозможно, это только приводит к духовным нестроениям, называемым аскетическим понятием «прелесть». Благодатные состояния раскрываются по мере духовного совершенствования, процесс которого у каждого бывает различным. Святитель Игнатий называет молитву матерью всех добродетелей, заимствующей их из источника благ – Бога и усваивающей их человеку, старающемуся пребывать в общении с Богом. Святитель рекомендует научиться правильной молитве и, научившись правильно молиться, делать постоянно,

тем самым достигая христианского совершенства. Чтобы молитва была правильной, она должна исходить из сердца, наполненного нищетою духа, сокрушением и смирением.

Святитель Игнатий пишет, что не все прошения наши исполняются, особенно не исполняются те, которые приведут к вредным последствиям или же противны Божией святой воле и промыслу о человеке. Порой прошения в молитве не исполняются, чтобы оставить просимого при его молитве: это состояние для человека может являться большим благом, чем исполнение просимого. Кто просит в молитве получения земных благ, тот тем самым прогневляет против себя Небесного Царя.

Немаловажное значение при совершении молитвы имеет внешнее положение тела молящегося, от которого рождается благоговение. Святой приводит пример нашего приготовления к приему у земного царя: какое должно у нас быть настроение, положение тела, какие слова можно произносить, а что не стоит говорить. Соответствующим образом необходимо готовиться и к молитве, которая являет собой обращение кающегося человека к Богу. Стоять на молитве необходимо как осужденному, с опущенными головою и руками, или же сложить их сзади, как бы связанными. Голос должен быть как у «терзаемого лютою болезнию». Стой, как будто ты стоишь перед самим Богом, освободившись от посторонних мыслей, какими бы важными они на этот момент не представлялись.

Благоприятствует молитве умеренное и постоянное воздержание от пищи, что способствует очищению ума, придает ему бодрость. Также настраивает ум к молитве соблюдение евангельских заповедей. В зависимости от образа жизни, душевных и телесных сил определяется количество молитвы.

Душой молитвы является внимание. Святитель Игнатий учит, что как тело без души мертво, так и молитва без внимания – мертва. Он называет внимание «первоначальным даром Божественной благодати» человеку, просящему должное усердие в этом делании.

Произносить молитву следует неспешно, заключая ум в ее слова, не позволяя ему скитаться по сторонам. Следует отвергать все образы, которые рисуются в воображении, потому что ум предстоит невидимому Богу, Которого невозможно представить вещественным образом, и эти представления станут непроходимой стеной между умом и Богом.

Приносить молитвы Богу следует спокойные, негромкие и смиренные, а не экзальтированные. Категорически воспрещается искать наслаждений в молитве, потому что они не присущи грешнику. Наслаждение в молитве может быть только у святых избранников Божиих, которые обновлены Святым Духом. Нужно остерегаться многословия в молитве, дабы не уподобляться язычникам. В связи с этим святые отцы рекомендуют краткую молитву, в которой наиболее удобно сохранять внимание, благоговение и покаяние – фундамент молитвы. Такой молитвой является молитва Иисусова:

«Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного (грешную)». Для начинающего ее можно сократить до: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Разъяснение понятия страстей, их подразделений и отраслей, а также противоположных им добродетелей святитель Игнатий дает в своих статьях «Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями» и «О добродетелях, противоположных восьми главным греховным страстям». Здесь указано название каждой страсти и из каких отраслей она состоит, такое же определение дается и противоположным им добродетелям.

Часто возникает вопрос, как правильно подготовиться к таинству Исповеди, – это касается не только новоначальных, но и тех, кто уже имеет определенный опыт церковной жизни. На это недоумение святитель Игнатий отвечает в своей статье «Беседа предуготовительная к таинству Исповеди». Он пишет, что стоило «бы нам не нуждаться в особенном времени для внимания себе, для очищения наших греховных пятен исповедию и покаянием: долженствовала бы вся жизнь наша состоять из непрестанного внимания, из непрестанного покаяния, если б жизнь наша соответствовала имени нашему»³. К сожалению, мы находимся в измененном состоянии в результате нашего грехопадения, человеку свойственно по различным причинам вновь и вновь совершать те или иные грехи, вновь и вновь поддаваться «падению». Образец чистоты, к которой мы должны стремиться, совершенен. Даже если бы мы провели в непрестанном покаянии тысячу лет, то и тогда не достигли бы совершенной чистоты. Преподобный Сисой Великий при кончине своей говорил братьям, что он даже не начинал своего покаяния. Учтявая это, необходимо с должным вниманием готовиться к таинству Исповеди, которое святитель Игнатий называет «вторым крещением».

Во время этой подготовки необходимо постараться ответить на следующие вопросы: Не гневались ли мы всуе на ближнего? Не имели ли доселе с кем ссоры? Не действует ли в нас памятозлобие? Не произносили ли мы укорищенных и ругательных слов? Удерживались ли от взоров, ощущений, помыслов сладострастных? Не воздавали ли злом за зло? Были ли так кротки, чтобы не противиться злу? Любили ли врагов наших? Благословляли ли проклинающих нас? Делали добро ненавидящим нас? Молились ли за творящими нам напасть? Данными вопросами, подготавливающийся к таинству Исповеди сможет сопоставить свою жизнь с евангельскими заповедями. Сравнение душевного состояния нашего с евангельскими заповедями святитель Игнатий называет душеспасительным, удобным и вполне верным. Это действие приводит к открытию «душевного ока» и видению своего несовершенства. Оно научает нас сокрушению о своих согрешениях, которые казались нам до этого незначительными. Как часто мы не обращаем внимания на мелкие, так называемые незначительные согрешения, которыми изобилует наша жизнь, не придаем им должного значения, но ведь они лишают нас усыновления Богу и блаженной вечности. Очищение души, не основанное на исполнении заповедей, «непрочно и суетно», оно не может выдержать скор-

бей, которыми наполнена наша жизнь, не ведет к совершенству, а только к самообольщению.

В насыщенном чреве нет разумности Божией. Желая подготовиться к исповеди, необходимо соблюдать пост, но не только воздерживаться от непостных пищи и питья, а удержаться также от пресыщения, излишества, а если возможно, то и от довольствования пищей и питьем. Такая строгость к себе очищает ум и оживляет душу, само тело становится способным к подвигам и ощущениям духовным.

В любом деле необходимо обращаться за помощью к Богу. Эта помощь призывается усердной и внимательной молитвой. Святитель Игнатий увещевает молиться о том, чтобы сподобиться видеть свои грехи и помышлять об исповедании их, что является величайшим даром Божиим.

Здесь же владыка нас предупреждает о душевредной и лукавой мысли, посылаемой нам врагом рода человеческого, от которой приходит смущение об исповедовании каких-либо гнусных и низких грехов, и от желания утаить их на исповеди, оставив «на будущее». Не стоит поддаваться этим помыслам, нужно отвергнуть ложный и пагубный стыд «хранителя грехов». С твердой решимостью необходимо отвергнуть основу этого смущения – гордость, обвинить и осудить себя, плодом чего будет освещение благодатью Святого Духа и отпущение грехов.

Ничто не вредит духовной жизни так, как рассеянность, – об этом святитель Игнатий пишет в своей статье «О рассеянной и внимательной жизни». Святые отцы считают рассеянность началом всех зол, утверждает владыка, тогда как мирские люди находят ее невинной. Рассеянный человек не способен любить ближнего, равнодушно смотрит на его бедствия и способен возлагать на другого «бремена неудобноносимые». Нашествие скорбей сильно действует на рассеянного человека, потому что он ждет одних радостей.

Рассеянность вредна при любом деле, особенно – в деле спасения, в котором требуются постоянные бдительность и внимание. Приобретенный навык внимания оберегает от рассеянности в окружающем мире, наполненном развлечениями. Дело Христово должно изучать и совершать с величайшим благоговением и вниманием.

При рассеянной жизни, наполненной житейской суетой, человеку доставляется дебелисть, сходная с дебелистью от многоядения. Внимательная же жизнь ослабляет влияние на человека плотских чувств и усиливает действие ощущений духовных.

Святитель Игнатий утверждает, что занятия служебными делами, которые сопряжены с ответственностью, не только не препятствуют сохранению внимания, а, наоборот помогают его приобрести и удерживать. Наилучшим средством приобретения внимания является подчиненность: кто, как не строгий и благоразумный начальник, требующий четкого исполнения дела, научит человека внимать себе. Святитель рекомендует во время исполнения своих служебных занятий не увлекаться пустословием, глупыми шутками

и мечтательностью, отчего вскоре совесть человека обострится и начнет укачивать ему на уклонение в рассеянность как на «нарушение благоразумия».

Немаловажное значение святитель Игнатий придает приобретенным человеком навыкам, об этом он говорит в статье «О навыках». Усвоенные навыки получают силу, подобно естественным качествам человека. В связи с этим святой восклицает: «Юноша! Будь благоразумен и предусмотрителен: в годы юности твоей обрати особенное внимание на приобретение хороших привычек; в летах зрелости и старости твоей возрадуешься о богатстве, приобретенном беструдно в лета юности»⁴. Порочные навыки владыка сравнивает с оковами, которые насильно держат грешника в «болоте страстей».

Он рекомендует внимательно следить за своими желаниями, даже за теми, которые кажутся нам малозначительными и маловажными, обращая наше внимание на то, что каждое такое пожелание кладет свой отпечаток на душу.

В первую очередь святитель Игнатий рекомендует приучить себя к скромности, не позволяя себе никакой дерзости, ни взглядом, ни словом, ни жестом, даже необходимо обращать внимание на положение тела. Дерзость рождается от свободного поведения, способствует различным нестроениям в отношениях с ближними. Мало кто знает, что от свободного обращения рождается блудная страсть.

Также необходимо приучить себя к воздержанию в пище, потому что обжорливость является дурным навыком, придающим дебелость телу. Немаловажен также навык к простой пище, к которому стремились все святые.

Ужаснейший порок – пьянство. Чрезмерное употребление спиртного лишает человека способности сохранять ум в трезвении.

Порабощают человека навыки сребролюбия, вспыльчивости, надменности, наглости, которые рождаются от послабления «падшему естеству».

Святитель Игнатий называет страстями злые навыки, а добродетелями – навыки благие. И только от нас зависит, что мы приобретем за время нашей жизни. Желаящему стать христианином необходимо стремиться быть как можно свободнее от худых навыков. Порой ничтожный навык может связать человека и не позволить ему достичь спасения.

Все вышеприведенные советы в первую очередь обращены были к молодежи, чтобы молодые люди как можно раньше задумались о том, какие навыки усваивать себе и как их приобретать. Святитель Игнатий также дает рекомендации тем, кто становится на духовный путь уже в зрелом возрасте. Он убеждает не предаваться унынию тем, кто уже приобрел те или иные порочные навыки, и мужественно вступить в борьбу с ними. Решительное наше стремление, укрепляемое благодатью Христовою, и неотступность от выбранного пути могут увенчаться победой над страстями.

Греховный навык первоначально сильно сопротивляется тому, кто решил отвергнуть его, но мало-помалу, по решительной настойчивости начинает отступать и становиться слабее и слабее. Упорная борьба против пороч-

ных навыков, как утверждает владыка, вменяется человеку в мученичество, и он венчается Богом венцом исповедника как подвижающийся ради «Закона Христова».

Святитель Игнатий учит, что как бы мы ни были в греховных навыках, милосердный Господь готов дать любому человеку свободу от этой пагубы, лишь бы тот с мужеством и решимостью двигался вперед, невзирая на свои поражения.

Еще один немаловажный вопрос, вокруг которого разгорается множество споров, рассмотрен святителем Игнатием в статье «Вера и дела».

По его утверждению, чтобы принять Евангелие, необходимо в него уверовать. Вера является естественным свойством души человеческой, которое насадил в нее милосердный Господь при ее сотворении. Данное естественное свойство святителем сравнивается с ветвью дерева, к которому прививается благодать.

Если Христос признается только умственным убеждением, то такая вера мертва и может быть даже принадлежностью бесов. Когда мы нашим умом, не очищенным покаянием и не просвещенным Духом Святым, пытаемся рассуждать о Боге, тогда мы непременно впадаем в заблуждение. О Боге мы можем знать только то, что Он открыл нам.

Невозможно пребывать в единении с Христом без исполнения евангельских заповедей и действий по Его воле и Его разуму, которые и отображаются в евангельских заповедях.

В ходе жизни нам необходимо совершать добрые дела, а добрыми делами являются только те, которые служат исполнению евангельских заповедей. Именно ими питается и живет живая вера в христианине. Старающийся стать христианином не должен поступать по влечению сердечных чувств, зависящих от разгорячения плоти и крови, как бы они не представлялись добрыми. Он должен совершать только те дела, к совершению которых побуждает нас Дух Божий и Слово Божие, что принадлежит естеству, обновленному Христом.

Уповающий на дела падшего естества еще не познал Христа, по утверждению святителя Игнатия, не понял таинства искупления, а утопает в «сетях собственного лжеумствования». Если бы добрые дела по сердечным чувствам приводили бы к спасению, тогда не было бы необходимости в пришествии Христа, Его страданиях и крестной смерти. Мнимо добрые дела падшего естества, основанные на обрядовости и внешнем исполнении, возвращают в человеке его «я», уничтожают живую веру и противостоят Богу.

Исповедание истинной, живой веры человеком доставляет ему спасение. И в последние, предсмертные минуты многие грешники получили спасение посредством покаяния.

Особого внимания заслуживает статья «О любви к ближнему». Именно любовь к ближнему научает нас любви к Богу. Не стоит думать, что любовь к ближнему близка нашему сердцу. Эта заповедь духовна, а сердцем челове-

ческим по падении владеют плоть и кровь. Евангелием отвергается любовь, зависящая от чувств плотского сердца. Необходимо обновление сердца ветхого на новое, духовное. Именно Святой Дух научает любить ближнего свято.

Естественная, чувственная любовь очень легко преобразуется в отвращение и ненависть. «В каких язвах наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, – лишь бы удовлетворить болезненной любви своей»⁵.

Для приобретения духовной любви святитель Игнатий рекомендует сначала, руководствуясь Евангелием, отбросить вражду, памятозлобие, гнев, осуждение – все, что противоречит евангельским заповедям. Именно смирение и верность Богу убивают плотскую любовь – следовательно, она питается самомнением и неверием.

Необходимо оказывать уважение к ближнему как образу Божию, то уважение, которое не видно внешне, но зримо для совести нашей. Основой истинной, святой любви должен быть Бог, а не влечение чувств.

Наличие духовной любви к ближнему – первейший признак преобразования души человека Духом Святым. Совершенство христианства заключается в совершенной любви к ближнему. Совершенная любовь к ближнему рождает любовь к Богу, для которой нет совершенства, для которой нет окончания в преуспейнии.

В статье «Об истинном и ложном смиреномудрии» святитель Игнатий дает критерии оценки этой добродетели, которая состоит в послушании и последовании Христу. Он называет ее духовным разумом и даром Божиим, действием благодати в уме и сердце. Смиреномудрие является Божественным таинством, недоступным для постижения человеческого, и представляется «буйством для плотского разума». Смиранный не видит себя смиренным, он считает себя гордым и старается всеми силами отыскать в себе проявления гордыни, а находя их, убеждается, что искать нужно еще очень много. Смирение – это небесная жизнь на земле.

Смирение – это учение евангельское, евангельская добродетель, таинственная сила Христова. Вочеловечившийся Бог явил нам образ истинного смирения, и кто из человеков облечется во смирение, становится богоподобным.

Приобретение смирения осуществляется через исполнение евангельских заповедей, посредством чего сердцу человека усваиваются качества Иисуса Христа. Началом смирения является нищета духа, серединой в этом делании становится приобретение мира Христова, а концом – любовь Христова. Оно, по словам святителя, не человекоугодничает, не печалится, не поддается гневу и ничего не боится. Смиранный не пугают никакие бедствия и искушения, так как он считает, что достойное по своим делам получает. Святой мир живет в сердце смиренного человека, о котором он никому ничего не говорит и скрывает его как величайшее богатство.

Причем святитель отмечает, что чем больше человек богатеет данным дарованием, тем больше он осознает свою нищету и стремится еще усерднее к его приобретению. Направляя внимание на свой грех, стараясь рассмотреть его подробно, мы не найдем в себе никакой добродетели и смиренно-мудрия.

В противоположность истинному смиренномудрию в человеке может рождаться «произвольное» смиренномудрие, которое возникает из тщеславной души, обманутой лжеучением. Она льстит сама себе, ищет лести от мира и устремляется только к земному преуспеянию и к земным благам, забывая о вечности и о Боге. Действие такой души состоит из различных ухищрений, которыми она старается получить славу от мира. Такое действие души враждебно Христу. Ложное смирение всегда видит себя смиренным, святитель Игнатий называет это видение «душепагубным». Он пишет, что от таких мечтателей совершенно скрыты слова Спасителя: блаженны плачущие ныне, блаженны алчущие ныне и горе вам, насыщенные ныне, горе вам, смеющиеся ныне!

Владыка «мнение смирения» называет ужаснейшим видом гордости, которая изгоняется с величайшим трудом, потому что человек не видит ее, он считает себя смиренным. Оно так ослепляет человека, что понуждает его не только думать о себе как о смиренном, но и открыто говорить другим об этом.

Отличать в человеке истинное смиренномудрие от прелестного святитель Игнатий рекомендует не по внешнему виду, не по наружности, а по действиям, по поведению, из последствий действий. Порой ослепленные люди лицемера и человекоугодника принимают за смиренного. Познать тщеславного можно по особенной расположенности его к лести, к услужливости, ко лжи, ко всему подлому и низкому.

Исцеление от той или иной болезни начинается с видения ее, то есть, увидев свое несоответствие норме, человек начинает предпринимать какие-то действия, чтобы привести себя в норму. Так и духовное исцеление начинается с видения своей греховности, о чем святитель Игнатий говорит в слове «Зрение греха своего».

Он утверждает, что только Бог может дать человеку зрение греха своего, своего падения, испрашивается это благоразумным постом и молитвою. Приобретенные греховные навыки становятся причиной слепоты ума, ожесточения и нечувствия сердца, потому что теряется способность к духовным ощущениям. Закоренелость страстей происходит от невнимательной жизни.

Не может родиться покаяние в человеке, который не видит своего греха, который «работает греху». Для зрания греха своего необходима определенная решимость человека разорвать «узы дружбы» со грехом.

Очень опасно для христианина, особенно начинающего, ожидание тех или иных духовных плодов. Это ожидание является первейшим признаком живущей в человеке гордыни, что приводит к падению. Искание высоких

Божиих даров отвергнуто Православной Церковью. Это не признак любви к Богу, это недуг души.

Покаяние, рожденное через зрение своего греха, не имеет окончания в нашей жизни. В процессе очищения сердца рождается более углубленное видение своей поврежденности, отчего усиливается покаяние, обостряется внимание к своим грехам и ослабевает внимание к чужим, что способствует к рождению благожелательного отношения к нашим ближним. «Даруй нам [Господи] великий дар покаяния, предшественный и рождаемый великим даром зрения грехов своих!»⁶

О значении земных страданий для духовного здоровья святитель Игнатий говорит в статье «Чаша Христова». Чашей Христовой он называет страдания, и принимается она, по его словам, тогда, когда человек восприимлет земные страдания со смиренномудрием. Выпадающие на нашу долю бедствия сами по себе ничего не значат, они приобретают силу привязанностью нашей к земной жизни. Они – следствие нашей греховности. Ненавидящий обидчиков своих, памятозлобствующий и мстящий им – сам очень близок к их греху.

Не стоит искать помощи человеческой во время напастей жизненных, святитель Игнатий рекомендует не тратить на это свое время, которое так бесценно, не истощать силы душевные понапрасну. Помощи можно ожидать только от Бога, к Нему обращаться за ней, и в свое время придут, если нужно, и люди и помогут тебе. В скорбях необходимо приобретать терпение, которое также является Божественным даром. Скорби укрепляют христианина и способствуют самопознанию. В утешение святой приводит слова преподобного Исаака Сирского, который говорит, что особенное расположение Божие к человеку познается по непрестанно посылаемым ему печалям.

Не стоит самому, по своему произволению, бросаться в пучину скорбей, этим выражается «самонадеятельность гордая». Но когда скорби приходят сами собой, не должно отчаиваться и впадать в уныние, ибо они явились попечительным Промыслом Божиим для исцеления наших духовных недугов.

Мы много слышим о страстях, что они разрушают нашу жизнь, что с ними необходимо бороться, а как все-таки выстроить свое отношение к ним? Ответ на этот вопрос святитель Игнатий дает в своей статье «Отношение христианина к страстям его».

Статью он начинает словами Серафима Саровского, рекомендовавшего терпеть свои недостатки точно так же, как мы должны терпеть недостатки других, и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Все рождающиеся смущения и недоумения от действия какой-либо страсти являются подтверждением того, что человек еще не познал самого себя. Все эти смущения происходят по причине противоестественности страстей нашему естеству, подобно как болезни неестественны нашему телу.

До прихода в мир Спасителя человек не мог противиться страстям, они владели им насильно. Только посредством Святого Крещения и участием

в церковных таинствах он получает силу бороться со страстями. В этом делании человеку дана полная свобода, то есть он может или покоряться страстям, или вести с ними непримиримую борьбу, в ходе которой страсти постепенно ослабевают. Для этого необходим определенный христианский подвиг, суть которого заключается в исполнении евангельских заповедей, посредством поста, бдения и молитвенных стояний. Данное делание нельзя прекращать до конца жизни, ни в коем случае не предаваясь мысли о своем бесстрастии.

Святитель Игнатий предупреждает, что если какая-либо страсть в нас не проявлялась, не стоит думать, что в нас нет этой страсти, – просто, вероятно, еще не было случая к ее обнаружению. Необходимо постоянно бодрствовать, особенно против страстей, которые наиболее часто проявляются в нас.

Стоит знать, что существует определенное сродство страстей – одни из них бывают причиной других. От объедения, неги, развлечения, роскоши и сребролюбия рождаются сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога и вообще оставление доброго жительства. Учитывая эту особенность, в духовном подвиге необходимо противостоять первоначальным страстям, и последующие будут ослабевать сами собой.

Страсти в большей степени живут в людях, проводящих рассеянную жизнь, порой они даже признаются за добродетели. Только проводя внимательную жизнь по евангельским заповедям, можно выявить эти страсти. Обнаруживаются они помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными. От избавления от них нужно не только не совершать грех делом, но и отречься от них в воображении и чувстве. Обнаруженные страсти в словах, помышлениях и действиях необходимо тут же врачевать покаянием. Так постепенно будет происходить освобождение от действующих страстей в человеке.

Однако тут существует определенная опасность. Когда страсти врачуются покаянием, они становятся утонченнее и неприметнее и могут обмануть подвижника, что приводило к падению даже людей, обладавших благодатными дарами. Необходимо знать, что страсти не перестанут владеть нами до конца жизни, поэтому не стоит упиваться какими-либо победами своими, но стараться обращать их в повод к сугубому покаянию и смирению.

Преждевременное бесстрастие, обладание благодатными дарами очень опасно для человека, потому что он может злоупотребить благодатью Божией. Он может превознестись над ближними, что приведет к самонадеянности, от которой рождается нерадение, ослабление и оставление подвига. Данный подвиг внутренней борьбы святитель Игнатий сравнивает с подвигом мучеников. Владыка приводит слова преподобного Симеона о том, что только тщательное исполнение заповедей Божиих научает человека его немощи. От такого познания рождается смирение, которое является основой нашего спасения.

Итак, в трудах святителя Игнатия пошагово описывается сущность духовной жизни человека, дается четкое обоснование принципов, методов и средств духовного воспитания. Они способствуют решению фундаментальных проблем воспитания, указывают человеку на духовное значение его жизни, указывают на методы и формы, приемлемые для каждого христианина, тем самым носят универсальный педагогический характер. Его учение не утратило актуальности и в наше время, что дает основание к изучению его трудов самым серьезным образом, что должно основываться не только на теоретическом, но, самое главное, – на практическом использовании в воспитании человека.

Примечания

¹ *Игнатий Брянчанинов, свт. Избранные письма (Серия «Наследие русского святителя»)*. М.: Благовест, 2011. С. 423–424.

² *Игнатий Брянчанинов, свт. Полн. собр. творений и писем: В 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., исправ. и доп. Письма: В 3 т. М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 1. М.: Паломник, 2014. С. 128.*

³ *Игнатий Брянчанинов, свт. Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Общ. Ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., исправ. и доп.: Письма: В 3 т. М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 1. М.: Паломник, 2014. С. 365.*

⁴ Там же. С. 394.

⁵ Там же. С. 523.

⁶ Там же. Т. 2. С. 64.

Царская семья в русской поэзии

Николай Степанович Гумилев (1886–1921)

Её Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне

Пока бросает ураганами
Державный Вождь свои полки,
Вы наклоняетесь над ранами
С глазами, полными тоски.

И имя Вашего Величества
Не позабудется, доколь
Смиряет смерть любви владычество
И ласка утешает боль.

Несчастных кроткая заступница,
России милая сестра,

Где Вы проходите как путница,
Там от цветов земля пестра.

Мы молим: сделай Бог Вас радостной,
А в трудный час и скорбный час
Да снизойдёт к Вам Ангел благостный,
Как Вы нисходите до нас.

*7 июня 1916 года,
царскосельский лазарет*

Её Императорскому Высочеству Великой Княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.

Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

Вы — лучик сказочной России,
Которой время впереди,
Чтобы потомки возносили,
Храня святыней на груди.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

*5 июня 1916 года,
царскосельский лазарет,
Большой дворец*

Сергей Александрович Есенин (1895–1925)

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
 Берёзки белые горят в своих венцах.
 Приветствует мой стих молодых Царевен
 И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,
 Они тому, кто шёл страдать за нас,
 Протягивают царственные руки,
 Благословляя их к грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком блеске света,
 Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
 И вздрагивают стены лазарета
 От жалости, что им сжимает грудь.

Всё ближе тянет их рукой неодолимой
 Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
 О, помолись, святая Магдалина,
 За их судьбу.

*Читано на концерте 22 июля 1916 года
 в царскосельском лазарете по случаю именин
 вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны
 и Великой Княжны Марии Николаевны*

Сергей Сергеевич Бехтеев (1879–1954)

Молитва

*Посвящается их Императорским Высочествам
 Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне*

Пошли нам, Господи, терпенье
 В годину буйных, мрачных дней
 Сносить народное гоненье
 И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
 Злодейства ближнего прощать
 И крест тяжёлый и кровавый
 С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
 Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и униженья,
 Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
 Благослови молитвой нас
 И дай покой душе смиренной,
 В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
 Вдохни в уста Твоих рабов
 Нечеловеческие силы
 Молиться кротко за врагов!

Октябрь 1917 года, г. Елец

Цесаревич Алексей

В дни нашей скорби безнадежной,
В дни общей слабости людской
Твой образ девственный и нежный
Влечёт нас прелестью былой;

Влечёт лучистыми глазами
С их неподдельной добротой;
Влечёт небесными чертами,
Влечёт нездешней красотой.

И забываются ошибки
И скорбь, терзающая нас,

При виде царственной улыбки
Твоих невинных, детских глаз.

И сердцу кажутся ничтожны
Все наши праздные мечты,
И страх корыстный и тревожный,
И голос мелкой нищеты.

И в эти сладкие мгновенья
Пред обновлённую душу
Встаёт, как светлое виденье,
Твой образ чистый и святой.

1922 год, Новый Футог

Царская Россия

Царская Россия – кротость и смирение,
У икон столетних жаркие молитвы,
Жажда покаянья, сладость всепрощенья,
Жертвенная доблесть бескорыстной битвы...

Царская Россия – говор колокольный,
Средь боров дремучих древних келий срубы,
Радость и веселье встречи хлебосольной,
О любви заветной шепчущие губы...

Царская Россия – общий труд и служба,
Твёрдая охрана мира и порядка,
Всех её сословий и народов дружба,
Вековой избыток щедрого достатка...

Царская Россия – это быт былинный,
Это лад семейный, это строй свободный,
Наш язык могучий, наш уклад старинный,
Удаль и отвага пляски хороводной.

Царская Россия – вера в подвиг ратный,
В торжество и славу мудрого правленья,
Небом данный свыше жребий благодатный
Родине великой честного служенья...

Царская Россия – помощь нищей братьи,
 Смелая защита от чужой угрозы,
 Матери счастливой нежное объятие,
 Доброю рукою вытертые слёзы...

Царская Россия – наша песнь родная,
 Без конца, без края большака дорога,
 Царская Россия – это Русь Святая,
 Та, что ищет правду, та, что верит в Бога!

30 мая 1952 года, г. Ницца

Царь!

В муках издевав народное горе,
 Жалкой, разбитой душой
 Ищем мы робко, с надеждой во взоре,
 Мира в юдоли земной.

Глядя в прошедшее наше сурово,
 Каясь, как прадеды встарь,
 Шепчем мы жадно заветное слово,
 Слово желанное – «Царь!»

В Нём – все стремленья и чайанье наше
 Лучших, забытых времён,
 Тех, что не будет и не было краше
 В прошлом счастливых племён.

Они пройдут, чудовищные годы.
 Свирепою, кровавою пятой
 Поколебав все царства и народы
 Безудержной, безумною мечтой.

Они пройдут, кошмары слёз и муки,
 Мятежные, преступные года,
 Года скорбей, лишений и разлуки,
 Разбившие надежды навсегда.

Они пройдут, носители невзгоды,
 Разрушившие грёзы о добре,

Царь – это Солнце блистательной славы;
 Царь – это гордость страны,
 Грозная сила могучей державы,
 Страшный врагам без войны.

Царь – это вера и правда святая;
 Звон златоглавых церквей,
 Русь богомольная, Русь вековая
 Дедов, отцов, сыновей.

Царь – это вдовьи отёртые слёзы,
 Труд безмятежный в глуши;
 Царь – это лучшие, светлые грёзы
 Любящей русской души!

1923 год

* * *

И вспомним мы о позабытом Боге
 И об убитом Ангеле-Царе.

Поймут обман очнувшиеся хамы
 И, вновь ютясь к родимым очагам,
 Воздвигнут вновь разрушенные храмы
 И вновь поклонятся поруганным богам...

Свечу пудовую затеплив пред иконою,
 Призвав в слезах Господню благодать,
 Начнёт народ с покорностью исконной
 Своих Царей на службах помянуть.

1920 год, Ялта

Георгий Владимирович Иванов (1894–1958)

Эмалевый крестик в петлице
И серого френча сукно...
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны –
Наследник, Императрица.
Четыре Великих Княжны...

1949 год

Арсений Иванович Несмелов (1889–1945)

В этот день

В этот день встревоженный сановник
К телефону часто подходил,
В этот день испуганно, неровно
Телефон к сановнику звонил.

В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые строки,
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.

В этот день, в его мятежном шуме,
Было много гнева и тоски,
В этот день маршировали к Думе
Первые восставшие полки!

В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, – надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.

В этот день машины броневые
Поползли по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим!

Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский гон, –
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон.

В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день Царица прижимала
Руки к холодеющей груди.

Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день?!

Владимир Александрович Петрушевский (1891–1961)

К портрету Царя Мученика

Годы льются своей чередой,
Но чем дальше семнадцатый год,
Тем ясней путеводной звездой
Ты сияешь над морем невзгод.

За тобой воцарилась плаха,
Сатана и «великий обман».

От тебя не осталось и праха,
Нет могилки – лишь горя курган!

И запишут историки в были
Нашей Русской великой земли:
По тебе панихиды служили,
Но отпеть никогда не смогли...

Пред тобой, оклеветанным светом,
 Павшим жертвой за честь и народ,
 Вместо праха пред этим портретом
 Мы склоняемся из года в год...

У Всевышнего молим прощенья:
 «Всемогущий! Прости, не карай!
 Дай узреть нам Руси воскресенье,
 А Царю убиенному – рай».

192? год

* * *

Там, за Божьею околицей
 С небом сходится земля,
 Царь Никола крепко молится
 За родимые поля.

Всех последних лет колодники,
 Имена Бог знает их.

С Ним все русские угодники
 И миллионы душ святых,

Императоры Российские
 И Цари Святой Руси
 Бьют поклоны Богу низкие: –
 Боже, Родину спаси!

Их Императорским Высочествам Августейшим дочерям Государя

От рук проклятых и ужасных
 Погибнуть были вы должны,
 Четыре девушки прекрасных,
 Четыре Русские Княжны.

Ваш взгляд молитвенно-лучистый,
 Последний в жизни взгляд очей,
 Сказал, что вы душою чистой
 Простить сумели палачей.

Одна была вина за вами:
 Любовью к Родине горя,
 Её вы были дочерьми,
 Как дщери Русского Царя.

Последний вздох... Утихли слёзы...
 Исчезла жизни суета...
 Четыре царственные розы
 Прошли чрез райские врата.

Ноябрь 1923 года

* * *

Нам некого винить – мы сами виноваты,
 Что «красная» взошла над Родиной заря,
 Ведь это только часть заслуженной расплаты
 За то, что своего мы предали Царя.

Мы были все тогда под властию гипноза,
 И козни дьявола казались правдой нам.
 Цвети ж, благоухай, свободы дикой роза,
 Но помни – кровь Царя взывает к Небесам.

Когда же минет срок Божественного гнева,
 Простит Господь заблудший наш народ,
 Мы громко скажем тем, кто звал Россию влево:
 «Вам в Палестину путь, а нам с Царём – вперёд».

1922 год

Николай Николаевич Туроверов (1899–1972)

Праздник

Ему объявили сквозь слёзы,	Всё будет и бедно, и просто,
Что в этом печальном году	Что все ожидания зря, –
Не будет Деда Мороза	Но не заплакал подросток,
И ёлок в дворцовом саду,	Последний наследник царя.

Виктор Васильевич Афанасьев (в монашестве Лазарь) (1932–2015)

* * *

Когда тьмой покрывается лес,
 Загорается облако света, –
 Богородица сходит с небес
 На забытое кладбище это.

Как сквозь листьев весеннюю ярь
 Божий мир улыбался солдатам,
 Как христосовался Государь –
 К лику лик – с каждым воином-братом.

Нет на нём ни крестов, ни могил,
 Нет и церкви, здесь бывшей когда-то,
 И народ наш давно позабыл,
 Что лежат здесь царёвы солдаты.

А потом – словно ядерный взрыв
 Ослепил и обжёг наши души,
 Кровью царскою их обагрив,
 В них и веру, и память разрушив.

Не о них Она молится тут,
 Вместо нас обходя это поле, –
 В дивном свете их души живут,
 Не лишённые Богом их доли.

Мать Божья в таинственный час,
 Проходя над могилами павших,
 Молит Господа Бога о нас,
 Всё забывших, разбивших, предавших.

Может быть, не забыли они,
 Православные эти крестьяне,
 Как Россия в Пасхальные дни
 Возрождалась в небесном сиянье.

Нет, Она не покинула нас,
 И о том Она молится Богу,
 Чтоб огонь тот, что ныне погас,
 Возгорелся опять понемногу.

1995–1996 годы

* * *

Помнишь ли ты имена их, Россия?
 Кровью залита их жизни заря:
 Ольга, Татиана, Мария, Анастасия, –
 Четыре дочери-голубицы было у нашего Царя.

Когда ты видишь крыл голубиных сиянье
 В лазури неба, над золотым церковным крестом, –
 Это их души – чистые вестники покаянья,
 Посланные тебе, Россия, Самим Христом.

1995–1996 годы

Река Турá

Дымится труба парохода;
 В тиши раздаются гудки...
 Бурлят под колёсами воды
 Холодной уральской реки.

На палубе Царь и Царица
 Пославшей их в ссылку страны, –
 Печальны их светлые лица,
 Смиренья их души полны.

Им видится церковь на взгорье
 Средь сельских избушек простых, –

Здесь друг их Распутин Григорий
 Усердно молился о них.

Сердца их исполнили грустью
 Родные для старца места, –
 Христовой он был для них Русью,
 Убитой врагами Христа.

Был вечер... И двигалось трудно,
 Навек уходя в темноту,
 Везущее узников судно
 С названием «Русь» на борту.

18 мая 1998 года

Лаура Кимовна Цаголова

Памяти последнего Государя

Между жизнью и Жизнью упорствует смерть,
 Коротает былин междометия.
 Ты затравлен и брошен в прокрустову сеть
 Искупительной Жертвой столетия.

Ты молился за тех, кто тебя предавал,
 Агнец царствия чистосердечности...
 Но Земля погребла богомольный овал
 В теневой стороне человечности!

Запожарило яростью тихий простор,
 Омертвели лампы затворников.
 Прялка времени злой повела разговор,
 Соловьи превратились в разбойников.

Зачерствели колосья в гортани полей,
 Не желая растрачивать золото.
 Засверкали клыки у домашних зверей,
 Одичавших от пришлого холода.

Да заохали створки всевидящих снов,
 Запророчили муку крошечную:
 Суждено несвятым причаститься даров,
 Обагриться за Русь безутешную.

Ты ложился на травы внезапных утрат,
 Как на небо бывшие хранители...
 Скорбной вестью немел колокольный набат,
 Наполняясь слезами Спасителя.

Владимир Константинович Невярович (р. 1952)

Царские дочери

Царские дочери, царские дочери,
 Счастье и славу вам в жизни пророчили,
 Мир восхищался и зрел вас воочию,
 Царские дочери, царские дочери.

Из лихолетья гляжу в ваши очи я,
 Полные скорби, страдания в ночи...
 Память в народе о вас обесточили,
 Царские дочери, царские дочери.

Дни наши ныне и мига короче,
 Нет у России царевен, лишь прочие,
 Есть «мисс Вселенная», «красавицы Сочи»,
 Царские дочери, царские дочери.

Души забвеньем у нас заколочены
 И клеветой на Царя опорочены.
 Вечным укором стоят у обочины
 Совести нашей... царские дочери!

Цесаревич

Ты глядишь в матросской курточке своей,
 Как Россия обрубает якоря...
 О, пресветлый страстотерпец Алексей,
 Сын последнего российского царя!

Сколь пророчески ты кровью истекал –
 Вся Россия после кровью истекла.
 Тот подвал пронзал винтовочный оскал –
 Так вот Русь в подвал загнали силы зла.

Только кротость в тебе, отрок, только свет,
 Только правда и святая доброта.
 Но возвёл тебя Господь в тринадцать лет
 На вершину всероссийского креста.

Помолиться бы сейчас России всей!
 Чудо Пасхи нам даровано не зря...
 О, пресветлый цесаревич Алексей –
 Образ будущего русского царя!..

20?? год

Кирасирская церковь

*Андрею Барановскому и приходу
церкви св. мученика Иулиана Тарийского
в Царском Селе – полкового храма
Кирасирского Его Величества
лейб-гвардии полка*

Слава прошлого, не тлея,
Оживает в звоне лир.
Царкосельская аллея,
Церковь «жёлтых» кирасир.

Значит, встанут и другие
Храмы взорванной страны,
И под пень с литургии
Сгинут слуги сатаны.

На крестах – золотое пламя,
Будто зарево из мглы,
И парят над куполами
Двоглавые орлы.

Светят звёзды-кирасиры
Ратной славой вековой,
Трубы ангелов и лиры
Марш играют полковой.

Пережив эпоху страха,
Годы зла и нищеты,
Этот храм восстал из праха
В блеске прежней красоты.

Звону дивному внимая,
В мир приходит, как заря,
Девятнадцатое мая –
День рождения Царя.

Проводы гвардии. 1914 год

Мерным шагом двигались колонны,
Лошади ступали тяжело,
Гвардия грузилась в эшелоны,
Покидая Царское Село.

И слова прощания звучали,
Лязгали, гудели поезда.
И глазами, полными печали,
Женщины глядели в никуда.

В воздухе холодном и упругом
Вечер плыл, густея синевой.
И стояли тесным полукругом
Кирасиры в форме полевой.

Полыхала даль у горизонта,
Будто воспалённая гортань,
И казалось, до сплошного фронта
Можно дотянуться, лишь привстань.

А вокруг в такой же серой форме,
Как из бездны, рос поток людской,
Медленно стекая по платформе
Гулкой человеческой рекой.

Но была команда: «По вагонам!»
И составы двинулись, звеня.
И пропал за дальним перегонем
Отблеск умирающего дня.

Солдатам 1-й мировой

В эпоху каверзных систем,
Где тлеют времени останки,
Мне так же холодно, как тем,
Кто шёл с «Прощанием славянки»

В окопы Первой мировой
И умирал под хмурым небом.
Давно их нет. Но я, живой,
Всё ж помяну вином и хлебом

Погибшей армии солдат
 И, честь отдав былому строю,
 Из вороха забытых дат
 Своё убежище устрою.
 И полетят издалека
 В часы бессонницы и муки
 Через года, через века
 Стальные маршевые звуки,

И будет русское «ура»
 Греметь у самой преисподней...
 Нет, лучше страшное Вчера,
 Чем безотрадное Сегодня!
 Нет, лучше шквал слепой пурги,
 Окопный холод, хлеба крохи,
 Чем в бездну скользкие шаги
 По склону тлеющей эпохи.

Царское фото

Снова в историческом тумане
 Из былых времён картина снится:
 Государь в гусарском доломане,
 В бальном платье юная Царица.

Мир и счастье. Только взорам чистым
 Видится иная перспектива:
 Век двадцатый бешеным чекистом
 Целится из фотообъектива...

* * *

– Вот и свершились пророчества
 Старца с недобрим лицом:
 Видите, Ваше Высочество,
 Толпы пред самым дворцом?

Церкви с иконными ликами
 Рушат по воле врагов.

– Что вы, к чему наваждения...
 Беды от нас далеки!
 Это отца в день рождения
 Чествуют лейб-казаки.

– Полноте, что за истории
 Вам померещились вдруг...
 ...Жёлтый песок Евпатории
 Сыплется с царственных рук,

– Слышите выстрелы с криками?
 Снова под стук сапогов

Словно упала из Вечности
 В чёрный провал пустоты
 Лёгкая горсть человечности,
 Радости и красоты.

Николай II

Убивали и жгли. До рассвета
 Копошился прокуренный сброд.
 А виновен... виновен за это
 Весь двухсотмиллионный народ.

Мировую войну и Цусиму,
 И ходынскую давку клянут,

И уже не расскажешь словами
 О глубинах той дикой вины.
 Государь, что же сделали с Вами
 На руинах великой страны?!

Вспоминают «кнуты и оковы»,
 Тяжкий «гнёт» полицейских препон
 И толпу перед цепью стрелковой,
 Что привёл провокатор Гапон.

Не нашлось ни могилы, ни рва Вам
 В паутине расстрельных ночей.
 Но опять называют «кровавым»
 Вас потомки былых палачей.

А другие, напротив, до глянца
 Лакируют империи лик.
 Вакханалией пошлого танца
 Преломляется прошлого блик.

Но цинично и невыносимо
 Публицисты Историю мнут,

Вас из бездны возносят в святые
 И опять низвергают во тьму.
 Только множатся фразы пустые,
 Неизменно сводясь к одному:

Здесь, в стране, где меняют режимы,
 Не сменив сатанинских основ,
 Вы по-прежнему непостижимы,
 Образ Ваш – среди мифов и снов.

Вы глядите с икон и портретов
 Глубиной неразгаданных глаз,
 Кровотоком державных секретов
 Ваша жизнь продолжается в нас.

Путь офицера

*К 145-летию со дня рождения
 генерал-лейтенанта А. И. Деникина*

И век спустя, когда всё так же в мире:
 Рулетка – жизнь, История – лото,
 Я не в парадном вижу Вас мундире,
 Я вижу Вас в поношенном пальто,
 В Новочеркасске лютою зимою,
 В суровом восемнадцатом году,
 Где белый снег ложился бахромою,
 След заметая на багровом льду.

Теперь от смерти никуда не деться:
 Спусти курок и землю окропи, –
 Каледина простреленное сердце
 Гремит набатом по Донской степи.
 А бесы кружат, кружат над страной,
 Безжалостны, неистово страшны,
 И вот уже Гражданскою войною
 Охвачен Юг расколотой страны.

Былая слава от ветров поблекла,
 Затёрлась массой серых башлыков.
 Ещё недавно Вы водили в пекло
 Железную дивизию стрелков,
 Неслись по Луцку на автомобиле,
 Лихим ударом рвали вражий строй.
 И Вас каким-то чудом не убили,
 Но чудеса случаются порой.

Потом Вы всё расскажете кому-то, –
 Конечно, нам, и тем, кто сменил нас.
 Из «Очерков Великой Русской Смуты»
 Мы узнаём минувшее сейчас.
 Да, Вы пути не выбрали иного,
 Пройдя сквозь ад отчаянной борьбы.
 Вам светлый знак похода Ледяного
 Есть высшая награда от Судьбы!

Русские барышни

Не сплетутся для девичьих душ венки
 Из живых северянинских роз...
 Гимназистки, смолянки, бестужевки,
 Где ваш мир белых кружев и кос?
 Где вы – тонкие, чистые, скромные,
 С тихим светом задумчивых глаз?
 Только книги да снимки альбомные
 Нам оставили память о вас.
 И вновь врывается вальс,
 Уносит пары мазурка,
 Под нежный лепет валторн
 Басит усталый фагот.
 Сиянье девичьих глаз,
 Последний бал Петербурга...
 В разливе бешеных волн
 Грядёт семнадцатый год.

Институтки, курсистки – красавицы,
 Истреблённой державы цветы:
 Что разрушено, то не исправится
 Среди ржавчины и пустоты.
 Только снова к былому, нездешнему
 Вы зовёте из прошлых веков,
 Только в песенке старой по-прежнему
 Вы сбиваете снег с каблучков.

И вновь врывается вальс,
 Уносит пары мазурка,
 Живым, поющим огнём
 Гремит дворцовый оркестр.
 Навек помнит о вас
 Гранитный взор Петербурга,
 Мерцающая кружится в нём
 Созвездье русских невест.

* * *

Сонно шумит петергофский прибор
 Звонкому смеху вослед.
 «Крутится-вертится шарф голубой...» –
 Слышен весёлый куплет.

«Крутится-вертится, хочет упасть...» –
 Краток той песенки зов.
 Скоро накроет бубновая масть
 Ветреных дам и тузов.

Скоро наполнит подвалы Чека,
 Рухнет отеческий кров,
 Кровью залиются дворцы... А пока
 Светел и чист Петергоф.

Здесь ли однажды припомнишь с трудом,
 В прошлое взгляд обратив,
 Где эта улица, где этот дом,
 Где этот старый мотив?

Знамя колышется гордо и плавно,
 Вензель сверкает, дрожа.
 Кажется, всё это было недавно,
 Цепкая память свежа.

Взор Государя. Пред замершим строем
 Вёрсты в огнях и крестах.
 Шёпот восторженный: «Слава героям!»
 Тает на милых устах.

Или же всё это выдумал кто-то,
 Душу вверяя мечте?
 Яростным маршем проходит пехота,
 Бьёт барабан в пустоте.

Нет, это дождь барабанит по крыше,
 Ветер листвою шелестит.
 Новое время, бывшее не слыша,
 В чёрную пропасть летит.

* * *

Старинные фото хранят не напрасно
 Улыбки и взгляды из давности той,
 Где милые дамы волшебны-прекрасны,
 И время не властно над их красотой.

Пленительность черт
 И богатство нарядов –
 Лишь дым для поэтов минувших веков:
 Божественный свет от улыбок и взглядов
 Вливался в созвучья бессмертных стихов.

Великие Княжны

1. Ольга

Вьётся ментик голубой,
 Счастьем брызжет улица.
 Вашей царскою судьбой
 Целый мир любит.

Веет ладаном от рук,
 Вас благословляющих.
 Сколько верности вокруг,
 Сколько глаз сияющих!

Враг уходит стороной,
 Гаснет злоба дикая, –
 За Великою княжной
 Русь стоит Великая!

Но – слышны удары пуль,
 Стоит лишь зажмуриться.
 ...Год тринадцатый, июль.
 Счастьем брызжет улица.

2. Татьяна

Погазли средь ночи расстрельной
 Рубиновых звёзд огоньки,
 И в грудь, где был крестик нательный,
 С размаху врубилась штыки.

В кровавом мерцающем свете
 Мелькнуло видение вдруг:
 ...Ливадия, море и ветер,
 Любимые тени вокруг.

Ливадия, ветер и море,
 Беспечная радость сестёр,
 Которых убитыми вскоре
 Изрубят и бросят в костёр.

Но что это?! Снова природа
 Бунтует и волны бурлят.

Ей видятся толпы народа
 И чей-то потерянный взгляд.

Все словно бы русские тоже,
 Но в лицах иные черты –
 Какой-то невидимой дрожи,
 Какой-то слепой пустоты.

А люди в столетнем тумане
 Идут и идут по стране
 И падают в ноги Татьяне,
 Татьяне – Великой княжне.

– Не надо, не надо... Пустите.
 Оставьте. Мы... Крест свой несём.
 Но льётся мольбою: Простите.
 Простите, простите за всё.

3. Мария

Снова у империи в трюме
 Крысы начинают возню.
 Девочка в матросском костюме
 Смотрит вслед весеннему дню.

Крысы в Государственной думе
 Страшную измену творят.
 Девочка в матросском костюме
 Не отводит солнечный взгляд.

Но и крысы в гибельном шуме
 Видят из швейцарских пивных
 Девочку в матросском костюме,
 Всех её друзей и родных.

С них начнут, а далее в сумме
 Будут миллионы смертей.
 Девочка в матросском костюме,
 Помолись за русских детей!

4. Анастасия

Сказочно и несказанно просто
 Искрами у детского лица
 Отражались розовые звёзды
 В окнах Ливадийского дворца.

Чередой фигур, поклонов, пауз
 Длился бал в слепящей красоте,
 И дарил свой вальс маэстро Штраус
 Русской императорской чете.

Но другую, странную Россию,
 Спящую средь пашен и морей,
 Помнила княжна Анастасия,
 Младшая из царских дочерей.

Помнила за стенами вагона
 Величавый шум людской волны,
 Помнила, как поезд брал с разгона
 Вёрсты нескончаемой страны.

...По железу скреп имперской мощи
 Прогремела дикая война.
 За окном кровавый флаг полощет,
 Тихо плачет младшая княжна.

Не о прошлом... Прошлое не судят
 Дети царской крови голубой,
 А о том... о том, что дальше будет,
 Родина несчастная, с тобой.

Дети Царской России

Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...

*И. А. Бунин.
Окаянные дни, 1920 год*

Кровью снег оросили,
Повзрослев навсегда,
Дети Царской России,
Что ушли в никуда –
На века, безвозвратно,
В серый мрак пустоты.
Но приходят обратно
Их былые черты,

Оживая на фото,
Пробуждаясь в душе...
Может статься, кого-то
Мы встречаем уже.
И не кадр фотоплёнки
Нам Россию вернёт –
Взгляд обычной девчонки
Прежним светом мелькнёт.

О. А. Шульчева-Джарман

* * *

Я уйду ко Христу –
ни в туман,
ни в огонь,
ни в предутреннем мраке бреда посолонь,
я уйду ко Христу –
ни в закат,
ни в рассвет,
ни в бесцельную боль нерастрченных лет,
я уйду ко Христу –
ни в горнило словес,
и ни в радости райской заоблачный лес,

я уйду ко Христу –
но не в музыку сфер,
не в мелодию вечных законов и вер,
я уйду ко Христу –
ни в огонь, ни в туман,
и не в зеркала медного добрый обман, –
так, как познан был сам,
называя на «Ты» –
где живая вода и живые цветы.

01-02.03.2018

* * *

В колосе зёрна выше возносят глас,
Тихо, волна морская, молчи сейчас –
Дно деревянное лодки – на водах твердь.
Только увидеть землю и умереть.
Мачта сложилась точно, и парус – бел,
Что ты увидел, Петре, что не успел?
Песня, дорога, песня колеблет твердь.
Просто увидеть землю и умереть.

Как, устремившись в дол от звёзд и вершин,
Крылья в страхе пред Ним сложил Серафим?
Как не обрушилась всеми созвездьями твердь?

Просто увидеть землю и умереть.
Выше, земля, о, выше! – Воспой и пой!
Тот, что по правую сторону, – Он с тобой!
Он, вкушающий хлеб твой, вино и смерть,
Он, на руки подняв, не даст умереть.

19.02.2018

* * *

Слышать слухом уха,	Напоив огнем, –
Не увидев встреч, –	Ветер, Тихий Свете,
Прореки о Духе,	Пневма Иларон
Сыне Человечь	Навсегда и с нами,
Междорамий пламя	В Нём, к Нему, о Нём –
Голубя крылом,	Агиос о Феос
На ладонях раны	Пневма Иларон
Святят серебром.	
Песни петь планете,	23–24.01.2018

Прощание

О. И.

Всех спасение. Плинфа. Сухая земля.	Воскресение. Петь, и умолкнуть нельзя,
Хлеб в огне неотмирной свободы.	Светолитие падает в бездну.
Невозможно изречь и помыслить нельзя	Изольётся вода, осушится слеза,
Эту молнию, бьющую в воды.	Но умершие прежде воскреснут.

25.12.2017

* * *

И нет воды хрустального ручья,
И плача – нет. И вся земля – ничья,
Осенена без времени и лета.
Нет памяти, нет боли, нет завета,
Нет крепкого и крепкой. Погляди,
Нет ли конца у этого пути,
С одной ризой и сумой без хлеба?
...И нет другого Имени под небом.

23–24.10.2017

Песня Агари

Пустой сосуд в моих руках,	За край ладью Твою схвачу,
То – полночь, сад, апрель.	Неудержимый бег
Звучит, звучит в Твоих устах	Кому – Отцу иль палачу?
Египетский Халлель...	Где Ты увидишь всех?
И солнца жар неутолим	Скалы и камня тяжек вес,
Несет с собой заря.	Не сдвинет человек.
Твой путь, молю, останови,	Река, сошедшая с небес,
Ты, Видящий меня!	Не жадать нам вовек.

2–3.09.2017

Египетский Халлель или Великий Халлель – псалмы 112-117 и 135, которые евреи пели по великим праздникам, прежде всего на Пасху. «И, воспевши, пошли на гору Елеонскую» (Мф. 26: 30; Мк. 14: 26). После Тайной Вечери Иисус с учениками пошли в Гефсиманский сад. Это – путь на Страсти.

Рассказ о сбивающем-с-пути (история Савла)

Был сряц полуденный и зной,	Сбивающий-с-пути уснуть
пал подо мною вол.	не может ни на час,
Сбивающий-с-пути со мной	но я сворачивать не стал
два поприща прошёл.	и продолжал идти, –
На крыльях ветра – мрак и лед, –	и Он тогда меня догнал,
лети, стрела, лети!	Сбивающий-с-пути.
Он солнца остановит ход,	Кто Ты, Стоящий посреди?
Сбивающий-с-пути.	Идем за Ним, идем!
Средь сени смертной был мой путь,	Взгляни! Он сбил меня с пути
среди аспижьих глаз.	и стал моим Путем.

26.06.2017

Керенгапху

Не было в мире прекраснее дщери
по имени Керенгапху.
Не открывайте в полудне двери –
от воды перехватит дух.
Вода в колодце, вода ледяная –
она даётся своим,
и все мужи, её прочь прогоняя,
не пускали к горе Гаризим:
«Ты – волшебница из Аэндора,

С. Я.
Ты – рака и не знаешь Закон!
Не ходи поклоняться на гору!»
И они её выгнали вон.
И от жажды Ты обессилел –
что я сделала, мне скажи?
Я спросила их о Мессии,
и меня прогнали мужи.
Но достанет до дна колодца
вервь Раввина, вервь моя –

Нас с Тобой опалило солнце,
я воды набрала на донце,
и, вкусив, с Тобой умерла.
... Не было в мире прекраснее дочери Иова –
Керенгапхух,
её колодец наполнили воды,
что сладки,

как жизнь и как Дух.
Ловите лисиц, собирайте крины,
отпускайте на волю птиц!
Живая вода – изгнанным напиться
и среди виноградников жить.

14.05.2017. Неделя о Самарянке

Песня Хананеянки

Видишь они за Тобой идут
камни умолкнут они вопиют
чтобы не обернуться мне вспять
вслед Тебе не кричать
крохи Твои под моим столом
чада-щентята играют в нём
пира и радости полон дом
знамя Твоё надо мной
слышишь солдаты сюда идут
здесь поцелуями предают
как на горах ароматов олень
Ты убегай скорей
словно Орфей шагаешь ты вниз

как Александр и как Дионис
словно Асклепий Спаситель всех
Отчею молнией
капли от крови землю прожгли
от Галилеи до края земли
велия вера Твоя
Раввуни
хоть слово одно скажи
как на рассвете встретишь меня
новое утро нового дня
где Ты надежду мою положил
имя моё скажи.
19.12.2016

* * *

Кто Ты? Откуда? – Илия, Иеремия, Раб
Яхве, Отрасль, Сын
Божий, Адамов и Мариам,
Кто, умирая, с Собой погребает Храм, –
Муж видений, скорбей, желаний,
Сампсон, обретающий мёд, –
Душа Твоя с иноплемениками умрёт –
Орфей, Дионис, Асклепий, Таммуз, Осирис, –
Пиво испей и на ноги Твои поднимись, –
Безумец, мудрец, самарянин, рака, илот –
Ты – Авраама видевший? Бар –
наша?
Наша Надежда, странник, раввин, зилот –
Кто Ты – пророк, Илия, Иоанн или маг,
Итак
Ты – Царь?
Тот, Кто колонны Храма ломает влёт,
Тот, Кто песнь прекраснейшую поёт.

01.04.2017

Слепорождённый

Пусть не узнать Тебя в лицо,	Но остановят скорбный шаг
Не удержать за ноги –	Те, кто поднял носилки.
Одежда, обувь и кольцо,	Не будет слёз ни у кого...
Стоящий на пороге.	Три дня, три долгих ночи.
В полудни – тьма, в полудни – мрак,	...И вы не знаете Его,
Свирели и сопилки,	И Он отверз мне очи.

27.12.2016

Я. Г. Батищева

Маленький камень

Я – маленький камень, с меня камнепад
 Начался неожиданно, в нём каждый мой брат
 Был больше меня и по голосу громче,
 Наш гулкий полёт был у тропки окончен.
 Я падать решился, и думал я только
 О тёплой ладони, ладони ребёнка –
 Я думал, быть может, в сиянии дня,
 Гуляя, мальчишка нашёл бы меня.
 Я замер у тропки, мой голос затих,
 Я стал незаметен среди братьев моих.
 Что делать мне? Мальчику строгая мать
 По горной тропе запретила гулять...

Печальная осень спустилась на склоны
 И гор, и холмов. А над маленьким домом
 Под вечер танцующий вился дымок,
 Светилось окно... Я смотрел и не мог
 Ни ветру, что выл надо мною, подпеть,
 Ни двинуться с места и дальше лететь.
 А ветер под небом всё более грозно
 Ревел. И надолго весь склон от мороза
 Укрыло снегами, и в снежной могиле
 Неясные сны мою душу томили:
 Я видел стремительный водный поток,
 Несущий меня, но поверить не мог...

Как тяжело мне было неверие это,
 Как тяжёлый был сон мой, и мрак без просвета!

Но вот я очнулся, подтаявший снег
 По мне в полусне ручейками потек.
 И ясное небо открылось над нами,
 Все льды и снега обращая ручьями,
 И бурный поток, подхвативший меня,
 Искрился и пел, и быстрее коня
 Мчал долу, как камень, летящий со скал,
 Туда, где я прежде ещё не бывал!
 Не знаю, как долог был путь мой, но вот
 Степеннее стало течение вод...

Я снова недвижим, и снова забыт
 В траве, что растёт через трещины плит.
 Смирившись, все дни напролёт я дремал,
 И скалы, и братьев моих вспоминал,
 Я видел, как тает на солнце роса,
 И изредка слышал людей голоса.
 Как быстро они затихали вдали!
 А травы всё выше и выше росли...

Построены стены, и башня готова,
 И лишь для верхушки нет камня такого,
 Что замка достоин своей красотой.
 И братец сестрёнке сказал вдруг: постой,
 Ты будь рядом с замком и жди меня, я
 Пойду поищу у сухого ручья,
 Где старой дороги разбитые плиты
 Весною размыло. Меня подожди ты!
 Кто знает, как долго тогда на коленях
 Она украшала цветами строенья...
 К сестрёнке по склону мальчишка бежал,
 В руке его маленький камень лежал.

2014

* * *

В синем небе паутинка
 Самолётной полосы,
 Сам он, маленькая льдинка
 Или капелька росы,
 В синеве блестит глубокой,
 Пишет линию свою,

Где-то там в стране далёкой
 Ждут его. А я стою
 У окна, и ветви сосен
 Заслоняют белый след,
 А над ним сияет просто
 Небо, запад, тихий свет.

* * *

Какая зима холодная,	И лишь небеса раздольные,
Спокойная, неизбежная,	А в них – белизна кромешная,
С бледностью благородною,	А в них – тишина растущая,
Здесьняя и нездесьняя.	Бесслёзная, безутешная!...
Какие снега тяжёлые,	О, где вы, поля цветущие,
Дороги, во тьме исчезшие...	И радость земная вешняя?

* * *

Я вернусь, я буду плакать,	Буду петь ночные песни,
Облака гонять по небу,	И ронять на землю листья,
Тосковать, стучаться в окна,	Обнимать собой деревья...
Разносить чужие письма	И моё проходит время,
Тем, кто ждёт их долго-долго,	В добрый час, за сим прощаюсь.
Но меня едва ли впустят	Вечно ваш
Отогреться у камина.	Осенний ветер.
За окном я буду плакать,	

* * *

Устав от снов, отсмотренных во сне,
 Потерянное утро обрезаю,
 И, как страницы, дни мои читаю,
 Как дар приемля свет и смыслы дней.

* * *

Только признай, что суть жизни – дыхание,	А что-то одно без чередования
И покуда мы живы – дышим:	Было б смертельно, убийственно плохо.
Чем дышим, тем и живём. Признание	
Тем вернее, чем сказано тише.	Дело не в том, чтоб на несколько счётов –
	Сосредоточенное и правильное, –
Только заметь, что сущность дыхания	Было б дыхание. И в нём есть что-то,
В чередовании выдохов, вдохов.	Тайно воспринятое и раздаваемое.

Русская песня

Веет хладом бурь-погодушка,	Да под тучей тёмной вороны
Веет во моём саду	Кличут, где же соловей.
Песен не поёт соловушка,	
Зря я у окошка жду.	Худо нынче малым пташечкам,
	Распустившимся цветам,
Гнутся ветки во все стороны	Холодно, да тучи страшные
У черёмухи моей,	Мчатся вдаль по небесам.

Поэзия Андрея Иванова светла, воздушна, лишена какого бы то ни было сумрака. Его стихи читать легко – они без труда «выпеваются», потому что заложенная в них мелодия проста и доступна любому, обладающему даже слабым музыкальным слухом. Легкость и простота говорят о многом. В том числе, наверное, и об особенностях «дыхания» пишущего, об «атмосфере», которая является его «домом родным» и в которой он чувствует себя как рыба в воде.

Они говорят и о том, удался ли диалог поэта со своей душой, вышел ли он за рамки индивидуализированной отсебятины. Ведь стихами балуются многие – настоящими же поэтами назвать можно немногих. Андрей Иванов сумел прорваться «сквозь земное притяжение» душевной суеты и смуты и обрести легкость поэтического дыхания. В его стихах личное автора целиком и полностью погружено в океан веры, надежды, любви православного миропонимания, которым высветляется любая бытийная тяжесть, любые проблемы, вопросы и переживания, возникающие в личном мире поэта.

Тамара Чудиновская

Молитва за отца

На Курской дуге, где отец воевал,
ни разу я в жизни своей не бывал,
а в жизни прошедшей, как в фильме немом,
в бою рукопашном молю об одном:

Как пал Вавилон, так и рухнет Берлин.
За нашей спиной герои были
со всеми святыми болеют за нас.
Ведь должен иметь продолженье рассказ,

чтоб сын мой родился и помнил отца
не в пламени взрывов и смерче свинца,
а там, где победным, немеркнувшим днём

мы в тесной компании песни поём;
где мир обустроен без подлости, лжи.
Так будет, хоть жизнь и даёт виражи.

Спаси и помилуй от пули шальной,
Чтоб гибель моя обошла стороной.
О, Господи, милостив буди ко мне
во гневе Твоём, в негасимом огне.

На грешной земле, да и в мире ином,
пусть сын за отца прочитает псалом
и вспомнит, как тот выходил из кольца,
как бой принимал и стоял до конца.

январь 2000 г.

Св. Георгию Победоносцу

В день, когда поражается змеей
и стада выпускаются в поле,
воздух сладок и небо ясней
и болящий не чувствует боли.

Сам Георгий на белом коне
возвещает о скорой развязке.
Чует нечисть, что сгинет в огне
со своим вдохновителем в связке.

Пусть недолог блаженный покой
в пенье птиц и цветении вишен
и, тревожной исполнен тоской,
день грядущий ещё не услышан,

Но уже поднимается храм
словно воин для яростной брани,
приобщая к священным дарам
стадо малое. С Богом воспрями!

6 мая 2001 г.

Усекновение головы Иоанна Предтечи (11 сентября)

Кисть рябиновая в гроздьях тяжела,
Ты меня в пустыню парка привела.
Близок плод, да не достать поди рукой,
не согнув ствола упругою дугой.

Как бы мне не заломать тебя, мой друг,
чтобы жизнь не оборвалась эта вдруг,
чтобы с плеч не полетела голова
за дела мои да гордые слова.

Где Русь Святая, где край небес
находит на край земли;
где вместо солнца сияет Крест,
а скорби давно прошли, –

Там ежевики полным-полно,
в лощинах зреет орех,
там с душ увечных речной волной
смывается смертный грех.

Там нету жажды и хлада нет,
Питает всех благодать.
Её не вызвать звоном монет,
словами не передать.

Ты меня, Предтеча Спасов, помяни
в эти горечи исполненные дни
в вечном царствии Небесном, что вот-вот
снидет с Господом и верных призовет.

К миру горнему из дыма и огня
хоть в последний миг, да выведи меня.
Не остави нас, заблудших, в грозный час
в сердце кровию пророческой стучась.

сентябрь 2002 г.

* * *

Памяти тётки Шуры (†19.2.2003)

Туда ушли мои старики.
Будь милостив к ним, Судья.
На берег Волги, родной реки,
Пусть высадит их ладья.

Зачти им страшный, голодный год,
разруху после войны,
терпенье вынесенных невзгод
в противовес их вины.

А за оставшиеся долги
я плачем порой плачу.
Спаستись нам, Господи, помоги,
потери мои уврачуй.

март 2003 г.

Пасха 2003

День благодатный – Христос Воскресе! –
радость лучится в моё окно
отзвуком чудных нездешних песен,
слышать которые мне не дано.

Сердце моё, ты прости обиду.
Дастся тебе тишина и покой.
Как же я в брачный чертог прииду
в мрачном хитоне или нагой?

Там уготовано воздаянье
тем, кто напасти терпел до конца.

Зреют неспешно плоды покаянья
в горних обителях Бога Отца.

Ну же, душа, потрудишься немного,
Быть благодарной не уставай.
Станут молитвы твои залогом
чуда спасенья средь волчьих стай.

Где твоё жало, поборник смерти?
Солнце восстало и гонит мрак.
Гроб опустел. В небесах и на тверди
мир предначертан, повержен враг.

апрель 2003 г.

Написал бы я сказку

Написал бы я сказку с хорошим концом,
где царевич явил бы себя молодцом,
чтоб опорой был ему меч-кладенец
да невеста, с которой идти под венец;

чтобы в мире последнем, средь огненных рек
его вовремя старец бы предостерег,
указуя тропу на спасительный мост
через скорби, которым дарован прирост.

Знаю, сказки такие не в моде, пока
у Кощея Бессмертного крепнет рука,
а Иван в безысходности горькую пьёт
и Кощея ругает, и Бога клянёт.

Но поставлен невидимо свыше предел,
и уже приближается водораздел,
за которым воспрянет воскресшая Русь,
но какими скорбями – сказать не берусь.

май 2003 г.

Молитва

Пусть неоткуда ждать письма,
зато дорогою льняною
летит, сокрыта пеленою,
молитвы тонкая тесьма.

Она, не ведая преград,
всех пребывающих в разлуке
из тьмы возводит в светлый град,
берёт унылых на поруки.

Так поспеши открыть псалтырь.
Не торопясь дойди до Славы,
проси у Господа управы,
оставь свой камень-алатырь.

Знай, в сердцевине всех скорбей
таится горькое лекарство.
Взыщи его, не оробей
и будешь удостоен Царства.

май 2003 г.

Великая суббота

Пока Христос еще во аде,
сжигайте мысли грязный тлен.
Пусть тень в душе бежит в досаде,
а чистота встаёт с колен.

Пусть разорятся злословье
и возмущенья гордый дух,
дабы душевное здоровье
вернулось к тем, кто чёрств и глух.

Спешите в погашенье гнева
чтобы во веки не гореть.
Кто там сворачивает влево?
Отпавших напрочь только треть,

и та восполнится с приходом
непобедимого Христа.
Воспрянем дружно крестным ходом
к Нему сквозь тесные врата.

апрель 2004 г.

Пасха 2006

Еще листва не распустилась,
Трава не начала расти,
А жизнь даруется как милость,
Как грош у нищенки в горсти,

Как это небо голубое
И голуби на небе том,
Как встреча званых нас с тобою
На брак в высокий Царский дом.

Я знаю: счастья не достоин
 В золотоловых теремах.
 Не иерей я и не воин
 И много лет брожу впотьмах,

Но только протяни мне руку,
 Но только взгляд не отведи.
 Ведь Ты затем и принял муку,
 Чтоб мне, слепцу, в Твой дом войти.

26 апреля 2006 г.

Священник Игорь Иванов

Накануне

Прокудин-Горский... Ваш автопортрет,
 Сергей Михайлович. Река Королисцхали.
 Не чеховский, не репинский сюжет,
 но боль щемящая витает рядом с Вами.

Покой и тишина. Задумок – пруд пруди!
 Объездить целый мир, поймать мгновенье!
 Но грусть в глазах, и гнёт опять в груди,
 и тяжесть разливается по венам...

Стекланный негатив разбить немудрено!
 Но двадцать сотен снимков сохранилось!
 И век спустя мы смотрим полотном
 былую жизнь, что Вам тогда открылась...

Фотографическая память – лишь подмога
 ещё раз вспомнить: живы все у Бога!

Ударный батальон

Из угрюмой столицы
 на огонь всесожжения
 уходили девицы
 в серых полушинелях.

На вокзале галдели
 мужики тыловые
 и в затылки глазели,
 что небрежно обрили:

«Чтоб в семнадцатом биться
 за былую Россию,
 удалые девицы,
 мы о том не просили!»

Глупо врущие трубы,
 ваши чистые лица,
 плотно сжатые губы
 будут долго нам сниться...

Осень Семнадцатого

А кто-то печку топит в этажах.
И свежей гарью в нос шибает ветер.
Нелиберален, нурукопожат,
Дворянский Питер осень снова встретил.

И сизым дымом дух его повис,
цепляясь за карнизы рваным краем.

В дворах-колодцах аристократизм
галантно из голландок выдуваем.

Чем топят изразцовый антураж?
Паркетом, книгами, альбомами курсисток?
Сгорает прошлое в холодных этажах
поспешно, обречённо, неказисто...

Царский сонет

Не сон, не наважденье, не дурман –
Реальность пострашней галлюцинаций...
Кому довериться? – Скрипит перо по глянцу:
«Кругом измена, трусость и обман...»

Сибирский тракт... С реки ползёт туман...
Но зябнуть не пристало самодержцу!
Конвойный спит... И никуда не деться:
«Кругом измена, трусость и обман...»

Сто лет прошло. Утихла боль от ран...
Где благородство в мире ассигнаций?!
...И слышится в неистовстве оваций:
«Кругом измена, трусость и обман...»

Кто фарисей, кто прокуратор, кто мытарь...
...С иконы милосердно смотрит Царь.

Северо-Западный романс (Осень 1919)

Что хрустишь ты дубовой веткою,
щурясь бликам балтийской зыби?
Привкус славы и горечь погибели
на всю жизнь стали нашей меткою!

Ночи стылые, ночи расстрельные,
инфернальные, осатанелые...
Перекатывался заиндевелый
красно-белый клубок под Стрельною!

Дни промозглые, дни невзрачные,
нераскаянные, окаянные,
дни плелись куда-то, как пьяные...
А Юденич стоял под Гатчиной!

...Без отчизны, без роду и племени,
в старой форме до стрел отглаженной,
лес мы валим артелью слаженной
для Эстляндии, где-то под Ревелем...

В Петрограде заложники забраны...
Плебс согнав на защиту республики,
кокаиновым бредом обкуривал,
децимацией Троцкий подбадривал.

Что хрустишь ты дубовой веткою,
щурясь бликам балтийской зыби?
Привкус славы и горечь погибели
навсегда стали нашей меткою!

Толща огня

Наши мысли – как дети – сгорают в огне страстей.
 Ведь мы их – бессловесных – толкаем поспешно в пламя!
 Наши чувства – что клетки – чем глуше, тем в них темней,
 да и свет не пробьётся сквозь многометровый камень!

И что толку кричать, надрываясь, в бетонный гул?
 Ведь не слышит никто за баррикадой злобы!
 Но своей гордыни на верность ты присягнул
 И стоять будешь насмерть, смотря на измену в оба!

Вот такая история... Полный Армагеддон!
 В персональном формате. Кончина в своей скорлупке.
 ...А ведь вечный Христос, ярко-синий надев хитон,
 обнимает весь мир, согревая любовью чуткой.

Утешение

Адажио Томазо Альбинони
 Звучит какой-то неземной мечтой
 И душу лечит мне от нестерпимой боли
 За тех, кто унесён был смертью в мир иной...

Печаль плывёт наверх торжественно-протяжно,
 И ангелы молчат, мелодии дивясь.
 И очи их блестят восторженно и влажно,
 И золотом горит молитвенная связь...

А музыка парит, и некуда нам падать –
 В объятиях её не сумрачен конец.
 И скорби больше нет. А есть святая радость
 О том, что воскресит всех нас благой Творец!

Питер на Светлой

А на Страстной промозглой стыло
 в сердца людей вселялась скорбь...
 Но с Пасхой солнце благостней
 весенней оживило кровь!

Всю Светлую синеют выси,
 хоть верь-не-верь, но это факт!

Лучи нисходят независтно,
 и радость нежится в глазах.

И в сумрачных глубинах духа,
 быть может, испарится бес...
 И сам в себе разыграешь гулко:
 Христос воистину воскрес!

Наше дело

Наше дело – молиться
и денно, и ночью
за погибших в боях,
за умерших от ран,
кого холод и голод
скосили досрочно,
и за тех, чьи сердца
обезличил обман.

Наше дело – бороться
и денно, и ночью
с невидимкой чужим,
что готовит капкан
и корёжит умы,
и смеётся порочно,
и клеветает цинично,
напуская дурман.

Наше дело – надеяться
денно и ночью,
что вернётся живым,
невредимым собрат,
что свой подвиг свершит
и победу упрочит
и что свет воссияет
там, где ширился ад.

ФИЛИМОНОВ Валерий Павлович

Писатель-агиограф и публицист, поэт и журналист, академик Православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств; главный редактор, автор и ведущий православных программ радио «Слово», главный редактор вестника «На страже Православия», автор обширных монографий «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа» и «Крестом отвергается Небо. Священномученик Философ Орнатский. Житие и подвиги, слова и поучения», а также целого ряда широко известных книг и многочисленных публикаций в десятках периодических изданий и альманахов.

СОКУРОВА Ольга Борисовна

Доктор культурологии, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ЧЕРНОВА Ольга Васильевна

Писательница, автор книг «Верные до смерти. О верноподданных Государя» (СПб., 2007), «Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников» (М.; СПб., 2010, 2017, 2018).

БОХАНОВ Александр Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, в научном багаже которого сотни статей, более сорока монографий и учебников для школ и высших учебных заведений.

КУЛИКОВА Людмила Владимировна

Действительный член Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), автор книги «Летопись жизни и деятельности благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в хронике событий» (М., 2011, 2014), лауреат премии ИППО им. св. преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны 2016 года.

ГРИБ Геннадий Иванович

Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, работает официальным представителем Лобненского лифтостроительного завода (г. Москва) в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации. Выпускник Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Монахиня ЕВСТАФИЯ (Морозова)

Насельница Александро-Невского Ново-Тихвинского монастыря г. Екатеринбург, заместитель председателя Комиссии по канонизации святых Екатеринбургской митрополии.

БАРАНОВСКИЙ Андрей Валерьянович

Историк, литератор, исследователь жизни и творчества князя Владимира Палея, автор книг «Князь Владимир Палей. Биография. Стихи» (Царскосельский Романовский фонд, 1997), «Музы Венценовой Семьи» (СПб., 2008).

Священник Игорь ИВАНОВ

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии; главный редактор научных журналов «Христианское чтение», «Труды и переводы» и «Русско-Византийский вестник»; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; штатный клирик храма Преображения Господня в Лесном (Санкт-Петербург).

ЛЕМЯКИНА Зоя Николаевна

Старший научный сотрудник археологического музея-заповедника «Горпиция» г. Анапы.

БЕЛОНЕНКО Александр Сергеевич

Музыковед, исследователь истории музыки, музыкально-общественный деятель. Кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ, заслуженный деятель искусств России, президент Национального фонда имени Георгия Свиридова, директор Свиридовского института, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат премии мэра Санкт-Петербурга, племянник композитора Георгия Свиридова.

БОЛТОВСКАЯ Людмила Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ТУХЛЕНКОВ Сергей Феликсович

В 1988 году окончил Хабаровский государственный институт культуры. Выпускник Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского (2014 г.). Певчий праздничного хора собора Покрова Божией Матери города Гатчины. Преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Автор статей и цикла лекций по тематике: музыка и православная культура.

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович

Член Творческого союза художников России. Преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Автор книг, газетных и журнальных статей, а также цикла радиопередач по основам богословия православной иконы.

ГУСАКОВА Виктория Олеговна

Кандидат искусствоведения, методист Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, автор книг, многочисленных публикаций и докладов по истории искусств, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения.

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович

Кандидат философских наук, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского, преподаватель Народного православного университета Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор более 100 научных публикаций по вопросам философии и культурологии.

УДАЛОВ Андрей Николаевич

Чтец Свято-Троицкой Сергиевой приморской мужской пустыни, выпускник Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского Санкт-Петербургской епархии, магистрант РГХА.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Валерьевич

Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН Ольга Александровна

Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии. Врач-фтизиатр Противотуберкулезного диспансера Центрального района Санкт-Петербурга. Автор публикаций по христианским аспектам истории медицины. Выпускница Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

БАТИЩЕВА Яна Генриховна

Окончила МФТИ в 2000 г., научный сотрудник Института прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, кандидат физико-математических наук.

ИВАНОВ Андрей Григорьевич

1955–2006

Выпускник Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54457 от 17.06.2013

*Благодарим за поддержку
Союз православных предпринимателей Санкт-Петербурга
и лично Владислава Жуковича*

*В оформлении обложки использована картина «Алапаевские мученики»,
автор – Игорь Владимирович Токарев, член МХФ*

*Художественное оформление, верстка: С. В. Алексеев
Корректура: Н. М. Баталова*

Подписано в печать 15.12.2018
Формат 60x90/16
Объем 24,5 п. л.
Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro
Тираж 1000 экз.
Заказ № 9–683СР

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ООО "СПАРК"
196084, г. Санкт-Петербург,
ул. Заставская, д. 14 А, лит. М
www.cdsales.ru